

А. И. МИЛЛЕР

«Украинский вопрос»
в политике властей
и русском
общественном мнении
(вторая половина XIX в.)

*Исследование выполнено
при финансовой поддержке фонда
Александра фон Гумбольдта (Германия)*

А. И. МИЛЛЕР

**«Украинский вопрос»
в политике властей
и русском общественном мнении
(вторая половина XIX в.)**

А. И. МИЛЛЕР

**«Украинский вопрос»
в политике властей
и русском общественном мнении
(вторая половина XIX в.)**

Издательство «Алетейя»
Санкт-Петербург
2000

УДК 947 «18»

ББК 63.3(2)51-36

М 60

Миллер А. И.

М 60 «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIXв.). — СПб.: Алетейя, 2000 — 260 с.

ISBN 5-89329-246-4

Это первая книга, когда-либо написанная в России на данную тему. Процесс принятия властями решений в отношении украинского национального движения воссоздан с использованием большого комплекса архивных материалов из ГАРФ, РГИА, АВПРИ, Отдела рукописей РГБ и Рукописного отдела РНБ. Многие документы использованы впервые. Для изучения общественного мнения по «украинскому вопросу» использованы материалы значительного числа периодических изданий.

Особое внимание уделено периоду правления Александра II, когда был принят ряд инструкций и указов в отношении украинского движения, остававшихся в силе до 1905 г. Конфликт описан как столкновение украинского проекта национального строительства с проектом формирования «большой русской нации», которая должна была объединить велико-, мало- и белорусов. Исход этой борьбы трактуется как в большей мере неудача ассимиляторских усилий, направленных на осуществление проекта большой русской нации, чем как успех украинского движения. Причины слабости русского ассимиляторского потенциала определяются в рамках сравнения русификаторской политики в отношении восточнославянского населения империи с аналогичной политикой французских, британских и испанских властей, направленной на политическую консолидацию и культурную гомогенизацию населения европейских центров этих империй в нацию.

Следуя всем требованиям, предъявляемым к научной монографии, автор постарался написать книгу так, чтобы сделать ее чтение интересным и для широкого круга читателей.

УДК 947 «18»

ББК 63.3(2)51-36

ISBN 5-89329-246-4

© Издательство «Алетейя» (СПб), 2000 г.

© Миллер А. И., 2000 г.

Памяти моих родителей

Благодарности

Прежде всего я хочу поблагодарить профессора Венского университета Андреаса Каппелера и профессора Центрально-Европейского университета Альфреда Рибера — они не только оказали мне неоценимую организационную помощь, но были первыми внимательными и критичными читателями рукописи, чем немало способствовали ее улучшению. Разумеется, что они никоим образом не отвечают за те ошибки, которые остались в книге, несмотря на их усилия.

Множество людей помогало мне в работе над проектом как при сборе материала, так и высказав ценные советы и критику при обсуждении отдельных глав. Я хочу с благодарностью назвать Андрея Фурсова, Юрия Пивоварова, Сергея Волкова, а также Остапа Середу, Ярослава Грицака, Юрия Швецова, Романа Солчаника, Виктора Дудко, Александра Самарина, Олега Кена, Рикарду Вульпиус, Беньямина Шенка, Филиппа Терра и извиниться перед теми, кого я забыл упомянуть.

Особой признательности заслуживают сотрудники петербургских и московских архивов, в которых мне пришлось работать — все они были ко мне очень внимательны.

Прекрасные условия для работы над книгой были созданы благодаря финансовой и организационной поддержке фонда Александра фон Гумбольдта, стипендиям которого я был в 1998—1999 гг.

Введение

Первая и последняя книга о политике властей Российской империи в «украинском вопросе» была написана в конце 20-х гг. украинским историком Федором Савченко.¹ Он и другие сотрудники М. С. Грушевского, вернувшегося в Советский Союз в 1924 г. и возглавившего секцию истории Украины Исторического отделения АН УССР, сделали в то время много для изучения темы.² Книга Савченко в определенном смысле подводила итог этой работы — она включала в себя обширный корпус документов, по большей части публиковавшихся впервые, и с разной степенью подробности касалась всех ключевых эпизодов этой истории. Переизданная в 1970 г. в Мюнхене — киевское издание стало к тому времени раритетом³ — работа Савченко определила представления о теме среди тех историков, кто занимался близкими сюжетами. По сути дела считалось, что Савченко тему «закрыл». Только в конце 80-х гг. британский историк Дэвид Саундерс снова обратился к изучению политики властей по отношению к украинскому национальному движению в начале 1860-х гг. В частности, он задался вопросами, почему власти предпринимали именно такие, во многом уникальные для их национальной политики, репрессивные меры, чего они стремились добиться, чего боялись. На эти вопросы книга Савченко не давала сколько-нибудь основательных ответов. Отчасти это объясняется тем, что Савченко ошибочно считал многие из этих вопросов самочевидными. Но была и другая причина. Нетрудно заметить, что Савченко писал свою книгу в спешке, от чего существенно пострадала и аналитическая ее составляющая, и четкость организации материала. Основания спешить у Савченко в конце 20-х гг. были серьезные — политика «коренизации» подходила к концу, и он верно полагал, что в ближайшем будущем не только публикация такой книги будет невозможна, но и он сам может стать жертвой террора. Так оно и

¹ Савченко Ф. Заборона українства 1876 р. Харків; Київ, 1930. Репрінт з вводної статтею В. Дмитришина — München, 1970.

² В выпускавшемся этой группой ежегоднике «За сто літ» и в ряде других журналов появилось тогда много статей и публикаций источников. Помимо Ф. Савченко этой темой активно занимались В. Мияковский, Н. Бухбиндер и другие (см. библиографию).

³ Из всех московских библиотек киевское издание книги Савченко сохранилось только в РГБ.

случилось: в 1934 г. Савченко, как и почти все остальные сотрудники Грушевского, был арестован, отправлен на Соловки, а в 1937 г. вместе со многими другими деятелями украинской культуры расстрелян.

Но и Саундерс вынужден был ограничиться гипотезами. Дело в том, что он, так же как и Савченко, работал только с частью документов, разделенных между московскими и петербургскими архивами. Таким образом, первая задача предлагаемого читателю исследования состояла в том, чтобы свести воедино весь комплекс соответствующих источников и восстановить с возможной полнотой процесс принятия властями решений по «украинскому вопросу». Кроме того, автор постарался проследить полемику вокруг этого вопроса в наиболее популярных и влиятельных органах печати, которая, вопреки мнению некоторых исследователей,⁴ была весьма оживленной вплоть до начала 80-х гг. прошлого века.

Однако, решив эти задачи, автор столкнулся с более общим и сложным вопросом: как рассказать эту историю? Во-первых, речь идет о том, насколько подходят для этого те слова, которыми мы привыкли сегодня пользоваться? А во-вторых, о чем эта история? В поисках ответа на эти отнюдь не простые вопросы, которым посвящены вводные главы книги, нам придется обратиться к проблемам и сравнениям, далеко выходящим за рамки первоначальной темы.

Теоретические принципы изучения национализма, важные для этой книги

Эта книга — о национализме. Тема в хорошем смысле слова модная. Без боязни ошибиться можно утверждать, что за последние два десятилетия исследования национализма превратились в наиболее динамично развивающееся направление наук об обществе — количество публикаций огромно, растет число специализированных исследовательских центров и научных журналов. Между тем общепринятых «истин» в теоретических интерпретациях национализма совсем немногого, а скептик скажет, что их нет вовсе.⁵ Здесь не место включаться в дискуссию по спорным теоретическим вопросам.⁶ Задача скромнее —

⁴ См., например, доклады Ольги Андриевски на конференции «Русско-украинские отношения» в Колумбийском университете в Нью-Йорке в 1994 г. и «Формирование идентичностей в пространстве пограничья» в Центрально-Европейском университете в Будапеште в 1999 г.

⁵ См.: Коротеева В. Существуют ли общепризнанные истины о национализме? // Pro et Contra. Т. 2 (1997). № 3 и дискуссию в последующих номерах журнала.

⁶ Автор не раз занимался этим в специальных публикациях. См. мои статьи в кн.: Миллер А. (ред.) Национализм и формирование наций: теории—модели—концепции. М., 1994; Национализм как теорети-

разъяснить именно те исходные теоретические позиции, которыми руководствовался автор при работе над этим текстом.

Одна из таких отправных точек — сформулированная Бенедиктом Андерсоном концепция нации как «воображенного сообщества». Андерсон явно опасался, и не без оснований, что его термин «воображенное сообщество» будет неверно интерпретирован, и снабдил его обстоятельным комментарием. Воображенными Андерсон называет *все* сообщества, члены которых не знают и заведомо не могут знать лично или даже «понаслышке» большинства других его членов, однако имеют представление о таком сообществе, его образ. «Воображенная» природа таких сообществ вовсе не свидетельствует об их ложности, нереальности.⁷ Крупные сообщества, а к ним относятся не только нации, но и классы,⁸ можно классифицировать по стилям и способам их воображения. Тезис, что способ воображения сообщества может меняться, Андерсон иллюстрирует примером аристократии, которая стала восприниматься как общественный класс только в XIX в., а до этого осознавалась через категории родства и вассалитета.

Андерсон поставил вопрос о том, в чем принципиальная новизна националистического способа воображения сообщества и каковы были предпосылки самой возможности вообразить или, как сказали бы рус-

ская проблема // Полис. 1995. № 6; О дискурсивной природе национализмов // Pro et Contra. Т. 2 (1997). № 4; Ответ П. Канделю // Pro et Contra. Т. 3 (1998). № 3; Национализм и формирование наций. Теоретические исследования 80—90-х годов / Миллер А. И. (ред.) // Нация и национализм. М.: ИНИОН, 1999.

⁷ Именно в таком неверном смысле часто говорят о «воображенности» нации, неглубокие критики национализма.

⁸ Выдающийся историк английского рабочего класса Эдвард Томпсон считал, что класс состоялся тогда, когда люди «в результате общего опыта (унаследованного и разделяемого) чувствуют и выражают идентичность их интересов между собой и в оппозиции к другим людям, интересы которых отличаются (и, как правило, противоречат) интересам первых». Классовое сознание, по Томпсону, есть «форма выражения этого опыта в культурных категориях: воплощенное в традициях, системах ценностей, идеях и институтах. Если опыт выступает как предопределенный, то классовое сознание таковым не является». См.: Thompson E. P. *The Making of the English Working Class*. London, 1963. P. 9—10. Эрнест Геллнер, в основном имея в виду опыт третьего мира, пошел еще дальше: «Только когда нация стала классом, заметной и неравномерно распределяющейся категорией в других отношениях мобильной системы, она стала политически сознательной и активной. Только когда классу удается в той или иной мере стать нацией, он превращается из „класса в себе“ в „класс для себя“ или „нацио для себя“. Ни нации, ни классы не являются политическими катализаторами, ими являются лишь „нации-классы“ или „классы-нации“» (Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991. С. 252). Под классом-нацией Геллнер понимает культурно и мировоззренчески эмансионированый класс.

ские переводчики немецких философов, помыслить нацию. Именно «описанию процесса, благодаря которому нация может быть воображена и, будучи раз воображенной, затем моделируема, адаптируема и трансформируема», и посвящена, по собственному определению Андерсона, основная часть его книги.⁹

Несколько тезисов Андерсона прямо относятся к рассматриваемым нами сюжетам. Во-первых, он верно указывает на вторичный, имитационный характер национализмов в Центральной и Восточной Европе, которые заимствовали готовые конструкции и адаптировали их применительно к своим условиям. Это значит, что «нация» была идеей, целью, образом, к которому можно было стремиться с самого зарождения движения, а не постепенно формирующейся концепцией.¹⁰ От себя уточним, что некоторые национализмы, в том числе украинский, заимствовали образцы у народов Центральной Европы, прежде всего у чехов и поляков, в то время как русский национализм по большей части искал для себя образцы в Западной Европе, что вполне объяснимо в силу различия стоявших перед ними задач.

Заимствование готовых идеологических «модулей» означает, что отставание в идеологической сфере оказывалось значительно меньше, чем в сфере социально-экономического развития. Следовательно, в Восточной Европе националистические идеи и образы возникали и функционировали в существенно иной социальной среде по сравнению с теми условиями, где эти идеи первоначально сформировались. Иными были возможности массовой коммуникации, механизмы осуществления власти и средства, которыми государственная власть располагала для решения новых задач, возникавших с приходом национализма.

Андерсон верно указал также на различие между национализмом «господствующих» наций и «официальным национализмом» правящих династий. Понятие «господствующие» не случайно взято мной в кавычки. При старом режиме французский, испанский или русский национализмы как общественные движения в смысле властных отношений развиваются так же «снизу», как и национализмы «малых народов». И реально, и формально власть принадлежит не нациям, но династиям. По всей Европе старые династии с большим или меньшим успехом, с большим или меньшим (как правило, весьма ограниченным) энтузиазмом переживали процесс своеобразной национализации. Они шли на это вынужденно. Старый мир, в котором они получали свою власть «от Бога» и осуществляли ее над разнообразными «языками и народами» (в том числе теми, которые принято называть господствующими), был привычнее и удобнее, но постепенное утверж-

⁹ Anderson B. *Imagined Communities: Reflections on the Origins and Spread of Nationalism*. London, 1983. P. 129.

¹⁰ Ibid. P. 67.

дение национализма как способа видения социального мира вынуждало монархии компенсировать ослабление прежних механизмов идеологического обоснования своей власти за счет этого нового, не всегда удобного для них источника легитимации. Очень важен тезис Андерсона, что этот официальный национализм был реактивным в том смысле, что служил ответом на развитие националистических настроений среди подвластных народов, причем как тех, которые находились в положении угнетенных меньшинств, так и тех, которые составляли этническое ядро империй.

Этот процесс «национализации» династии Романовых весьма затянулся и занял практически весь XIX в., а последствия этого усугублялись самодержавным характером их власти.¹¹ Собственно, стремление сохранить самодержавие и было главной причиной, почему Романовы заметно упорнее (и успешнее), чем большинство европейских династий, сопротивлялись национализации, тем самым надолго лишив процесс формирования нации такой ключевой составляющей, как расширение политического участия и становление гражданского общества. Настоящего контакта и сотрудничества самодержавия и общества в деле строительства нации в XIX в. не было. В других крупных европейских странах государственная власть оставляла заметно больше пространства для общественной деятельности, в том числе и по строительству нации, да и само государство заметно раньше и осмысленнее стало принимать в этом процессе участие. Когда же после 1905 г. Николай II счел нужным искать союза с русскими националистами, выбор его пал на самые экстремистские и одиозные организации, в первую очередь ориентированные не на строительство чего бы то ни было, а на погромы.

Андерсон совершенно справедливо поправляет Х. Сетона-Уотсона, который писал о «национализации» Романовых как об уникальном феномене, и указывает, что в Лондоне и Париже, Берлине и Мадриде протекали во многом сходные процессы.¹² Итак, зафиксируем главное: *русский национализм как общественное настроение и «официальный национализм» самодержавия представляют собой тесно связанные,*

¹¹ Можно согласиться с Лиа Гринфельд (*Greenfeld L. Nationalism. Five Roads to Modernity*. Cambridge, Mass., 1992), которая считает, что важная фаза процесса формирования русского, равно как и других европейских национализмов, приходится на XVIII в. Но ее внимание сосредоточено на эмоциональном аспекте взаимоотношений главных европейских государств-империй и их элит. (Не случайно ключевой категорией ее книги оказывается понятие «resentiment».) Во внутренней политике этих государств проблема национализма становится центральной только в XIX в.

¹² Seton-Watson H. Nations and States. An Enquiry into the Origins of Nations and the Politics of Nationalism. Boulder, Colo.: Westview Press, 1977. P. 83—87; Anderson B. Imagined Communities... P. 87.

но самостоятельные явления, иногда идущие рука об руку, но не менее часто и конфликтующие.

Другое важное следствие концепции Андерсона состоит в том, что между моментом, когда нация «воображена», то есть когда ее образ, который мы условно будем называть идеологическим или идеальным Отечеством,¹³ возникает у представителей элиты, и моментом, когда соответствующая этому национальная идентичность утверждается среди большинства членов этого воображенного сообщества и получает политическое оформление, лежит значительное время. Очень важно, что процесс этот вовсе не является предопределенным, то есть усилия по утверждению того или иного варианта национальной идентичности могут увенчаться как успехом, так и неудачей, равно как реальное воплощение нации-государства даже в случае осуществления проекта может существенно отличаться от его исходной версии.

Различные проекты наций могут находиться в конфликте друг с другом, в частности претендовать на одну и ту же территорию. Порой это представляет собой соперничество по поводу определенного пространства пограничья, где речь идет о том, какому воображаемому сообществу это пространство будет принадлежать. (Примером, как мы увидим, может служить конфликт русского и польского образов «идеальных Отечеств».) Столкновение может носить и тотальный характер в том смысле, что один образ идеального Отечества включает в себя всю территорию и население другого, отрицая альтернативный проект как таковой. (Здесь примером может служить как раз конфликт русского и украинского национализмов.)

Этнические и культурные характеристики того населения, которое становится объектом соперничества различных национальных активистов, существенно влияют на их концепции и ход борьбы. В этом отношении мы на стороне Энтони Смита, но не радикального модерниста Эрнеста Геллнера, утверждавшего, что исходный этнический материал практически не сковывает свободу творчества националистов в их проектировании нации.¹⁴ Но это вовсе не значит, что исходные этнические характеристики исключают возможность разной — в опре-

¹³ Образ «идеального Отечества» представлял собой сложную идеологическую конструкцию. Он описывал — в более или менее утопическом ключе — социальные и политические отношения, которые должны были сделать Родину счастливой, а также определял «правильные», «справедливые» параметры этого Отечества — то есть какой должна быть национальная территория и кто должен на ней жить.

¹⁴ Э. Смит много писал о роли этнического фактора в процессах формирования наций. См.: *Smith A. The Ethnic Origins of Nations*. Oxford, 1986. Последнюю дискуссию Смита и Геллнера накануне смерти последнего см. в: *Nations and Nationalism*. Vol. 2, pt. 3. 1996. О работах Смита см.: Коротеева В. Энтони Смит: историческая генеалогия современных наций / А. Миллер (ред.) // Национализм и формирование наций...

деленных пределах — их интерпретации и построения на их основе разных национальных проектов. Целый ряд других факторов наряду с характеристиками исходного этнического материала определяют в конечном счете более или менее полный успех или неудачу того или иного проекта. Одна из задач этой книги — привлечь внимание к тем из них, что прежде недооценивались или вовсе упускались из виду при анализе русско-украинских отношений.

Практически все теоретические исследования национализма последних десятилетий в той или иной степени опираются на работы Карла Дойча.¹⁵ Интерес Дойча был сосредоточен на формировании и развитии такой системы коммуникаций, которая сделала возможным формировать и воспроизводить идею национальной общности. Он считал это следствием урбанизации, формирования рынка и сети железных дорог, в общем — индустриальной революции. Андерсон в определенном смысле скорректировал тезис Дойча, показав в своей книге, что формирование такой системы коммуникаций, строго говоря, является не следствием, а частью модернизационного процесса, иногда даже предшествуя индустриальной революции.

В России формирование общественности, общественного мнения и рынка прессы как основного на то время средства массовой коммуникации стало возможным, пусть и не без существенных административных ограничений, главным образом после реформ Александра II. Именно в этой «публичной сфере», то есть в среде образованной, читающей и пишущей публики, и обсуждаются, формируются и воспроизводятся образы нации и концепции национальных интересов. Именно из «публики» эти идеи транслируются в «народ» по мере того, как он становится доступен для пропаганды и печатного слова. При этом на пространстве Российской империи формируется несколько «публичных сфер». Московские и петербургские газеты и журналы практически безраздельно доминировали в круге чтения жителей Пскова, Нижнего Новгорода, Оренбурга, Иркутска. Их читали в Киеве, но здесь уже круг чтения ими не ограничивался. А в Царстве Польском, Финляндии или Остзейском крае московская и петербургская пресса вообще играла маргинальную роль.¹⁶

Эти различающиеся, хотя и не изолированные вполне друг от друга «публичные сферы» можно назвать и пространствами функционирования дискурсов. Интерпретация национализма как дискурса — важная отправная точка для этой работы. Во многом она опирается на то, что писали о национализме К. Дойч и Б. Андерсон, хотя оба не употребляли этого термина. Понятие «дискурс», разработанное Мишелем

¹⁵ Deutsch K. Nationalism and Social Communication: an Inquiry Into the Foundations of Nationality. Cambridge, Mass., 1953.

¹⁶ Эти проблемы подробно рассмотрены в книге: Renner A. Russischer Nationalismus und Offentlichkeit im Zarenreich. 1855—1875. (В печати.)

Фуко еще в 60-е гг., до сих пор остается у нас достаточно экзотичным, а потому нeliшне будет дать хотя бы самое общее его определение. Дискурс — это отложившийся и закрепившийся в языке способ упорядочения действительности, способ видения мира, выражаемый в самых разнообразных, не только вербальных, практиках, а следовательно, не только отражающий мир, но его проектирующий и сотворяющий. Иначе говоря, понятие «дискурс» включает в себя общественно принятые способы видения и интерпретирования окружающего мира и вытекающие из именно такого видения действия людей и институциональные формы организации общества. Сам Фуко в «Археологии знания» писал об этом так: «Задача состоит не в том — уже не в том, чтобы рассматривать дискурсы как совокупности знаков (то есть означающих элементов, которые отсылают к содержаниям или представлениям), но в том, чтобы рассматривать их как практики, которые систематически образуют объекты, о которых они говорят».¹⁷ «Нация это именно то, что Фуко называл „дискурсивной формацией“ (*formation discursive*) — не просто аллегория или плод воображения, это понятие беременно политической структурой [...] Национализм — троп (то есть образное выражение. — A. M.) таких феноменов, как „принадлежность“, „преданность“, но также и институциональное использование воображаемого», — писал в 1990 г. Тимоти Бреннан в сборнике «Нация и повествование», который стал, кажется, первой яркой демонстрацией возможностей нового подхода.¹⁸

Кэтрин Вердери, развивая замечание Андерсона о нации как о наиболее универсальной легитимной ценности в политической жизни нашего времени,¹⁹ посвятила специальную статью символической природе нации. По Вердери, особенность символа нации в том, что он пробуждает целый спектр мощных эмоций, будучи при этом, как всякий символ, неоднозначным и открытым различным интерпретациям. Вердери говорит о нации как о «базовом операторе в системе социальной классификации, как об «элементе политического и символико-идеологического порядка, а также социального взаимодействия и чувствования».²⁰

¹⁷ Цит. по: Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М., 1996. С. 427—428. Позднее, в «Воле к знанию», Фуко ввел еще одну важную, хотя и не получившую столь широкого распространения, как «дискурс», категорию для осмыслиения этой сферы социального, прямо связанную с отношениями власти, а именно *«dispositif»*. Заинтересованного читателя отсылаю к: Фуко М. Воля к истине... С. 367—369.

¹⁸ Brennan T. The National Longing for Form // Homi K. Bhabha (ed.) Nation and Narration. L.; N. Y., 1990. P. 47.

¹⁹ Anderson B. Imagined Communities... P. 12.

²⁰ Verdery K. Whither «Nation» and «Nationalism?» // Daedalus. Summer 1993. P. 37.

Национализм Вердери определяет как «политическое использование символа нации через дискурс и политическую активность, а также как эмоции, которые заставляют людей реагировать на использование этого символа».²¹ Национализм, таким образом, не стоит в одном ряду с идеологиями типа либеральной или социалистической и несводим к одному из нескольких существующих в обществе политических движений. Невозможно, например, представить себе либерала-социалиста, если иметь в виду либерализм не как стиль поведения, но как систему ценностей. Между тем либералов-националистов, равно как и социалистов-националистов, история представляет нам в неограниченном количестве.²² В подавляющем большинстве случаев все политические акторы, хотя они того или нет, вынуждены вступать в борьбу за право утвердить в обществе свою интерпретацию ключевого для современного политического дискурса символа нации и тем самым становятся участниками националистического дискурса. Они борются за этот идеологический и мобилизационный ресурс, дабы достичь с его помощью тех или иных, в том числе либеральных или социалистических, авторитарных или демократических целей. «Тотальный отказ от национализма, — категорично утверждает Саймон Дюринг применительно к сегодняшнему дню, — ведет к отказу от эффективного политического действия».²³ В XIX в. дело еще обстояло несколько иначе — национализм только утверждался в этом своем качестве в борьбе с другими, как старыми (религиозной и династической), так и новыми (классовой) формами политического дискурса. В России утверждение националистического дискурса как доминирующего встретило большие сложности, но во второй половине века его роль уже была очень заметной.

В рамках широко понятого националистического дискурса взаимодействуют и соревнуются друг с другом самые разнообразные по степени агрессивности, ксенофобности или терпимости интерпретации

²¹ Verdry K. Whither «Nation» and «Nationalism?» P. 38.

²² См., например, как Ральф Дарендорф описывает политический спектр Германии конца XIX—начала XX в.: «В имперской Германии были национал-националисты, как [Генрих фон] Трейчке, национал-социалисты, как [Густав фон] Шмoller, национал-либералы, как [Макс] Вебер, и множество версий и оттенков этих позиций, но все группы исповедовали примат национального» (*Darendorf R. Society and Democracy in Germany*. Greenwood Press, Westport, Conn., 1969. P. 57).

²³ During S. Literature — Nationalism's other? The case for revision // H. K. Bhabha (ed.) *Nation and Narration*. L.; N. Y., 1990. P. 139. Это означает, что все мы в той мере, в какой мыслим категориями нации и национальных интересов, являемся участниками этого дискурса. Следовательно, рефлексия по поводу характера собственной включенности в националистический дискурс должна быть своего рода регулярной гигиенической практикой для исследователя национализма.

нации и национальных интересов. Это значит, что неверно говорить о французском, русском, польском или украинском национализме как о чем-то однородном. Вопрос в том, какие из интерпретаций нации и национальных интересов в тот или иной момент в том или ином обществе, в тех или иных социальных слоях становятся доминирующими и почему? Такая постановка вопроса, среди прочего, практически дезавуирует традиционные классификации и периодизации развития национализма авторства Ханса Кона, Джона Пламенаца и Эрнеста Геллнера, в которых разные типы национализма имеют жесткую географическую привязку.²⁴

Другое очень важное методологическое следствие такой точки зрения — это трактовка понятий «национализм», «националист» как оценочно нейтральных. В советское время негативное значение этих терминов было строго фиксировано в оппозициях типа национализм (буржуазный) *contra* патриотизм (советский), космополитизм (ясно, что плохой) *contra* интернационализм (ясно, что хороший, пролетарский). Типологически сходные явления назывались так или иначе в зависимости от того, нравились они автору высказывания или нет. В соответствии с этим механизмом «наших» называли разведчиками, а «их» — шпионами.²⁵ Произвольно избирательное и имплицитно негативное употребление понятия «националист» до сих пор существует, и отнюдь не только в России. Недавно избранный президент Германии Й. Рай объяснял, например, в своей инаугурационной речи, что патриот — это человек, любящий свою родину, а националист — ненавидящий другие народы и страны. Добрые интенции таких высказываний несомненны, однако неясно, к какой категории в рамках этой классификации надо отнести, например, силезских немцев, которых любовь к родине, как они ее понимают, толкала и, хоть и все реже, но до сих пор толкает на достаточно агрессивные заявления в адрес

²⁴ См.: Kohn H. Nationalism: its meaning and history. Princeton, N. J., 1955; *Idem.* The Idea of Nationalism. 2nd ed. N. Y., 1967 (о концепции Ч. Кона см.: Kemilainen A. Nationalism, Problems concerning the Word, the Concept and Classification. Yvaskyla, 1964); Plamenatz J. Two Types of Nationalism // Edward Kamenka (ed.) Nationalism. The Nature and the Evolution of the Idea. London, 1976; Геллнер Э. Пришествие национализма. Миры нации и класса // Путь. 1992. № 1. Так, например, Том Нэйрин приводит убедительные аргументы в пользу того, что шотландский национализм, о котором нам еще предстоит не раз говорить, типологически близок к национализмам «малых» народов Центральной Европы. (Nairn T. Scotland and Europe. Первая публикация — New Left Review, 83, January-February 1974. P. 57—82. Цитируется по: Jeoff Eley and Ronald Grigor Suny (eds.) Becoming National. A Reader. N. Y.; Oxford: Oxf. Univ. Press, 1996. P. 79—104.)

²⁵ См.: Эпштейн М. Способы воздействия идеологического высказывания // Образ человека XX века. М.: ИНИОН, 1988.

Чехии и Польши, в составе которых их родина, с которой они были изгнаны, теперь находится. Ясно, что для научного исследования, посвященного анализу конфликта по поводу нации, тем более в Восточной Европе того времени, когда нации еще только формировались и часто претендовали на одну и ту же территорию, такая практика непригодна, потому что автоматически превращает текст в пропагандистский. В этой книге определение *кого-либо как националиста* (будь то русского, польского или украинского) не означает ни положительной, ни отрицательной оценки. Националистами мы будем называть всех, кто участвует в националистическом дискурсе, то есть принимает и стремится так или иначе интерпретировать категории национальных интересов и нации как символические ценности. Только проанализировав, что определенный персонаж понимает под нацией, как трактует национальные интересы и способы их осуществления, мы можем высказать о нем оценочное суждение. При этом критерием оценки должно быть не то, насколько симпатичен автору или читателям исповедуемый тем или иным персонажем идеал нации — это фактически означало бы сделать критерием оценки наш собственный субъективный идеал, — а социальная цена тех способов осуществления национального проекта, которые наш персонаж считает допустимыми. Некоторая степень конфликтности и агрессивности свойственна любому мировоззрению и любой идеологической системе. Применительно к тем вариантам национализма, в которых эти качества доминируют и которым мы считаем нужным именно поэтому дать заведомо негативную оценку, мы будем пользоваться определениями «шовинистический», «ксенофобный».

Еще одно важное методологическое новшество последних лет наиболее четко сформулировано в статье Джона Холла «Национализмы: классифицированные и объясненные». Суть главного тезиса Холла отражена уже в названии работы, где говорится о национализмах во множественном числе. «Единая, универсальная теория национализма невозможна. Поскольку прошлое различно, различаться должны и наши концепции», — пишет он.²⁶

В своих выводах Холл опирался на главное, может быть, достижение исследований национализма в 70—80-е гг. Оно заключается в формировании определенного консенсуса, ставшего плодом не совпадения, а различия позиций в вопросе о факторах, обусловивших возникновение национализма и «запустивших» процессы формирования наций. Так, Э. Геллер делал акцент на роли индустриализма и формировании системы всеобщего стандартизированного образования, К. Дойч — на возникновении систем массовых коммуникаций, Б. Андерсон подчеркивал значение «печатного капитализма», «лингвисти-

²⁶ Hall J. Nationalisms: Classified and Explained // Daedalus. Summer 1993. P. 5.

ческих революций» и новых способов видения мира, Ч. Тилли и М. Манн — роль государства и войн эпохи абсолютизма, М. Грох и Э. Хобсбаум отмечали роль интеллектуальных элит, Э. Смит — значение этнического, а Ю. Хлебовчик — роль эмоционального фактора.²⁷ Плодом этого многоголосья стало осознание многочисленности факто-ров, влияющих на процесс формирования наций, бесконечного много-образия их сочетаний в истории и относительной значимости в этих сочетаниях.

Тезис Холла можно развить. Ни один национализм не существует вне противостояния другому, а иногда и ряду других национализмов, стремящихся утвердить свои иерархии идентичностей и ценностей.²⁸ Структура этих противостояний и взаимовлияний — а национализмы, нисколько не стесняясь, заимствуют идеи, образы, тактику и у своих противников — каждый раз неизбежно имеет уникальные черты. Только выявив основные оппозиции и системы соотнесения тех комплексов ценностей, которые утверждаются тем или иным национализмом, мы можем понять логику развития ситуации.²⁹ В некотором смысле это борьба всех против всех, где столкновение происходит как внутри определенного националистического дискурса (между теми, кто признает определенную нацию как символическую ценность, но не согласен в вопросе об интерпретации национальных интересов), так и с другими, внешними по отношению к нему националистическими

²⁷ См.: Tilly Ch. (ed.) *The Formation of National States in Western Europe*. Princeton, 1975; Mann M. *Sources of Social Power. Volume Two: The Rise of Modern Nations and Classes, 1760—1914*. Cambridge, 1993; Геллер Э. Нации и национализм. М., 1991; Hobsbawm E., Ranger T. (eds.). *The Invention of Tradition*. Cambridge, 1983; Hobsbawm E. *Nations and Nationalism Since 1780: Programme, Myth, Reality*. N. Y., 1990; Hroch M. *Obrození malých evropských národů*. Praha, 1971; *Idem*. *Social Preconditions of National Revival in Europe*. Cambridge, 1985; Chlebowczyk J. *Procesy narodotwórcze we wschodniej Europie Środkowej w dobie kapitalizmu*. PWN, Warszawa; Kraków, 1975 (сокращенная английская версия — On Small and Young Nations in Europe, Ossolineum, Wroclaw, etc., 1980); *Idem*. *O prawie do bytu małych i młodych narodów. Kwestia narodowa i procesy narodotwórcze we wschodniej Europie Środkowej w dobie kapitalizmu*. Wyd. 2. Warszawa, 1983; а также уже цитированные работы упомянутых авторов.

²⁸ Ключевое значение такого взаимодействия для «исторических» наций подчеркивали многие ученые. (См.: Zernack K. Germans and Poles: Two cases of Nation-Building // Nation-Building in Central Europe / Ed. Hagen Schultze. Leamington Spa; Hamburg; New York, 1992; Greenfeld L. Nationalism. Five Roads to Modernity...) Но это верно и для любых национализмов.

²⁹ Этот метод применительно к изучению идеологических феноменов был подробно разработан Анджеем Валицким в его книге о славянофильстве. См.: Walicki A. *W kręgu konserwatywnej utopii. Struktura i przemiany rosyjskiego słowianofilstwa*. Warszawa, 1964.

дискурсами, которые, в свою очередь, испытывают другие внешние воздействия и внутренние противоречия. Отсюда важное методологическое следствие — *необходимость ситуационного и коммуникативного подхода к изучению национализмов*. Более продуктивны анализ и классификация не отдельно взятых национализмов, но структур взаимодействия различных национализмов как на уровне идейных столкновений и влияний, так и на уровне политического взаимодействия различных национальных движений между собой и с государственными структурами.

Ценным дополнением к сказанному может служить исследование Питера Салинса, показавшего, как конфликт крупных политических сил обостряет проблему идентификации для локального сообщества, попадающего в его поле.³⁰ Для нашей темы это очень важно, поскольку формирование идентичностей восточнославянского населения на территории современной Украины проходило в поле многовекового соперничества Речи Посполитой, Московского государства и Османской империи, а позднее империи Романовых и польской шляхты.

Исследуя один из регионов Каталонии, разделенный франко-испанской границей, Салинс скорректировал образ строительства государства и нации как процесса, идущего исключительно из центра к периферии. Он показал, что уже с XVII в. этот процесс был направлен в обе стороны. Центр не просто утверждал свои ценности в местных сообществах, но местные сообщества играли важную роль в формировании границ государств и наций. Каталонцы Сердании и Руссильона вовсе не были пассивны в выборе лояльности и использовании государства для собственных интересов. Взаимоотношения малороссов, и в первую очередь, казачества, с Речью Посполитой, Московским царством, а позднее Российской империей, их роль в формировании русской нации дают на редкость богатый материал для подтверждения этого тезиса.

Многие выводы Салинса развиваются идеи, заметно раньше высказанные о формировании идентичностей в пространстве пограничья Ю. Хлебовчиком.³¹ Для нас особенно важно введенное Хлебовчиком различение «стыкового» и «переходного» пограничья. Первое из этих понятий означает пространство сосуществования резко отличающихся этноязыковых групп (например, поляки — немцы, словаки — венгры), а второе — групп родственных (например, славянских).³² Но исследование Салинса корректирует одну из основных ошибок Хлебовчика, полагавшего, что описываемые им процессы не характерны для Западной Европы, к которой он относил и Испанию.³³

³⁰ Salins P. Boundaries. The Making of France and Spain in the Pyrenees. Berkeley: Univ. of California Press, 1989.

³¹ Chlebowczyk J. Procesy narodotwórcze... S. 21—52.

³² Ibid. S. 23.

³³ Ibid. S. 10—14.

Сравнительно-исторический контекст

Итак, мы согласились с Б. Андерсоном, что нация есть воображенное сообщество. Довольно значительное время разделяет момент, когда нации впервые воображены, то есть когда проекты строительства наций сформулированы идеологами, и ту стадию развития национальных движений, когда формирование национальных идентичностей достигает уровня, позволяющего судить, какие из проектов оказались успешными, а какие потерпели неудачу. Этот хронологический отрезок, в Российской империи охватывающий период с 1830-х гг. до начала XX в., богат альтернативами, неизбежно вытекающими из конфликтов между различными проектами национального строительства.

Для того, чтобы увидеть эти альтернативы, очень важно «эмансипировать» обращенный в прошлое взгляд от знания о последующих событиях. Объясняя, что имеется в виду, обратимся к помощи Иммануила Валлерстайна, опубликовавшего в конце 80-х гг. эссе под странным на первый взгляд названием «Существует ли Индия?».³⁴ Суть работы Валлерстайна сводится примерно к следующему. Мы хорошо знаем, что сегодня Индия существует и обладает достаточным набором атрибутов государства и, хотя это уже более проблематично, нации. Но что нам делать с книгами, озаглавленными, например, «История Индии XVI в.»? Представим себе, — и в этом не будет ничего невозможного, — что этот полуостров был колонизирован наполовину англичанами, а наполовину французами. Тогда после деколонизации на полуострове наверняка возникли бы два государства. Одно из них, англоговорящее, могло бы называться, например, Дравидия, другое, франкоговорящее, — Брахмания. В этом случае мы читали бы сегодня книги под названием «История Дравидии XVI в.» или «Культура Брахмании накануне колонизации». Именно потому, что мы знаем о существовании Индии сегодня, мы проецируем это знание в прошлое. Такая практика — разумеется, не только в Индии — всемерно поощряется государственными структурами, использующими исторические мифы для легитимации нации-государства.

Допустив сравнительно небольшую долю упрощения, можно утверждать, что до сих пор существовало два способа рассказывать историю русско-украинских отношений в XIX в. В одном случае это история о том, как в своем стремлении к самоопределению нация, подобно траве, пробивающейся сквозь асфальт, неизбежно преодолевает все препятствия, создаваемые антиукраинской политикой империи. В другом случае речь идет о том, как, благодаря крайне несчастливому стечению обстоятельств, польская и австрийская интрига, используя в качестве сознательного или несознательного орудия немногочислен-

³⁴ Wallerstein E. Does India Exist? // Wallerstein E. Unthinking Social Science. The Limits of Nineteenth-century Paradigm. Cambridge, 1995. P. 131—134.

ную и чуждую народным интересам группу украинских националистов, раскололи единое тело большой русской нации, воссозданное после объединения в составе Российской империи основной части земель бывшей Киевской Руси. Нельзя сказать, что сторонники этих подходов к теме делятся строго по национальному признаку, но ясно, что первый характерен для украинской историографии, а второй был особенно популярен в русской дореволюционной националистической литературе.

Я говорю здесь именно о дореволюционной русской литературе, потому что в советское время вопросами, относившимися, по мнению начальников, к истории Украины XIX и XX вв., могли заниматься только «на месте». Впрочем, то, что писали в Киеве или Львове, Москва и коммунистические власти самой Украины строго контролировали. Изучение национализма вообще, а тем более национализма и процессов формирования наций в Российской империи, не говоря уже об СССР, отнюдь не поощрялось. Такая ситуация, кстати, вовсе не была уникальна. «Исследования национализма воспринимались как оппозиция существующему режиму в 60—70-е гг., поскольку режим делал акцент на единстве. Сам национализм почти совершенно игнорировался исследователями... Характерно почти полное отсутствие сравнений со сходными процессами за границей». Это не об СССР — так описывает ситуацию в испанской историографии при франкистском режиме Хосе Нуньес.³⁵ Ничего удивительного, что работа, которую читатель держит в руках, — первая книга о русско-украинских отношениях в XIX в., написанная в России после 1917 г.

Менее политически и эмоционально ангажированные «посторонние» историки в большинстве своем все же испытывают влияние одной из упомянутых концепций. При всех различиях у этих точек зрения есть одна общая черта — применительно к XIX в. они более или менее явно трактуют украинскую или большую русскую нацию не как проекты, но как уже консолидированные сообщества. Справедливости ради нужно сказать, что не все с таким подходом готовы согласиться — о невозможности представить историю Украины в рамках традиционного «национального» нарратива писал недавно Марк фон Хаген.³⁶ Однако опубликованные в том же номере журнала отклики на его статью свидетельствуют, что сопротивление подобному «ревизионизму» в среде историков достаточно сильно.

³⁵ См.: *Núñez H.-M. Historical Research on Regional and Peripheral Nationalism in Spain: a Peappraisal. EUI Working Paper ESC No. 92/6. Badia Fiesolana, San Domenico, 1992.* Р. 87—91. Справедливости ради заметим, что работы по деконструкции английского и французского мифов «естественного и освященного веками» формирования этих наций тоже начали появляться не слишком давно, лишь в 1970-е гг.

³⁶ *Hagen M. Does Ukraine Have a History? // Slavic Review. Fall 1995.*

Очевидно, что любые «национальные» концепции истории в очень большой степени есть настоящее или идеальный образ будущего, опрокинутые в прошлое. В этом смысле они отражают интересы национальных политических элит. Политическое давление и заказ особенно ощущимы в новых, «национализирующихся» государствах, к каковым принадлежат современные Россия и Украина.³⁷ «Независимость Украины ставит вопрос о формировании и переформировывании идентичностей, и образ истории был и остается главным полем битвы в борьбе вокруг идентичности», — так определяет современную ситуацию в украинской историографии известный американский историк украинского происхождения Зенон Когут.³⁸ Некоторые российские учёные также склонны сегодня воспринимать себя участниками сражения.³⁹

Между тем первой жертвой таких сражений становится история как ремесло. История вообще должна стремиться ответить на два вопроса. Как «это» произошло? Почему «это» произошло? Второй вопрос неизбежно предполагает и такую формулировку: почему события и процессы развивались так, а не иначе? В применении к нашей теме это значит, что мы будем рассматривать исторически реализованный вариант развития русско-украинских отношений и формирования наций в Восточной Европе как *закономерный, но не предопределенный*. Таким образом мы отвергаем детерминизм, свойственный одному из

³⁷ Подробнее см.: Миллер А. Украина как национализирующееся государство // *Pro et Contra*. Весна 1997.

³⁸ Kohut Z. History as a Battleground. Russian-Ukrainian Relations and Historical Consciousness in Contemporary Ukraine // S. F. Starr (ed.) *The Legacy of History in Russia and the New States of Eurasia*. Armonk, N. Y.; London, Eng., 1994. P. 123.

³⁹ Автору неизвестны новые публикации российских исследователей о русско-украинских отношениях рассматриваемого периода. Отметим лишь более общую статью В. С. Дякина (Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX в.) // Вопросы истории. 1995. № 9), в которой трактовка украинской проблемы (с. 135–136) нам близка. Весьма симптоматично, однако, что уже нашлись энтузиасты, потрудившиеся переиздать многие из старых сочинений. См., например, сборник с работами А. И. Савенко, Т. Д. Флоринского и других противников украинофильства «Украинский сепаратизм в России. Идеология национального раскола». (М., 1998), а также написанную в дореволюционной традиции книгу русского эмигранта Н. И. Ульянова «Происхождение украинского сепаратизма» (М., 1996. Первое издание — New Haven, Conn., 1966). Обидно, что даже среди текстов этого направления для переиздания выбраны далеко не лучшие. При не меньшей тенденциозности, чем упомянутые сочинения, непереизданная книга С. Н. Щеголева «Украинское движение как современный этап южно-русского сепаратизма» (Киев, 1912) намного более ценна с точки зрения содержащегося в ней фактического материала.

подходов, и в то же время отвергаем трактовку исторически реализованного варианта событий как несчастливой, противоестественной случайности, присущую другому. Исходными для нас становятся вопросы: в чем заключалась в XIX в. альтернатива исторически воплощенному сценарию, и почему эта альтернатива не была реализована?

Чтобы ответить на первый из этих вопросов, вернемся к уже цитированному нами эссе Валлерстайна об Индии. Автор заканчивает его замечанием, что более или менее похожую операцию «проблематизации прошлого» можно провести применительно к любой другой, в том числе и европейской, стране. Попробуем развить этот тезис. Итак, существуют ли Франция, Испания, Великобритания, Германия, Италия в том онтологическом смысле, который имел в виду Валлерстайн, спрашивая, существует ли Индия? В течение достаточно длительного времени, включая и XIX в., все упомянутые государства в разных исторических обстоятельствах и разными средствами решали в конечном счете одну и ту же задачу политической консолидации и культурной гомогенизации нации-государства.

В случае Германии и Италии политическая сторона проблемы была предельно обнажена — более мелкие разрозненные государства предстояло объединить. Исход этих усилий не был заведомо предопределен. «В заключительный период существования [Священной Римской] империи, в конце XVIII в. вполне можно было представить, что австрийская, прусская или баварская нации станут политической реальностью», — пишет Клаус Цернак.⁴⁰ Другой немецкий историк Франц Шнабель считает, что альтернативность характерна и для XIX в.: «Шансы центрально-европейского решения (то есть широкой и относительно рыхлой федерации немецких государств. — А. М.) были столь же явно выражены в немецкой жизни, как и малое германское решение (то есть более тесное и более ограниченное географически объединение Германии Пруссий. — А. М.). До появления Бисмарка все возможности оставались открытыми».⁴¹ Собственно, история австрийской нации, окончательно сформировавшейся лишь во второй половине XX в., показывает, что представление о том, где проходят границы немецкой нации, могло существенно меняться и позднее. Всё небезальтернативно было и формирование итальянской нации. Различия и противоречия между Югом и Севером, которые эксплуатирует современная Ломбардская лига, возникли отнюдь не в XX в. Так или иначе, ясно, что и Германия, и Италия могли «не состояться», по крайней мере в том виде, как мы их знаем сегодня. Можно предположить, что в этих странах проблема объединения настолько

⁴⁰ Zernack K. Germans and Poles: Two cases of Nation-Building... P. 159.

⁴¹ Schnabel F. Federalism Preferable to a National State // Otto Pflanze (ed.) The Unification of Germany, 1848—1871. Holt, Rinehart and Winston, N. Y., etc., 1968. P. 98.

доминировала в политической повестке дня в XIX в., что заблокировала появление политических движений, которые стремились бы формулировать партикуляристские националистические проекты, хотя культурные, исторические и языковые различия регионов давали для таких проектов вполне достаточно исходного материала.

Однако для последующих сравнений нам более важны примеры Франции, Британии, Испании, то есть тех государств, которые легко обнаружить на карте Европы и в XVIII в. Нет нужды специально доказывать этническую, культурную и языковую гетерогенность населения Великобритании и Испании. Вопреки весьма распространенному мифу, также и континентальная Франция в культурном и языковом отношении оставалась очень неоднородной в течение всего XIX в. Статистический обзор французского Министерства просвещения от 1863 г. свидетельствует, что по крайней мере четверть населения континентальной Франции не знала в то время французского языка. Французский не был тогда родным языком примерно для половины из четырех миллионов французских школьников. Опубликовавший этот документ Юджин Вебер приводит далее примеры, которые свидетельствуют, что Министерство, дабы продемонстрировать свои успехи, явно занижало число нефранкововорящих.⁴² Практически весь юг и значительная часть северо-востока и северо-запада страны говорили на диалектах или наречиях, которым французы дали общее имя *patois*, по большей части настолько отличавшихся от французского, что парижским путешественникам не у кого было узнать дорогу. (Трудно представить себе в подобной ситуации путешествующего по Малороссии русского барина.) «Дева Мария, явившаяся Бернадете Субирю в 1858 г., не нуждалась в переводчике, но сочла нужным обратиться к девочке на пиренейском диалекте Лурда», — замечает Ю. Вебер.⁴³ Говорившие на местных диалектах крестьяне Бретани или Прованса отнюдь не были патриотами Франции, и вопрос о том, станут ли они французами, оставался открытым в течение большей части XIX в. Во второй половине XIX в. во Франции существовали достаточно активные группы интеллектуалов (фелибры и новокельтское движение), стремившиеся превратить *patois* в стандартизованные языки, что было типичным шагом националистов Центральной и Восточной Европы на пути к созданию «собственных» наций.

Отнюдь не были патриотами Британии и жители Шотландии, в особенности ее горных районов (*Highlands*). Вооруженный знанием последующих событий и не свободный от эмоциональной ангажированности шотландец Том Нэйрн называет шотландских романтиков 1850-х и автономистское движение конца века (*Home rule movement*)

⁴² Weber E. Peasants into Frenchmen. The Modernization of Rural France, 1870—1914. Stanford Cal.: Stanford Univ. Press, 1976. P. 67—69.

⁴³ Ibid. P. 74—75.

лишь предшественниками шотландского национализма,⁴⁴ но вернее все же будет определить эти явления как умеренный и во многом самоограничивавшийся национализм.⁴⁵ Пример Ирландии и вовсе показывает, что британские усилия по консолидации нации-государства могли терпеть жестокие поражения. Во всех этих государствах возможность различного исхода борьбы консолидирующей и центробежной тенденции сохранялась долгое время после того, как национализм стал одной из доминирующих концепций политики, по крайней мере в том смысле, что далеко не все регионы современных Испании, Великобритании и Франции непременно должны были стать частью этих наций-государств.

Каждое из этих государств, применительно к условиям и собственным возможностям, использовало разную стратегию национального строительства и добилось существенно различных результатов. Наиболее максималистская ассимиляторская в культурном и языковом отношении, централизаторская в административном аспекте программа была осуществлена во Франции. Ю. Вебер подробно описал, как французское правительство использовало административную систему, школу, армию и церковь в качестве инструментов языковой и культурной ассимиляции. Не останавливалась Франция и перед применением административных запретов и практик жесткого психологического давления.⁴⁶ Закон, впервые разрешивший факультативное преподавание в школе местных языков, был принят во Франции лишь в 1951 г. Впрочем, сравнительная эффективность экономического развития и довольно щедрая материальная поддержка французским государством локальных сообществ играли не менее важную роль в успехе ассимиляции, чем репрессивные меры.⁴⁷ Испания, следовавшая в целом французской модели, добилась заметно более ограниченных результатов из-за отставания в экономическом развитии и сравнительной слабости государственной власти. В результате сегодня по французскую сторону границы каталонцы называют себя если не французами, то во всяком случае *французскими* каталонцами, в то время как по испанскую сторону каталонцы все более очевидно отдают предпочтение

⁴⁴ Nairn T. Scotland and Europe // Jeoff Eley and Ronald Grigor (eds.) *Becoming National. A Reader.* N. Y.; Oxford: Oxf. Univ. Press, 1996. P. 81.

⁴⁵ См.: Smouth T. C. *A Century of the Scottish People, 1830—1950.* London, 1988, о том, как большинство шотландцев заблокировало в конце XIX в. попытки националистов ввести преподавание на гэльском вместо английского.

⁴⁶ См., например: Reece J. E. *The Bretons against France. Ethnic minority nationalism in twentieth-century Brittany.* Chapel Hill, 1977. P. 30—32.

⁴⁷ Weber E. *Peasants into Frenchmen... P. X.; Sahlins P. Boundaries. The Making of France and Spain in the Pyrenees.* P. 282—285.

каталонской идентичности как национальной, противостоящей испанской.⁴⁸

Английская стратегия была дифференцированной. В Ирландии политика была очень близка к колониальной — репрессивная составляющая безусловно доминировала. Провинция управлялась как оккупированная территория, и террор был легитимизирован специальными актами. В Шотландии англичане подавляли восстания якобитов⁴⁹ не менее жестоко, чем Петр I преследовал сторонников Мазепы. После разгрома последнего восстания в 1746 г. английские войска в течение нескольких месяцев без суда убивали любого шотландца-горца, которого им удавалось поймать. Всерьез обсуждалось предложение перебить всех женщин детородного возраста из якобитских семей, а командующий английскими войсками в Шотландии требовал для себя официальных полномочий казнить подозрительных и конфисковывать их собственность.⁵⁰ Однако с конца XVIII в., во многом опираясь на уже достигнутые результаты по ассимиляции равнинной Шотландии, Англия переходит к легалистским формам правления. Притягательность Англии, мирового лидера в экономическом и политическом развитии того времени, а также карьерные и предпринимательские возможности, открывавшиеся для шотландцев в рамках Британской империи, привели к тому, что уже в XIX в. националистические движения не получали в Шотландии сколько-нибудь значительной поддержки. Требования преподавания в школах на гэльском языке выдвигались, но Англии уже не приходилось вмешиваться — они отвергались самими шотландскими элитами.

Стремление «сделать французами» всех жителей Франции понималось как стремление совершенно подавить региональную идентичность. Наполеон отнюдь не случайно заменил все исторические названия

⁴⁸ Sahlins P. Boundaries. The Making of France and Spain in the Pyrenees. P. 290—291.

⁴⁹ Якобитами назывались шотландские сторонники свергнутого в 1688 г. короля Якова II Стюарта, которые в 1715 и 1745 гг. поднимали восстания против англичан. В течение XVIII в. они получали поддержку из Франции.

⁵⁰ Velychenko S. Empire Loyalism and Minority Nationalism in Great Britain and Imperial Russia, 1707 to 1914: Institutions, Laws, and Nationality in Scotland and Ukraine // Comparative Studies in Society and History. Vol. 39. № 3. July 1997. P. 419—422. Величенко вообще дал очень хороший обзор английской политики в Шотландии и обширную библиографию проблемы. В его сравнении английской политики в Шотландии с российской политикой на Украине также есть немало интересных наблюдений, однако со многим в его интерпретации российской политики в XIX в. и рядом его выводов нам придется спорить. Впрочем, Величенко сам признает, что многие проблемы русско-украинских отношений исследованы недостаточно и что это затрудняло его работу.

департаментов на сугубо формальные географические, связанные с названиями протекающих по их территории рек. Но стремление утвердить британскую идентичность, по крайней мере в XIX в., совершенно не предполагало сделать всех жителей Британии англичанами. Важно было, чтобы шотландская или валлийская идентичность функционировала как региональная, то есть не отрицающая общебританскую и не выдвигающая требования отдельного государства. Целью была не тотальная, но частичная ассимиляция, которую Хлебовчик называет полуассимиляцией, или «культурной гибридизацией».⁵¹

«В рамках государственного национализма государство стремится минимизировать внутреннюю этническую разнородность, растворяя через фольклоризм или устраяния с помощью комбинации образования и репрессий этнические эмоции, которые могли бы послужить основой для этнонационалистических требований. Поскольку „национальные культуры“, которые большинство государств пытается утвердить, на деле являются доминирующими культурами правящего ядра (юго-восток Англии в Соединенном Королевстве, Кастилия в Испании, регион Парижа во Франции и так далее), их приходится поддерживать с помощью идеологий, основанных на политическом национализме», — так обобщает западноевропейский опыт Джозеф Лобера.⁵² При всех различиях воплощения этой политики в разных государствах, можно выделить общую «программу-минимум» — утверждение единого языка высокой культуры, администрации и образования, а также общенациональной идентичности, которая могла подавлять региональные отличия, а могла и терпеть их, но лишь как подчиненные.

Какое отношение все это имеет к нашей теме? До сих пор процессы формирования наций в Российской империи сравнивались главным образом с империей Габсбургов.⁵³ Такое сравнение следует признать продуктивным для изучения национальных движений ряда угнетенных народов империи Романовых, но абсолютизация его, в особенности применительно к русско-украинским отношениям, может привести к ложным результатам. В этом сравнительном контексте упускается из виду, что ситуация в Австрийской империи — то есть характер политического режима, этнический баланс и ориентация австрийских немцев на проект большой германской нации — крайне затрудняла

⁵¹ Chlebowczyk J. Procesy narodotwórcze... S. 29.

⁵² Llobera J. R. The God of Modernity. The Development of Nationalism in Western Europe. Berg, Oxford UK, Providence, USA, 1994. P. 214.

⁵³ См., например: Nationalism and Empire. The Habsburg Monarchy and the Soviet Union / Richard Rudolph and David Good (eds.). New York: St. Martin Press, 1992; Subtelny O. The Habsburg and Russian Empires: Some Comparisons and Contrasts // Empire and Society. New Approaches to Russian History / Teruyuki Hara and Kimitaka Matsuzato (eds.). Slavic Research Center, Hokkaido Univ., Sapporo, 1997.

постановку правящими кругами задачи консолидации так или иначе определенного ядра империи в нацию-государство. (Только после принятия закона 1844 г. об исключительных правах венгерского языка в землях короны св. Стефана и дуалистического соглашения 1867 г. венгерская политическая элита получила такую возможность и немедленно ею воспользовалась.)

Франция, Испания и Британия тоже были империями, но не континентальными, как империи Габсбургов и Романовых, а морскими. Процесс консолидации нации-государства проходил главным образом в метрополиях, отделенных от большинства своих колоний морем. Примеры Алжира и Ирландии показывают, что это правило не без исключений, но в целом море заметно облегчало элитам этих империй вычленение ядра как пространства для строительства нации, хотя, по сути дела, континентальные Франция и Испания, равно как и островная Британия, тоже были империями, а не гомогенными метрополиями. Неассимилированные в культуру доминирующего центра крестьяне вполне в традициях колониального дискурса описывались как дикари и сравнивались с американскими индейцами.⁵⁴

Для участников событий второй половины XIX в. в России аналогия между проблемами, которые становились актуальны в связи с появлением украинского национального движения, и ситуацией в крупных западноевропейских странах того времени представлялась неизбежной. Практически все, кто писал об «украинском вопросе», считали нужным определить свое отношение к этому сравнению. Разумеется, это не было сравнение «без гнева и пристрастия». Противники украинского движения использовали его как один из главных аргументов в пользу неуместности, невозможности или вредности притязаний украинских националистов. Кажется, первым, кто прямо сравнил украинский с *païois*, был В. И. Ламанский в славянофильском «Дне».⁵⁵ Впоследствии активно использовал это сравнение главный гонитель украинофилов М. Н. Катков. Украинофилы (Н. И. Костомаров, М. П. Драгоманов) и те русские публицисты, кто соглашался с их мнением (Н. Г. Чернышевский), напротив, доказывали обычно неприменимость этой аналогии. Однако тот же Драгоманов в 1875 г., еще до эмиграции, опубликовал большую статью «Новокельтское и провансальское движение во Франции», где, напротив, настойчиво эту аналогию проводил. Все дело в том, что в этой статье он старался показать, что регионалистские националистические движения постепенно получают во Франции признание и добиваются удовлетворения

⁵⁴ См., например: *Weber E. Peasants into Frenchmen...; Hechter M. Internal Colonialism. The Celtic Fringe in British National Development. 1556—1966. Univ. of Calif. Press, Berkeley, 1975.*

⁵⁵ День. № 2. 21 октября 1861 г. С. 15. В том же духе, но не используя подобных сравнений, рассуждал о «малорусском наречии» еще в начале 1840-х гг. В. Г. Белинский.

своих требований, и ставил воображаемое изменение французской политики в пример российским властям и общественному мнению.⁵⁶

Уже в конце жизни, в 1891 г. Драгоманов снова вернулся к этой теме в своей знаменитой работе «Размышления чудака об украинском национальном вопросе». Эта статья была написана по-украински и представляла собой полемику с тем сортом малообразованных украинских националистов, которые, по мнению Драгоманова, дискредитировали и дезориентировали движение тенденциозностью и примитивизмом своих писаний. Четвертый раздел работы весь посвящен сравнению русификаторской политики с политикой крупных европейских государств. Вывод Драгоманова таков: «Русификация не является системой, которая вытекает из национального духа великоруссов или из именно российской государственной почвы. Она, по крайней мере в значительной своей части, есть следствие определенной фазы общеевропейской государственной политики. Особенным российским элементом в теперешней системе русификации можно считать определенную брутальность, которая проявляется, например, в возвращении униатов в православие или запрете украинской литературы. Но и эта брутальность представляется российской особенностью только для нашего XIX в., потому что в XVII—XVIII вв. отношение Людовика XIV к гугенотам или англичан к шотландцам-горцам было еще более брутально. Даже теперь, если сравнить отношение российского самодержавного, то есть архаичного, правительства к униатам и украинцам с отношением конституционного венгерского правительства к словакам, еще не известно, кому надо будет отдать пальму первенства на этом конкурсе брутальности».⁵⁷ В литературе XIX в. эта работа Драгоманова дает наиболее подробную разработку сравнительного контекста для рассмотрения политики российских властей в украинском вопросе.

Историки XX в. до недавних пор если не совершенно игнорировали это сравнение, то, во всяком случае, не разрабатывали его всерьез.⁵⁸

⁵⁶ Вестник Европы. 1875. № 8. С. 703, 706, 727.

⁵⁷ Драгоманов М. Чудацькі думки про українську національну справу // М. П. Драгоманов. Виbrane. Київ: Либідь, 1991. С. 533—534.

⁵⁸ Аналогии между украинским движением — с одной стороны, и шотландским, уэльским, провансальским движениями — с другой, можно встретить в работах И. Рудницкого. (См.: Rudnytsky I. Essays in Modern Ukrainian History... Р. 25, 395). В пользу сравнения языковой политики государства в России с Францией, Британией и Испанией решительно высказались в 1992 г. Д. Лэйтин и его соавторы. Преобладающее в историографии мнение о принципиальном различии процессов формирования наций на Востоке и Западе Европы они обозвали «синдромом ориентальной исключительности», хотя точнее было бы говорить о синдроме «оксидентальной исключительности», поскольку именно западные исследователи национализма, в частности Х. Кон, настойчиво подчеркивали особый,

Объясняется это во многом тем, что знание «предстоящего прошедшего», то есть хода событий после изучаемого ими периода, в очередной раз сузило оптику исследователей: раз развитие пошло иначе, значит, аналогия с самого начала не имеет смысла. Позволим себе не согласиться с таким подходом. Если изначальная структура проблемы допускала такое сравнение — а для современников, не знаяших, как будут развиваться события, это не подлежало сомнению, — то отбрасывать его было бы в высшей степени непродуктивно. Потому что именно в рамках этого сравнения и нужно искать ответ на ключевой для историка вопрос: почему реализовался тот, а не другой из теоретически возможных вариантов. Именно сравнение неудачника с теми, кто смог более или менее успешно решить сходные задачи, и позволит понять причины этой неудачи.

включающе-гражданский характер национализма в Западной Европе, противопоставляя его национализму в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе. (См.: *Laitin D., Petersen R., and Slocum J. W. Language and the State: Russia and the Soviet Union in Comparative Perspective* // Alexander J. Motyl (ed.) *Thinking Theoretically About Soviet Nationalities. History and Comparison in the Study of the USSR*. Columbia Univ. Press, New York, 1992. P. 129—130.) Однако разработка этого тезиса в их статье применительно к истории XVIII и XIX вв. оказалась неглубокой, отчасти, вероятно, из-за того, что авторы не являются специалистами в этой области. Среди историков, специально занимающихся нашими сюжетами, на плодотворность сравнения русско-украинских отношений с процессами во Франции и других странах Западной Европы указал в тогда же, в 1992 г. написанной, но лишь недавно опубликованной статье А. Каппелер. (См.: *Kappeler A. Die ukrainische Nationalbewegung im Russischen Reich und in Galicien: Ein Vergleich* // Heiner Timmermann (Hrsg.) *Entwicklung der Nationalbewegungen in Europa 1850—1914*. Berlin, 1998. S. 195—196.) Уже цитированная статья С. Величенко, в которой проводится сравнение русско-украинских и англо-шотландских отношений, опубликована в 1997 г. Автор этой книги представил ее программу в 1996 г. на проводившейся в Москве конференции «Россия—Украина: история взаимоотношений», а в 1997 г. опубликовал на ее основе статью «Россия и русификация Украины в XIX в.» // Миллер А. И., Репринцев В. Ф., Флоря Б. Н. (ред.). Россия—Украина: история взаимоотношений. М., 1997. Тогда же, в 1997 г., Р. Шпорлюк говорил о русско-украинских отношениях в сравнительном контексте с европейскими державами в статье «Украина: от периферии империи к суверенному государству» // Фурман Д. Е. Украина и Россия: общества и государства. М., 1997. (См. там же мою статью «Россия и Украина в XIX—начале XX в.: непредопределенная история».) Шпорлюк также говорит о соревновании русского и украинского проектов национального строительства, но мы не согласны с его интерпретацией русского проекта как либо сугубо имперского, либо сугубо этнического, то есть великорусского.

Проект «большой русской нации»

Попробуем более подробно «вписать» русско-украинские отношения в этот непривычный сравнительный контекст. Для этого надо ответить на ряд вопросов. Во-первых, а был ли в сознании правителей империи и русских элит образ такой нации, которая занимала бы ядро империи, и какое место принадлежало в нем Украине?

Для того чтобы понять не лишенную некоторой иронии логику происходившего, нам придется обратиться в глубь истории, ко второй половине XVII в. В 1674 г., ровно через 20 лет после перехода Левобережной Украины под власть московского царя, в Киеве был впервые напечатан «Синопсис», составленный одним из местных православных иерархов, предположительно архимандритом Киево-Печерской лавры Иннокентием Гизелем. В книге говорилось о единстве Великой и Малой Руси, о единой государственной традиции Киевской Руси, об общей династии Рюриковичей и даже о едином «русском», или «православнороссийском», народе.⁵⁹ Вполне вероятно, что автор «Синописи» преследовал достаточно сиюминутные конкретные цели: во-первых, дать московскому царю мотивацию для продолжения борьбы с Речью Посполитой за освобождение из-под власти католиков остальной части «единого православного народа», а во-вторых, облегчить элите Гетманата инкорпорацию в русское правящее сословие. (А это отнюдь не были в то время вещи само собой разумеющиеся — достаточно сказать, что московские церковные власти требовали повторного крещения даже от православных духовных лиц, переселявшихся в Москвию из Малороссии в начале XVII в., поскольку не считали их православие вполне безупречным.⁶⁰)

В данном контексте для нас не важно, насколько эффективно «Синопсис» способствовал решению этих задач. Важно отложенное влияние этого текста, который, по существу, вплоть до 1760-х гг. оставался единственной в России учебной книгой по истории. Очень широкое распространение и устойчивый покупательский спрос на «Синопсис» в России XVIII в. показаны в прекрасно документированном новом исследовании А. Ю. Самарина. «Положение единственной пе-

⁵⁹ Подробно о роли «Синописи» в формировании концепции единства Великой и Малой Руси см.: Kohut Z. The Question of Russian-Ukrainian Unity and Ukrainian Distinctiveness in Early Modern Ukrainian Thought and Culture // Peoples, Nations, Identities: The Russian-Ukrainian Encounter (выйдет из печати в CIUS Press в 2001 г.)

⁶⁰ Подробно см.: Keenan E. L. On Certain Mythical Beliefs and Russian Behaviors // S. Frederick Starr (ed.) The Legacy of History in and the New States of Eurasia. Armonk, New York and London, 1994; Keenan E. L. Muscovite Perceptions of Other East Slavs before 1654: An Agenda for Historians // Peter Potychny et al (eds.) Ukraine and Russia in Their Historical Encounter. Edmonton, 1992.

чатной книги по отечественной истории объясняет наличие „Синопсиса“ практически во всех крупных книжных собраниях видных деятелей эпохи, известных на сегодняшний день», — пишет он.⁶¹ В качестве чтения «для народа» «Синопсис» сохранял популярность вплоть до середины XIX в. К этому времени он выдержал уже около 30 изданий. Замечательно, что, несмотря на многочисленность изданий и их значительные тиражи, «Синопсис» оставался самым популярным предметом рукописных копий.⁶² Именно «Синопсис» лежит у истоков Русского Исторического Нарратива. В. Н. Татищев прямо указывает на «Синопсис» как на один из источников своих взглядов.⁶³ «Дух „Синопсиса“ царит и в нашей историографии XVIII в., определяет вкусы и интересы читателей, служит исходной точкой для большинства исследователей, вызывает протесты со стороны наиболее серьезных из них — одним словом, служит как бы основным фоном, на котором совершаются развитие исторической науки прошлого столетия», — писал П. Н. Милюков.⁶⁴ Хотя отношение к «Синопсису» как историческому сочинению со временем становилось все более критическим, те элементы его схемы, которые относятся к единству Великой и Малой Руси, можно найти у всех авторов «Истории России» — от Н. М. Карамзина до С. М. Соловьева и В. О. Ключевского.⁶⁵

Вообще культура, известная нам сегодня под названием русской, была в XVIII и первой половине XIX в. плодом совместного творчества элит русской и украинской,⁶⁶ если позволительно воспользоваться понятиями более позднего времени применительно к той эпохе, а вернее будет все же сказать великорусской и малорусской.⁶⁷ Именно с этим

⁶¹ Самарин А. Ю. Распространение и читатель первых печатных книг по истории России (конец XVII—XVIII в.). М., 1998. С. 58.

⁶² Там же. С. 128; Ананович Е. М. Рукописная светская книга XVIII в. на Украине // Исторические сборники. Киев, 1983. С. 65.

⁶³ Татищев В. Н. История Российской. Ч. 1. Л., 1962. С. 433.

⁶⁴ Милюков П. Н. Главные течения русской исторической мысли. СПб., 1913. С. 7.

⁶⁵ Роль русских историков XIX в. в развитии русского национализма подчеркнута в: Kappeler A. Bemerkungen zur Nationalbildung der Russen // A. Kappeler (Hg.). Die Russen. Ihr Nationalbewusstsein in Geschichte und Gegenwart. Köln, 1990. S. 24.

⁶⁶ Лиа Гринфельд, говоря о XVIII в., отмечает, что «не менее 50 процентов русских националистов первого призыва были украинцами». Greenfeld L. Nationalism. Five Roads to Modernity. Cambridge, Mass., 1992. P. 237.

⁶⁷ Н. С. Трубецкой позднее даже пытался отстаивать тезис, что в XVIII в. малорусская культура фактически вытеснила, заместила московскую. (См. его статьи «К украинской проблеме» и «Ответ Д. И. Дорошенко» в кн.: Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. Москва, 1995.) В то же время Эдвард Л. Кинан склонен считать, что восприятие малорус-

Примѣчанія.

Русские (Малороссы, Бѣлоруссы и разсѣянные между ними въ каждой губерніи по нѣскольку тысячъ Великоруссовъ или собственно Русскихъ) въ областяхъ, обитающихъ частію Поляками, отличаются отъ послѣднихъ равно и отъ Литовцевъ языкомъ, а въ особенности своимъ вѣроисповѣданіемъ (Православіемъ).

Долговременное политическое господство Поляковъ и влияние Римско-Католической религии совершило уничтожение в этихъ областяхъ национальность древняго русского дворянства, которое уже давно привыкло себѣ, вмѣстѣ съ Католическими исповѣданіемъ, польскую национальность.

Народъ, т: е: большая масса поселянъ, всегда оставался Русскій, и польское вліяніе, бывшее столь могущественнымъ во многихъ отношеніяхъ въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, должно было ограничиться введеніемъ упіи въ тѣхъ областяхъ прежніяго Польского королевства, которыя населены Русскими.

Въ 1839 году упій уничтоженія и послѣдователіи ся присоединились къ Греческой церкви. Только Русские (Малороссы или Русеины, Рутены, Русинки) Люблинской губерніи, ровно и Галиціи и Венгрии одни остались еще унітами.

Карта № 3 из «Этнографического атласа Западно-Русских Губерний и соседних областей». Сост. Р. Ф. Эккертом, действительным членом Императорского Русского Географического общества. СПб., 1863. Карта и комментарий к ней показывают многозначность понятия «русский» во второй половине XIX в.

совместным наследием пришлось потом бороться украинским националистам, в том числе М. Грушевскому, много сил отдавшему критике «традиционной схемы русской истории», для популяризации которой так много сделал «Синопсис».⁶⁸

Господствующие в континентальных империях этнические группы испытывали в эпоху пришествия национализма серьезные трудности с разграничением традиционной, наднациональной (а точнее, донациональной и надэтнической) империи, с одной стороны, и собственно нации и Родины, понимаемой как национальная территория, — с другой. В Османской империи это противоречие к концу XIX в. породило три идеологических ответа — пантюркизм, то есть расовую; османскую, то есть традиционную имперско-династическую; и младотурецкую, то есть националистическую, идеологии. В России схожая ситуация возникла даже раньше: панславизм, идеология российского империализма и русский национализм развивались в противоречивой атмосфере соперничества и взаимовлияния. *Националистические мотивы в русском общественном мнении постепенно становились все более актуальными во второй половине века, чему способствовали господство национализма в Западной Европе того времени и конфликт сперва с польским, а затем и с другими национальными движениями в самой Российской империи.*

Многие исследователи, обсуждавшие в своих работах русский национализм и русификацию, обращали внимание на то, что оба эти понятия используются для обозначения целой группы разнородных взглядов и практик. Эдвард Таден выделял спонтанную русификацию элит, «административную русификацию» как часть политики абсолютистской административной централизации второй половины XVIII в., и, наконец, насильственную русификацию (стремление насадить русский язык и православие) в XIX и начале XX в.⁶⁹ Тот же Таден

культуры в Московской Руси было поверхностным. (См.: Keenan E. L. On Certain Mythical Beliefs and Russian Behaviors...) Истина, наверное, лежит где-то посередине между этими полярными точками зрения, и ближе к ней Д. Саундерс и другие авторы, писавшие о серьезном взаимовлиянии малорусской и великорусской культур. (См.: Saunders D. Ukrainian Impact on Russian Culture 1750—1850. Edmonton, 1985; Дзюба О. Українці в культурному житті Росії (XVIII ст.): причини міграції // Миллер А., Репринцев В., Флоря Б. (ред.) Россия—Украина: история взаимоотношений. М., 1997.) Совершенно прав Р. Шпорлюк, когда он поправляет Л. Гринфельд, считающую, что выходцы из Малороссии «выковывали великорусское национальное самосознание», и указывает, что russkost' того времени отнюдь не равна russkosti в ее современном понимании. (См.: Шпорлюк Р. Украина: от периферии империи к суверенному государству... С. 49.)

⁶⁸ См.: Грушевський М. Звичайна схема «русскої» історії й справа національного укладу історії східного слов'янства. СПб., 1904.

⁶⁹ Thaden E. C. (ed.) Russification in the Baltic Provinces and Finland. Princeton, N. J., Princeton Univ. Press, 1981, P. 8—9; *Idem. Russification in Tsarist Russia // Edward C. Thaden with collaboration of Marianna Forster*

писал о русском «консервативном», «романтическом», «бюрократическом» национализмах.⁷⁰ Андреас Каппелер определял главные разновидности русского национализма как «реакционно-антисемитскую, консервативно-православную и либерально-конституционную».⁷¹ В рамках этой классификации можно говорить и о «революционно-демократическом» национализме. По сути дела, она, предвосхищая уже обсуждавшийся тезис Вердери, отражает различия в интерпретации нации и национальных интересов в различных идеологических системах и стилях мышления.⁷² Дитрих Гейер писал о различных функциях и вариантах русского национализма.⁷³ Каппелер говорил о неясности самой концепции русской нации; в нее могли включаться: 1) все подданные Империи; 2) члены привилегированных сословий (в соответствии с предмодерной концепцией *natio*; 3) *русские-православные* (имеются в виду великоруссы) или 4) *все восточные славяне, в духе традиционного значения понятия Русь*.⁷⁴

Попробуем все это упорядочить применительно к нашим задачам. Это значит, что мы попытаемся выстроить систему возможных идеологических реакций на проблему соотношения государства и нации в царской России, обращая преимущественное внимание не на социально-политические аспекты концепций, но на их отношение к проблеме пространственных и этнических границ нации и к желательному типу государственных отношений, как-то: империя, унитарная нация-государство, федерация, ряд независимых государств. Эти реакции мы будем рассматривать как «идеальные типы», то есть логически целостные и последовательные. В жизни, конечно, они чаще выступали в незаконченных или смешанных формах, хотя и для наших «идеальных типов», как правило, можно подобрать реальные примеры.

Во-первых, вполне можно было быть российским империалистом, не будучи при этом русским националистом. Собственно, российские императоры долгое время и были таковыми, заботясь о сохранении империи прежде всего как родовой собственности. Во-вторых, можно было быть русским националистом, отрицая империю, считая, что ее

Thaden. Interpreting History: Collective Essays on Russian's Relations with Europe. New York, Boulder, 1990. P. 211—220.

⁷⁰ Thaden E. C. Conservative Nationalism in Nineteenth-Century Russia. Seattle: Univ. of Washington Press, 1964.

⁷¹ Kappeler A. Einleitung // A. Kappeler (Hg.) Die Russen. Ihr Nationalbewußtsein in Geschichte und Gegenwart. Köln, 1990. S. 9.

⁷² О категории «стиль мышления» см.: Манхейм К. Консервативная мысль // К. Манхейм. Диагноз нашего времени. М., 1994.

⁷³ Geyer D. Funktionen des russischen Nationalismus // Heinrich August Winkler (Hrsg.). Nationalismus. Königstein, 1978. S. 173—186.

⁷⁴ Kappeler A. Bemerkungen zur Nationalbildung der Russen // A. Kappeler (Hg.). Die Russen. Ihr Nationalbewußtsein in Geschichte und Gegenwart. Köln, 1990. S. 21.

сохранение наносит ущерб интересам русской нации, и видя будущее в создании на этом пространстве ряда независимых национальных государств, в том числе русского национального государства. Между этими полюсами помещается целый ряд других возможных позиций.

Стремление к сохранению и даже расширению империи могло сочетаться с национализмом, то есть рассматриваться как соответствующее интересам русских. Идеологическое оформление этого тезиса могло идти по линии «национального эгоизма», но также и через идею «цивилизационной миссии». Экспансия могла обосновываться и через панславизм, который, в своей «демократической» версии, предполагал растворение империи в более обширном союзе славянских народов. Сохранение империи можно было видеть через ее русификацию и превращение из империи в нацию-государство. При этом одни считали, что это осуществимо в условиях самодержавия, и делали акцент на традиционных формах русификации, то есть обращении в православие, вставая в определенном смысле в оппозицию принципам модерного национализма. Другие, в большем соответствии с националистическими принципами, полагали, что путь к цели лежит через демократизацию и ускорение экономического развития, создающие более благоприятные условия для языковой и культурной ассимиляции.

Можно было и проводить различие между русской нацией как ядром империи и «национальными окраинами», отказываясь от стремления их totally русифицировать. (Логика первого подхода предполагает, например, что школа по всей империи должна быть инструментом русификации и все обучение вести на русском, сторонники же второго видели русский лишь одним из предметов преподавания в нерусских окраинах, не предполагая totalного вытеснения из школы местных языков.)

Признание того, что формирующаяся русская нация не равна империи, но меньше ее, было более реалистичной точкой зрения. В тех случаях, когда она сочеталась со стремлением к сохранению государственного единства, представления о способах достижения этой цели могли различаться. Для одних это равнялось сохранению старого режима. Были люди, которые, напротив, считали национальные конфликты следствием политики самодержавия и верили, что государственное единство всей или, по крайней мере, основной части империи будет автоматически обеспечено при условии ее демократизации и федерализации. Третья считали, что единство государства можно сохранить, лишь опираясь в той или иной степени на силу, но уже не династии или не столько династии, сколько русской нации как «государствообразующей». *Вне зависимости от того, как относились к империи те люди, которые признавали, что русская нация ей не равна, они неизбежно вставали перед проблемой определения того, что есть русскость, и границ этой русской нации.*

Русскость могла пониматься как обозначение культурной или этнической общности. В первом случае она была открыта для всех

«обрусевших», во втором — нет. Когда чеховский Тузенбах в «Трех сестрах» говорит о том, что он русский, потому что родной язык у него русский и крещен он православным, он отстаивает трактовку russкости именно как культурной общности в противовес этнической. «Плохая» немецкая фамилия делает его russкость в рамках этнической трактовки этого понятия сомнительной.

Но и границы russкой этнической общности также понимались в XIX в. по-разному. Трактовка понятия «russкий» как равного понятию «великоросс» имела место, но не была доминирующей. Русский образ национальной территории или «идеального Отечества» сформировался в остром конфликте с соответствующей польской концепцией. Для поляков «идеальной Родиной», то есть какой она должна быть «по справедливости», была Речь Посполитая в границах 1772 г. Таким образом, польский образ «идеального Отечества» включал заметную часть территории с преобладанием восточнославянского населения (современная Белоруссия и часть современной Украины), которые russкое общественное сознание считало «исконно russкими». Именно это взаимное наложение «идеальных Отечеств» и делало польско-russкий конфликт непримиримым, а концепция большой russкой нации, объединяющей Великую, Малую, Белую и Червонную Русь и уходящей корнями в Русь Киевскую, была главным идеологическим основанием для russкой позиции в этом конфликте.⁷⁵

Территория современной Украины превратилась в XIX в. в объект настоящей терминологической войны. Поляки называли земли, занятые Российской империей в результате разделов Речи Посполитой, *kresy wschodnie* (восточные окраины Речи Посполитой). В России об этой территории говорили как о *Западном крае*. При этом различались *Юго-Западный край*, включавший в себя Подольскую, Волынскую и Киевскую губернии, и *Северо-Западный* с Виленской, Kovенской, Могилевской, Минской и Витебской губерниями. Земли на левом берегу Днепра называли *Малороссией*, а Причерноморье — *Новороссией*. В целом территория современной Украины часто называлась *Южной Русью*. Особое название существовало при этом для Восточной Галиции — *Червонная Русь*.

Такая же ситуация была и с терминами, использовавшимися для обозначения православного и униатского населения современной Украины. Поляки называли их *rusini*, непременно с одним «с», в то время как для великороссов использовалось слово *moskali*.⁷⁶ До середины

⁷⁵ О роли «польского фактора» в russко-украинских отношениях см.: Kappeler A. Russland als Vielvolkerreich: Entstehung, Geschichte, Zerfall. München, C. H. Beck, 1992. S. 179; Шпорлюк Р. Украина: от периферии империи к суверенному государству... С. 55—63.

⁷⁶ В среде малороссов понятие *москаль* также было весьма распространено, но претерпевало любопытную эволюцию. В отличие от польского *moskal*, обозначавшего всех великороссов, малорусский *москаль* относился

XIX в. среди поляков преобладала точка зрения, отрицавшая этническую инаковость русинов и объявлявшая их такой же частью польского народа, как, например, мазуры. Постепенно все больше поляков начинает поддерживать украинскую идею, как подрывающую целостность главного противника польского национального движения — Российской империи.

В Москве и Петербурге предков современных украинцев называли *малороссами* или *малороссиянами*, иногда *русскими* или *руссинами*, непременно с двумя «с», чтобы подчеркнуть их единство со всеми русскими, т. е. великороссами и белорусами. (Последние тоже писались тогда с двумя «с».) Понятие *русский* оказывалось таким образом более широким, чем его современное значение. Оно относилось ко всем восточным славянам и обозначало ту цель проекта национального строительства, которую мы будем условно называть «большой русскойнацией». Будучи этнической концепцией и проводя четкую грань между русскими и другими народами империи, этот проект в то же время отрицал качественный характер этнических различий между велико-, мало- и белорусами, включая всех их в единую этническую общность.

Малороссы и белорусы никогда не дискриминировались в Российской империи на индивидуальном уровне. «Украинцам и белорусам, официально считавшимся русскими, в принципе была открыта любая карьера — при условии, что они владели русским языком. Не было препятствий и у детей от смешанных браков русских и украинцев. (Такие браки, собственно, и не считались смешанными. — А. М.) Украи́нцы не вычленялись и не ущемлялись ни по конфессиональным, ни по расовым соображениям», — пишет Андреас Каппелер. В иерархии различных этносов империи, которую он представляет в виде системы концентрических кругов, все православные славяне включались в единый центр системы.⁷⁷

только к чиновнику, офицеру и солдату, то есть к «госслужащим». Наиболее типичной чертой *москаля* в малорусских поговорках выступает склонность к обману и вообще пройдошлисть. При ближайшем рассмотрении облик *москаля* оказывается очень близок к облику солдата из великорусских сказок, которые, впрочем, в отличие от малорусских пословиц, симпатизируют этому персонажу, а не надуваемому им мужику. Если вспомнить, что русская армия до второй половины XIX в. не имела казарм и квартировала по домам и хатам, а содержимое солдатского котелка прямо зависело от пройдошлистики его хозяина, то происхождение малороссийского образа *москаля* становится вполне понятным. Для великорусского крестьянина у малороссов был целый ряд других названий (наиболее распространенное — *кацап*), лишенных, в отличие от *москаля*, интенсивной негативной окраски.

⁷⁷ Каппелер А. Мазепинцы, малороссы, хохлы: украинцы в этнической иерархии Российской империи // Миллер А. И. (ред.) Россия—Украина: история взаимоотношений. М., 1997. С. 134—135.

Это отношение к малороссам как части русского народа сохранялось как официальная позиция властей и как убеждение большинства образованных русских в течение всего XIX в. Даже в начале XX в., когда усиление шовинистических, ксенофобных мотивов в русском национализме выразилось в трактовке russкости как сугубо этнической категории, а не как определенного культурного стандарта, только малороссов и белорусов никогда не описывали как «инородцев».⁷⁸ Таким образом, на языке эпохи два последних варианта из классификации А. Каппелера обозначались бы одинаково — «все русские», при этом в одном случае «русские» означало бы великороссы, а в другом — все восточные славяне.

Приверженность последней точке зрения вовсе не обязательно предполагала совершенное отрицание различий между малороссом и великороссом. В написанном в 1898 г. рассказе «Казацким ходом» И. А. Бунин, например, пишет: «Хохлы мне очень понравились с первого взгляда. Я сразу заметил резкую разницу, которая существует между мужиком-великороссом и хохлом. Наши мужики — народ по большей части изможденный, в дырявых зипунах, в лаптях и онучах, с исхудалыми лицами и лохматыми головами. А хохлы производят отрадное впечатление: рослые, здоровые и крепкие, смотрят спокойно и ласково, одеты в чистую, новую одежду». Но это противопоставление «наших» «хохлам» Бунин делает как великоросс, и в том же рассказе говорит о Шевченко, «который воплотил в песнях всю красоту своей родины», что тот «навсегда останется украшением русской литературы». Уже в 1919 г. «несметные украинские побоища и зверства (времен Б. Хмельницкого. — А. М.), кровавый хам Разин» стоят у Бунина через запятую, в одном ряду примеров «русского бунта, бессмысленного и беспощадного».⁷⁹ В творчестве Бунина, как и многих других писателей того времени, можно найти бесчисленное количество примеров такого рода, когда идея русской общности, объединяющей всех восточных славян, даже не постулируется специально, но без труда выявляется в высказываниях по другим поводам. Этим, собственно, подобные высказывания и ценные, поскольку показывают, что представ-

⁷⁸ См.: Slocum J. W. Who and When, Were the *Inorodtsy*? The Evolution of the Category of «Aliens» in Imperial Russia // The Russian Review. April 1998. P. 173—190. Понятие «инородцы» первоначально имело узкое юридическое значение и применялось к кочевым народам Российской империи. Распространение его на всех «нерусских» в ксенофобной версии русского национализма в конце XIX — начале XX в. сопровождалось отказом в «russкости» ассимилированным в русскую культуру людям иного этнического происхождения — немцам, евреям, полякам и т. д.

⁷⁹ Бунин И. Из «Великого дурмана» // И. А. Бунин. Окаянные дни. Воспоминания. Статьи. М., 1990, С. 341.

ление об «общерусской» общности было для их авторов естественным, не требующим объяснений и доказательств.

Культурная и историческая специфика Малороссии, равно как особый региональный патриотизм малороссов, были вполне приемлемы в глазах сторонников концепции большой русской нации до тех пор, пока не входили с этой концепцией в противоречие. Более того, в первой половине XIX в. малорусская специфика вызывала живой интерес в Петербурге и Москве как более красочный, романтичный вариант russкости.⁸⁰ Упомянутый рассказ Бунина может служить примером, что у многих такое отношение сохранилось и позднее.

Литературные опыты на «малорусском наречии», отражавшие специфику местной жизни, вызывали благожелательный интерес в Петербурге и Москве как часть русской литературы, но попытка трактовать это «малорусское наречие» как отдельный от русского, самостоятельный украинский язык была для сторонников концепции большой русской нации неприемлема. Украинский национализм отрицал малорусскую идентичность, которая могла мирно уживаться с общерусской, и создавал свой образ идеального Отечества, стоявший в конфликте и с польским, и с русским. Украинская идея «отбирала» у русской не просто часть национальной территории, но «Киев — мать городов русских», место обретения православной веры и государственности, а также лишала идеологической основы в конфликте с польским движением. Не случайно наиболее влиятельный русский националистический журналист М. Н. Катков рисовал украинофилов вольными или невольными агентами «польской интриги».

Вызов со стороны других национализмов воспринимался правительством и русским общественным мнением как вызов «извне», в то время как угроза украинского национализма для сторонников общерусской нации была диверсией изнутри «национального тела». Вплоть до царствования Александра III, ознаменовавшегося заведомо обреченной на неудачу попыткой проведения русификаторской ассимиляторской политики в масштабе всей империи, русификация на окраинах носила ограниченный характер. Это могла быть, если воспользоваться определением Э. Тадена, административная русификация в духе политики Иосифа II в Австрийской империи, направленная на обеспечение более благоприятных условий функционирования централизованного правительенного аппарата. В определенных условиях русификация могла носить характер репрессивной меры, своеобразного наказания за нелояльность, как это было в Царстве Польском после восстаний 1830—1831 и 1863—1864 гг. Но в обоих случаях задача тотальной языковой ассимиляции местного населения не ставилась. В результате

⁸⁰ См.: Bushkovich P. The Ukraine in Russian Culture 1790—1860: The Evidence of the Journals // Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas 39 (1991).

репрессии против польской культуры в Царстве Польском, то есть на территориях с преобладанием этнически польского населения, могли быть предметом торга, в отличие от таких же и более жестких мер в Юго-Западном крае и в части Северо-Западного края, то есть на «ис-конно русских землях», потому что здесь они были средством «обру-сения», понимавшегося как восстановление подлинного характера этих земель, искаженного полонизацией. Репрессии же против украинского движения воспринимались как борьба с попытками разложения самого национального организма.

Отношение властей империи и великороссов к малороссам и белорусам предполагало, таким образом, интеграцию, основанную на прин-ципе равенства индивидов с одновременным отказом в институциона-лизации этих групп как национальных меньшинств, в то время как по отношению к неславянам, а также к западным славянам (полякам), принцип индивидуального равенства отрицался, но их статус нацио-нального меньшинства не ставился под вопрос.

В тот момент, когда малоросс принимал украинскую, исключаю-щую общерусскую, идентичность, он, в отличие от представителей других этнических групп, становился в глазах сторонников концепции большой русской нации отступником. В рамках этой концепции верна была формула «одним украинцем больше — значит одним русским меньше». «Возмутительный и нелепый софизм ... будто возможны две русские народности (намек на известную статью Костомарова „Две русские народности“, где он говорил о малороссах и великороссах как о двух русских народностях. — А. М.) и два русских языка, как будто возможны две французские народности и два французских языка!» — четко определял существоство своих опасений по поводу украинофильства главный гонитель Костомарова Катков.⁸¹ Таким образом, восприятие украинского и белорусского, в той мере, в какой последнее проявляло себя, национальных движений в корне отличалось от восприятия дру-гих национальных движений в империи. Борьба с другими националь-ными движениями была борьбой за сохранение целостности империи. Борьба же с украинским движением непосредственно касалась еще и вопроса о целостности русского народа (для тех, кто верил, что три-единая русская нация уже существует) или о том, какие территории и какое население составят то ядро империи, которое предстояло консолидировать в русскую нацию (для тех, кто отдавал себе отчет в том, что большая русская нация представляет собой только проект). Поэтому политика Петербурга в Малороссии и Белоруссии должна сравниваться именно с политикой Парижа в континентальной Фран-ции и политикой Лондона на Британских островах, а не с политикой,

⁸¹ Катков М. Н. 1863 год. Собрание статей, по польскому вопросу, помещавшихся в Московских Ведомостях, Русском Вестнике и Современной Летописи. Выпуск 1. М., 1887. С. 276.

например, Лондона в Индии, как это ошибочно делает в своей книге Андерсон.

Еще раз оговоримся при этом, что проект большой русской нации большинством его adeptov интерпретировался как нечто среднее между французской и британской моделями. Сторонников представления Украине автономии было немного, но также немного было и тех, кто считал необходимым полное подавление особой малороссийской региональной идентичности и малороссийской культурной специфики.

Полагаю, что приведенных аргументов достаточно, чтобы принять, по крайней мере в качестве серьезной гипотезы, тезис о существовании в русском общественном мнении и в сознании значительной части бюрократии образа большой русской нации, включавшей в себя всех восточных славян империи. Анализ официальных документов и прессы, которому посвящены дальнейшие главы, позволит нам представить дополнительные аргументы в пользу этого тезиса, равно как и показать, что многие чиновники и публицисты имели также достаточно ясное представление о методах реализации этого проекта национального строительства.

Оставим пока открытым целый ряд других вопросов. Каковы были мотивы тех, кто этот проект отвергал? (А мотивы эти были разными у сторонников традиционной религиозной и имперской легитимации самодержавия и у таких противников царизма, как Чернышевский.) Насколько ясно представляли себе сторонники проекта большой русской нации способы достижения цели, насколько последовательными были усилия к его осуществлению? Все это — предмет обсуждения в главах, посвященных описанию событий.

О терминологии

Если мы исходим из того, что взаимоисключающие проекты формирования украинской и большой русской нации в рассматриваемый нами период были именно *проектами* с большими или меньшими шансами на осуществление, то, в случае если мы хотим быть последовательными, это порождает существенные проблемы с терминологией.

В ходе конференции, состоявшейся в 1978 г., наиболее авторитетные украинские эмигрантские историки обсуждали, в частности, правомерность употребления терминов «Украина» и «украинцы» применительно к тому времени, когда они не были общепринятыми. Иван Рудницкий заметил: «Я полагаю правомерным применять ретроспективно современный национальный термин „Украина“ к тем эпохам в жизни страны и народа, когда это понятие еще не существовало или имело иное значение. Случай Украины не уникален с этой точки зрения. Французские историки не колеблясь включают кельтские и романские регионы в историю Франции, несмотря на то, что термин

„Франция“ возник только позднее и изначально относился только к ареалу Парижа, Иль-де-Франс⁸². Поступая так, французские историки, между прочим, продолжают традицию французских националистов XIX в. Этой логике следовали и русские националисты прошлого века, настаивавшие, что малороссы — часть русского народа. В случае удачи проекта строительства большой русской нации и русские историки, если согласиться с Рудницким, вполне могли бы сегодня продолжать называть территорию современной Украины Южной Русью и Малороссией. Аргумент, которым пользуется Рудницкий, а также открывавший эту дискуссию Омельян Прицак (последний приводил сравнение с Испанией⁸³), прямоadresseт нас к проблеме, уже обсуждавшейся нами в связи с эссе Валлерстайна «Существует ли Индия?». Участники дискуссии правы в том, что это устоявшаяся практика. Вряд ли в обозримом будущем удастся ее изменить. Но это не должно скрывать от нас недостатки этой практики.

«Изменение общего названия украинцев от русинов к малороссиянам и, затем, украинцам с региональными вариациями в употреблении этих терминов создает существенное напряжение. Однако использование столь большого числа названий для народа, который был ясно очерчен и воспринимался как историческая общность, слишком обременительно. Так что мы вполне можем использовать понятия „Украина“ и „украинский“, оговариваясь, какие названия использовались в тот или иной период», — говорил в ходе упомянутой дискуссии Фрэнк Сысин.⁸⁴ Действительно ли в истории менялись лишь термины для обозначения «ясно очерченного и воспринимавшегося как историческая общность народа»? С этим трудно вполне согласиться. Менялось понимание того, представляет ли эта общность часть «большего целого» или является самодостаточной единицей. Менялись также и представления о том, каковы границы этой общности. В Закарпатье и сегодня существует политическое течение, считающее тамошних русинов отдельным народом, а не частью украинской нации.⁸⁵ В XIX в. немало людей придерживалось этой точки зрения и в Галиции, а другие галичане считали свой народ частью большой русской нации.⁸⁶

⁸² Problems of Terminology and Periodization in the Teaching of Ukrainian History. Round Table Discussion. In: Ivan Rudnytsky (ed.). Rethinking Ukrainian History. Edmonton, 1981. P. 234—268. Высказывание Рудницкого см. на с. 240.

⁸³ Ibid. P. 235.

⁸⁴ Ibid. P. 251.

⁸⁵ См.: Rudnytsky I. Carpatho-Ukraine: A People in Search of Their Identity // I. Rudnytsky. Essays in Modern Ukrainian History... P. 353—374. Об известном современном канадском историке Роберте Магочи как об идеологе этого течения см. также: Hann C. Intellectuals, Ethnic Groups and Nations: Two Late-Twentieth-century Cases // Sukumar Perival (ed.) Notions of Nationalism. CEU Press, Budapest, London, New York, 1995.

⁸⁶ Подробнее см. главу 13.

Содержание понятия «малоросс» также далеко не равнялось содержанию понятия «украинец». Украинские активисты первоначально пользовались понятием «Русь», которое в их системе, как и в польской, принципиально отличалось от понятия «Россия», означавшего всю империю. Постепенно они переключались на термин *Украина*, чтобы избежать постоянной путаницы между их трактовкой понятия «Русь» как «Украины» и значением этого термина как общего для всех восточнославянских земель. Украинофилам пришлося также утверждать новый термин *украинцы* вместо более распространенного самоназвания *русины* для того, чтобы преодолеть традицию прежних двух веков, акцентировавшую общность имени для всего восточнославянского населения. Это встречало резкое сопротивление со стороны тех людей с малорусской идентичностью, которые понимали, что речь шла не просто о смене имени. Невозможно «придать Украине, этому обыкновенному названию местности, территориальной окраины, такое значение, которого она никогда не имела, не имеет и иметь не может... Украина это название вовсе не одновременное с происхождением первичных частей Древней Руси, а гораздо позднейшее, и притом название, как мы сказали, только полосы территории на юг от Киева, или даже от Роси... Кто в самом деле уполномочивал украинолюбцев отнимать у нас древнее название Русских и все принадлежности этого названия, в том числе и наш общий, культурный русский язык, выработавшийся таким долговременным и многотрудным процессом нашей истории, и все это заменять чем-то *украинским*, т. е. возникшим гораздо позднее, чисто частным и обозначающим только *райнюю местность?*» — писал в середине 1870-х гг. профессор филологии Киевского университета С. С. Гогоцкий.⁸⁷ Отметим, что он вовсе не был оригинален в своих взглядах. Вообще среди наиболее агрессивных противников украинского движения было немало людей, которые по современной, плохо подходящей к реалиям XIX в. терминологии должны были бы называться украинцами. Так, вдохновителем антиукраинофильского Эмского указа был малоросс М. В. Юзефович, а организатором и председателем киевского Клуба русских националистов в начале XX в. выступил уроженец Полтавской губернии А. И. Савенко. Эти люди вовсе не были «предателями украинского народа», потому что, сохранив малорусскую идентичность и веря, что лучше понимают интересы края, чем их оппоненты-украинофилы, они отрицали сам проект украинской нации и связанную с ним версию идентичности. Они были русскими националистами в том смысле, что выступали сторонниками проекта большой русской нации, составной частью которой они видели малороссов, вовсе при этом не считая, что приносят интересы малороссов в жертву великороссам. Они совсем не обязательно полагали, что малороссы должны отказаться от своей

⁸⁷ Русский вестник. 1875. № 7. С. 414.

идентичности в пользу великорусской — будем помнить, что большая русская нация их представлений должна была отличаться от той русской нации, какую мы знаем сегодня, не только размерами.

Все эти замечания касаются взглядов людей более или менее образованных, составлявших едва ли более двух процентов в крестьянском море восточнославянского населения современной Украины. Подавляющее большинство этих крестьян оперировало совсем иными категориями. В первом, программном номере украинофильского журнала «Основа» за 1861 г. была, среди прочего, помещена статья М. М. Левченко под названием «Места жительства и местные названия русинов в настоящее время». Автор определяет предмет своего интереса как «Южноруссов, Малоруссов, или, правильнее, Русинов». «Русины, — замечает Левченко, — по происхождению, быту и языку представляют одно племя, но по месту жительства носят разные названия». Далее он эти названия перечисляет: гетманьцы (юг Черниговской губернии), степовики (Полтавская и Екатеринославская губернии), украинцы («жители Киевской губернии, которая называется Украиною»), русины (Люблинская губерния и Галиция), гуцулы (Карпаты), польщаки (Подольская губерния, «называемая у простонародья Польщею») и так далее. К понятию «Польща» Левченко делает любопытное примечание, что в Новороссии это название часто применяют также к Волыни и Украине.⁸⁸

Трудно однозначно судить, в какой степени представления самих крестьян о том, к какой общности они принадлежат, совпадали со взглядами Левченко. (Галицкие русины, например, даже в начале XX в. говорили, что ходят на заработки «в Россию», хотя отправлялись они на территорию современной Украины. О польских крестьянах в той же Галиции В. Витос вспоминает, что «жившие на правом берегу Бислы очень долго считали своих соседей с другого берега Москалями, удивлялись, что те говорят по-польски, и относились к ним с большим предубеждением, чем к немцам или евреям».⁸⁹) Ясно, что в крестьянской иерархии идентичностей сословная и религиозная принадлежность (православные крестьяне), династическая лояльность, а также локальная идентичность («мы местные», то есть гетманьцы, украинцы, польщаки) во всяком случае стояли выше «общерусинской». НаПравобережье в 1863 г. эти православные крестьяне, верные православному царю, с воодушевлением ловили польских повстанцев, шляхтичей-католиков. Правительство этот энтузиазм использовало с оглядкой, боясь повторения галицкой резни шляхты в 1846 г.

Термин «украинцы» как общее название Левченко не упоминает. И не цензура тому причиной — в том же номере Костомаров пишет об украинском языке в современном значении этого слова. Следовательно, мы должны отдавать себе отчет в том, что *в середине XIX в.*

⁸⁸ Основа. 1861. № 1. С. 263—264.

⁸⁹ Witos W. Moje wspomnienia. T. I. Parzyż, 1964. S. 132—134.

только ничтожное меньшинство жителей современной Украины называло себя украинцами в том смысле, в каком этот термин употребляли украинофилы.

В уже цитированной дискуссии украинских историков Рудницкий сделал очень важную оговорку: «Добросовестный исследователь должен сознавать опасность анахронизмов. Поэтому он будет уделять пристальное внимание содержанию того или иного термина в каждый конкретный момент и семантической эволюции этого термина. В начале XIX в., например, термин „Украина“ официально использовался только применительно к Слобожанщине. Это объясняет, почему писатели того времени могли противопоставлять „Украину“ (то есть область Слободской Украины) „Малороссии“ (Черниговской и Полтавской губерниям, бывшей Гетманщине). Польские источники девятнадцатого века регулярно говорят о „Волыни, Подолии и Украине“, последнее означает здесь район Киева. Еще дальше в прошлое, в XVII в., „Украина“ означала территорию под казацкой юрисдикцией, то есть не включала Галиции, Волыни и Закарпатья. В этих областях термин „Украина“ утвердился только в XX в., в ходе национально-освободительного движения и последних политических изменений».⁹⁰ С учетом такой оговорки практику ретроспективного применения устоявшихся национальных терминов в большинстве случаев можно принять как неизбежное зло.

Но для работы, посвященной именно процессам формирования национальных идентичностей, этот компромисс все же неприемлем. Тот же Рудницкий написал однажды, что «среди проблем, стоявших перед украинским народом в XIX в., самой зловещей был выбор между ассимиляцией в общерусскую нацию и утверждением отдельной национальной индивидуальности».⁹¹ Эта фраза может служить прекрасной иллюстрацией тех опасностей, которые таит общепринятая практика даже для наиболее аккуратных и вдумчивых историков, видящих альтернативность процесса. В этом высказывании украинский народ уже в XIX в. предстает как консолидированная общность, совершающая некий выбор. В результате конфликт националистических движений, проектов национального строительства превращается в конфликт уже сформировавшихся народов, наций; хотя, по признанию самого Рудницкого, «отдельную национальную индивидуальность» еще только предстояло утверждать. В той же статье Рудницкий вполне справедливо отмечает, что «украинская история XIX в. может означать две различные вещи: с одной стороны, историю украинского националистического движения, а с другой, историю страны и народа».

⁹⁰ Problems of Terminology and Periodization... P. 240.

⁹¹ Rudnytsky I. The Role of Ukraine in Modern History // I. Rudnytsky. Essays in Modern Ukrainian History... P. 25. (Украинский перевод этой ключевой работы Рудницкого см. в: Лисяк-Рудницький І. Історичні есе. Т. 1. Київ, 1994.

да».⁹² Народ этот — понимаемый как простонародье, крестьяне, а не как нация — был озабочен вовсе не этим «зловещим» выбором. Само наличие этой дилеммы крестьянам еще предстояло объяснять. Изучавший начало XX в. Теодор Викс пишет: «Я нашел мало свидетельств того, что крестьянские массы на Юго-Западе имели национальное самосознание до 1914 г.»,⁹³ найдя тем самым более точную формулировку для высказанного многою ранее тезиса Богдана Кравченко: «Накануне Первой мировой войны и революции украинцы были народом, еще не выработавшим кристаллизированного национального самосознания».⁹⁴ Даже после того как они узнали о существовании описанной Рудницким дилеммы, крестьяне, как показывает история гражданской войны, очень часто склонны были руководствоваться в своем поведении не национальными, а другими мотивами.

Между прочим, и сама формулировка этой дилеммы нуждается в уточнении. Ассимиляция в общерусскую нацию православного населения современной Украины совсем не обязательно предполагала то растворение и полную утрату малорусской идентичности и культурных особенностей, которые Рудницкий называет «зловещей» альтернативой сохранению национальной индивидуальности. Не считая тот или иной вариант создания такой общеrusской нации более предпочтительным, чем исторически воплощенный вариант формирования украинской нации, замечу все же, что не вижу в них ничего зловещего и противостоящего — ассимиляционные процессы столь же «нормальны» в истории XIX в., как и процессы формирования «национальных индивидуальностей».⁹⁵

Я прекрасно понимаю, что современному украинцу невозможно представить такую перспективу без эмоционального протеста, ведь это означало бы, что те ценности, которым он привержен как украинец, просто не могли бы существовать. Будем, однако, помнить, что речь идет не о стремлении «отнять» уже сформировавшуюся национальную идентичность и все связанные с нею ценности, но об анализе исторических альтернатив на той стадии развития, когда эта идентичность как массовое явление еще не существовала.

⁹² Rudnytsky I. The Role of Ukraine in Modern History... Р. 12.

⁹³ Weeks T. R. Nation and State in Late Imperial Russia. Nationalism and Russification on the Western Frontier, 1863—1914. DeKalb: Northern Illinois Un. Press. 1996. Р. 125. Название книги Викса заметно шире, чем ее содержание, — исследование касается только XX в. Предшествующий период лишь кратко описан, основываясь на имевшейся литературе, с повторением многих свойственных ей ошибок.

⁹⁴ Krawchenko B. Social Change and National Consciousness in Twentieth-Century Ukraine. New York, 1985. Р. 3.

⁹⁵ В схожем ключе эта проблема применительно к белорусам рассматривается в статье Д. Фурмана и О. Буховца «Парадоксы белорусского самосознания» // Дружба народов. 1996. № 6.

Добавлю, что ассимиляцией, как она здесь описана, список альтернатив вовсе не исчерпывается. Если допустить, например, что Речь Посполитая не была бы разделена в конце XVIII в., то вполне вероятным выглядит формирование единой нации из всех восточных славян, живших в ее границах. Это, в свою очередь, имело бы последствия и для Малороссии, вошедшей в состав Московского царства после восстания Б. Хмельницкого. Можно представить и формирование нескольких «украинских» (беру это слово в кавычки, потому что никто не знает, как бы они назывались) наций, если бы, среди прочего, И. Сталин не выступил в роли «собирателя украинских земель». М. Грушевский, обращаясь к активистам украинского движения, в 1906 г. недаром ссыпался на пример сербов и хорватов, предупреждая об угрозе формирования двух разных народов на едином этническом фундаменте.⁹⁶

Применительно к русской нации альтернативы также не обязательны предполагают ее большие размеры. Формирование особой нации в Сибири или воображенный В. Аксеновым по образцу реального тайваньского сценария «остров Крым» также были вполне возможны. О течении «сибирских сепаратистов», возникшем почти одновременно с украинским национальным движением, нам еще придется говорить в этой книге.

Но вернемся к проблемам терминологии. Я буду использовать термины «Украина» и «украинцы» при изложении взглядов украинских националистов, то есть людей, которые мыслили этими категориями в их современном значении. Когда речь идет о людях, отрицавших исключительную украинскую идентичность или еще не знавших о возможности таковой, я буду употреблять те термины, которыми они сами пользовались, то есть «южноруссы», «малоруссы» или «малороссияне», «русины».⁹⁷ Таким образом мы сможем отразить ту неопределенность в иерархиях идентичностей, которая была характерна для всего XIX в.

В соответствии с этим принципом я буду употреблять и термины «русский», «великоросс», а также названия местностей. Будем помнить, что, в зависимости от контекста, понятие «русский» могло охватывать всех восточных славян или относиться только к великороссам. Это означает, в частности, что понятие «русское общественное мнение», употребленное в названии книги, включает в себя публици-

⁹⁶ Грушевський М. Україна і Галичина // Літературно-науковий вісник. XXXVI (1906).

⁹⁷ Слова «малоруссы» и «великоруссы» я буду писать по устаревшей на сегодня орфографии, с двумя «с», потому что в XIX в., как уже сказано, это имело особое значение. (Собственно, и «белоруссы» очень часто писались именно так, с двумя «с».) Также и «русины» будут появляться в тексте с двумя «с» в тех случаях, когда цитируются или излагаются взгляды тех людей, которые писали именно так.

стику всех тех авторов, кто причислял себя к русским, то есть и великороссов, придерживавшихся различных вариантов русской идентичности, и тех малороссов и белорусов, которые разделяли концепцию общерусской нации.

Во взглядах современников соотношение понятий русский, великорусский, белорусский, малорусский и тому подобных могло существенно различаться. Например, М. А. Максимович, малорусский патриот, но не украинский националист,⁹⁸ в лингвистическом отношении делил восточных славян на четыре части, которые, в свою очередь, составляли две группы, будучи в конечном счете частью общерусского целого: «Великороссийское наречие состоит в ближайшем сродстве с белорусским, и составляют они одну речь, или язык северорусский, который, вместе с южнорусским языком или речью (состоящую в двух главных наречиях — малороссийском и червонорусском), образует одну великую речь восточнославянскую или русскую».⁹⁹ Характерно признание Максимовичем языковой неоднородности того пространства, которое в идеологии украинофилов становится Украиной. «Малорусское и червонорусское наречия» оказываются в этой классификации столь же различными или столь же близкими, как великорусское и белорусское. Важна здесь не точность его оценок с точки зрения современной лингвистики, а именно принципиальное отличие классификации и иерархии Максимовича от взглядов, которые исповедуют уже в это самое время люди следующего поколения — украинофилы Кулиш и Костомаров. Разные интерпретации этих этнических категорий и их соотношений неизбежно были результатом сознательного искажения реальности — сама реальность была еще столь аморфной и непредопределенной, что вполне допускала различные и при этом вполне добросовестные интерпретации.¹⁰⁰

Общий вывод таков: в XVIII и XIX вв. процессы формирования идентичности у восточных славян могли протекать по существенно различным сценариям и дать существенно различные результаты. При этом нужно еще раз оговориться, что подчеркивание альтернативности, непредопределенности рассматриваемых процессов происходит из стремления глубже понять логику происходившего, а вовсе не из того, что автору тот или иной нереализованный вариант нравится

⁹⁸ Снова оговоримся, что противопоставляется здесь не «хороший» патриотизм и «плохой» национализм, но традиционный региональный патриотизм и национализм как новая, модерная форма идеологии и мировоззрения.

⁹⁹ Максимович М. Ответные письма М. П. Погодину // Русская беседа. 1857. Кн. 2. С. 87.

¹⁰⁰ Четких языковых границ на этом пространстве не было — вместо этого существовали достаточно обширные пространства пограничья, где население говорило на смеси велико- и малорусских, малорусских и белорусских диалектов.

больше, чем исторически воплощенный. Автор считает, что в подобных ситуациях историку вредно задаваться вопросом о том, какой из рассматриваемых им вариантов «предпочтительнее», поскольку в полном виде этот вопрос неизбежно звучит как «предпочтительнее для кого?» и предполагает принятие отвечающим той или иной стороны в описываемых конфликтах. Кроме того, нам не дано предугадать, какие совершенно неожиданные, непредсказуемые, в том числе и отрицательные, последствия мог иметь тот или иной альтернативный вариант.

В авторских рассуждениях, не являющихся пересказом или комментарием чьих-либо взглядов, применительно к XIX в. термины «Малороссия», «Украина» и производные намеренно употребляются вперемешку, а применительно к XX в., когда они действительно утверждались как самоназвания, мы строго придерживаемся терминов «Украина» и «украинцы».

Теперь несколько слов о других «проблемных» терминах. Мы уже условились, что понятия «националист» и «националистический» лишены в этом тексте оценочных характеристик, то есть характеризуя того или иного человека как украинского или русского националиста, мы не оцениваем его «хорошо» или «плохо». Подчеркну также, что фразы типа: «украинские националисты, претендовавшие на представительство интересов народа, как они его (народ) и их (интересы) понимали» должны восприниматься буквально. Иными словами, такая фраза вовсе не содержит намека, будто кто-то другой непременно понимал и отражал эти интересы лучше. Автор вообще старался избегать намеков, двузначностей, подтекстов — все, что сказано, сказано эксплицитно, в книге нет «скрытого», второго плана.

Также лишено позитивной или негативной окраски используемое в работе понятие «украинские сепаратисты». Противники украинских националистов безусловно вкладывали в него отрицательный смысл. Но не в цитатах, а в авторском тексте оно означает только то, что определяемые так персонажи считали желательным создание независимой Украины, и не содержит ни одобрения, ни порицания таких взглядов. (Понятие «сепаратисты» необходимо нам потому, что не все украинские националисты исповедовали такие взгляды — среди них было немало убежденных федералистов.)

Понятие «украинские националисты» нередко замещается в тексте термином «украинофилы». Его история сходна с другими «прозвищами», которые давались тем или иным течениям общественной мысли их противниками. Как и западники, как и славянофилы (термин «украинофилы» был скроен именно по их образцу), украинофилы приняли это прозвище как самоназвание. Негативная окраска этого понятия, слабо выраженная с самого начала, скоро совсем стерлась, так что противникам украинофилов пришлось придумать новые оскорбительные прозвища — хохломаны, мазепинцы. Иногда понятие «украинофильство» использовалось более широко, для обозначения

интереса к украинской специфике среди людей, не обязательно являвшихся украинскими националистами, а иногда даже имевших четко выраженную польскую и русскую идентичности.¹⁰¹ В случае употребления термина в таком расширительном значении это оговаривается в тексте.

¹⁰¹ Подробно см. мою статью «Украинофильство» // Славяноведение. 1998. № 5.

Глава 1

Россия и украинофильство в первой половине XIX в.

Растянувшийся на полтора века процесс инкорпорации Левобережья в Российской империю протекал достаточно гладко. Отмена автономии Гетманщины в конце XVIII в., явившаяся частью более широкого процесса административной унификации екатерининского царствования, не вызвала сколько-нибудь существенного сопротивления местных элит.¹ Зенон Когут, наиболее основательный исследователь истории Гетманщины XVIII в., пишет о двух типах настроений, преобладавших в среде малорусского дворянства в XVIII и начале XIX в. Один из них — Когут называет его ассимиляционным — был ориентирован на растворение в среде русского дворянства и полное слияние Малороссии с Великороссией. Другой тип настроений Когут очень точно определяет как традиционалистский. Традиционалисты стремились к сохранению или восстановлению «прав и привилегий», унаследованных малорусским дворянством от времен Речи Посполитой или полученных им в результате восстания под руководством Богдана Хмельницкого и перехода Малороссии под власть династии Романовых.

Когут подчеркивает, что традиционалисты не ставили под вопрос верность Романовым и не были политически организованы.² «Эта привязанность (к остаткам автономии Гетманщины. — A. M.) представляется более результатом инерции и удобства, чем защитой исторических малорусских прав и привилегий», — отмечает Когут, приходя в конечном счете к выводу, что «оппозиционные тенденции замедлили, но не остановили интеграцию и постепенную ассимиляцию украинского дворянства в русское имперское дворянство. Несмотря на живучесть некоторых местных традиций, в конечном счете факторы, способство-

¹ Kohut Z. Russian Centralism and Ukrainian Autonomy. Imperial Absorption of the Hetmanate 1760s — 1830s. Cambridge, Mass., 1988.

² Kohut Z. The Ukrainian Elite in the Eighteenth Century and Its Integration into the Russian Nobility // Banac I., Bushkovich P. Nobility in Russia and Eastern Europe. New Haven: Slavica Publishers, 1983. P. 75 - 76.

вавшие интеграции, оказались сильнее».³ Преобладание ассимиляционной тенденции было обусловлено тем, что различия между малоруссами и великоруссами обеими сторонами воспринимались как качественно меньшие по сравнению с поляками или прибалтийскими немцами, а также тем, что традиция верной службы царю была общей для подавляющего большинства и ассимиляционистов, и традиционалистов.⁴ Подчеркнем еще раз, что в XVIII и начале XIX в. малорусское дворянство и духовенство не просто в подавляющем большинстве своем верно служило царям, но внесло весьма значительный вклад в формирование того, что сегодня известно под именем русской культуры.

Ситуация принципиально изменилась в конце XVIII и начале XIX в. В результате разделов Речи Посполитой в состав Российской империи вошли земли Правобережья с польской или сильно полонизированной местной шляхтой. Это совпало с Французской революцией, которая вместе с последовавшими за ней наполеоновскими войнами противопоставила прежним религиозным и династическим принципам легитимации власти принцип национального суверенитета. В европейской культуре утверждается романтизм с его интересом к национальной проблематике и к народной культуре. Широкую популярность обретают идеи Й. Гердера, предрекавшего, среди прочего, особую роль славянских народов в наступающем веке и подчеркивавшего роль «собственного» языка для становления каждого народа.⁵ Вскоре декабристское движение и польское восстание 1830—1831 гг. ознаменовали кризис старого режима, основанного на лояльности династии различных, в том числе и нерусских, групп дворянства.

В среде польской шляхты романтизм не просто становится господствующим настроением, но получает мощное художественное воплощение. Польское посредничество сыграло большую роль в распространении романтизма в России. Казачество и его фольклор становятся объектом живого интереса и своего рода модой среди поэтов, писателей и этнографов. Далеко не всех, и даже вряд ли большинство тех, кто занимался в то время украинской этнографией, можно по современной классификации отнести к украинцам (по-тогдашнему — русинам или малороссам). Первое собрание «малороссийских песней» издал в 1819 г. в Петербурге грузинский князь Н. А. Цертелев. Существенный вклад в собирание народного творчества и этнографическое изучение малоруссов внесли М. А. Максимович, И. И. Срезневский, О. М. Бонч-

³ Kohut Z. The Ukrainian Elite... P. 78, 83.

⁴ Ibid. P. 84.

⁵ «Denn jedes Volk ist Volk; es hat seine National Bildung und seine Sprache». См.: Kemiläinen A. Nationalism: Problems Concerning the Word, the Concept, and the Classification. Jyväskylä, Kustantajat, 1964. P. 42.

дянский, З. Доленга-Ходаковский, А. Л. Метлинский и П. А. Лукашевич.⁶ Среди этих ранних украинофилов были и малоруссы, и великороссы, и поляки. Применительно к первой половине XIX в. можно даже говорить о польском, малорусском и, с некоторой натяжкой, великорусском украинофильстве как о взаимосвязанных, но самостоятельных явлениях, причем каждое из них вдохновлялось существенно различными идеями и целями.

В России первой половины XIX в. украинская тематика вызывала интерес и симпатию.⁷ Но это была симпатия и заинтересованность по отношению к одной из частей русской земли и русского народа. В истории и характерах Южной Руси искали тех романтических красок и мотивов, которых не хватало в истории Руси Московской. «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Тарас Бульба» и другие окрашенные малорусской спецификой произведения Гоголя и их восторженное восприятие петербургской и московской публикой могут послужить яркой иллюстрацией этих настроений. Однако в целом для русской культуры эпохи романтизма украинская тема была менее важна, чем для польской.

Важный мотив польского украинофильства — миф кресов как потерянного рая. В XIX в., особенно в первой его половине, вполне можно было быть польским националистом и украинофилом одновременно. Украинофильство в этом случае выступало как любовь к краю, являющемуся частью Речи Посполитой, а украинская специфика трактовалась либо просто как региональная, либо как этническая, но не исключающая Украину из польского мира. (Это примерно соответствовало той схеме, на которой был основан интерес к украинской тематике среди русской публики, но эмоции усиливались ностальгией.) Одним из наиболее знаменитых и по-своему типичным поэтом поль-

⁶ «Опыт собрания старинных малороссийских песней» Цертелева вышел в СПб. в 1819 г, а «Малороссийские песни, изданные М. Максимовичем» в Москве в 1827 г. Подробно о Цертелеве, Максимовиче и вообще об этнографической составляющей того весьма разнородного явления, которое можно условно назвать ранним украинофильством, см.: Пыпин А. Н. История русской этнографии. Т. 3. Этнография малорусская. СПб., 1891. (Пыпинский анализ политического аспекта явления устарел.) Понятием «раннее украинофильство» мы будем обозначать тот этап интереса к украинской, а чаще всего казачьей теме, который не предполагал утверждения исключительной украинской идентичности среди его адептов.

⁷ См.: Bushkovich P. The Ukraine in Russian Culture 1790—1860: The Evidence of the Journals // *Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas* 39 (1991), N. 3. S. 339—363, а также Saunders D. Ukrainian Impact on Russian Culture 1750—1850. Edmonton, 1985; Каппелер А. Мазепинцы, малороссы, хохлы: украинцы в этнической иерархии Российской империи // А. Миллер, Б. Флоря, В. Репринцев (ред.) Россия—Украина: история взаимоотношений. М., 1997. С. 125—144.

ского украинофильства был Тимко (Фома) Падура, исполнявший казацкие думы собственного сочинения на сомнительного качества украинском или, как тогда говорили, русинском, языке при дворах богатейших магнатов Правобережья.⁸ Мода на украинскую, а точнее, казацкую специфику выражалась и в том, что эти магнаты зачастую содержали собственную стражу из казаков.⁹

Именно в польском украинофильстве уже в 30-е гг. начинают отчетливо звучать политические мотивы. Интерес к Украине польских идеологов, особенно из числа эмигрантов после поражения восстания 1830—1831 гг., прежде всего был связан с поиском потенциальных союзников для борьбы с Российской империей. И. Лисяк-Рудницкий, автор биографических очерков трех видных идеологов польского украинофильства, начавших свою деятельность в конце 30-х — начале 40-х гг., — Ипполита (Владимира) Терлецкого, Михала Чайковского и Франтишека Духиньского — отмечает: «Поляки-украинофилы и украинцы польского происхождения (граница между этими категориями была очень зыбкой) внесли существенный вклад в создание новой Украины... Их влияние помогло украинскому возрождению преодолеть уровень аполитичного культурного регионализма и усилило его антироссийскую боевитость».¹⁰ О еще одном польском украинофиле того времени, также уроженце Правобережья, Якубе Яворском, подробно рассказал А. Н. Пыпин.¹¹ В писаниях польских украинофилов акцент делался на противопоставлении Руси, как они называли восточнославянские территории Речи Посполитой, деспотической Московии. Наиболее радикальные из них даже отрицали славянскость москалей. Они идеализировали прошлое польско-русинских отношений, а будущее Руси видели в восстановлении Речи Посполитой, теперь уже как союза трех начал — польского, литовского и восточнославянского.

Малороссы-украинофилы этого поколения в строгом смысле слова националистами не были и не стали ими даже в последующие десятилетия. Так, например, малороссийский патриотизм Максимовича не

⁸ Свои сочинения Падура издал в 1844 г.: *Ukrainky z nutoju* Тумка Padurru. Warszawa, 1844. О Падуре см.: Пыпин А. Н. Этнография малорусская... С. 252—258.

⁹ Собственно «украинские» украинофилы относились к этому резко отрицательно. «Изобретение комнатных козачков принадлежит цивилизаторам заднепровской Украины — полякам [...] Новейшие представители вельможной шляхты с чувством просвещенной гордости называют это покровительством украинской народности, которым-де всегда отличались их предки. [...] В kraю некогда козацком сделать козака ручным с самого детства — это то же самое, что в Латгалии покорить произволу человека быстроногого оленя», — писал Шевченко. (См.: Современик. 1860. № 3. С. 102.)

¹⁰ См.: Лисяк-Рудницький І. Історични есе. Т. 1. Київ, 1994. С. 276.

¹¹ Пыпин А. Н. Этнография малорусская... С. 262—272.

стоял в непримиримом конфликте с его общероссийской идентичностью. До конца жизни он не ставил под сомнение единство Южной и Северной Руси, даже в отдаленной перспективе. Он просто не мыслил националистическими категориями.¹²

В 20—30-е гг. центром развития малорусского романтического украинофильства был Харьков с его университетом.¹³ Однако, по замечанию Грушевского, «рядом с „настоящею“ великорусскою культурою, к которой серьезно относилось не только правительство, но и местное общество, это украинское течение выглядит мелким провинциализмом, забавою или капризом этнографов и антиквариев».¹⁴ Возникновение в 40-е гг. политических мотивов в среде украинской молодежи уже больше связано с Киевом и его новым университетом Св. Владимира, основанным в 1834 г. вместо закрытого после польского восстания 1830—1831 гг. Виленского университета.

В стихах середины 1840-х Т. Шевченко впервые с огромной эмоциональной силой сформулировал идею «миллениарного» воскрешения Украины, ее особой будущности и оказал решающее воздействие на идейное развитие участников Кирилло-Мефодиевского общества.¹⁵ Члены общества — Н. И. Костомаров, П. А. Кулиш и Н. М. Белозерский — стали, наряду с Т. Г. Шевченко, тем поколением, которое превратило украинофильство в националистическую идеологию.¹⁶

Это новое, в значительной мере уже разночинское и, во всяком случае, вполне народническое по убеждениям поколение украинофилов не сменило в строгом смысле слова прежнее поколение, носителей традиционного регионального патриотизма, но жило и действовало бок о бок с ним. Взаимоотношения этих двух поколений до сих пор изучены плохо. Между тем «старые» украинофилы часто оказывали новому поколению существенную поддержку, при этом далеко не всегда разделяя, а порой даже не понимая их цели.

В творчестве членов киевского общества, в особенности у Костомарова, очевидно влияние польского романтизма, прежде всего

¹² Подробнее о взглядах Максимовича см. главу 2.

¹³ О Харькове как центре раннего украинофильства см.: Багалей Д. И. Опыт истории Харьковского университета. Т. 1—2. Харьков, 1893—1904; Шамрай А. (ред.) Харьковская школа романтиков. З т. Харьков, 1930; Шамрай А. Харьковские поэты 30—40-х гг. XIX ст. Харьков, 1930; Ajzensztok J. Romantycy Ukrainscy a zagadnienia jednosci slowianskiej // Slavia Orientalis. № 3. 1973.

¹⁴ Грушевский М. Очерк истории украинского народа. С. 348.

¹⁵ См.: Грабович Г. Шевченко як міфотворець. Семантика символів у творчості поета. Київ, 1991.

¹⁶ О значении раннего этапа деятельности Шевченко, Кулиша и Костомарова для украинского национализма см.: Pelech O. The State and the Ukrainian Triumvirate in the Russian Empire, 1831—1847 // B. Kravchenko (ed.). Ukrainian Past, Ukrainian Present. N. Y., 1993.

А. Мицкевича. Заимствовались форма и стиль, заимствовались некоторые идеи, но при этом антипольские настроения в украинском украинофильстве были весьма сильны.¹⁷ (Позднее, в 60-е и 70-е гг., украинские активисты часто специально подчеркивали свою антипольскуюность как своего рода свидетельство благонадежности в глазах русского общественного мнения, враждебно настроенного к полякам.)

Сам термин «украинофильство», скроенный по образцу уже ставшего к тому времени привычным «славянофильства», впервые, похоже, появляется в связи с делом Кирилло-Мефодиевского общества или, как еще его называли, братства. В первоначальном секретном докладе шефа жандармов А. Ф. Орлова царю о расследовании дела Кирилло-Мефодиевского общества говорится: «В Киеве же и Малороссии славянофильство превращается в украинофильство. Там молодые люди с идею соединения славян соединяют мысли о восстановлении языка, литературы и нравов Малороссии, доходя даже до мечтаний о возвращении времен прежней вольницы и гетманщины».¹⁸

Разгромив едва возникшее Кирилло-Мефодиевское общество, власти обошлись с его участниками (за исключением Т. Шевченко и А. Гулака) по меркам николаевского времени довольно мягко.

П. А. Зайончковский, изучивший следственное дело общества, пришел к выводу, что в крайне узком кругу высших сановников, включая и Николая I, взгляды кирилло-мефодиевцев были верно оценены как попытка формулирования программы украинского национального движения. Сам Николай I прямо связывал возникновение общества с влиянием польской послеповстанческой эмиграции: «Явная работа той же общей пропаганды из Парижа; долго этой работе на Украине мы не верили; теперь ей сомневаться нельзя».¹⁹ Не желая подталкивать малороссов к союзу с поляками и учитывая также, что круг распространения идей кирилло-мефодиевцев был крайне узким, власти решили не обострять обстановку жесткими репрессиями и сохранить втайне истинный характер дела. В записке III отделения ясно говорилось: «Еще более надлежит быть осторожными в отношении к Малороссии, хотя там, от молодых украинофилов, подобных Шевченко и Кулишу, быть может, обращаются идеи об отдельном существовании, даже между людьми более степенными, нежели сами украинофилы, но строгие меры сделают для них еще дороже запрещенные мысли и могут малороссиян, доселе покорных, поставить в то раздраженное против нашего правительства положение, в каком находится, особенно после мятежа, Царство Польское. Полезнее и справедливее будет не

¹⁷ О Кирилло-Мефодиевском обществе и идеологии его членов см.: Зайончковский П. А. Кирилло-Мефодиевское общество (1846—1847). М., 1959.

¹⁸ Кирилло-Мефодіївське Товариство. Т. 3. Сост. О. О. Франко и др. Ред. Л. З. Гісцова, Г. Я. Сергіенко. Київ, 1990. С. 309.

¹⁹ Зайончковский П. А. Кирилло-Мефодиевское общество... С. 118.

показывать и вида малороссиянам, что правительство имело причину сомневаться, не посеяны ли между ними вредные идеи, и принять меры в отношении к ним совершенно противоположные тем, которые принимались в Царстве Польском».²⁰ В полном согласии с этой тактикой управляющий 1-й экспедицией III отделения М. М. Попов посетил в камере Костомарова, который давал до этого вполне откровенные показания, и прямо посоветовал ему, что тот должен написать о целях общества, чтобы избежать сурового наказания, и даже дал в качестве образца показания Белозерского, с которым, по-видимому, уже провел аналогичную работу.²¹ В дальнейшем сконструированная тогда версия о стремлении кирилло-мефодиевцев объединить славян под скипетром русского царя и стала официальной. Распространение подлинной информации о выводах следствия было строго ограничено. Распоряжение Николая I о подчинении Киевского учебного округа непосредственно генерал-губернатору Д. Г. Бибикову было дано «не оговаривая причин».²² Циркуляр, разосланный Уваровым в университеты в качестве официальной реакции на дело Кирилло-Мефодиевского общества, оказался столь невразумительным, что попечитель Московского университета граф С. Г. Строганов, не знавший сути дела, даже отказался оглашать его профессорам как совершенно непонятный.

В последние годы царствования Николая I власти довольно внимательно следили за проявлениями «малороссийского особничества». Однако в силу того, что оценка идеологии Кирилло-Мефодиевского общества как сепаратистской и националистической не вышла за теснейший, насчитывавший буквально несколько человек, круг высших сановников, основная масса чиновников продолжала придерживаться официальной версии. Это хорошо видно из дела канцелярии министра народного просвещения по Главному Управлению по делам цензуры (далее ГУЦ), начатого в 1853 г. в связи с конфликтом киевского цензора Д. Мацкевича с киевской Временной Комиссией для разбора древних актов по поводу издания «Летописи гадячского полковника Григория Грабянки».²³ Цензор полагал, вполне в согласии с изначальными планами учредившего эту Комиссию правительства, что «главная цель учреждения ее (комиссии. — А. М.) состоит в обнародовании не актов, доказывающих отдельную историческую самобытность Малороссии, а присутствие русского элемента в возвращенных от Польши губерниях».²⁴ Мацкевич напоминал также, что в связи с делом Кирилло-Мефодиевского общества последовало распоряжение не дозволять перепечатывания прежде разрешенных сочинений Т. Шевченко, П. Кулиша и Н. Костомарова, поскольку «в этих сочинениях авторы

²⁰ Зайончковский П. А. Кирилло-Мефодиевское общество... С. 129—130.

²¹ Там же. С. 125—126.

²² Там же. С. 118.

²³ РГИА, ф. 772, оп. 1, ед. хр. 3210.

²⁴ Там же. Л. 13.

стараются выставить прежнее положение Украины в выгоднейшем свете в сравнении с нынешним и возбудить сожаление об утрате ста-ринной вольницы».²⁵ Разбиравший дело чиновник для особых поруче-ний Волков был с цензором солидарен, указывая в докладе министру народного просвещения С. С. Уварову, что «Малороссияне никак не могут забыть ни своей Гетманщины, ни своей казацкой вольности, ни своих прав, ими потерянных».²⁶ В свою очередь Уваров в письме министру внутренних дел от 27 апреля 1854 г. напоминал высочайшее повеление от 1847 г., «чтобы писатели рассуждали возможно осторож-нее там, где дело идет о народности или языке Малороссии и других подвластных России земель, не давая любви к родине перевеса над любовью к отечеству — Империи, изгоняя все, что может вредить последней любви, особенно о прежнем, будто бы необыкновенно счаст-ливом положении подвластных племен».²⁷ Таким образом, на всех уровнях имперской власти от министра до рядового цензора «мало-российское особничество» рассматривалось прежде всего как проявле-ние традиционалистского местного регионального патриотизма, как своеобразный пережиток старины, обреченный отойти в прошлое, но не как начало модерного украинского национализма, каковым в дей-ствительности была деятельность Шевченко, Кулиша, Костомарова и других украинских активистов их поколения.²⁸

Нарождающийся конфликт получил свое отражение в русской прессе. Уже в начале 40-х гг. вопрос о роли и статусе малороссийского языка привлек пристальное внимание Белинского, напечатавшего целый ряд рецензий на появлявшиеся тогда публикации на украинском. Восхищаясь поэтичностью малороссийской жизни, он одновре-менно, в духе модного тогда в Европе «цивилизаторского» импера-лизма,²⁹ утверждал, что, «слившись навеки с единокровною ей Рос-сию, Малороссия отворила к себе дверь цивилизации, просвещению, искусству, науке, от которых дотоле непреодолимою преградою разлу-чал ее полудикий быт ее».³⁰ Отсюда вытекало и отношение к вопросу о языке: «Мы имеем полное право сказать, что теперь уже нет мало-российского языка, а есть областное малороссийское наречие, как есть

²⁵ РГИА, ф. 772, оп. 1, ед. хр. 3210. Л. 9.

²⁶ Там же. Л. 18 об.

²⁷ Там же. Л. 22 об.

²⁸ См.: Pelech O. The State and the Ukrainian Triumvirate in the Russian Empire, 1831—1847 // B. Kravchenko (ed.). Ukrainian Past, Ukrainian Present. N. Y., 1993.

²⁹ «Здесь живут краснокожие Фенимора Купера», — писал, например, О. Бальзак о крестьянах Франции в 1844 г. Множество других высказы-ваний образованных французов в этом духе см. у Ю. Вебера в главе под говорящим само за себя названием «Страна дикарей». (См.: Weber E. Peasants into Frenchmen... Ch. 1, «A Country of Savages». P. 3—6.)

³⁰ Белинский В. Г. ПСС. Т. 7. М., 1955. С. 64—65.

белорусское, сибирское и другие подобные им областные наречия [...] Литературный язык малороссиян должен быть язык их образованного общества — язык русский». ³¹ Это убеждение было распространено и в конце 50-х, когда П. А. Лавровский, например, призывал собирать сведения о малорусском наречии как исчезающем.³² (Впрочем, как верно замечает П. Бушкович, многие из русских публицистов, выразивших скептицизм по поводу будущего украинского литературного языка, были в то же время и издателями малорусской литературы.³³) Агрессивная позиция Белинского сказалась и в его реакции на слухи о раскрытии Кирилло-Мефодиевского общества. «Ох мне эти хохлы! Ведь бараны — а либеральничают во имя галушек и вареников с свиным салом! И вот теперь писать ничего нельзя — все марают. А с другой стороны, как и жаловаться на правительство? Какое же правительство позволит печатно проповедовать отторжение от него области?» — пишет он П. В. Анненкову в начале декабря 1847 г.³⁴

В своих взглядах на необходимость русификации Западного края Белинский отнюдь не был оригинален: в это же время стоявший на другом полюсе общественного спектра сотрудник Ф. В. Булгарина Н. И. Греч, предлагая в своей записке в III отделение сделать ряд уступок национальным чувствам поляков, оговаривался: «Уроженцы западных губерний дело иное: с ними должно принимать другие меры, особенно усилить там распространение русского духа и языка».³⁵

Во второй половине 40-х гг. редактируемые Бодянским «Чтения Императорского Общества Истории и Древностей Российских» напечатали несколько малорусских исторических сочинений, написанных в начале XIX в. и посвященных отношениям Малороссии с Великороссией. В 1846 г. была опубликована широко распространенная до этого в списках «История Русов».³⁶ «История...», написанная, кстати, по-русски, не ставила под вопрос верность Романовым, но в традиционистском духе подчеркивала обособленность Малороссии и весьма ярко описывала жестокости и бесправия, чинившиеся в Малороссии цар-

³¹ Белинский В. Г. ПСС. Т. 5. М., 1954. С. 177, 330. Подробно о позиции Белинского см.: Rutherford A. Vissarion Belinskii and the Ukrainian National Question // Russian Review. Vol. 54. № 4. October 1995.

³² Лавровский П. А. Обзор замечательных особенностей наречия малорусского сравнительно с великорусским и другими славянскими наречиями // Журнал Министерства народного просвещения. Июнь 1859. С. 225.

³³ Bushkovich P. The Ukraine in Russian Culture 1790—1860: The Evidence of the Journals // Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas 39 (1991). Н. 3. С. 341.

³⁴ Белинский В. Г. ПСС. Т. 12. С. 441.

³⁵ См.: Рейтблат А. И. (сост.) Видок Фиглярин. Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение. М., 1998. С. 556.

³⁶ История Русов или Малой России. Сочинение Георгия Конисского, архиепископа Белорусского. Чтения императорского общества истории

скими чиновниками. После ареста кирилло-мефодиевцев, а возможно и в связи с ним, в 1848 г. «Чтения...» напечатали резко антипольские «Замечания, до Малой России принадлежащие», в которых акцентировалось единство Малой и Великой Руси, а о малороссиянах говорилось как о «русских людях».³⁷

Особенный интерес среди публикаций «Чтений» на эту тему представляет неоконченная работа Ю. Венелина «Спор между южанами и северянами по поводу их россизма». Венелин, сам закарпатский русин, был сторонником концепции большой русской нации: «Весь Русский народ, как он есть ныне, по огромности своей... разделился только на две ветви... Этих ветвей иначе назвать нельзя как Северною и Южною». Численность малоруссов или, по терминологии Венелина, «южан», он определял в 15 миллионов в России и в 20 с русинами, находящимися под властью Австрии.³⁸ Главной причиной возникновения различий между южанами и северянами Венелин считал нашествия татар, турок и германцев, причисляя к последним ляхов, в некотором смысле «выворачивая наизнанку» теорию Духиньского о неславянском, турецком происхождении москалей.³⁹ Основным современным фактором разделения Венелин считал «взаимное, постепенное уклонение в языке», приведшее к формированию южного и северного «наречий». Взаимное восприятие инаковости южан и северян Венелин иронично описывал как прежде всего простонародный предрассудок, которому поддаются и некоторые образованные люди: «И в самом деле, можно ли человека почесть своим, который не носит красной или цветной рубашки, называет щи борщом, и не *гаварит харашо*, а *добре?!*»⁴⁰ Отметим, что простонародное восприятие того, что мы бы назвали сегодня этно-лингвистическими различиями, Венелин проницательно трактует как ресурс, значение которого определяется тем, будет ли он востребован «безбородыми», то есть образованными, для их политических целей. Хотя опубликованный текст Венелина явно представлял собой лишь небольшое введение к задуманному обширному сочинению, идеология автора реконструируется без труда — южанам и северянам предстоит изжить взаимные предрассудки и сгладить накопившиеся за века иноплеменного владычества языковые различия.

Если Белинский демонстрировал весьма агрессивную ассимиляторскую позицию, а Венелин отстаивал те же идеи в более умеренном, даже ироническом тоне, то один из виднейших славянофилов Ю. Ф. Самарин был не только сторонником сохранения культурной

и древностей российских (далее — ЧОИДР). № 1—4. М., 1846. (Реальный автор до сих пор однозначно не установлен.)

³⁷ ЧОИДР. № 2. М., 1848.

³⁸ ЧОИДР. № 3. М., 1847. С. 2—3.

³⁹ Там же. С. 9.

⁴⁰ Там же. С. 4.

самобытности украинцев, но даже определенной административной обособленности Украины. В дневнике, веденном им в Киеве в 1850 г., он полемизирует с интерпретацией украинской истории Кулишем, считавшим, что Украина в XVII в. могла бы стать самостоятельной, если бы не предательство казачьей старшины, но при этом замечает: «Пусть же народ украинский сохраняет свой язык, свои обычай, свои песни, свои предания; пусть в братском общении и рука об руку с великорусским племенем развивает он на поприще науки и искусства, для которых так щедро наделила его природа, свою духовную самобытность во всей природной оригинальности ее стремлений; пусть учреждения, для него созданные, приспособляются более и более к местным его потребностям. Но в то же время пусть он помнит, что историческая роль его — в пределах России, а не вне ее, в общем составе государства Московского».⁴¹

Ясно, что вскоре после разгрома Кирилло-Мефодиевского общества такие взгляды не могли быть опубликованы, но они логично дополняют широкий спектр отношения русских образованных слоев к украинскому вопросу. Общим для всех был тезис о государственном единстве Южной и Северной Руси, но одни видели путь к этому единству через более (Белинский) или менее (Венелин) агрессивную русификационскую политику, через создание культурно и лингвистически гомогенной нации, а другие, как Самарин, понимали это единство как политическое, с сохранением культурной и языковой самобытности Украины. (Вряд ли, впрочем, в своих представлениях о самобытности Украины Самарин шел так далеко, что готов был поддержать вытеснение русского языка малорусским. Скорее, он представлял это как развитие украинского языка во внегосударственной сфере.)

⁴¹ Из дневника, веденного Ю. Ф. Самариным в Киеве, в 1850 году // Русский архив. 1877. № 6. С. 232. Как показатель отношения славянофилов к Кирилло-Мефодиевскому обществу чаще цитируют высказывание А. П. Хомякова из его письма Ю. Ф. Самарину от 30 мая 1847 г.: «Малороссиян по-видимому заразила политическая дурь. Досадно и больно видеть такую нелепость и отсталость». Здесь цитату обрывают (см., например: Полещук Т. Російска громадськість та український культурно-національний рух кінця 50-х — початку 60-х років XIX століття // Вістник Львівського університету. Серія історична. Випуск 33. Львів, 1998. С. 102), но если продолжить ее дальше, то ясно, что полемизирует Хомяков именно с их увлечением политикой, не определяя своего отношения к представлениям братчиков о будущем Украины: «Когда общественный вопрос только поднят и не только не разрешен, но даже и не близок к разрешению, люди, по-видимому умные, хватаются за политику! [...] Не знаю, до какой степени было преступно заблуждение бедных Малороссиян, а знаю, что бестолковость их очень ясна. Время политики миновало [...] Наше дело — борьба нравственная» (Русский архив. 1879. Кн. 3. С. 327—328).

Ограниченный всплеск активности в обсуждении украинского вопроса в 40-е гг. не получил своего развития в первой половине 50-х годов. Члены Кирилло-Мефодиевского общества отправились в ссылку, и тактика правительства, решившего «не показывать вида», что проблема существует, срабатывала, пока николаевский режим не рухнул в результате поражения в Крымской войне и связанной с ним, как считают многие, смерти императора. Все, в том числе и «украинский вопрос», переменилось с началом нового царствования.⁴²

⁴² Запрет простудившегося Николая I давать ему какие-либо лекарства нередко истолковывают как своеобразную форму самоубийства.

Глава 2

Первые годы царствования Александра II. «Скрытая» стадия активизации украинофильства

Уже первые шаги по либерализации режима в начале царствования Александра II затронули и положение активистов украинского национального движения, репрессированных по делу Кирилло-Мефодиевского братства. Запрет на публикацию их произведений был снят. Костомаров был возвращен из провинции и получил место профессора. Его появление в Петербургском университете было поистине триумфальным — после первой лекции из аудитории его вынесли на руках. У Кулиша вскоре появилась собственная типография в Петербурге.¹ В 1858 г. вернулся в столицу и Шевченко. Вообще Петербург в то время становится центром довольно многочисленного и активного украинофильского кружка. «Жаль мне, что Вы находитесь так далеко от родины и от Петербурга, который, по множеству проживающих здесь украинцев, заменяет нам отчасти родину», — писал Кулиш одному из своих корреспондентов-украинцев в 1861 г.²

Бдительность властей по отношению к украинофильству практически сошла на нет. Только некоторые рядовые чиновники, еще помнившие порядки прежнего царствования, временами беспокоили начальство. В 1857 г. петербургский цензор Лажечников, обнаружив в предисловии Кулиша к его исторической хронике «Черная рада» «рас-

¹ За 1860—1862 гг. типография Кулиша издала в серии «Сельская библиотека» 39 различных брошюры на украинском, что равняется числу украинских книг, изданных за предыдущие 40 лет. См.: Дей О. І. Книга і друкарство на Україні з 60-х років XIX ст. до Великого Жовтня // П. М. Попов (ред.). Книга і друкарство на Україні. Київ, 1964. С. 129.

² П. А. Кулиш — В. П. Маслову, 7 декабря 1861 г. ОР РГБ, ф. 418, к. 1, ед. хр. 15. л. 1. Некоторые подробности о жизни петербургского кружка украинофилов см. в: Пантелейев Л. Ф. Воспоминания. М., 1958; Недоборовский З. Мои воспоминания. // Киевская старина. Февраль 1893. Грушевский впоследствии заметил: «Самый факт, что центром украинского движения конца 50-х и начала 60-х годов сделался Петербург — правительственный центр, расположенный в 1500 верстах от украинской территории, показывает, как слабо было еще это движение, как связано с деятельностью немногих единиц». (Грушевский М. Очерк истории украинского народа. СПб., 1904. С. 352.)

суждения о внесении примирительного начала между двух племен, связанных материально и отчасти духовно, но разрозненных старыми недоразумениями и недостатками взаимной оценки», счел, что «столь важный предмет требует рассмотрения его высшею Цензурою», а потому обратился с запросом в Главное Управление по делам цензуры (далее — ГУЦ).³ Последнее от бдительного цензора отмахнулось, предложив рассмотреть вопрос «согласно общих правил».⁴

Уже в 1860 г. петербургский цензор В. Бекетов, при рассмотрении очередного произведения Кулиша под названием «Хмельниччина», не найдя в книге «ничего предосудительного, кроме некоторых слов, намекающих на стеснительное положение Малороссии при завладению ею русскими», тем не менее усомнился, «может ли вообще быть допущена история Малороссии, в чем как бы высказывается самостоятельность этого края».⁵ И вновь ГУЦ не нашел резонов трактовать украинский вопрос вне «общих правил»: «Цензура вообще не может и не должна препятствовать обнародованию специальных сочинений, касающихся истории разных областей империи, бывших некогда отдельными и ныне составляющими с ней одно целое, если только сочинения эти написаны с чисто ученою целью, без всякой мысли о возможности самостоятельного существования тех областей и без всяких сепаратических учений и настроений».⁶ Не обнаружив, по наивности, таковых в сочинении Кулиша, ГУЦ разрешил публикацию «Хмельниччины».

Где правительство проявляло жесткость и быстроту реакции, так это в пресечении весьма энергичных в то время попыток поляков распространять в Западном крае книги на местных языках, печатанные латиницей.⁷ Активные усилия по переводу на латиницу письменности тамошних русинов предпринимались в это время в Габсбургской монархии. В мае 1858 г. в Галиции по указанию наместника провинции гр. А. Голуховского была создана специальная комиссия по переводу галицийских русинов с кириллицы на латиницу. Другой проект такого рода был подготовлен с благословения австрийских властей чехом Й. Иречеком, занимавшим важный пост в австрийском Министерстве просвещения.⁸ Реализовать эти проекты не удалось из-за отчаянного сопротивления галицийских русинов.

³ РГИА, ф. 772, оп. 1, ед. хр. 4027. Л. 1—1 об. Письмо от 4 января 1857 г.

⁴ Там же. Л. 8. Заключение ГУЦ от 12 января 1857 г.

⁵ РГИА, ф. 772, оп. 1, ед. хр. 5536. Л. 1—1 об. Запрос от 7 декабря 1861 г.

⁶ Там же. Л. 4—4 об. Письмо члена ГУЦ Н. Муханова от 22 февраля 1861 г.

⁷ См. статью В. Ламанского в № 2 «Дня» от 21 октября 1861 г. С. 16.

⁸ См.: Мойсеенко В. Про одну спробу латинизації українського письма // «І»: незалежний культурологічний часопис. Львів, 1997. № 9. С. 140—147.

Уже в 1859 г. «печатание азбук, содержащих в себе применение польского алфавита к русскому языку», в России было запрещено. В этой связи было указано «постановить правилом, чтобы сочинения на малороссийском наречии, собственно для распространения между простым народом (а это как раз не возбранялось. — А. М.), печатались не иначе как русскими буквами».⁹ Аналогичное решение вскоре последовало и в отношении белорусского языка.¹⁰ Таким образом, белорусский и малорусский трактовались как наречия русского языка. В целом эти решения продолжали политику, принятую после восстания 1830—1831 гг., которая, по меткому определению французского историка Даниэля Бовуа, признавала крестьян Западного края экономической собственностью польских землевладельцев, но отказывалась считать их польской культурной и национальной собственностью.¹¹

Накануне отмены крепостного права правительство и общественное мнение были озабочены развитием начального образования для крестьян. И здесь особой чуткости к угрозе украинского национализма, а также жесткости ассимиляторской политики не проявлялось. Специальный Комитет, рассматривавший этот вопрос в 1861 г., пришел к заключению, что в первые два года — а к этому, собственно, и сводилось начальное образование во многих областях империи, в том числе и на Украине, вплоть до начала XX в. — преподавание должно вестись на местных наречиях «в тех местностях, где родной язык не есть язык велико-российский», и только на более высоких ступенях языком обучения должен становиться русский.¹² (Фактически это решение повторяло нормы Устава 1804 г., предполагавшего преподавание и русской, и местной грамматики.) Замечателен в этой связи рассказ члена Полтавской громады Д. Пильчикова о том, как в 1861 г. в ходе конфликта украинофилов и местных помещиков о языке преподавания в местной воскресной школе «какой-то петербургский генерал зашел в школу, принял к великому нашему удивлению нашу сторону, находил наше притязание вполне законным и — хамократия (так Пильчиков неизменно называет местных помещиков. — А. М.) замолчала».¹³

В начале 1862 г. в Петербурге и Москве можно было свободно купить шесть (!) украинских букварей разных авторов, в том числе

⁹ РГИА, ф. 772, оп. 1, часть 2, ед. хр. 4840.

¹⁰ РГИА, ф. 772, оп. 1, часть 2, ед. хр. 4950. Замечательно, что В. Дунину-Марцинкевичу, издателю конфискованного в результате этого решения перевода «Пана Тадеуша» А. Мицкевича, были возмещены убытки.

¹¹ Beauvois D. Polacy na Ukraine 1831—1863. Paruz, 1987. S. 31.

¹² См. РГИА, ф. 775, оп. 1, ед. хр. 188. Л. 9—9 об. (Справка для Валуева о решениях по этому вопросу.)

¹³ Дудко В. Полтавська Громада початку 1860-х рр. у листах Дмитра Пильчикова до Василя Білозерського // Київська Старовина. 1998. № 2. С. 162.

Кулиша и Шевченко.¹⁴ В 1862 г. стараниями минского маршалка (предводителя дворянства) А. Аскерка был напечатан и белорусский букварь.¹⁵ Отметим предписание цензурным комитетам от 1858 г. в случае переиздания «Граматки» Кулиша, впервые напечатанной в Петербурге в 1857 г., исключить из нее статьи, «проникнутые национальным украинским духом».¹⁶ Цензурным властям просто не приходило в голову, что само издание украинских букварей гораздо более важно для развития украинского национализма, чем несколько высказанных в них сепаратистских идей! Другая претензия властей к «Граматке» Кулиша, вытекавшая, собственно, из первой, была связана с помещением в ней статей, вызывающих враждебность к полякам. Киевский генерал-губернатор кн. И. И. Васильчиков под влиянием жалоб местных помещиков обращался в 1858 г. к министру народного посвещения с просьбой запретить именно по этой причине продавать «Граматку» во вверенных ему губерниях, а в последующих изданиях эти статьи изъять.¹⁷

Власти не только не чинили препятствий для издания украинских букварей, но ассигновали через МНП 500 рублей для издания украинских учебников для народных школ.¹⁸

Украинские активисты даже попытались использовать церковные структуры для распространения букваря Шевченко в народных школах. В начале 1861 г. группа харьковских украинофилов отправила 6000 экземпляров букваря Шевченко киевскому митрополиту Арсению для использования их в народных школах. Сам факт, что организаторы этой акции не запросили Арсения о готовности принять книгу, но сразу послали ему такое огромное число экземпляров, войдя в весьма серьезные расходы, говорит о том, что они не ожидали встретить какие-либо препятствия с его стороны. Митрополит, однако, проявил осторожность и 19 апреля отправил обер-прокурору Святейшего Синода А. П. Толстому запрос о том, стоит ли ему принимать этот дар и вообще о мнении правительства насчет использования малорусских букварей в народных школах.¹⁹ Толстой 20 июня переадресовал

¹⁴ См.: Основа. 1862. № 1. С. 108. Остальные авторы — Л. Ященко, Н. Гатцук, И. Деркач, К. Шейковский. Были и разошедшиеся к тому времени издания, например М. Максимовича.

¹⁵ Церашкович П. У. Беларусы. Энцыклапедыя Гісторыі Беларусі. Мінск, 1993. С. 471.

¹⁶ РГИА, ф. 772, оп. 1, часть 2, ед. хр. 4503.

¹⁷ РГИА, ф. 772, оп. 1, д. 4503. Л. 1.

¹⁸ См.: Фабрикант Н. Краткий очерк из истории отношений русских цензурных законов к украинской литературе // Русская мысль. 1905. Кн. III. С. 131.

¹⁹ См.: Бородін В. С. Т. Г. Шевченко і царська цензура. Дослідження та документи. 1840—1862 роки. Київ, 1969. С. 75. (Бородін опублікував в приложении все документы, касающиеся этой истории.) К запросу в ад-

запрос Арсения начальнику III отделения В. А. Долгорукову.²⁰ Долгоруков в свою очередь тут же передал письмо Толстого министру народного просвещения Е. В. Путятину, который запросил справку от подчиненного ему Главного управления цензуры. Последнее сообщило, что «по цензуре нет распоряжения, чтобы не дозволять печатать буквари на малороссийском языке. Только постановлено правилом, чтобы сочинения на малороссийском наречии, писанные собственно для распространения их между простым народом, печатались не иначе как русскими буквами, и чтобы подобные народные книги, печатанные за границеюпольским шрифтом, не были допускаемы ко ввозу в Россию». В канцелярии Путятина на этом документе была сделана приписка: «Главное управление цензуры постановило: препятствовать нет законных оснований, но лучше не поощрять наречий, разъединяющих два племени. Представить подробнее рассмотреть г. т[айному] с[оветнику] Тройницкому. 8 июля 1861 г.»²¹ Таким образом, в середине 1861 г. ни Синод, ни III отделение, ни МНП не имели сколько-нибудь ясной позиции по вопросу о допущении в начальную школу украинских учебников.

Член Главного управления цензуры А. Тройницкий представил свой отзыв через неделю — 14 июля. Он начал записку с подтверждения вывода ГУЦ, что нет никаких законных оснований для препятствий к публикации этой книги, но тут же оговорился, что «покровительствовать от имени правительства распространению ее в Малороссии, в виде народного учебника, едва ли было бы уместно». Аргументация Тройницкого выглядела следующим образом: «Издание как этой книжки, так и других, ей подобных, т. е. составляемых для простонародья в Малороссии, на малороссийском языке, хотя и печатаемых русскими буквами, обнаруживает намерение вызвать снова к отдельной жизни малороссийскую народность, которой постепенное и прочное слияние в одно неразрывное целое с народностью великорусской должно, по моему мнению, быть предмет ненасильственных, но тем не менее постоянных стремлений правительства. Религия, исповедуемая нами, одна и та же; высшие классы малороссийского населения, благодаря Бога, уже значительно сблизились и слились с такими же классами великороссийского племени в общественном и служебном быту; простой народ составляет значительную часть русского войска, его интересы, земледельческие, промышленные и торговые, могут только выиграть и развиться через взаимное обобщение с подобными интересами всего русского государства; различаются и разделяются еще отчасти великорусский и малороссийский простой народ

рес Толстого Арсений приложил письмо от дарителей, но просил его вернуть, что Толстой, вероятно, и сделал, поэтому установить имена харьковских активистов на основании материалов дела невозможно.

²⁰ Там же. С. 154.

²¹ Там же. С. 154—155.

особенными наречиями одного и того же языка и некоторыми местными обычаями. Невозможно и не следует искоренять этих различий насильственными мерами, как, например, запрещением вообще печатания малороссийских книг, и сближение их следует предоставить времени; но никак не следует и препятствовать естественному ходу времени и новым оживлением малороссийской речи и малороссийской литературы содействовать, от имени или влиянием правительственные властей, возникновению вновь в будущем того разделения между родственными племенами, которое некогда было так губительно для обоих и которое было бы даже опасно для целости государства. Позволяю себе присовокупить, что такому направлению следовали и главнейше, может быть, обязаны своим нынешним могуществом Англия и Франция, державы, собравшиеся первоначально из частей, более разнородных, нежели наше общее отечество — Россия».²²

В своей интерпретации различий между малороссами и великороссами Тройницкий следует за Венелиным. Его предложения относительно неуместности цензурных запретов предвосхищают, как увидим, позицию большей части русской прессы, как она была выражена в публикациях осени 1861 г. Тройницкий оказался первым сановником, который ясно сформулировал в бюрократическом документе ассимиляторский подход, основанный на проекте большой русской нации, и прямо провел аналогию между этим проектом и опытом Англии и Франции. Однако никакой программы ассимиляторского давления Тройницкий не предлагал, полагаясь лишь на «естественный ход времени».

Разумеется, после этой записки митрополиту Арсению было рекомендовано «принятие и раздачу южнорусского букваря отклонить».²³ Неверно было бы, однако, думать, что перелом в политике властей произошел уже в середине 1861 г. Так, в 1862 г. одна из украинских книжек для народного чтения — «Сказки» Л. Глебова — была издана на казенный счет.²⁴ Также терпимую позицию продолжал занимать и Святейший Синод, цензуре которого подлежали все книги религиозного содержания. Предназначенное для народа и напечатанное на собранные Костомаровым добровольные пожертвования издание «Священной истории» отца Степана Опатовича на украинском не встретило препятствий в 1862 г.²⁵ Как увидим далее, Синод в это время вполне

²² Бородін В. С. Т. Г. Шевченко і царська цензура... С. 155—156.

²³ Там же. С. 156.

²⁴ Дей О. І. Книга і друкарство на Україні з 60-х років XIX ст. до Великого Жовтня... С. 308.

²⁵ Служивший в Петербурге на Смоленском кладбище Степан Иванович Опатович был близок с Костомаровым и другими петербургскими украинофилами. См.: Недоборовский З. Мои воспоминания // Киевская старина. 1893. № 2. С. 201—202.

допускал и возможность издания на украинском Священного Писания. В стремлении довести свои решения до крестьян власти, если действительно были этим озабочены, не останавливались перед тем, чтобы обратиться к ним на украинском языке. В 1861 г. не кому иному, как Кулишу официально было предложено перевести на украинский Положение о крестьянах.²⁶ Перевод не был напечатан из-за того, что государственный секретарь В. П. Бутков требовал от Кулиша приблизить его к языку малороссийского крестьянина, а Кулиш отказался вносить поправки, поскольку видел свою главную задачу в стандартизации языка.²⁷ В 1862 г. киевский гражданский губернатор Н. П. Гессе, совершая поездку по вверенной ему губернии с целью убеждения крестьян в необходимости составления уставных грамот, имел с собой чиновника, который повторял его речь «на малороссийском языке» и раздавал затем печатные экземпляры этого украинского текста собранным старшинам.²⁸

Таким образом, даже после появления записки Тройницкого, сформулировавшего проблему достаточно ясно, власти, как мы увидим, еще довольно продолжительное время не выработали четкой единой позиции в вопросе о языке преподавания и не проявляли особой чувствительности к проблемам идентичности, что явно свидетельствует о запаздывании самодержавия по крайней мере на несколько десятилетий в усвоении националистических принципов политики, уже вполне утвердившихся к тому времени в западноевропейских странах.

* * *

Во второй половине 50-х гг. своеобразной прелюдией к грядущему обострению украинского вопроса стала полемика двух весьма известных в тогдашней России ученых мужей — академика Михаила Погодина и бывшего ректора Киевского университета Михаила Максимовича, выступавшего от имени «малорусского народа».²⁹ Суть спора,

²⁶ Об отмене стеснений малорусского печатного слова. СПб., 1910. С. 14.

²⁷ Дудко В. Полтавська Громада початку 1860-х рр... С. 176. Отметим, что с Бутковым был солидарен и полтавский украинофил Д. Пильчиков, писавший о тексте Кулиша, что «такой перевод будет бесполезен для народа» (Там же. С. 163).

²⁸ Шевелів Б. Петиції українських громад до петербурзького комітету грамотності з р. 1862 // За сто літ. 1928. № 3. Харків; Київ. С. 14. См. також: Современная летопись «Русского вестника». 1862. № 4.

²⁹ Малороссийский патриотизм Максимовича не стоял в непримириимом конфликте с его общероссийской идентичностью. До конца жизни Максимович так и не стал украинским националистом, то есть единство Южной и Северной Руси никогда не ставилось им под сомнение, даже в отдаленной перспективе. Он просто не мыслил еще националистическими

проходившего в течение 1856—1857 гг. на страницах славянофильского журнала «Русская беседа», сводилась к тому, кто (великороссы или малороссы) имеет больше прав на наследие Киевской Руси. Максимович начал полемику «Филологическими письмами» к Погодину, возражая против его теории, согласно которой население Киевской Руси до татарского нашествия было великорусским, а малороссы заняли эту территорию лишь в XIV—XV вв. после ухода великороссов на север. (О. Андриевски считает, что Погодин начал формулировать эти идеи под впечатлением от дела Кирилло-Мефодиевского общества.³⁰)

Подчеркивая малороссийский характер культуры Киевской Руси, Максимович оговаривался, что «Малороссийское и Великороссийское наречие, или, говоря полнее и точнее, Южнорусский и Северорусский языки — родные братья, сыновья одной русской речи... должны быть непременно вместе, в одной системе».³¹ И далее, говоря о языке, Максимович дает вполне систематическое изложение концепции «большой» русской общности: «Великороссийское наречие состоит в ближайшем сродстве с белорусским, и составляют они одну речь, или язык севернорусский, который, вместе с южнорусским языком или речью (состоящую в двух главных наречиях — малороссийском и червонорусском), образует одну великую речь восточнославянскую, или русскую».³² В ответ Погодин обвинил своего старого приятеля (весь спор проходил в достаточно благожелательной атмосфере, и полемисты обращались друг к другу на «ты») в «жаре местного пристрастия».³³ Характерно, что Погодин возражал против объявления «Малороссийским того, что принадлежит нам (т. е. Великоруссам) искони».³⁴ Тем самым он, сознательно или нет, признавал саму возможность такого дележа и отрицал, по сути, концепцию безусловного

категориями. Объясняя, почему заведомо любит Киев больше Погодина, Максимович ссылается на то, что «питая к нему любовь общерусскую, и ближайшую к нему любовь — малороссийскую, — я люблю его еще как родину моего рода», оперируя ценностями потомственного дворянина (Максимович М. Ответные письма М. П. Погодину. Русская беседа, 1857. Кн. 2. С. 85). О Максимовиче см. также: Пыпин А. Н. История русской этнографии. Т. 3. Этнография малорусская. СПб., 1891. С. 15—37; Драгоманов М. М. А. Максимович. Его литературное и общественное значение. Некролог // Вестник Европы. 1874. Март. С. 442—453.

³⁰ Andrievsky O. Becoming Invisible: Ukrainians in the Rhetoric of Empire in the 19th Century Russia. Доклад на конференции «Shaping identities in the borderlands: Ukraine, Belarus, and Lithuania in the Nineteenth Century» CEU. Budapest, March 4—6, 1999.

³¹ Максимович М. Филологические письма к М. П. Погодину // Русская беседа. 1856. Кн. 3. С. 84—85.

³² Максимович М. Ответные письма М. П. Погодину // Русская беседа. 1857. Кн. 2. С. 87.

³³ Погодин М. Ответ на филологические письма М. А. Максимовича // Русская беседа. 1856. Кн. 4. С. 124.

³⁴ Там же. С. 137.

единства «трех русских племен». В его трактовке наследие Киевской Руси из материала, в высшей степени удобного для создания исторического мифа, обслуживающего идею единства, становилось предметом «имущественной тяжбы».

Фактически мы имеем здесь дело с весьма типичным для романтического этапа развития националистического конфликта спором о дележе истории, с поиском исторических аргументов для обоснования прав на ту или иную территорию и для установления того или иного варианта этнической иерархии. Из рассуждений Погодина вытекала идея «старшинства» и доминации великорусского элемента, Максимович же отстаивал их равенство, но само единство сомнению не подвергал.³⁵ Происходила постепенная «национализация патриотизма», хотя модерная националистическая идеология оставалась чужда обоим участникам полемики до конца их жизни.³⁶

Форма полемики, с обилием ученой терминологии, подробным обсуждением лингвистических частностей, делала для читателей вычленение идеологической сути спора задачей весьма трудоемкой и заведомо исключала возможность превращения этих публикаций в предмет широкого общественного интереса.

Однако, дошедшие до нас фрагменты частной переписки конца 50-х гг. показывают, что уже тогда шло активное обсуждение тех вопросов, которым предстояло стать предметом острой публичной полемики в начале 60-х гг. В 1857 г. Кулиш начал искать деньги на издание украинского журнала. «Если бы был журнал, то есть деньги на него, то можно бы найти дельных ребят, которые поняли бы, что нам нужно, и создали бы свой язык не хуже чехов и сербов», — писал Кулиш богатому помещику Г. П. Галагану, который симпатизировал украинофилам.³⁷ (Если образы, символы и тексты часто заимствовались украинофилами у поляков, то стратегия движения формулировалась в опоре на чешский образец, который больше соответствовал характеру проблем культурной и языковой эманципации, стоявших перед украинским национальным движением.) Кулиш совершенно точно определял суть задачи — литературный язык еще предстояло создавать.³⁸ Впрочем, он и сам не сбирался оставаться в

³⁵ Вполне логично, что Максимович впоследствии не поддержал «Основу», в программе которой делался акцент на национальной проблеме. См.: Бернштейн М. Д. Журнал «Основа» і український літературний процес кінця 50—60-х років в XIX ст. Київ, 1959. С. 34.

³⁶ Понятие «национализация патриотизма» предложено и проанализировано на западноевропейском материале в кн.: Viroli M. For Love of Country. An Essay on Patriotism and Nationalism. Clarendon Press, Oxford, 1995. Р. 140—160.

³⁷ Киевская старина. Сентябрь 1899. С. 349. «Частная переписка Г. П. Галагана. Письма П. А. Кулиша».

³⁸ Именно поколение Кулиша и Шевченко заложило основы этого процесса, который не был вполне завершен даже к середине XX в. См.: *inSlav*

стороне от дела: «Мы обогатили московскую речь словами, которых, при их научной темноте, у москалей не было. Теперь надо взять свое назад с лихвой, не обращая внимания на то, что хозяйствовал на нашей собственности Пушкин и другие. Вот я, отдыхаючи, перевел по-нашему первую песню Чайлд Гарольда так, будто и нет на свете московской речи, а только английская и наша».³⁹

Кулиш, при всей его очевидной тенденциозности, был ближе к исторической правде в описании характера взаимодействия малорусской и великорусской культуры в XVII и XVIII вв., чем Белинский.⁴⁰ Поляки, если бы их пригласили к участию в этой дискуссии, разумеется, предложили бы свою трактовку того, откуда взялись у малоруссов «ученые слова». Далее слово следовало бы передать немцам...

В конце 1858 г. планы создания журнала стали предметом оживленной полемики Кулиша со славянофилом С. Т. Аксаковым. В октябре 1858 г. Кулиш писал С. Аксакову следующее: «Слова мои кажутся иногда резким криком потому, что им не предшествовали свободные объяснения с читающим обществом; что свободы слова мы, Малороссияне, лишены более, нежели какая-либо народность в Российской Империи; что мы поем свою песню *на земле чуждей...* Мы имеем против себя не одно Правительство, но и ваше общественное мнение. Мы имеем против себя даже собственных земляков-недоумков. Нас горсточка, хранящих веру в свою будущность, которая, по нашему глубокому убеждению, не может быть одинакова с будущностью Великорусского народа. Между нами и вами лежит такая же бездна, как между драмой и эпосом: и то и другое великие создания божественного гения, но странно желать, чтобы они слились в один род! А ваше общество этого желает и в это слепо верует. Ваше общество думает, что для нас клином сошлась земля в Московском царстве, что мы созданы для Московского царства, а пожалуй, что Московское царство создаст нашу будущность. Мы это видим и чувствуем беспрестанно и, не имея возможности писать за себя так, как пишут *дома*, изредка только нарушают свое молчание...

Да если б можно было писать по-исckenдеровски, то каждая оскорбляющая вас фраза превратилась бы в биографический, этнографический или социальный трактат, и целая литература образовалась бы из нашего несогласного с вашим воззрения на то, что теперь обсуждается в назидание всей Русской земли по-Московски и Петербургски. Это время настанет-таки, но настанет тогда, когда нас не будет уже на свете. И пускай доказательством будет то, что в период высшего

Shevelov G. Y. Evolution of the Ukrainian Literary Language // Ivan L. Rudnytsky (ed.). Rethinking Ukrainian History. Edmonton, 1981. P. 224—227.

³⁹ Киевская старина. Сентябрь 1899. С. 349. «Частная переписка Г. П. Галагана. Письма П. А. Кулиша».

⁴⁰ См.: *Saunders D. Ukrainian Impact on Russian Culture 1750—1850*. Edmonton, 1985.

развития вашей письменности существуют люди, негодующие на ее односторонность и нетерпимость. Мы не домогаемся от Правительства и вашего общества невозможного покамест, но мы храним завет свободы нашего самостоятельного развития...»⁴¹

Кулиш выступает здесь как убежденный украинский националист именно сепаратистского толка, то есть ясно определяющий Москву и русскую культуру как «чуждые», а конечную цель как отделение Украины. Обратим внимание на то, что Кулиш вполне доверяет своему адресату в том смысле, что тот не сделает письмо достоянием гласности. Далее мы увидим, что в начале 60-х подавляющее большинство великорусских оппонентов украинофилов последовательно предвосхищало логику Ф. М. Достоевского и А. С. Суворина из известного эпизода 1881 г., рассказанного последним в его «Дневнике», где они говорят о невозможности донести на заговорщиков.⁴² Речь, конечно, идет не о сравнении украинофилов с террористами «Народной воли», а о том, что многие либерально настроенные противники украинофилов не только на них не доносили, но и самой открытой полемики с ними длительное время вынужденно избегали, поскольку в условиях полицейского режима это с большой долей вероятности могло иметь последствия, равнозначные доносу. Далее мы увидим, что эта весьма актуальная для России даже в XX в. тема трактовки либеральной этики в условиях полицейского режима будет не раз возникать в полемиках об украинофильстве.

Впрочем, в Петербурге многие сознательно поддерживали украинофильство. Тот же Кулиш с укором писал С. Аксакову в ноябре 1858 г.: «Петербургские русские позволяют существовать малороссийской народности и хлопочут о ней, как свойственно истинно просвещенным людям нашего времени».⁴³

В переписке конца 50-х уже обозначился и конфликт, которому впоследствии предстояло сыграть важную роль в судьбе украинофильства в России, а именно конфликт между украинофилами и теми малороссами (было бы неверно называть их украинцами), которые считали благом для Украины единство с Россией. Вот что писал такой малоросс С. С. Гогоцкий, профессор педагогики Киевского университета, отцу В. В. Гречулевичу, автору одного из многих появившихся в то время украинских букварей, в Петербург в декабре 1859 г.: «В букваре своем вы прекрасно сделали, что напомнили народу его же понятиями о всех подлостях Ляхов. Это необходимо, потому что, повторяю, и теперь эта пропаганда только выжидает случая для действия против нас. В мыслях своих она уже уничтожила нас. Солтык

⁴¹ ГАРФ, ф. 109, Секретный архив, оп. 1, ед. хр. 1762. Л. 1—2.

⁴² Дневник А. С. Суворина. М.; Пг., 1923. С. 15.

⁴³ Цит. по: Бернштейн М. Д. Журнал «Основа» і український літературний процес кінця 50—60-х років XIX ст. Київ, 1959.

в Париже напечатал, что Малороссия обитает от Днепра до Волги, а о том, что нас не менее 6-ти миллионов по правую сторону Днепра — ни гугу. Но мне кажется вы не приняли во внимание обстоятельств всей Малороссии, когда а) намекаете народу о какой-то *самостояйности*. (Самостояйность нас убила бы в один год.) б) Хотя не прямо, но косвенно, молчанием проводите разделение между нами и Великоруссами, тогда как именно нужно внушить нашему народу крепко, что наше благо только и только в единстве всех Русских племен. Поверьте, что это единственный компетентный молот против этой пропаганды, которую я отлично вижу и понимаю, как она прячется. Я заметил, что Восточные Малороссы совсем забыли о нас... в) Вообще в вашем букваре вы, заметно, желаете поставить наш народ во враждебное отношение к России и напрасно устранили употребление литературного русского языка, хотя в некоторых статьях. Этим вы, даже если судить по расчету, поступили неловко, потому что вы накликаете нам вместо одного врага — Ляха, двух: Ляха и Русского. Понять не могу, каким же образом мы удержимся при двух врагах, когда нас держит единственно Русское Правительство.

Мои выводы следующие: а) Мы должны теперь же озабочиться о обучении народа по обеим сторонам Днепра. б) Поддерживать впредь мысль о единстве трех племен Русских; без этого единства мы погибнем и очень скоро. в) Литературный русский язык должен быть всем общий в букварях. Вера и язык должны быть связующими элементами. Но не мешает привести что-нибудь и на простом языке нашем. г) отнюдь не внушать разлада между Великороссию и нами. Можно выражать желания перемен другим способом. Не забывайте, что враги наши: Ляхи и Рим!»⁴⁴

Цитированное ранее замечание Кулиша о «земляках-недоумках», которые выступают против украинофилов, говорит о том, что Гогоцкий был в своих взглядах не одинок. Председатель киевской Комиссии для разбора древних актов М. В. Юзефович тогда же старался убедить Кулиша, что задача состоит в «воздействии друг на друга двух коренных русских наречий, из общего источника которых [...] должен вылиться великолепный, образцовый наш литературный язык».⁴⁵ Юзефович давал Кулишу деньги, и потому последний писал «земляку-недоумку»: «Хоть вы и не по-нашему пишете, но не совсем и по-чужому, потому что мы с Московскою Землей не враждуем и любим московскую словесность, как и свою руськую. Сохрани нас Боже Московской Земли одигитаты».⁴⁶

⁴⁴ ГАРФ, ф. 109, Секретный архив, оп. 1, ед. хр. 1763. Л. 3—4 об. Выписка из письма С. Гогоцкого из Киева от 19 декабря 1859 г., к отцу В. В. Гречулевичу, в СПб. Сохранена пунктуация и орфография оригинала.

⁴⁵ Киевская старина. Март 1899. С. 324.

⁴⁶ Там же. С. 314.

Однако письмо Гогоцкого свидетельствует, что публично нигде пока не заявленная политическая программа украинофилов для многих заинтересованных наблюдателей была достаточно понятна уже в конце 50-х гг. Кстати, в круг «заинтересованных наблюдателей» как раз с 1858 г. входит и III отделение, перлюстрировавшее и письмо Гогоцкого, и весьма откровенное письмо Кулиша Аксакову от октября 1858 г. С точки зрения охраняемых им интересов жандармское начальство верно оценило оба текста. Письмо Гогоцкого начальник III отделения Долгоруков лично снабдил пометкой «Вообще весьма дельно», а дело по письму Кулиша канцелярия Долгорукова озаглавила «Письмо... с рассуждениями в националистическом духе: о невозможности сосуществования в будущем России и Малороссии в едином государстве, о вере Малороссии в свое обособленное от России будущее и т. д.» Однако времена были уже не николаевские, и никаких прямых репрессий против Кулиша не последовало.

Глава 3

Активизация украинофильства в начале 60-х гг. «Основа» и русская пресса

Существенная активизация украинского движения приходится на 1861 г. И связана она прежде всего с организацией ежемесячного Южно-русского литературно-ученого вестника «Основа». Хлопоты об открытии журнала велись еще с 1857 г. Однако когда в октябре 1858 г. Кулиш официально обратился в МНП с просьбой разрешить ему издавать журнал «Хата», а МНП, в свою очередь, запросило мнение III отделения, жандармы как раз занимались подготовкой для своего начальника справки о Кулише. Удивительно здесь не то, что перлюстрированное письмо Кулиша вызвало у Долгорукова неподдельный интерес, но то, что начальнику жандармов потребовалась справка о том, кто же такой этот Кулиш: с десятилетней давности делом Кирилло-Мефодиевского общества, по которому Кулиш проходил как один из главных обвиняемых, Долгоруков не был знаком!¹ Долгорукова просветили, и его ответ на запрос МНП был решительно негативным: «Принимая в соображение сведения о губернском секретаре Кулише, изложенные в отношении предметника моего от 30 мая 1847 г., № 897, к бывшему тогда министру народного просвещения, графу Уварову, и имея также в виду... что он в литературной своей деятельности следует прежнему своему направлению, бывшему причиной особых мер, принятых против него правительством, я полагал бы разрешение губернскому секретарю Кулишу издание журнала отклонить». Но, по верному замечанию самого Кулиша: «Министр отказал, и отказал собственно мне, не восставая против идеи журнала».² Когда годом позднее заявку на издание журнала подал другой бывший член Кирилло-Мефодиевского братства, родственник Кулиша В. Белозерский, Долгоруков тоже возражал, но уже не столь энергично, и вскоре такое разрешение было дано. Возможно, что и хлопоты тех «просве-

¹ Именно так и пометил Долгоруков на полях прочитанного им письма: «кто такой Кулиш?». ГАРФ, ф. 109, Секретный архив, оп. 1, ед. хр. 1762. Л. 2.

² См.: Бернштейн М. Д. Журнал «Основа» і український літературний процес кінця 50—60-х років XIX ст. Київ, 1959. С. 14—17.

щенных людей из петербургских русских», о которых упоминал Кулиш в письме С. Аксакову, возымели действие.

Первое объявление о скором выходе «Основы» было напечатано в июне 1860 г., а первый номер вышел в январе 1861 г. Это было особенное время. «Все это переворотилось и только укладывается», — написал Лев Толстой о России через несколько лет после отмены крепостного права. Такое ощущение было тем более характерно и для власти, и для подданных империи в начале 1860-х гг. Последние не знали, где пройдут новые границы того, что возможно, и в какой степени это зависит от воли власти, а в какой от них самих. Власть, в свою очередь, начав реформы, еще не знала, где остановится, и боялась потерять контроль над происходящим, памятуя уже тогда известную истину, что нет момента более опасного для авторитарного режима, чем начало либеральных преобразований.

По-своему эта атмосфера преломлялась в среде активистов национальных движений, что хорошо передает письмо А. Конисского Кулишу из Полтавы: «19 февраля (1861 г., в день провозглашения манифеста об отмене крепостного права. — А. М.) наше небольшое общество сделало обед, во время которого первый тост был за здоровье крепостных крестьян, а другой за здоровье Украинских писателей и за „Основу“... А что? Теперь Москали молчат! Бог даст и на нашей улице будет праздник!»³ Именно к началу 60-х относится появление в целом ряде городов так называемых «громад», то есть кружков украинских национальных активистов.

Наибольшее беспокойство властей вызывало тогда, разумеется, польское национальное движение не только в Царстве, но и в Западном крае. Из польской среды вновь зазвучали требования присоединения по крайней мере части кресов к Царству Польскому.⁴ Правительство, с одной стороны, искало компромисса с поляками, с другой — совершенно исключало возможность передачи земель Западного края Царству Польскому как плату за такой компромисс.⁵ Уже с 1861 г. начинается, неуклонно нарастающая вплоть до восстания 1863 г., поток секретных правительственный документов, ставивших вопрос о

³ ГАРФ, ф. 109, Секретный архив, оп. 1, ед. хр. 1764. Л. 1 об.

⁴ В 1862 г. предводители дворянства Подольской губернии подали адрес, в котором призывали царя объединить Юго-западный край с Царством Польским и оставить крестьянскую реформу в этих землях на усмотрение местных польских землевладельцев.

⁵ «Ни одна пядь Русской земли не может быть уступлена Царству Польскому», — писал наиболее компромиссно настроенный к полякам среди высших сановников П. Валуев в докладе императору в декабре 1862 г. (РГИА, ф. 908, оп. 1., ед. хр. 185. Л. 5.) Когда влиятельный лидер польского Землевладельческого общества граф Анджей Замойский, которого правительство очень хотело привлечь к сотрудничеству, поставил условием объединение Западного края с Царством, все переговоры с ним были прекращены.

необходимости «усиления русского элемента в Западном крае».⁶ Постоянный рост напряженности в западных губерниях, начало польской манифестационной кампании и отсутствие единства в правящих кругах по вопросу отношений с поляками, неопределенность условий крестьянской реформы на этих землях продвигали проблему Западного края все выше в списке приоритетов правительства. Позднее это обстоятельство сыграет немалую роль в ужесточении правительенной политики в отношении украинофилов.

Ярким примером атмосферы всеобщей подозрительности в русско-украинско-польских отношениях того времени стало отношение к новому явлению, которое в польской среде было презрительно прозвано хлопоманством. Хлопоманами стали называть молодых выходцев из польских или давно ополяченных шляхетских семей, которые в силу своих народнических убеждений более или менее последовательно отказывались от социальной и культурной солидарности со своим слоем и стремились сблизиться с местным украинским крестьянством. (Аналогичное явление, только в меньших масштабах, существовало и в Белоруссии.)⁷ Правительству, конечно, не могло не нравиться, когда наиболее последовательные «хлопоманы» переходили из католичества в православие и отказывались поддерживать польское национальное движение. Однако польские недоброжелатели «хлопоманов» спешили обратить внимание властей на неблагонадежность их социальных взглядов, а также на их украинофильтскую ориентацию. (Далее мы увидим, что власти нередко склонны были к этим обвинениям прислушиваться, руководствуясь более инстинктом социальной солидарности крупных землевладельцев, чем логикой национального конфликта с поляками.) Наиболее же подозрительные из русских противников украинофильтства считали «хлопоманство» особенно коварной версией валленродианства, частью польского плана по расколу русского народа.⁸

⁶ Кажется, наиболее ранний проект такого рода, сразу привлекший внимание Валуева, был изложен в письме подольского гражданского губернатора Р. И. Брауншвейга от 4 июня 1861 г., впоследствии назначенного на высокий пост в Царстве Польском. См.: РГИА, ф. 1282, оп. 1, ед. хр. 19. Л. 20—23. Целую подборку более поздних проектов см.: ГАРФ, ф. 109, оп. 37, 1863 г., ед. хр. 23, ч. 175.

⁷ Церашкович П. У. Беларусы. Энцыклапедыя Гісторыі Беларусі. Мінск, 1993. С. 471.

⁸ См., например, рассуждения Каткова о готовности «польских фанатиков [...] прикинуться завзятыми украинофилами [...] имея на мысли великий идеал в лице Конрада Валленрода». В кн.: Катков М. Н. 1863 год. Собрание статей, по польскому вопросу, помещавшихся в Московских Ведомостях, Русском Вестнике и Современной Летописи. Выпуск 1. М., 1887. С. 76—277. Подробнее о «хлопоманстве» см.: Пылин А. Н. История русской этнографии. Т. 3. Этнография малорусская. СПб., 1891.; а также Миллер А. Украинофильство // Славяноведение. 1998. № 5.

В списке сотрудников «Основы», насчитывавшем более 50 человек, мы встречаем имена таких «хлопоманов», как В. Антонович, Ф. Рыльский. Однако наибольшее внимание привлекали имена прежних соратников по Кирилло-Мефодиевскому обществу Н. Костомарова и П. Кулиша, действительно ставших наиболее активными авторами нового издания наряду с Шевченко. Под конец жизни автор «Кобзаря» становится культовой, символической фигурой для этого поколения украинофилов, возникает конструкция «Шевченко — батько, Украина — мати», что получило вскоре логическое завершение в истории вполне осознанного создания национального символа из его могилы.⁹ То обстоятельство, что стихи и дневники Шевченко неизменно открывали каждый новый номер «Основы», также имело символическое значение.

«Край, изучению которого будет посвящена „Основа“, обитаем преимущественно южно-русским народом, — гласила Программа журнала. — Хотя в Бессарабии, Крыму и земле Войска Донского преобладающее население не южно-русское, но мы включаем и эти области в круг нашего изучения как потому, что они не имеют еще своих печатных органов, так и потому, что они находятся в непосредственной, промышленной и торговой, связи с прочими южно-русскими землями».¹⁰ Редакция сразу заявила, что «открывает свой журнал для произведений на обоих родственных языках», подчеркнув, что «в наше время вопрос — можно ли и следует ли писать по-южно-русски, что все равно — по-украински, разрешен самим делом».¹¹ Особое внимание редакция призывала обратить на «практическое значение народного языка в преподавании и проповеди — вопрос весьма важный и, пока, спорный единственно от того, что разрешение его не выведено из наблюдения над действительностью».¹²

В центре внимания публицистов «Основы» была задача формулирования особой малорусской или украинской идентичности с типичным для такого националистического дискурса вниманием к вопросу о самостоятельности украинского языка, а также к истории и к проблеме национального характера.¹³

Ключевой и наиболее часто затрагиваемой темой был вопрос об украинском языке, и в особенности о его использовании в преподава-

⁹ О могиле Шевченко как национальном символе см.: *Yekelchyk S. Creating a Sacred Place: The Ukrainofiles and Shevchenko's Tomb in Kaniv (1861—ca. 1900) // Journal of Ukrainian Studies. Vol. 20. Nos. 1—2. (Summer—Winter 1995)* P. 15—32.

¹⁰ См.: Основа. Объявление об издании и Программа. Приложение к № 1 за 1861 г. С. 1.

¹¹ Там же. С. 2.

¹² Там же. С. 5.

¹³ О характерных чертах таких движений см.: *Anderson B. Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. Verso, London, 1991. 2nd ed., глава «Old Languages, New Models». P. 67—82.

нии. Об этом писали Кулиш, Костомаров, молодые активисты П. Житецкий и П. Чубинский, которому предстояло стать одним из лидеров украинского движения в 70-е гг. и автором текста украинского гимна.¹⁴ О значении, которое придавала редакция языковому вопросу, свидетельствует письмо Костомарова А. Котляревскому: «Александр Александрович! Необходимо написать большую, ученую, филологическую работу, где показать, что южнорусское наречие есть самобытный язык, а не неорганическая смесь русского с польским. Это необходимо, от этого зависит наше дело».¹⁵ Если тезис Дж. Шевелева, что «лингвистическое развитие» породило украинское политическое движение, представляется все же преувеличенным, то с его утверждением, что языковой вопрос был центральным для украинского национального движения в XIX в., трудно не согласиться.¹⁶

До начала 60-х гг. обсуждение языкового вопроса касалось, если можно так выразиться, «нестатусных» аспектов. Против использования украинского языка в произведениях художественной литературы, а тем более при публикации исторических памятников, никто не возражал. Скептицизм в отношении возможности создания самостоятельной «высокой» литературы на украинском был среди русских распространенным мнением, но никто, в том числе и правительство, на протяжении всего XIX в. не предполагал решать этот вопрос запретами, будучи убежденным в предопределенности неудач украино-фильских усилий в этой сфере.

Собственно, судьба самой «Основы» служила аргументом в пользу такой точки зрения. Тираж за 1861 г. не был распродан до конца, а с начала 1862 г. журнал испытывал серьезные финансовые затруднения из-за недостатка подписчиков, постоянно задерживал выпуск очередных номеров и закрылся к концу года, причем без каких-либо экстраординарных репрессий со стороны властей, которые могли бы рассматриваться как причина этого.¹⁷

Возможность использования украинского языка в начальном обучении народа, как мы показали, в 1861 г. также еще вполне допус-

¹⁴ Чубинский П. Два слова о сельском училище вообще и об училище для сельских учителей // Основа. 1862. № 4; Житецкий П. Русский патриотизм. Ответ «Дню» // Основа. 1862. № 3.

¹⁵ Україна. 1929. № 10—11. Кілька записок М. Костомарова з 1859—1870 років. С. 70.

¹⁶ Shevelov G. Y. Evolution of the Ukrainian Literary Language // Ivan L. Rudnytsky (ed.). Rethinking Ukrainian History. Edmonton, 1981. P. 226—227.

¹⁷ Цензурные вмешательства в деятельность «Основы», конечно, имели место, но число их не было специально высоким в сравнении с другими изданиями. Предупреждений редактору и связанный с ними угрозы закрытия журнала не было. Подробнее о причинах закрытия «Основы» — финансовых, организационных, а также связанных с разногласиями в редакции — см.: Бернштейн М. Д. Журнал «Основа» і український літера-

калась. Ситуация принципиально менялась, когда в публицистике «Основы» язык стал приобретать универсальное, сакральное значение. Возможность выразить региональную специфику в художественной литературе, возможность быстрее и легче научить крестьян читать и сообщить им важные правительственные решения — все эти аспекты отступали на второй план. Главной становилась идентификационная, символическая, национально-репрезентативная роль языка. Все те функции, которые украинский выполнял до сих пор, рассматривались теперь как начальные шаги к полной языковой эманципации, и «Основа» прямо писала об этом. «Неужто, в самом деле, русский язык имеет монополию быть органом науки, проводником образованности?» — воскликнул П. Житецкий и продолжал: «Великорусский язык — и народный, и литературный, не есть ближайший и прямой орган малоруссов».¹⁸ Костомаров соглашался, что «смешно было бы, если бы кто-нибудь перевел на южно-русский язык „Космос“ Гумбольдта или „Римскую империю“ Момзена», добавляя, что «для такого рода сочинений еще не пришло время (выделено мной. — А. М.).»¹⁹

Здесь нужно сделать теоретическое отступление. В литературе о национализме широко признано, что вопрос о языке, то есть стремление к эманципации языка, к превращению его из по преимуществу народного диалекта в стандартизированный, развитый литературный язык было типичной чертой национальных движений в Центральной и Восточной Европе. Б. Андерсон даже называл определенную стадию этих движений «лексикографическими революциями».²⁰

Изучавшие эти процессы социолингвисты выделили несколько факторов, которые они считают решающими для успешной языковой турній процес кінця 50—60-х років XIX ст. Київ, 1959. С. 198—208. В частности, Бернштейн пишет: «Мнение, что Основа погибла только из-за цензурных притеснений — не может считаться обоснованным». Впрочем, отношение В. Белозерского в цензурный комитет от 19 декабря 1862 г. доказывает, что инициатива прекращения «Основы» исходила от самой редакции. (Обращение см.: РГИА, ф. 772, оп. 1, ч. 2, ед. хр. 5049.) Этого же мнения придерживался М. Драгоманов: «Основа замолчала, нужно заметить, не от того, что ее администрация задушила, а через беспорядок в редакции» (Драгоманов М. Література російська, великоруська, українська і галицька. Правда. 1874. № 3. С. 113) О падении популярности «Основы» свидетельствуют такие цифры: в 1861 г. в Полтаве, оплоте украинофильства на левом берегу Днепра, на «Основу» подписались 53 человека, а в 1862 — 24 (Дудко В. Полтавська Громада початку 1860-х рр... С. 156). Пишу об этом подробно, поскольку тезис о закрытии журнала из-за преследований властей широко распространен в эмигрантской украинской историографии.

¹⁸ Житецкий П. Русский патриотизм. Ответ «Дню» // Основа. 1862. № 3. С. 8, 14—15.

¹⁹ Костомаров Н. Мысли южнорусса. О преподавании на южнорусском языке // Основа. 1862. № 4. С. 2.

²⁰ Anderson B. Imagined Communities... Р. 67—84; См. также Seton-Watson H. Nations and States... Р. 11.

эмансипации. Это, во-первых, развитость языка, то есть использование его во всех культурных и социальных контекстах, для всех коммуникационных задач. Во-вторых, историческое наследие языка, реальное и изобретенное. В-третьих, уровень его стандартизации. В-четвертых, дистанция, масштаб отличий от языка, по отношению к которому данный язык пытается эмансицироваться. И наконец, наличие группы активистов, идентифицирующих себя с этим языком и готовых посвятить свои усилия его сохранению и развитию.²¹

Достаточно самоотверженные и многочисленные активисты имелись. (Этого нельзя сказать о белорусском.) Историческая традиция по глубине была не хуже прочих — ее можно было возводить к Нестору, что и делалось. В стандартизации и развитости украинское движение за языковую эмансиацию заметно отставало, например, от чешского, служившего образцом. Эти задачи оставались актуальными в течение всего XIX в.²²

Но уникальность ситуации украинского по сравнению с другими славянскими языками была связана с проблемой дистанцирования от русского. Собственно, в самой необходимости такого дистанцирования не было ничего особенного. В Галиции украинский решал такую же задачу в отношении польского. И русские, и поляки одинаково настаивали на том, что малорусский или русинский представляют собой лишь наречия, простонародные говоры их развитых языков. Уникальность определялась статусом русского языка. Это был единственный славянский язык, который выполнял функцию официального языка огромной империи, а значит, экспансионистские, ассимиляторские позиции русского могли быть поддержаны всей мощью государственных институтов и всеми преимуществами, вытекавшими из владения русским. В XVIII — начале XIX в. для малороссийской элиты эти преимущества были уже достаточно ощущимы, результатом чего и стало поголовное владение русским. Интересно, что программа Костомарова об использовании украинского языка в образовании, изложенная в цитированной статье, практически повторяла и по существу, и по аргументации статью Чернышевского, написанную по поводу появления первого номера «Основы». Собственно, Чернышевский ясно формулировал свои советы: «Преподавание малорусскому народу на малорусском языке, развитие популярной малороссийской литературы — вот, по нашему мнению, та цель, к которой всего удобнее и полезнее

²¹ См.: Stewart W. A. A Sociolinguistic Typology for describing national Multilingualism // Joshua Fishman (ed.). Readings in the Sociology of Language. Mouton, The Hague, 1968; Sussex R. Lingua Nostra: The Nineteenth-Century Slavonic Language Revivals // R. Sussex and J. C. Eade (eds.) Culture and Nationalism in the Nineteenth-Century Eastern Europe. Slavica Publ., Inc., Columbus, Ohio, 1983.

²² См., например: Shevelov G. Y. Evolution of the Ukrainian Literary Language... P. 225, 229—230.

будет стремиться малороссам на первое время». ²³ Речь, разумеется, не о том, что Чернышевский «придумал» Костомарову программу, а о том, что Костомаров, хотя и с существенным запозданием, стал прислушиваться к советам опытного конспиратора по части сознательного ограничения открыто декларируемых целей как для того, чтобы избежать репрессий властей, так и для того, чтобы не оттолкнуть симпатии части русского общества.

Между тем современный европейский контекст, обрати мы взгляд на Германию, Британию или Францию, демонстрировал, что утверждение единого языка высокой культуры было общей тенденцией консолидации наций-государств. Совсем не случайно Чернышевский, поддержавший «Основу» в языковом вопросе, заметную часть статьи посвятил доказательству неприменимости этой аналогии в данном случае. «Лет 50 или 70 тому назад каждый из них, вероятно, точно так же рад был бросить свой язык для великорусского, как чех тогда рад был стать из чеха немцем... или как теперь провансальец рад стать из провансальца истым парижанином по разговору. Теперь не то у малороссов». ²⁴ Русское общественное мнение, особенно по мере обострения русско-польского соперничества за Западный край, начинало, как мы увидим, обращать все больше внимания на различие между империей с ее бесконечным этническим многообразием и ее русским ядром, в которое многие включали, в отличие от Чернышевского, и Малороссию, настаивая на верности аналогии именно с провансальцами, а не чехами. Конфликтный потенциал вопроса о языке резко возрастал.

Проблемы особой украинской идентичности наиболее полно были рассмотрены в статьях Костомарова «Правда москвичам о Руси» и «Правда полякам о Руси», где он подчеркивал особость украинцев в сравнении и с великими русскими, и с поляками, оговариваясь при этом, что в политическом отношении Южная Русь тесно связана с Москвой, а по складу народного характера ближе к Польше. ²⁵ Последний тезис был весьма рискованным в свете русско-польских отношений вообще и русско-польского соперничества в Западном крае в особенности. Костомаров наверняка осознавал это, ведь до того времени постоянным мотивом всех украинофильских публикаций было подчеркивание необходимости единого фронта против поляков. Единство Руси, то есть ее северной и южной ветвей, Костомаров интерпретировал как единство равных по статусу и самостоятельных элементов, подчеркивая значение федеративного начала, которое, по его мнению, лежало в основе истории Руси удельного периода.

²³ Новые периодические издания. Основа. 1861. № 1 // Современник. 1861. № 1. С. 71—72.

²⁴ Там же. С. 70.

²⁵ Основа. 1861. № 10.

Федералистские идеи были подробно развиты Костомаровым в программной статье «Мысли о федеративном начале в Древней Руси», напечатанной в первом номере журнала. «Вся история Руси удельного периода есть постепенное развитие федеративного начала, но вместе с тем и борьбы его с началом единодержавия». «Это начало федерации не представляет в истории нашей чего-то исключительно свойственного Славянскому племени; его встречаем мы как у древних, так и у новых народов, где только живучесть нравственных сил человека не была подавлена насилиственным сплочением», — писал Костомаров, ясно давая понять, что рассуждения его касаются не только времен давно минувших, а также подчеркивая принципиальное отличие своего понимания федерализма от славянофильских идей самостоятельности земель.²⁶ (Славянофилы полагали, что самостоятельность земель не противоречит самодержавному принципу, поскольку невмешательство царской власти в местные дела сочеталось в их программе с отказом земель от вмешательства в политическую сферу как исключительную прерогативу самодержавия.)

Фактически статьи Костомарова в «Основе» стали развернутым, хотя и существенно сложенным из-за цензурных соображений изложением той концепции, которая в сжатом виде была им представлена уже в начале 1860 г. в статье «Украина», анонимно опубликованной в «Колоколе» Герцена.²⁷ «В будущем славянском союзе... наша Южная Русь должна составить отдельное, гражданское целое на всем пространстве, где народ говорит южнорусским языком». Завершалась статья так: «Пусть же ни Великороссы, ни поляки не называют *своими* земли, заселенные *нашим* народом».

Публицистика «Основы», особенно статьи Костомарова и Кулиша, сыграла очень важную роль в дальнейшем развитии событий. Она имела мощный пропагандистский эффект, на который и была рассчитана. Статью Костомарова «Две русские народности» Д. Дорошенко называл «Евангелием украинского национализма».²⁸ Вот что говорит неизвестный украинский автор в письме от ноября 1861 г., перлюстрированном жандармами: «Безошибочно можно сказать, что большая часть молодого поколения заражена украинофильством; за что, конечно, нужно благодарить „Основу“».²⁹ Но побочный, незапланированный эффект был не менее сильным. Выходящая в Петербурге «Основа» весьма внимательно читалась в русском обществе, которое по-

²⁶ Основа. 1861. № 1. С. 121, 158.

²⁷ Колокол. 1860 г. 15 января. Л. 61. С. 499—503.

²⁸ См.: Doroshenko D. A Survey of Ukrainian Historiography. The Annals of the Ukrainian Academy of Arts and Sciences in the United States. N. Y., 1957. Special issue, vol. 5—6. P. 139.

²⁹ ГАРФ, Секретный архив, ф. 109, оп.1, ед. хр. 1765. Л. 1—1 об. (Выписка из письма с неразборчивой подписью со ст. Репки Черниговской губ. к Ивану Васильевичу Дриге в Москву. 19 ноября 1861 г.)

степенно, во многом благодаря журналу, начало осознавать действительные цели украинофильского движения. В своей «Автобиографии», написанной в 1875 г., где он последовательно (и искренно) отрицает наличие каких-либо сепаратистских идей и намерений у сотрудников «Основы», Костомаров вспоминает, что «независимо от печатных намеков, появлявшихся кстати и некстати в периодических наших изданиях, я тогда получал письма с укором за мою статью („О федеративном начале Древней Руси“. — А. М.) и с отысканием в ней такого смысла, какого я не заявлял».³⁰ О том, что «хамократия гомонить дуже против предполагаемых в его (Костомарова. — А. М.) статьях задних мыслей», писал Белозерскому уже в августе 1861 г. из Полтавы Пильчиков.³¹

Первая реакция петербургской и московской прессы на появление «Основы» была вполне благожелательной, так что редакция в объявлении о журнале на 1862 г. даже выражала благодарность «образованнейшим великоруссам за трогательное [...] доброжелательство».³² Однако с течением времени, в особенности после появления упомянутых статей Костомарова, все больше изданий начинает полемизировать с «Основой», каждое исходя из своих особых соображений.

Единственным, пожалуй, изданием, которое оказывало украинскому движению безусловную поддержку, был свободный от цензуры «Колокол». Редакция вполне солидаризовалась со взглядами Костомарова и в 1863 г. заявляла: «Автор превосходной статьи в „Колоколе“ 1860, лист 61 (это была уже упоминавшаяся статья Костомарова „Украина“. — А. М.), заключает следующими словами, сжато представляющими все воззрение наше: „Пусть же ни великоруссы, ни поляки не называют своими земли, заселенные нашим народом“».³³

Отношение «Современника» к украинскому национальному движению уже не было вполне однозначным. В 1860 г., когда первые признаки активизации украинофильства стали очевидны, Н. И. Добролюбов опубликовал в журнале рецензии на сборник поэзии Шевченко «Кобзарь» и на составленный Кулишем альманах «Хата». Взгляды Добролюбова по сути близки к позиции Белинского, хоть и начисто лишены агрессивности, присущей «неистовому Виссариону». «Русская цивилизация» противостоит у него не варварству, якобы характерному для старой Малороссии, как у Белинского, но «безыскусственной простоте малорусской жизни». «Конечно, на малороссийском не выйдет хорошо „Онегин“ или „Герой нашего времени“, так же как не выйдут статьи г. Безобразова об аристократии или моральные статьи г-жи Тур... Те малороссы, которым доступно все, что занимает Онегина или

³⁰ Костомаров Н. Автобиография // Костомаров Н. И. Исторические произведения. Автобиография. 2-е изд. Киев, 1990. С. 533.

³¹ Дудко В. Полтавська Громада початку 1860-х рр... С. 164.

³² Основа. 1861. № 11—12. С. 76.

³³ Колокол. 1863. 10 июля. Л. 167. С. 1375.

г-жу Тур, говорят уже почти по-русски [...] Настоящие же малороссы, свободные от влияния русского языка, так же чужды языку книжной литературы, как и наши простолюдины». ³⁴ Добролюбов писал о «маленьких разницах малороссийского наречия от русского» и высказывал сомнения, «достаточно ли будет чумакской жизни и старых гайдамацких воспоминаний для дальнейшего обширного развития, которого ожидает г. Кулиш для своей литературы, и не придется ли ей опять сознательно сойтись с „соседней словесностью“, которая, кажется, не совсем ему нравится». ³⁵ Хоть Добролюбов и заявлял, что «теперь писатели малороссийские не встречают тех насмешек и недоверчивости, на которые они жаловались прежде», ³⁶ сама его статья убедительно свидетельствовала обратное.

Межу тем Чернышевский, второй из «столпов» журнала, вполне разделял позицию Герцена. Это нашло отражение не только в уже упомянутой его рецензии на первый номер «Основы». Признавая в украинцах самостоятельную нацию, Чернышевский в своей знаменитой статье «Национальная бестактность» осуждал отрицавших свою «украинскость» галицийских русофилов и их газету «Слово», а также призывал украинцев помириться с поляками, подразумевая необходимость совместной борьбы против общего врага — самодержавия. ³⁷ Демонстрируя типичное для российских демократов всех времен плохое знание реалий Запада, Чернышевский убеждал: «Нынешним людям в своих чувствах и действиях надо бы руководствоваться не прадедовскими отношениями, а нынешними своими надобностями; иначе бретонцу следовало бы ненавидеть франузов, которые когда-то угнетали бретонцев». ³⁸ (На самом деле ассимиляционное давление на бретонцев, как и их враждебность этим усилиям в XIX в., достигли апогея, а отнюдь не были преданьем старины глубокой). ³⁹)

Вполне солидарен с Чернышевским в его признании украинцев самостоятельной нацией с особым литературным языком был Аполлон Григорьев. «Шевченко — последний кобзарь и первый великий поэт

³⁴ Современник. 1860. № 3. Раздел «Современное обозрение». С. 99.

³⁵ Там же. С. 109, 117.

³⁶ Там же. С. 115.

³⁷ Современник. 1861. № 7—8, раздел «Современное обозрение». С. 1—18. Полную солидарность с программой Костомарова демонстрировал «Колокол», на страницах которого М. Бакунин писал о будущей славянской федерации и подчеркивал, что, по его мнению, «Украина... будет не Польшею, и не Россиею, а сама собою». См.: Бакунин М. А. Русским, польским и всем славянским друзьям // Колокол. Февраль 1862. Приложение к № 122, 123. С. 1026.

³⁸ Современник. 1861. № 7—8. С. 4.

³⁹ См.: Reece J. E. The Bretons against France. Ethnic minority nationalism in twentieth century Brittany. Chapel Hill, 1977. P. 30—32.

новой великой литературы славянского мира», — писал известный критик о «Кобзаре», явно полемизируя с Добролюбовым.⁴⁰

Однако антипросветительский и антимодернистический пафос некоторых публикаций «Основы», характерный в основном для текстов Кулиша,⁴¹ «Современнику» не нравился, что уже после смерти критично настроенного к украинофильству Добролюбова вызвало в разделе «Свисток» январского номера за 1862 г. весьма желчные рассуждения о том, что «сыны благословенной Малороссии, изучая, самым усердным образом, философию, все-таки не смогли уразуметь — чем жид отличается от собаки, равно как и того, что — кроме искусства делать сало и хорошие наливки — для человеческого благоденствия на земле потребны и некоторые другие знания».⁴²

Вполне вероятно, что это упоминание об антисемитизме «Основы» возникло в «Современнике» под впечатлением от полемики, развернувшейся в конце 1861 г. по поводу позиции журнала в еврейском вопросе.⁴³ В статьях «Основы» часто встречалось слово «жид», и В. Португалов, один из евреев-читателей журнала, написал в редакцию с

⁴⁰ Время. 1861. № 4. С. 636—7.

⁴¹ См., например, стилизованные под простонародный говор «Письма с хутора», которые Кулиш печатал в «Основе» по-украински. «А что мы словесности вашей книжной не знаем, то скажите сами: что было бы хорошего, если бы мы сто лет назад то же самое, что и вы, читали, и того же, что и вы, набрались, а начитавшись и набравшись того лиха, как жаба грязи, начали бы по-вашему в наших селах и хуторах жить? Что бы это, скажите, была за пакостная, заимствованная словесность, от которой вы теперь и сами отказались и уже нам теперь хорошие книжки печатаете? [...] Чу вас, цивилизаторов! У вас все только сбыт и потребление на уме, и если бы весь мир закипел торговлей, то вам бы и рая Божьего не надо». См.: Основа. 1861. № 1. С. 313—314. Отметим, что наряду с общим антимодернистическим пафосом (пассаж насчет торговли и рая Божьего), Кулиш видит в модернизации опасный инструмент ассимиляции, которому традиционный крестьянин противостоит как хранитель «украинскости».

⁴² Цит. по: Основа. 1862. № 2. С. 103.

⁴³ Вопрос об антисемитизме некоторых лидеров украинофильского движения в XIX в. для нашей темы перифериен и заслуживает отдельного рассмотрения. Заметим только, во-первых, что, кроме Кулиша, несомненен антисемитизм Костомарова, составившего для саратовского губернатора «ученную записку» о возможности использования евреями христианской крови в ритуальных целях. Сообщая об этом в своей автобиографии, Костомаров с сожалением замечает, что «принужден был оставить еврейский вопрос» после возмущенной реакции адресата (Костомаров Н. И. Исторические произведения. Автобиография. Киев, 1989. С. 494—5). Имеются свидетельства об антисемитизме Драгоманова (См., например: Бен-Ами. Мои сношения с Драгомановым и работа в «Вольном слове» // Еврейская старина. Пг., 1915. № 3—4. С. 360). Подробно об отношении

протестом против использования этого оскорбительного, по его мнению, прозвища. «Основа» ответила статьей «Недоразумение по поводу слова „жид“» в июньском номере, где объяснялось, что это слово на страницах малорусского журнала само по себе ничуть не обидно, потому что в Малороссии и Польше употребляется так же, как «еврей» в русском языке. (Объяснение это выглядело не совсем логично потому, что слово «жид» одинаково часто встречалось как в украиноязычных, так и в русскоязычных текстах «Основы».) Затем, однако, автор статьи пустился в рассуждения о том, почему евреи в Малороссии действительно не любят, заметив среди прочего, что евреи не хотят с малороссами сближаться, в частности учиться их языку. «Для нации не может быть ничего вреднее, как существование среди нея других народностей, которые держат себя в стороне и равнодушны к ее судьбам», — писала «Основа». (Отметим без удивления, а, напротив, как закономерность, что антиассимиляторский пафос украинофилов менялся на прямо противоположный, когда украинцы оказывались сильной стороной.)

Эта статья вызвала уже полемику со стороны издававшегося по-русски в Одессе журнала «Сион», напечатавшего в сентябре 1861 г. статью «„Основа“ и вопрос о национальностях». «Не в частом употреблении слова „жид“ усматриваем мы опасность, а в исключительно национальных стремлениях „Основы“», — говорилось в редакционной статье «Сиона». «С какой стати одну часть, хотя бы и огромнейшую, вы смешиваете с целым? С какой стати вы требуете от одной народности сочувствия не к судьбам целого, а к судьбам все-таки одной из частей», — продолжал «Сион» и заявлял, что если уж евреи и будут ассимилироваться, то в общерусскую культуру, осуждая попытки «разбить и так малочисленную публику (т. е. образованные слои. — A. M.) на мельчайшие еще кружки со своими особыми наречиями и подражаниями, вместо того, чтобы вести ее под знаменем одного общего литературного языка, помимо мелких племенных распрай, к великим общечеловеческим целям».⁴⁴

На это «Основа» отреагировала крайне раздраженной статьей Кулиша «Передовые жиды», где повторялся главный тезис прежних публикаций, а именно что «малороссияне сознаются откровенно, что не имеют вообще симпатий к иудейскому племени, среди их родины живущему», а «Сион» сравнивался с Иудой, т. е. обвинялся в доно-

Драгоманова к евреям см. статью И. Рудницкого, считающего обвинения Драгоманова в антисемитизме несправедливыми, но упоминающего и о противоположной точке зрения: Mykhailo Dragomanov and the Problem of Ukrainian-Jewish Relations. In: Rudnytsky I. L. Essays in Modern Ukrainian History. Edmonton, 1987. P. 283—297.) Во-вторых же, оговоримся, что этот грех в российском и европейском контексте того времени отнюдь не выглядел «специфической» чертой.

⁴⁴ Сион. 10.09.1861. № 10. С. 159—160.

сительстве и провокаторстве.⁴⁵ В ответ «Сион» напечатал обращение «К русским журналам», передавая «свое дело с „Основою“ на суд всей русской публицистики».⁴⁶ Этот призыв получил довольно широкий отклик — по подсчетам Р. Сербина по крайней мере дюжина русских изданий так или иначе включилась в полемику.⁴⁷ Неверно утверждать, как это делал позднее Драгоманов,⁴⁸ что с этого собственно и начались нападки русской прессы на «Основу» — первые критические статьи в «Дне» появились уже в октябре, однако конфликт с «Сионом» ускорил превращение политической направленности «Основы» в предмет широкого обсуждения.

«Русский вестник» замечал в ответ на обвинения в доносительстве: «Ему (Кулишу. — А. М.) повторяют то, что он сам о себе высказывает, и он приходит в самое истерическое негодование [...] Неужели г. Кулиш думает, что его занятия по части южнорусского наречия и народности — тайна, которую нам только теперь открыли редакторы „Сиона“?».⁴⁹ Далее, однако, «Русский вестник» утверждал, что вреда от усилий Кулиша и его единомышленников быть не может, а потому он волен и далее заниматься тем безнадежным делом, которым занимался до сих пор. Эту же снисходительно-презрительную позицию занял и «Русский инвалид»: «Неужели г. Кулиш серьезно думает, что человек, не совершенно лишенный умственных способностей, может придавать „Основе“ какое-либо другое значение, кроме того, которое придается „Пермскому сборнику“ и газете „Амур“?»⁵⁰ Таким образом, даже в конце 1861 — начале 1862 г. враждебная украинофильству русская пресса склонна была, частью искренне, а частью напоказ, трактовать претензии «Основы» на представительство особой нации как безопасное чудачество.⁵¹

⁴⁵ Основа. № 9. 1861. С. 56.

⁴⁶ Сион. 24.11.1861. № 21. С. 325.

⁴⁷ Serbyn R. The «Sion» — «Osnova» Controversy of 1861—1862 // Peter J. Potychnyj and Howard Aster (eds.). Ukrainian-Jewish Relations in Historical Perspective. Edmonton, 1988. P. 94. «Сион» перечисляет «Русскую речь», «Русский инвалид», «Русский вестник», «Русское слово», «Сын Отечества», «Русский мир», «Северную пчелу».

⁴⁸ «Идея „сепаратизма“ пущена „Сионом“ и подхвачена „Русским вестником“». См.: М. Т. (Драгоманов). Восточная политика Германии и обрушение // Вестник Европы. Март. 1872. С. 211.

⁴⁹ Русский вестник. Ноябрь. 1861. Статья «Какой бывает вред от монополии». Цит. по: Сион. 16. 03.1862. № 37. С. 582.

⁵⁰ Русский инвалид. 1862. № 2, цит. по: Сион. 16. 03.1862. № 37. С. 583.

⁵¹ Поддержали «Основу» в этом споре «Одесский вестник», редактировавшийся украинофилом Н. Сокальским, и «Северная пчела», признавшая украинцев отдельной нацией и украинский самостоятельный литературным языком (Северная пчела. 1862. № 44. С. 174.) Подробнее см.:

В отношении «Русского вестника» эта позиция уже означала принципиальный перелом. В начале 1861 г. Катков в литературном обозрении «Русского вестника» рассуждал совсем иначе: «Украина имеет свое наречие, которое довольно сильно и резко обозначилось с течением времени и почти готово само стать особым языком». Конечно, он уже в этой первой своей работе по украинскому вопросу ясно формулирует свои предпочтения. Говоря об особенностях украинцев, Катков подчеркивает, что «в этих существенных качествах желали бы мы видеть элементы общей русской народности; Малоросс, как свидетельствует история, есть такая же живая часть русского народа, как и Великоросс; они взаимно дополняют друг друга, и противоположность между ними есть противоположность одной и той же гармонии». Но продолжает он в сослагательном наклонении: «Сколько благодатных элементов могла бы внести Украина в русскую жизнь, в русскую мысль, при благоприятных условиях!» Сравнение с западными славянами, которым он оперирует, призвано доказать пагубность иного развития событий, но вопрос, сбудется ли желанный вариант, для Каткова открыт. Катков ясно видит незавершенность, непредопределенность процесса формирования русской нации. «Нет возможности сомневаться в крепости и величии России как государственной силы [...] Это факт небывалых размеров, но вопрос не в размерах этого факта и не в этом факте. Факт этот существует давно, но русского слова до сих пор еще не было слышно в мире; русская народность еще сама сомневается в себе; ищет себя и обретает. Где на народность большой спрос, где о ней слишком много говорят, там, значит, ее мало или там ее нет в наличии».⁵² Более того, Катков в течение всего 1861 г. печатал в своих изданиях объявления Костомарова о сборе средств на публикацию украинских книжек для народа. В этом контексте заявления Каткова, что «всякая попытка внешним образом стеснять или навязывать язык есть историческое безумие, недостойное насилие», звучали совсем иначе, чем готовность предоставить Кулишу возможность продолжать свою деятельность потому, что она заведомо обречена на неудачу.

В начале 1861 г. Катков открыт для диалога с украинофилами, его статья адресована прежде всего им, он допускает, хотя отнюдь и не приветствует, возможность формирования особой украинской нации и принципиально выступает против репрессий в отношении украинофилов. В конце 1861 г. Катков уже догматически отрицает объективное наличие проблемы, говорить с украинофилами теперь не о чем, эту проблему они просто «придумывают». Теперь остается только последний шаг — признать украинофильство опасным, и тогда репрессии

Serbyn R. The «Sion» — «Osnova» Controversy... Р. 96—98. Замечу, что богатая материалом статья Сербина не всегда свободна от «проукраинофильской» тенденции в его интерпретации.

⁵² Русский вестник. Т. 32. 1861. С. 2—5.

будут оправданы. Из талантливого аналитика Катков постепенно превращает себя в не менее талантливого проповедника русского национализма, пряча, а с течением времени, вероятно, и забывая свои сомнения и критицизм, неуместные для нового жанра.⁵³

К чести Каткова нужно отметить, что он понимал проблему заметно более глубоко, чем большинство современных ему и позднейших русских противников украинофильства, вполне искренно повторявших то, что он писал, начиная с 1862 г. Свое понимание сложности проблемы, ясно выраженное в статье 1861 г., он сознательно не пускал в свои позднейшие тексты в угоду их пропагандистской эффективности. Позднее Драгоманов напишет, что Катков в этой своей новой роли пропагандиста национализма был униклен только для России, что в Германии «чуть ли не каждый профессор и публицист есть такой же Катков по всем национально-политическим вопросам».⁵⁴ Это добавляет новые нюансы к оценке эволюции Каткова — по крайней мере поначалу он, вероятно, считал этот выбор своего рода служением, выполнением той для людей его калибра черновой, чтобы не сказать грязной, работы, которую он полагал необходимой и на которую других квалифицированных исполнителей в России 60-х гг. не нашлось.

Тогда же, осенью 1861 г., славянофильский «День» продолжил, теперь уже по поводу статей Костомарова, начатые еще Погодиным и Максимовичем квазиученые препирательства на тему исторических прав велико- и малороссов на Киев.⁵⁵ Затем газета выступила против особого «малорусского патриотизма» и надежд на развитие малорусского языка в литературный. Вопрос о такой возможности, по мнению «Дня», «*a priori* решается отрицательно».⁵⁶

⁵³ Весьма сходную эволюцию позиции Каткова по польскому вопросу подробно проследил Х. Глембоцкий. См.: *Głembocki H. «Co zrobic z Polska?» Kwestia polska w koncepcjach konserwatywnego nacjonalizmu Michaila Katkowa // Przegsad Wschodni. T. IV. Z. 4. 1998. S. 853—889; a также Sliwowska W. Petersburg społeczeństwo rosyjskie wobec kwestii polskiej // Powstanie styczniowe. Wrzenie — Bunt — Europa — Wizje. Warszawa, 1991. S. 541—569.* (Из западных текстов о Каткове наиболее адекватна глава 4 в кн.: *Thaden E. Conservative Nationalism... P. 38—56.*) Эволюция эта наверняка далась Каткову нелегко. Еще в конце 50-х Т. Н. Грановский говорил: «Из Каткова может выработаться отличный ученый [...], но от журналиста требуется нечто другое, чего у него нет и в помине» (*Феоктистов Е. М. Воспоминания. За кулисами политики и литературы 1848—1896. Ленинград: Прибой, 1929. С. 91.*)

⁵⁴ M. T. (Драгоманов). Восточная политика Германии и обрушение // Вестник Европы. 1872. № 2. С. 641.

⁵⁵ См. статью И. Д. Беляева // День. № 6. 18 ноября 1861 г.

⁵⁶ См. статью А. О. Гильфердинга «Славянские народности и русская партия в Австрии» // День. № 7. 25 ноября 1861 г. С. 17.

Особое место в публицистике «Дня» по украинскому вопросу принадлежит статье В. И. Ламанского в октябре 1861 г., в которой уже достаточно четко были сформулированы основные элементы той позиции, которая двумя годами позже будет заметно более агрессивно утверждаться Катковым. Ламанский прямо сравнил малорусский язык с *patois* во Франции, подчеркивая нецелесообразность стараний украинофилов превратить это наречие в развитый язык, «когда для Малой и Великой Руси обоюдными их усилиями уже выработан один общий литературный язык».⁵⁷ Далее, в связи с претензиями поляков на объединение Западного края с Царством Польским, Ламанский пишет: «Малоруссы и Великороссы с Белоруссами, при всех несходствах и насмешках друг над другом, образуют один Русский народ, единую Русскую землю, плотно, неразрывно связанную одним знаменем веры и гражданских учреждений... Отнятие от России Киева с его областью повело бы к разложению Русской народности, к распадению и разделу Русской земли».⁵⁸ (Заметим, что речь все время идет о «русской народности» и «русской земле», но не об империи.) Статья Ламанского была вполне понята в лагере украинофилов и вызвала энергичный протест «Основы»: «Для нас одинаково смешон и шляхетский гонор поляков, обзывающих малорусский язык хлопской мовой, так и вельможная деликатность великоруссов, употребляющих для этой цели французское выражение».⁵⁹ Отметим, что «Основа» откликнулась на статью Ламанского с задержкой почти в полгода. Возможно, редакция решила вступить в полемику только тогда, когда, после истории с «Сионом», стало ясно, что на дальнейшее молчание большинства русских изданий рассчитывать уже не приходится. В случае с либеральной петербургской прессой это молчание можно трактовать как благожелательное, во всяком случае «Русская речь» упрекала «Сион» в бес tactности, «на которую противникам неудобно (по цензурным соображениям. — A. M.) возражать».⁶⁰

⁵⁷ День. № 2. 21 октября. 1861. С. 15.

⁵⁸ Там же. С. 17. Позднее Ламанский уже в панславистском духе писал об утверждении русского языка в качестве «языка высшей образованности», как об инструменте политического объединения всех славян, полагая, что при этом условии «образование общего славянского союза не представляет таких громадных трудностей, как политическое единство Германии». Он оговаривался, что «о насильственном распространении (русского) не может быть и речи», и ставил успех этого предприятия в прямую зависимость от успешного развития России: «Для этого нужно, чтобы русский язык стал носителем великих идей любви и свободы, необходимым деятелем общечеловеческого просвещения». См.: Ламанский В. Национальности итальянская и славянская, в политическом и литературном отношении // Отечественные записки. 1864. Т. 157. № 11—12. С. 615—616.

⁵⁹ Основа. 1862. № 3. С. 14.

⁶⁰ См.: Сион. 16.03.1862. № 37. С. 581.

Период более острой полемики начинается летом 1862 г., когда катковский «Русский вестник» напечатал в приложении «Современная летопись» пространное письмо «Из Киева» П. В. Анненкова с критикой «малорусской партии». ⁶¹ (Только после этой публикации «Русский вестник» перестал помещать объявления Костомарова о сборе средств на издание малороссийских учебников. В других изданиях, в частности в «Санкт-Петербургских ведомостях», эти объявления продолжали выходить вплоть до рассылки Валуевского циркуляра.)

Провинциальные издания так же были расколоты, как и столичные. Редактор «Киевских ведомостей» П. Г. Лебединцев защищал «Основу» в полемике с уроженцем Малороссии редактором «Петербургского еженедельника» В. И. Аскоченским. ⁶² А начавший выходить в 1862 г. «Вестник Юго-Западной и Западной России» К. А. Говорского возражал, пока достаточно сдержанно, Чернышевскому: «Хотя мы сами принадлежим к племени малорусскому, однако же решительно не находим в нашем языке тех литературных достоинств, которые почему-то приписывает ему автор („Национальной бес tactности“. — A. M.); да и единства-то малорусский язык, употребляемый в разных до сих пор вышедших книжках, не имеет. Наш общерусский литературный язык есть такое же достояние малоруссов, как и великоруссов, потому что в развитии его оба великие племена принимали участие [...] Мысль о какой-то отдельности малорусского народа и его языка мы считаем просто нелепостью, которая довела бы его не до отдельности, не до самостоятельности, но до погибели; без нашего выработанного, уже богатого письменными произведениями общерусского языка его неизбежно ожидает исчезновение в волнах известной нам западной пропаганды». ⁶³ Автором этой неподписанной статьи был, по всей видимости, С. С. Гогоцкий, который, как мы видели, еще в 1859 г. активно развивал эти идеи: «Мы должны всячески поддерживать единство трех племен Русских, а иначе... Латино-Ляшская партия его (малороссийский народ. — A. M.) сейчас же раздавит или по крайней мере прямо подавит и ассимилирует. Ляхи это отлично понимают, и потому-то они постоянно, под видом искреннейшего благожелания, нашептывают нам, что Малороссия может быть самостоятельной. Нас-то, Западных Малороссиян обмануть трудно; но Восточные Малороссияне, как я заметил, легко даются и уже дались в обман. Они не замечают того, что Ляхам и Иезуитам только того и нужно, чтобы 1-е, развить нерасположение в Малороссиянах к Великоруссам; 2-е развить мысль об отдельности, и 3-е, вытолкать употребление литературного русского языка. Ляхи очень хорошо знают, что если

⁶¹ Современная летопись «Русского вестника». 1862. Июнь. № 25.

⁶² См.: Фабрикант Н. Краткий очерк из истории отношений русских цензурных законов к украинской литературе // Русская мысль. 1905. Кн. III. С. 131.

⁶³ Вестник Юго-Западной и Западной России. 1862. Т. 1. С. 25, 26.

бы Малороссия оторвалась от Великороссии, то первую, особенно Западную, они схватили бы тотчас же и задушили, как кот мышку». ⁶⁴

Таким образом, обсуждение направления «Основы» и украинофильства вообще в 1862 г. все больше затрагивало такую основополагающую для русского общественного мнения проблему, как границы и принципы организации русской нации, а также постепенно обострявшийся польский вопрос. Как следствие, в дискуссию вовлекались все новые петербургские, московские и киевские издания, а тон ее становился постепенно таков, что украинские активисты сочли за благо в сентябре 1862 г. направить в «Русский вестник» коллективное письмо с объяснениями по поводу звучавших обвинений. Газета опубликовала его в ноябре под заголовком «Отзыв из Киева». ⁶⁵ Во вполне народническом по духу тексте решительно отвергалось обвинение в государственном «сепаратизме» и вообще подчеркивалось, что «никто из нас... не говорит и не помышляет о политике». ⁶⁶ «Другое дело, если под словом „сепаратизм“ разумеют желание развить южно-русский язык и южно-русскую литературу. Это желание мы действительно имеем», — признавались авторы письма, полагая, что в русском общественном мнении оно должно выглядеть вполне естественным и безвредным. Под письмом стояла 21 подпись, первыми из которых были подписи его составителей Владимира Антоновича и Павла Чубинского, лидеров Киевской громады.

Параллельно некто, скорее всего из числа подписавших это письмо, предпринял другой, и весьма затейливый, защитный маневр. В бумагах сенатора А. А. Половцова сохранилась анонимная «Записка о состоянии Юго-Западного края», датированная 12 октября 1862 г. Вероятно, он получил ее от начальника III отделения П. А. Черевина, когда готовился к своей инспекции края в 1880 г. ⁶⁷

В записке давалось довольно подробное описание Края и его тогдашнего положения с умеренно-либеральных позиций и от лица великокорусса. Роль главного врага отводилась полякам. Особый интерес представляет характеристика, данная в записке украинофильству. «Журнал „Основа“ сделался органом умеренной и разумной партии малоруссов, желающих умственного возрождения своего племени не в видах разобщения его с Россиею, а в цели сознательного участия его

⁶⁴ ГАРФ, Секретный архив, ф. 109, оп. 1, ед. хр. 1763. Л. 1—3. (Выписка из письма С. Гогоцкого из Киева от 19 дек. 1859 г., к отцу Василию Вас. Гречулевичу в СПб.) Исходя из этих соображений, Гогоцкий осуждает изданный тогда букварь Гречулевича, настаивая, что «литературный русский язык должен быть всем общий в букварях. Вера и язык должны быть связующими элементами. Но не мешает привести что-нибудь и на простом языке нашем». Л. 4 об.

⁶⁵ Современная летопись. 1862. Ноябрь. № 46.

⁶⁶ Там же. С. 5.

⁶⁷ Подробно об инспекции Половцова см. гл. 14.

в общем прогрессивном движении русского народа». Хотя некоторые «пуристы», говорилось далее, доводят свою любовь к малороссийской народности до абсурда и «стремятся навязать народу исключительно малорусскую грамотность, опасного в этом крайнем проявлении малорусского патриотизма ничего нет». Партия хлопоманов — так польская шляхта называла членов киевской украинофильской Громады — характеризовалась как «несколько похожая на нашу современную славянофильскую партию и составляющая только переходную ступень к слиянию польской шляхты с русским населением края». «Лучшим доказательством безвредности и неопасности тенденций партии хлопоманов, — утверждалось далее, — может служить питаемая к ней ненависть шляхты».⁶⁸ Очевидно, что автор(ы) записки стремились нейтрализовать в восприятии III отделения негативный эффект газетных публикаций, теперь от имени благонадежного великоросса.

Хотя прежний благожелательный или по крайней мере терпимый тон по отношению к украинскому движению в московской и киевской прессе с конца 1861 г. уступил место настороженности и подозрениям в сепаратизме, весь 1862 г. конфликт по-прежнему не описывался в категориях жесткой конфронтации. Даже «Современная летопись» Каткова, публикую коллективное письмо украинофилов, заявляла, что менее всего желает, чтобы «попытки малороссийской литературы встречали какое-нибудь внешнее противодействие и подвергались стеснению», и лишь сетовала, что «многие добрые силы» могут быть отвлечены на «бесплодное и безуспешное дело».⁶⁹ Перелом, однако, был уже близок.

Зашитники украинских активистов в петербургской прессе подчеркивали беспочвенность подозрений в сепаратизме. Сами они также отвергали эти обвинения. Не подлежит сомнению, что часть украинофилов делала это неискренне. Не стоит, однако, и забывать, что тогдашние условия не оставляли другого выхода тем, кто не стремился стать объектом немедленных полицейских репрессий. Боязнь спровоцировать карательные меры властей против «Основы» составляла неотъемлемый фон этой полемики — вся прессы, вне зависимости от идейной ориентации, в 1861—1862 гг. решительно выступает за свободу слова.

⁶⁸ РО РНБ, ф. 600, ед. хр. 606. Л. 52 об—55.

⁶⁹ Современная летопись. 1862. Ноябрь. № 46. С. 3.

Глава 4

Власти империи и украинофильство в 1862—1863 гг.

Генезис Валуевского циркуляра

Исследователи уже не раз обращались к проблеме генезиса Валуевского циркуляра цензурным комитетам от 18 июля 1863 г. и реконструировали существенную часть этой истории. Однако целостная картина до сих пор не была воссоздана, во многом потому, что ни один историк не имел, по разным причинам, доступа ко всему комплексу связанных с этим делом документов.¹ Между тем в недрах бюрократического аппарата развивались, до определенного момента формально независимо друг от друга, два дела об украинофильстве, замкнувшихся, в конечном счете, на министра внутренних дел П. А. Валуева, которому и предстояло подписать эту знаменитую инструкцию.² И только изучив оба комплекса документов, хранящихся в ГАРФ и в РГИА, можно воссоздать процесс принятия этого решения, что мы и постараемся сделать.

Более чем за год до того, как Валуев подписал свой циркуляр, 29 июня 1862 г. военный министр Д. А. Милютин направил шефу жандармов кн. В. А. Долгорукову коротеньку записку следующего содержания: «Секретно. Сообщенные мне генерал-губернатором свиты е. в. графом Сиверсом секретные сведения о происходящем в Киеве, считаю полезным довести до сведения Вашего сиятельства, присовокупив, что прилагаемую при сем записку я прочел Государю Императору».³ Хорошо знакомый с обычаями царской бюрократии Милю-

¹ М. Лемке в своей книге «Эпоха цензурных реформ 1859—1865 гг.» (СПб., 1904) вообще вынужден был пользоваться не оригиналами, а копиями неизвестного происхождения. Ф. Савченко («Заборона українства 1876 р.» Харків; Київ, 1930, репринт München, 1970) не знал документов петербургских, а Д. Саундерс — московских. Саундерс опубликовал за последние годы несколько статей о происхождении Валуевского циркуляра: *Saunders D. Russia's Ukrainian Policy (1847—1905): A Demographic Approach // European History Quarterly* 25 (1995); *Idem. Russia and Ukraine under Alexander II: The Valuev Edict of 1863 // International History Review* 17 (1995); *Idem. Mikhail Katkov and Mykola Kostomarov: A Note on Petr Valuev's Anti-Ukrainian Edict of 1863 // Harvard Ukrainian Studies*. 17. Nr. 3—4 (1996 for 1993).

² Текст циркуляра см. в Приложении 1.

³ ГАРФ, ф. 109, 1-я экспедиция III отделения, оп. 37, ед. хр. 230, ч. 38. Л. 1. Цит. по: Савченко Ф. Заборона... С. 183—184.

тин знал, как заставить крутиться достаточно неповоротливую машину тайной полиции. Упомянув, что он проинформировал об этом письме императора, или, как сказали бы современные российские бюрократы, что «дело находится у царя на контроле», Милютин мог быть спокоен — оно будет разрабатываться с максимальной активностью.

Такая предосторожность Милютина не была лишней. III отделение уже располагало к тому моменту весьма существенной информацией об активности украинофилов, в том числе и уже цитированной ранее их перлюстрированной перепиской, но никаких действий, помимо сыскных, по этому поводу не предпринимало. Теперь, после записи Милютина, III отделению предстояло заняться этим вопросом всерьез. В приложенном к записке письме Б. Ф. Сиверса говорилось о существовании в Киеве «общества под названием хлопоманов», действующего «для возмущения крестьян против помещиков и распоряжений правительства с целью восстановления независимости Малороссии».⁴ «Нисколько не скрывая принадлежности к обществу, молодые люди эти ходят в национальном малорусском платье и разъезжают по деревням». Среди активистов общества Сиверса упоминал В. Антоновича, Ф. Рыльского и П. Чубинского, подписи которых стояли под отвергавшим политические обвинения в адрес украинофилов письмом, которое в ноябре 1862 г. опубликовала «Современная летопись „Русского вестника“».⁵ Очевидно, что кто-то из местных киевских деятелей снабдил Сиверса информацией, а может быть, и подтолкнул к написанию этого письма. Это могли быть противники украинофилов из собственно малороссийской среды, но более вероятно, что это были местные польские землевладельцы. Именно они прозвали украинофилов «хлопоманами», то есть «поклонниками крестьян»,⁶ именно они могли акцентировать опасность возмущения крестьян против помещиков — на то время почти исключительно поляков. Наконец, среди названных по именам украинофилов двое — Антонович и Рыльский — были особенно нелюбимы в польской среде как «отступники», родившиеся в польских (точнее, в давно полонизированных) шляхетских семьях, затем сменившие идентичность на украинскую, а социальные симпатии на народнические. В 1861 г. «Основа» напечатала очень эмоциональную «Исповедь» Антоновича, в которой он объяснял своим польским оппонентам, почему он не может и не хочет считать себя поляком. Именно такие бывшие члены польской нелегальной студенческой организации — «гмины» — и составили к 1860 г. ядро киевской «Громады» — полулегальной организации украинских национальных ак-

⁴ ГАРФ, ф. 109, оп. 37, ед. хр. 230, ч. 38. Л. 3. Цит. по: Савченко Ф. Зaborona... С. 184—185.

⁵ Современная летопись. 1862. Ноябрь. № 46.

⁶ Chłop по-польски значит крестьянин. В России это прозвище иногда переиначивали в хохломаны.

тивистов.⁷ Так или иначе, но подчеркнем то обстоятельство, что «местная инициатива» дает о себе знать с самого первого шага в развитии этого дела.

Ответы жандармских офицеров из Юго-Западного края на последовавшие вслед за обращением Миллютина к Долгорукову запросы петербургского начальства были выдержаны в успокоительном тоне и не содержали существенной дополнительной информации. «Дошедшие в Петербург слухи, что ничтожное общество хлопоманов стремится будто бы о восстановлении и независимости Малороссии (*sic!*), не заслуживают внимания, испокон веков Малороссия самостоительно не была и быть не может», — заключал испытывавший некоторые трудности в борьбе с русскими предлогами поляк, полковник Грибовский, штаб-офицер находящегося в Киевской губернии корпуса жандармов.⁸ (Заметим, что уже здесь проскальзывает формула, которую сделает позже знаменитой Валуевский циркуляр — «не было, нет и быть не может».)

Тем не менее оставить показанную царю записку Миллютина без последствий было нельзя, и в январе 1863 г. Долгоруков отправил в Киев предписание, в котором предлагал Киевскому генерал-губернатору «принять зависящие меры к прекращению дальнейших действий означенного общества». В вину Громаде Долгоруков ставил контакты с польскими гминами, а также стремление «распространять в народе либеральные идеи и с этой целью издавать народные малороссийские книги».⁹ Иначе говоря, шефу жандармов на тот момент более опасной представлялась социальная, а не националистическая сторона идеологии Громады.

Адресатом этого письма был уже новый генерал-губернатор ген. Н. Н. Анненков, назначенный 3 декабря 1862 г. по протекции Д. Миллютина на место скоропостижно скончавшегося Васильчикова.¹⁰ При всей кажущейся грозности этого предписания прямых серьезных последствий оно иметь не могло. Громада не была официальной орга-

⁷ Сам Антонович говорит об основателях Громады «мы, поляки-украинцы». Кстати, и само понятие «громада» было заимствовано у поляков. См.: Мияковский В. Киевская громада (Из истории украинского общественного движения 60-х годов) // Летопись революции. 1924. № 4. С. 129, 134. Харьков.

⁸ ГАРФ, ф. 109, оп. 37, ед. хр. 230, ч. 38. Л. 10 об.

⁹ См.: Мияковский В. Киевская громада... С. 149—150.

¹⁰ Заметим, что Валуев, еще рассчитывавший на мирное развитие отношений с поляками, был этой кандидатурой недоволен и пытался убедить Миллютина, что «в Западный край нужна не сила, которой столько потратил, зато без пользы, ген. Бибиков, но уменье ладить и жить с людьми» (Письмо Валуева Д. Миллютину от 16 ноября 1862 г. ОР РГБ, ф. 169, к. 59, ед. хр. 32. Л. 5.). Опасения Валуева подтвердились очень скоро.

низацией, а потому закрыть ее распоряжением властей было нельзя. Никаких конкретных компрометирующих данных на громадчиков Долгоруков Анненкову не сообщал, так что полицейские репрессии против них также не предусматривались, тем более что таковые были в компетенции самого Долгорукова. Все, что мог предпринять Анненков на основании этого письма, это вызвать нескольких лидеров Громады и сделать им внушение. Однако перспектива «спугнуть» таким образом громадчиков его не устраивала.

23 февраля Анненков отправил Долгорукову письмо, посвященное проблеме украинофильства. Он прежде всего солидаризовался с мнением шефа жандармов о «вредности коммунистических и социалистических теорий». Сетуя на то, что секретный надзор, установленный над украинофилами, не дал компрометирующих материалов, Анненков предлагал спровоцировать в прессе полемику с участием украинофилов, которая «могла бы содействовать Правительству в раскрытии действительной цели и к объяснению духа и направления лиц, подписавших статью», опубликованную в «Современной летописи». ¹¹ Н. Анненков, по сути, предлагал продолжить тактику, однажды уже примененную, ведь письмо украинофилов стало ответом на статью губернаторского однофамильца П. Анненкова «Из Киева». Позднее генерал-губернатор просил Долгорукова прислать в Киев опытного и неизвестного там агента, который мог бы внедриться в среду украинофилов. Анненков, таким образом, пытался подтолкнуть Долгорукова более серьезно заняться этим делом, демонстрируя заметно более высокую квалификацию в деле политического сыска, чем начальник III отделения.

Вскоре после этого, в начале марта, Долгоруков получил анонимное письмо из Киева, написанное, судя по его тексту, высокопоставленным духовным лицом (или лицами). Отмечая, что украинофилы «привлекли к своей партии в Киеве и Санкт-Петербурге несколько людей значительных, хоть и слепотствующих», авторы письма продолжали: «Все мы благонамеренные малороссы, вполне понимающие нужды и желания народа и затеи наших хлопоманов-сепаратистов, умоляем в. с. употребить все, чем только вы можете располагать, чтобы защитить нашу святыню от поругания, а отечество от распадения и опасного раскола». Потребовав далее запретить «малорусский» перевод Евангелия, авторы закончили письмо прямой и недвусмысленной угрозой: «Впрочем, если моление наше, теперь однокое, не принесет ожидаемых от вашей ревности к пользам церкви и отечества результатов, мы явимся с протестом нашим гласно, перед лицом всего русского мира». ¹² Очевидно, что авторы были крайне раздражены медлительностью III отделения, если позволили себе обращаться к

¹¹ ГАРФ, ф. 109, оп. 37, ед. хр. 230, ч. 38. Л. 46—47.

¹² См.: Герцен А. И. ПСС / Под ред. М. К. Лемке. Т. XVI. Пг., 1920. С. 299—300.

Долгорукову в таком тоне. Отметим в то же время, что требование о запрете украинского перевода Евангелия формально обращено «не по адресу» — этим вопросом, как и изданием духовной литературы вообще, занимался Синод. Остается предположить, что при всем своем недовольстве III отделением авторы считали более вероятным добиться нужного им результата здесь, а не у своего прямого начальства.

Долгоруков переслал это письмо Анненкову, и уже 17 марта Анненков отправил Долгорукову второе «антиукраинофильское» послание. Из него ясно видно, что киевский генерал-губернатор если и не был инициатором анонимного письма «защитников церкви и отечества», то во всяком случае был с ним вполне согласен: по сравнению с февральским письмом критические акценты резко смешены, и вопрос о переводе Евангелия выходит на первый план. Анненков отмечает, что «польская и малорусская партии, расходящиеся в окончательной цели своих стремлений (т. е. Анненков признавал украинофильство самостоятельным движением и не склонен был видеть в украинофилах сознательных польских агентов. — A. M.), сходятся в средствах, ибо и поляки стали в возвзаниях своих к простому народу тоже напоминать им о прежней независимости Украины, о козачестве». ¹³ Затем Анненков обратился к языковому вопросу, сравнив украинский язык с «особыми наречиями жителей некоторых великорусских губерний». В этой связи планировавшееся издание украинского перевода Священного Писания Анненков охарактеризовал как «предприятие скорее политического характера». Вывод его был таков: «До сих пор в литературе идет спор о том, составляет ли малороссийское наречие только особенность русского языка или это язык самостоятельный. Добившись же перевода на малороссийское наречие Священного Писания, сторонники малороссийской партии достигнут, так сказать, признания самостоятельности малороссийского языка, и тогда, конечно, на этом не остановятся и, опираясь на отдельность языка, станут заявлять притязания на автономию Малороссии». ¹⁴

Сам Н. Анненков, похоже, многое понял под влиянием своих занятий проблемой украинофильства и стал формулировать русификационные идеи более четко. Вскоре после вступления в должность новый генерал-губернатор писал Д. Милютину, что главную задачу видит в принятии «мер к усилению русской народности», имея в виду лишь борьбу с польским влиянием. ¹⁵ В мае же в письме другому своему

¹³ ГАРФ, ф. 109, оп. 37, ед. хр. 230, ч. 38. Л. 56.

¹⁴ ГАРФ, ф. 109, оп. 37, ед. хр. 230, ч. 38. Л. 56 об. Уже «вдогонку», в апреле Анненков перешлет Долгорукову и письмо директора училищ Закавказского края Кулжинского, где тот, обеспокоенный объявлениями о сборе средств на издание украинских книг для народа, вопрошал: «Неужели нельзя удержать беспокойного Костомарова от его сепаративных затей?» (См.: Герцен А. И. ПСС / Под ред. М. К. Лемке. Т. XVI. С. 301.)

¹⁵ ОР РГБ, ф. 169, к. 14, ед. хр. 3. Л. 58 об.

покровителю, министру иностранных дел А. М. Горчакову Анненков уже говорит о задаче «утвердить окончательно за жизнью всей Западной Руси совершенное тождество коренных общественных начал с жизнью Руси Восточной и, следовательно, полноту Русского народного единства».¹⁶

Две пометки Долгорукова на полях письма Анненкова от 17 марта говорят о том, что оно сыграло в развитии дела очень важную роль: «Доложено Его Величеству 27 марта», «Высочайше разрешено войти с кем следует по данному предмету (перевод Евангелия. — A. M.) в сношение. 27 марта».¹⁷

Таким образом, Святейший Синод не был, как считают некоторые исследователи, инициатором запретительных мер, и сам вопрос о целесообразности издания Священного Писания по-украински отнюдь не был первоначальным поводом для репрессий против украинского языка.¹⁸

Здесь необходим комментарий. Первая попытка опубликовать перевод Священного Писания с церковнославянского на русский была предпринята в начале 1820-х гг. Российским библейским обществом с разрешения Александра I. Противодействие церковных иерархов не позволило довести дело до конца. Несколько сотен тысяч уже отпечатанных по-русски экземпляров Библии были сожжены. В последующие годы митрополит Московский Филарет несколько раз пытался сломить сопротивление своих более консервативных коллег, но безуспешно. Его «Катехизис» синодальная цензура долго не пропускала из-за того, что три молитвы, включая «Отче наш», были приведены на русском.¹⁹ Главный противник Филарета архимандрит Фотий еще

¹⁶ АВПРИ, ф. 133, оп. 469, 1863 г., ед. хр. 83. Л. 4 об. Письмо Н. Анненкова А. Горчакову от 24.05.1863. В 1864 г. Анненков старался также заручиться поддержкой Горчакова при решении вопроса о проведении железной дороги из Одессы в Москву через Киев, а не Харьков, оперируя не только экономическими, но и ассимиляторскими аргументами (АВПРИ, ф. 133, оп. 469, 1864 г., ед. хр. 73. Л. 8. Письмо от 24.10.1864).

¹⁷ ГАРФ, ф. 109, оп. 37, ед. хр. 230, ч. 38. Л. 55, 56 об.

¹⁸ См.: Dmytryshyn B. Introduction // Ф. Савченко. Заборона українства 1876 р. München, 1970.

¹⁹ Smolitsch I. «Geschichte der russischen Kirche», teil 2 // Forschungen zur osteuropaischen Geschichte. Band 45 (1991). S. 19; Batalden S. K. Printing the Bible in the Reign of Alexander I: Toward a Reinterpretation of the Imperial Russian Bible Society // Geoffrey A. Hosking (ed.). Macmillan Academic and Professional LTD. London, 1991. P. 67; Филарет под цензурою // Русский архив. 1904. № 2. С. 311. См. также: Пыпин А. Н. Религиозные движения при Александре I. СПб., 1911; Пыпин А. Н. Российское библейское общество // Вестник Европы. 1868. № 8—12.

долго поминал ему попытку «перевода Нового Завета на простое наречие русское».²⁰

Эта фраза Фотия еще раз напоминает нам, что русский к тому времени еще далеко не вполне утвердился в своей роли развитого языка. Не только дворянство, в том числе и Пушкин, осваивало французский раньше русского. Церковная иерархия в свою очередь лишила это «простое русское наречие» права быть языком Священного Писания, тем самым отнимая у него то огромное преимущество, которое западноевропейские языки уже давно имели перед теми менее «вездечими» наречиями, которые пытались эмансицироваться из-под их доминации на волне национализма в XIX в.²¹

Только в 1859 г. по настоянию Александра II Синод, наконец, разрешил полный русский перевод Священного Писания. Новый Завет был опубликован в 1862 г., а полный текст Священного Писания в 1876 г., годом позже, чем русский перевод «Капитала». После того как русский перевод был, наконец, разрешен, Синод, насколько можно судить, склонялся к проведению такой же политики в отношении малорусского языка. В 1862 г. он разрешил печатание на украинском «Священной истории» отца Степана Опатовича и рассматривал малорусский перевод Евангелия, подготовленный Ф. С. Морачевским. Таким образом, вопрос о переводе Священного Писания на украинский был в начале 1860-х гг. частью более общего вопроса о доступности Священного Писания для паствы и о статусе современных восточнославянских языков по отношению к церковнославянскому. Разгоревшаяся в это время в прессе дискуссия об украинском языке или малороссийском наречии, о его роли в преподавании и литературе сделала очевидным, что вопрос перевода Священного Писания касается и статуса восточнославянских языков по отношению друг к другу. О популярности русского перевода Евангелия среди крестьян, а значит, и о его потенциальной ассимиляторской роли, можно судить по тому, что только с 1863 по 1865 г. разошлось более 1 миллиона 250 тысяч экземпляров.²²

Во исполнение резолюции царя от 27 марта Долгоруков письмом от 2 апреля проинформировал Валуева о деле украинофилов, приложив второе письмо Анненкова и анонимное письмо из Киева.²³ 14 апреля Валуев отправил обер-прокурору Синода генерал-майору

²⁰ Автобиография юрьевского архимандрита Фотия // Русская старина. 1894. № 7. С. 218.

²¹ Ошибочно поэтому мнение Б. Андерсона, считавшего издание в конце XVIII в. академического шеститомного словаря свидетельством триумфа русского языка над церковнославянским. См.: *Anderson B. Imagined Communities...* Р. 73.

²² См.: *Hosking J. Russia: People and Empire, 1552—1917.* London, 1997. Р. 233—234.

²³ ГАРФ, ф. 109, оп. 37, ед. хр. 230, ч. 38. Л. 58.

А. П. Ахматову запрос об украинском переводе Евангелия, приложив письмо Анненкова. Ответ Ахматова от 19 апреля был весьма сдержаным: сообщив, что перевод находится на отзыве у калужского епископа, обер-прокурор обещал, что по возвращении рукописи мнение Анненкова будет «принято в соображение Святейшим Синодом», о решении которого Валуев будет извещен.²⁴ Своего отношения к письму Анненкова и позиции по этому вопросу Ахматов никак не определял. Даже в мае, в ответ на очередной запрос Долгорукова, Ахматов счел нужным просить дополнительных разъяснений по поводу других книг религиозного содержания, ссылаясь на публикуемые в прессе объявления о сборе средств для «издания книг для народа по-малороссийски».²⁵ Окончательно разбравшись, куда ветер дует, обер-прокурор приказал калужскому епископу Иакову (Миткевичу), у которого перевод Морачевского был на отзыве, вернуть текст *без всякого отзыва*, очевидно не желая поставить епископа в неловкую ситуацию, буде тот даст положительное заключение.²⁶ Раз Ахматов допускал такую возможность, следовательно, никаких предварительных инструкций отрицательного толка по поводу перевода епископ не получал.

Таким образом, почти за три месяца с момента, когда Александр II поручил Долгорукову обсудить вопрос об издании украинского перевода Евангелия с другими высокопоставленными чиновниками, о деле были проинформированы только Валуев и Ахматов. От министра просвещения А. В. Головнина на этом этапе дело держали в секрете. Только 17 июня Валуев написал Долгорукову, что «совершенно разделяет мнение» киевского генерал-губернатора.²⁷ В этом промежутке между началом апреля и серединой июня противники украинофильства постарались придать делу уже публичный резонанс.

Неизвестно, то ли Долгоруков ознакомил Каткова с планом Н. Анненкова об организации в прессе провокации против украинофилов, то ли сам Анненков связывался с Катковым. Возможны оба варианта, не исключено, что оба и имели место в действительности. Во всяком случае, Каткова не нужно было долго уговаривать. Первой попыткой реализовать план, предложенный киевским генерал-губернатором, стала публикация в майском номере «Русского вестника» за 1863 г. статьи А. Иванова «О малорусском языке и об обучении на нем». Эта

²⁴ РГИА, ф. 1281, оп. 1, ед. хр. 166.

²⁵ ГАРФ, ф. 109, оп. 37, ед. хр. 230, ч. 38. Л. 66. Письмо Долгорукову от 22 мая 1863 г.

²⁶ ГАРФ, ф. 109, оп. 37, ед. хр. 230, ч. 38. Л. 78. Авторы Доклада Комиссии Академии наук по вопросу об «отмене стеснений малорусского печатного слова» упоминают, правда, без указания источника, что епископ «склонялся к одобрению труда Морачевского». Об отмене стеснений малорусского печатного слова. СПб., 1910. С. 17.

²⁷ ГАРФ, ф. 109, оп. 37, ед. хр. 230, ч. 38. Л. 68.

работа стала самым последовательным и аргументированным изложением антиукраинофильской позиции в русской печати. Иванов с 1858 г. был студентом Киевского университета и, весьма вероятно, писал свою статью по прямому указанию киевского генерал-губернатора. Во всяком случае, в своей статье он неоднократно призывает украинофилов к полемике.

Иванов, в отличие от всей антиукраинофильской русской публицистики, не оспаривает возможности превращения «малорусского наречия» в развитый самостоятельный язык,²⁸ а нападает на украинофильтво с позиций идеиного сторонника ассимиляции. Ссылаясь на немецкий и французский опыт, Иванов говорит о роли языка и культуры как объединяющего фактора. Он призывает к подобному объединению и славян на основе тех четырех славянских языков, которые он считает на данный момент литературно развитыми — русского, польского, чешского, сербского.²⁹ Для него вопрос состоит не в том, возможен ли украинский язык, но в том, возможно ли обойтись без него, сделав русский общим языком велико- и малороссов. Ответ, разумеется, утвердительный, а значит, «украинофилы-сепаратисты стремятся разрушить и уничтожить то, что уже в значительной степени осуществилось, что давно уже идет к полному осуществлению, стремятся уничтожить самые драгоценные плоды нашей истории».³⁰

Не оспаривает Иванов и главного «официального» аргумента украинофилов в пользу преподавания на украинском — ускорение обучения грамоте. Но выигрыш на первых порах обернется, по его мнению, проигрышем в дальнейшем, ведь массив культуры, доступный грамотному по-украински, заметно меньше, чем тот, который доступен грамотному по-русски. Далее он делает не лишенное резона замечание, которое ставит языковой вопрос и проблему русификации вообще в социальный контекст: «Очень может быть, что в настоящее время в деревнях преподавание на малорусском наречии идет значительно успешнее, чем на русском языке. Но причина лежит в другом обстоятельстве. По-малорусски преподают теперь только приверженцы сепаративных устремлений; а таким стремлениям предаются только люди, получившие образование хотя поверхностное, но все-таки гораздо лучшее, чем прочие сельские преподаватели, состоящие из писарей и дьячков... Причина здесь не в языке, а в преподавателях!»³¹ (А в Петербурге именно в это время хоронили проект передачи начального преподавания светским учителям!)³²

Очевидно, что в Киеве опасения по поводу распространения украинского языка в преподавании возникли и усилились раньше, чем в

²⁸ Катков к 1863 г. уже не допускает такой возможности.

²⁹ Русский вестник. 1863. Май. С. 253.

³⁰ Там же. С. 254.

³¹ Там же. С. 260.

³² Подробно см. главу 7.

Петербурге. Уже в 1862 г. Комитет для рассмотрения уставов под председательством профессора Киевского университета И. Я. Нейкирха единогласно постановил заменить в уставах низших и средних учебных заведений слова «отечественный язык» на «русский язык».³³ В 1863 г. профессор Киевского университета С. Гогоцкий и учитель Нежинской гимназии И. Кулжинский (оба — малороссы) публикуют специальные брошюры против применения украинского языка в преподавании.³⁴

Иванов видел, что языковой вопрос есть часть более обширной националистической программы. «Такое стремление имеет целью разить в народе... понятие о его каком-то резком и совершенном отличии от великороссов».³⁵ Он указывал на стремление украинофилов преподавать по-украински и детям уже обрусевших горожан, что явно противоречило логике «официальной» аргументации украинофилов в пользу преподавания на родном языке. «Когда в частных разговорах подобными возражениями обличал я некоторых из украинофилов в неискренности их уверений, то они ничего не могли возразить, кроме того, что они хотят возвратить горожан к утраченной ими национальности».³⁶

По сути, Иванов верно описал всю структуру конфликта русского и украинского национализмов, в котором воедино были сплетены вопросы языка и идентичности, а также борьбы интеллектуальных элит по вопросу об их социальном статусе. (Он весьма зло писал о мотивах активистов украинского движения.³⁷ Кстати, русско-польский конфликт и место украинофильства в этом контексте Иванов упомянул лишь однажды, и только намеком, хотя писал свой текст уже после начала восстания.) Предлагая программу борьбы с украинофильством, Иванов возражал против запретительных санкций, настаивая на эффективности только «мер положительного противодействия», то есть создания системы государственных школ с преподаванием на русском, которые были бы конкурентоспособны в сравнении с частными украинскими.

³³ Русский вестник. 1863. Май. С. 258; Университетские известия. 1862. № 4. С. 19, 25, 35.

³⁴ См.: Гогоцкий С. На каком языке следует обучать в сельских школах Юго-Западной России? Киев, 1863; Кулжинский И. О зарождающейся так называемой малороссийской литературе. Киев, 1863.

³⁵ Русский вестник. 1863. Май. С. 259.

³⁶ Там же. С. 261.

³⁷ Там же. С. 256, 257, 266. «Если б им удалось создать малорусскую литературу, то их, как основателей, как положивших начало, будут прославлять, они будут жить в потомстве». Очевидно, что в той части, в которой этот анализ верен, он относится к активистам всех движений такого рода, а отнюдь не только украинского.

Однако украинофилы в полемику с Ивановым вступать не стали. Поняв, что публикация статьи не дала желаемого результата, Катков сам взялся за дело. Он постарался сделать критику максимально острый и адресной. Своими нападками лично на Костомарова Катков, по сути, реализовал план спровоцировать украинофилов на полемику, предложенный Анненковым Долгорукову в письме от 23 февраля.

Катков сделал главным предметом критики акцию Костомарова по сбору средств для издания книг для народа. Катков не без оснований увидел в этой инициативе потенциал для перерастания украинофильства в легальное коллективное действие с мощным пропагандистским эффектом. Если воспользоваться понятийным аппаратом М. Гроха, который предложил периодизацию национальных движений такого типа, речь шла о попытке перейти от стадии А (научный интерес к украинской специфике) к фазе В (создание организационных структур и широкая пропаганда национальных идей). Катков, некоторые высшие российские бюрократы, как, впрочем, и многие радикально настроенные оппозиционеры, включая Герцена и Чернышевского, будь они знакомы с гроховской схемой, сказали бы в то время о потенциальной возможности перехода сразу в фазу С (массовая мобилизация крестьян в условиях отмены крепостного права).³⁸ После опубликования царского манифеста среди крестьян широко распространились

³⁸ Hroch M. Social Preconditions of National Revival in Europe. Cambridge, 1985. (О концепции М. Гроха см.: Бобрович М. Мирослав Грох: формирование наций и национальные движения малых народов // А. Миллер (ред.). Национализм и формирование наций. Теории — модели — концепции. М., 1994.) Применение схемы Гроха к украинскому национальному движению см. в: Kappeler A. The Ukrainians of the Russian Empire, 1860—1914 // Comparative Studies on Governments and Non-Dominant Ethnic Groups in Europe, 1850—1940. Vol. VI. A. Kappeler (ed.). The Formation of National Elites. New York University Press, Dartmouth, 1996. P. 112—113. В ряде работ последнего времени была предложена разумная, с моей точки зрения, корректировка схемы Гроха. Она предполагает выделение особой предварительной фазы, когда характерный для эпохи романтизма интерес этнографов, филологов и историков к этническим особенностям был свободен от националистической идеологии. В этом случае фаза А будет охватывать только следующее поколение (в нашем случае — членов Кирилло-Мефодиевского братства), вдохновленное националистическими идеалами. См.: Yekelchyk S. Nationalisme ukrainien, bielorusse et slovaque // Chantal Mellon-Delson and Michel Maslowski (eds.) L’Histoire des idées politiques cente-est européennes. Paris, 1998. P. 377—393. Такая поправка представляется мне более точной, чем позиция Р. Шпорлюка, считающего, что политические мотивы непременно выступают уже на стадии научного интереса к фольклору, этнографии и истории. См.: Шпорлюк Р. Украина: от периферии империи к суверенному государству... С. 47.

надежды на «слушный час», то есть объявление «настоящей воли» 19 февраля 1863 г., когда истекал срок временнообязанного состояния. Основываясь на этом, заинтересованные лица как в России, так и за границей даже пытались вычислить точную дату массового крестьянского восстания. Кстати, само понятие «слушный час» говорит о том, что зародилось оно именно в Западном крае.³⁹ Сегодня мы знаем, что эти надежды на народное восстание были неосновательны, но это не отменяет субъективных страхов (или надежд) современников.

Первая попытка перехода к политической деятельности — создание Кирилло-Мефодиевского общества в 1847 г. — была легко пресечена властями как в силу общих порядков николаевского царствования, так и в силу малочисленности ее участников. Но в начале 60-х эта перспектива была заметно более реальной и в связи с общей либерализацией режима, и в связи с наличием достаточно организованных, многочисленных и связанных между собой групп украинских национальных активистов как в Петербурге (круг «Основы»), так и в Киеве и других частях Украины («Громады»). И действительно, члены Полтавской громады уже в марте 1862 г. писали другим громадам о необходимости организовать кампанию писем в Петербургский комитет грамотности при третьем отделении императорского Вольного экономического общества в поддержку требования о введении украинского языка в преподавании.⁴⁰

Именно такую вполне архетипическую картину активизации национального движения и рисует со всей доступной ему язвительностью Катков: «По украинским селам стали появляться, в бараных шапках, усердные распространители малороссийской грамотности и начали заводить малороссийские школы... Пошли появляться книжки на новосочиненном малороссийском языке. Наконец, одним профессором, составившим себе литературную известность, торжественно открыта национальная подписка для сбора денег на издание малороссийских книг и книжек».⁴¹

«Возмутительный и нелепый софизм... будто возможны две русские народности (намек на известную статью Костомарова „Две рус-

³⁹ См., например: Миллер И. С. «Слушный час» и тактика русской революционной партии в 1861—1863 гг. // Миллер И. С. Исследования по истории народов Центральной и Восточной Европы XIX в. М.: Наука, 1980. С. 240—267.

⁴⁰ Такие письма были посланы в Петербург по крайней мере из Полтавы и Киева. Письмо членов Полтавской громады в Чернигов попало в руки полиции и стало предметом особого разбирательства. См.: Шевелів Б. Практиці українських громад до петербурзького комітету грамотності з р. 1862 // За сто літ. 1928. № 3. Харьків; Київ.

⁴¹ Катков М. Н. 1863 год. Собрание статей, по польскому вопросу, помещавшихся в Московских Ведомостях, Русском Вестнике и Современной Летописи. Выпуск 1. М., 1887. С. 276—277.

ские народности") и два русских языка, как будто возможны две французские народности и два французских языка!» — четко определял Катков существо своих опасений по поводу украинофильства.⁴² Катков, собственно, вслед за Ивановым отрицал не саму возможность создания такого языка, но позволительность этого мероприятия: «Общественный сбор на такой предмет по своим последствиям [...] гораздо хуже, чем сбор на Руси доброхотных пожертвований в пользупольского мятежа». ⁴³ Эти филиппики были адресованы не только Костомарову и другим украинофилам. (Катков, разумеется, знал, что акция пользовалась в Петербурге широкой поддержкой — 6 апреля 1863 г., например, в петербургском Дворянском собрании состоялся литературно-музыкальный вечер в пользу издания украинских книг для народа, на котором выступали К. И. Бестужев-Рюмин, В. И. Кауховский, Н. Г. Помяловский. Доклад самого Костомарова «несколько раз прерывался оглушительными рукоплесканиями».⁴⁴) Завершалась статья изъявлением готовности помогать Костомарову в сборе пожертвований на «развитие провансальского жаргона во Франции или нортумберландского в Англии».⁴⁵

В духе своей любимой идеи о всепроникающей «польской интриге», Катков заявлял, что «сбор пожертвований в пользу издания книг [...] на Южно-русском языке есть дело тайных польских интриг» и что Костомаров и другие украинофилы, сами этого не осознавая, стали орудием врагов России.⁴⁶ «Интрига, везде интрига, коварная иезуитская интрига, иезуитская и по своему происхождению, и по своему характеру!» — так начинается эта статья.⁴⁷ Это была главная полемическая «удача» Каткова — сделав украинофильство частью «польской интриги», он переводил его из разряда «вредных заблуждений» в разряд непосредственных политических опасностей.

Статья Каткова вышла 21 июня, а на следующий день киевский гражданский губернатор Гессе отправил министру внутренних дел доносение об аресте нескольких молодых людей, один из которых — Владимир Синегуб — сразу стал давать весьма подробные показания о своей принадлежности к некоему «Киевскому обществу малороссийских пропагандистов» и о связях этого общества с польскими конспираторами, что иллюстрировалось уже самим составом арестованной троицы. Особое беспокойство следователей вызвали показания Синегуба о связях конспираторов с незадолго до этого арестованным полков-

⁴² Катков М. Н. 1863 год... С. 276.

⁴³ Там же. С. 282.

⁴⁴ Голос. 1863. № 83. См. также: Букбіндер Н. Лист М. Костомарова до І. П. Корнілова. // За сто літ. 1930. № 6. С. 122. Харків; Київ.

⁴⁵ Катков М. Н. 1863 год... С. 282.

⁴⁶ Там же. С. 277.

⁴⁷ Там же. С. 273.

ником А. А. Красовским — власти совсем иначе относились к крамоле в армии, чем среди студентов.⁴⁸

Буквально несколькими днями позже Валуев получил независимо от III отделения, через курируемое им с недавних пор цензурное ведомство, новый документ по украинскому вопросу, вполне возможно инспирированный Анненковым. 27 июня председатель Киевского цензурного комитета Новицкий направил министру внутренних дел письмо, составленное на основании записки цензора того же комитета Лазова. В письме говорилось, что «само возбуждение вопроса о пользе и возможности употребления этого (малороссийского) наречия в школах принято большинством малороссиян с негодованием. Они весьма основательно доказывают, что никакого особенного малороссийского языка не было, нет и быть не может, и что наречие их, употребляемое простонародьем, есть тот же русский язык, только испорченный влиянием на него Польши». «Общерусский язык», говорилось далее, для народа «гораздо понятнее, чем теперь сочиняемый для него некоторыми малороссами и в особенности поляками так называемый украинский язык. Лиц того кружка, который усиливается доказывать противное, большинство самих малороссиян упрекает в каких-то сепаративных замыслах, враждебных России и гибельных для Малороссии».⁴⁹ (Все цитированные фразы, в том числе знаменитое «не было, нет и быть не может...», без изменения вошли затем в текст Валуевского циркуляра.⁵⁰) Особо подчеркивалось, что изданием книг для народа занимались прежде деятели Харьковского тайного общества, а теперь лица, арестованные в Киеве — то есть конспираторы и политические преступники.

Новицкий проницательно отмечал, что «положение цензора при рассмотрении подобных рукописей (для народа. — А. М.) тем более затруднительно, что в них только цель и предосудительна, самое же

⁴⁸ РГИА, ф. 1282, оп. 1, ед. хр. 162. Л. 3, 3 об. (Дело о неблагонадежных поступках помещика Потоцкого и дворян Синегуба и Пелипенко.)

⁴⁹ РГИА, ф. 775, оп. 1, ед. хр. 188. Л. 1 об.

⁵⁰ РГИА, ф. 775, оп. 1, ед. хр. 188. Л. 5 об—6. Неверны, таким образом, повторяемые Саундерсом со ссылкой на книгу Ф. О. Ястребова «Революционные демократы на Украине: Вторая половина 50-х — начало 60-х годов XIX ст.» (Киев, 1960. С. 284) предположения, что авторство этих слов принадлежит Каткову. Вообще переписка Каткова с Валуевым в 1863 г. показывает, что Валуев скорее пытался сам влиять на Каткова, чем поддавался влиянию последнего. Поэтому предположение Саундерса о том, что циркуляр Валуева стал результатом какого-то неизвестного письма Каткова министру внутренних дел, неосновательно. См: *Saunders D. Mikhail Katkov and Mykola Kostomarov: A Note on Petr Valuev's Anti-Ukrainian Edict of 1863 // Harvard Ukrainian Studies. 17. Nr. 3—4 (1996 for 1993).*

содержание обыкновенно не заключает в себе ничего непозволительного».⁵¹ Завершалось письмо указанием на то, что явление малороссийского сепаратизма «тем более прискорбно и заслуживает внимания правительства, что оно совпадает с политическими замыслами поляков и едва ли не им обязано своим происхождением».⁵²

Нельзя исключить, что письмо Новицкого и первая из статей Каткова против украинофильства, появившаяся в «Московских ведомостях» 21 июня, были частью общего наступательного плана. Совпадение дат очень подозрительное. Между появлением статьи Каткова и отсылкой письма Новицкого прошло ровно столько времени, сколько нужно было для получения в Киеве этого номера «Московских ведомостей» и внесения возможных поправок в заранее подготовленный текст письма. (И именно в конце письма Новицкого мы находим тот принципиально новый мотив критики украинофильства как плода «польской интриги», на котором сделал акцент Катков.) Сам Катков, кстати, дважды ссылается на письма, полученные им из Киева и подтолкнувшие его к написанию этой статьи.⁵³

Костомаров, чувствуя надвигающуюся угрозу, ответил в оправдательном тоне в газете «День».⁵⁴ Он отвергал обвинения в сотрудничестве с поляками и подчеркивал, что «никто не думал и не думает изгнать из Южной Руси книжного, общего, государственного языка; никто не заявлял о заменении его иным каким бы то ни было в университетах, гимназиях, семинариях. Шло дело только о преподавании в селах». Он даже считал нужным, вероятно из тактических соображений, осудить увлечение «юной южно-русской литературы» «бесплодной беллетристикой», настаивая на примате задач народного просвещения. «Русскому обществу следовало бы помогать нам в этом деле [...] не допуская нелепое подозрение в возможности солидарности какого бы то ни было Малорусского дела с каким бы то ни было польским», — заключал Костомаров свою статью.

Редактор «Дня» И. С. Аксаков снабдил текст Костомарова пристальными примечаниями. Осуждая попытки создания самостоятельного украинского литературного языка, Аксаков тем не менее полагал, что «малорусская речь» может быть использована для «передачи первоначальных познаний малороссийскому простонародью». Он оговаривался, что «в этом отношении должна быть предоставлена свобода частным школам; но что касается правительства, то оно, конечно, со своей стороны, может признавать обязательным: для общества — разумение, а для себя преподавание только русского общественного и государственного языка, того языка, которым оно говорит со всем

⁵¹ РГИА, ф. 775, оп. 1, ед. хр. 188. Л. 2 об.

⁵² РГИА, ф. 775, оп. 1, ед. хр. 188. Л. 2 об—3.

⁵³ Катков М. Н. 1863 год... С. 277, 279. (Московские ведомости. 1863. 21 июня. № 136.)

⁵⁴ День. 1862. 7 июля. № 27. С. 18.

Русским народом, не справляясь с его наречиями». Он осуждал возможность поддержки малорусского языка со стороны Министерства народного просвещения, имея, видимо, информацию о контактах министра народного просвещения А. В. Головнина с украинофилами. Аксаков, таким образом, выступал как приверженец концепции большой русской нации и противник украинофилов, но полагал, что «всякой лжи должна быть предоставлена полная свобода самоубийства». Он решительно выступал против запретов на украинский язык в частном преподавании, полагая, что они «несравненно опаснее полной свободы, предоставленной в этом отношении украинцам и могли бы только дать силу и прочность тому, что, при полной свободе, скоро оказалось бы неудобным или излишним или временней прихотью, возбужденной ложной теорией федерализма». (Это отсылка к взглядам Костомарова.) Замечая, что «малорусс и малороссийский „патриот“ — это вовсе не одно и то же и большею частью находится в совершенном друг другу противоречии», Аксаков фактически предлагал более гибкую, менее репрессивную тактику борьбы с украинофильством, чем та, которую проповедовал Катков и которая воплотилась в правительственной политике. «День» последовательно придерживался этой позиции, и не только в отношении украинофильства — двумя номерами раньше, то есть на следующий день после того, как Катков опубликовал свои антикостомаровские филиппики, газета выступала в поддержку начального преподавания «на белорусском наречии». ⁵⁵

Письмо Новицкого от 27 июня представляло собой запрос и требовало ответа, каковым и стало решение Валуева о запрете публикации книг для народа на украинском языке, принятое практически сразу после получения письма.

Валуевский циркуляр стал отражением целого ряда опасений властей. Он был реакцией на заметную активизацию как легальной, так и скрытой деятельности украинофилов, в которой явно прочитывались, пусть и отдаленные, сепаратистские планы. Между тем не только власти, но и большая часть русской прессы вовсе не были склонны отказываться от взгляда на малоруссов как на часть русского народа. Таким образом, в 1862—1863 гг. конфликт впервые был осмыслен в националистических категориях не узким кругом членов Кирилло-Мефодиевского общества и высших петербургских бюрократов, но широким спектром общественного мнения.

Во-вторых, контекст русско-польских отношений того времени резко усиливал подозрительность властей по поводу любой несанкционированной политической активности в Юго-Западном крае. Уже осенью 1862 г. результатом растущей обеспокоенности правительства стала организация «Комитета по делам Западного края» во главе с кн. П. П. Гагариным. Заседания его начались в ноябре. О статусе

⁵⁵ День. 1863. 22 июня. № 25. С. 3.

комитета свидетельствует состав — министры внутренних дел, юстиции, государственных имуществ, финансов, военный и шеф жандармов.⁵⁶ Через несколько месяцев после начала восстания, в апреле 1863 г. правительство приняло тактику подавления польского движения любой ценой (символом этого стало назначение на пост виленского генерал-губернатора М. Н. Муравьева, который вскоре заслужил от Герцена прозвище «вешатель».) О степени обеспокоенности властей возможностью союза украинофилов с польским движением свидетельствует письмо начальника Черниговской губернии кн. С. П. Голицына Валуеву от 2 июля 1863 г., в котором в связи с активизацией украинофильства предлагалось «если не вовсе приостановить формирование малороссийских казачьих полков, то по крайней мере обстановить это формирование совершенно другими условиями».⁵⁷ (Эти полки предполагалось использовать для подавления польского восстания.)

Именно сочетание боязни украинского сепаратизма как такового с опасностью его использования польским освободительным движением в своих целях и было главной причиной острой реакции правительства. Наконец, власти подозревали, и не без основания, украинофилов в социалистической народнической ориентации. Значение этого фактора будет возрастать по мере усиления социалистического движения и обеспокоенности властей этим процессом.

Никто из исследователей, писавших о циркуляре, почему-то не отметил, что Валуев рассматривал его как временную меру. Это ясно следует из его записки «О книгах, издаваемых для народа на малороссийском наречии», отправленной царю 11 июля, то есть за неделю до подписания циркуляра. В ней говорилось, что «в последнее время вопрос о малороссийской литературе получил иной характер вследствие обстоятельств чисто политических».⁵⁸ Валуев указывал, что к изданию книг для народа постоянно оказываются причастны члены тайных обществ. Он предлагал обсудить этот вопрос с министром народного просвещения, обер-прокурором Синода и шефом жандармов и сообщал, что «пока же сделал распоряжение, чтобы дозволялись в печати только произведения на малороссийском языке, принадлежащие к области изящной литературы, пропуском же книг на том языке религиозного содержания, учебных и вообще назначенных для первоначального чтения народа, приостановиться до решения настоящего вопроса».⁵⁹ Александр II одобрил предложения Валуева на следующий

⁵⁶ См., например: *Милютин Д. Мои старческие воспоминания. ОР РГБ, ф. 169, кн. 14, ед. хр. 2. Л. 88 об.*

⁵⁷ РГИА, ф. 1282, оп. 1, ед. хр. 166. Л. 20 об. Голицына беспокоило также, что сам факт формирования особых малороссийских полков может быть истолкован как «признание, со стороны Правительства, некоторой автономии Малороссийского края». Там же. Л. 25.

⁵⁸ РГИА, ф. 775, оп. 1, ед. хр. 188. Л. 4.

⁵⁹ РГИА, ф. 775, оп. 1, ед. хр. 188. Л. 7 об—8.

день, 12 июля.⁶⁰ 18 июля Валуев разослал одновременно два документа — сам циркуляр в Киевский, Московский и Петербургский цензурные комитеты и письма Головину, Ахматову и Долгорукову с приглашением обсудить этот вопрос.

То же слово «приостановление», свидетельствующее о временном характере меры, мы находим и в дневниковой записи Валуева от 28 июля 1863 г., которая гласит: «Были у меня несколько лиц, в том числе Костомаров, сильно озадаченный приостановлением популярных изданий на хохольском наречии. Мягко, но прямо и категорически объявил ему, что принятая мною мера останется в силе».⁶¹ Обращает внимание и замечание о том, что отвечал Валуев «мягко», то есть открыто ссориться с «сильно озадаченным» Костомаровым не хотел. Сам Костомаров также говорит в «Автобиографии», что Валуев подчеркнул ему временный характер этой меры.⁶²

Валуев продолжал переписку на эту тему с другими высокопоставленными чиновниками много времени спустя после подписания циркуляра. Так, обер-прокурор Синода отвечал на запрос Валуева по этому поводу 24 декабря 1864 г. (Кстати, Ахматов, который, насколько можно судить из прежней переписки по этому вопросу, Валуеву и Долгорукову предпочитал писать то, что, по его мнению, они хотели в его письмах увидеть, в этом письме замечал: «Я охотно склоняюсь к тому убеждению, что как для самого дела, так и для Правительства было бы гораздо лучше, если бы украинофильские попытки возможно было уничтожить силою общественного мнения, без прямого участия власти».⁶³) В самом цензурном ведомстве тоже не было осознания этой меры как постоянной. В марте—апреле 1865 г. Санкт-Петербургский Цензурный комитет предлагал вернуться к обсуждению этого вопроса. Вероятно, и Ахматов, и цензоры полагали, что с подавлением польского восстания те «политические обстоятельства», о которых говорил Валуев в письме царю, перестали быть актуальны.

Есть косвенные, но достаточно убедительные аргументы, что и сам Валуев считал эту меру не просто временной, но и неэффективной в длительной перспективе. В своей секретной переписке с Катковым по польскому вопросу летом и осенью 1863 г. он демонстрирует ясное понимание того, что чисто запретительными мерами серьезных изме-

⁶⁰ РГИА, ф. 775, оп. 1, ед. хр. 188. Л. 4.

⁶¹ Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел. Т. 1. М., 1961. С. 239.

⁶² Костомаров Н. Автобиография... С. 595.

⁶³ РГИА, ф. 775, оп. 1, ед. хр. 188. Л. 24. По свидетельству редакции «Русской старины» (февраль 1872. С. 320), письмо Ахматова основывалось на некой антиукраинофильской записке, составленной в противовес проукраинофильской записке, которую рассыпал влиятельным лицам Головин. Иначе говоря, вовлеченные в принятие решения сановники активно привлекали, как сказали бы мы сегодня, экспертов.

нений добиться нельзя. «Этот вопрос разрешим только в Москве и Петербурге, а не в Вильне и Киеве, и разрешен будет только тогда, когда Вильна и Киев станут лицом к Санкт-Петербургу или Москве... Надлежит иметь решимость посмотреть на себя в зеркало, когда чувствуешь себя нездоровым. Ни Аксаков в „Дне“, ни Говорский в „Вестнике Юго-Западной России“ не убежат меня, что мы нравственно сильны на западе. Мы материально сильны и можем быть сильны и морально. Но как?»⁶⁴ (Из этого видно, почему Валуев не захотел принять логику Аксакова и Иванова. Он полагал, что украинофилы выигрывают в темпе, и его решение было проявлением осознания слабости русского ассимиляторского потенциала, а не силы.) Позднее он снова возвращается к этой мысли, подчеркивая: «Нужна невесомая сила».⁶⁵ Валуев понимал, что прежде всего «невесомая», то есть цивилизаторская и ассимиляторская, сила необходима для укрепления русских позиций в Западном крае, и понимал также, что пока ее нет и наутро не будет, не случайно к утверждению, что Россия может быть сильна «и морально», он подвешивает мучительный вопрос «Но как?» Почти через год он уже прямо адресует этот вопрос самому Каткову: «Прошу Вас... предложить себе вопрос: какие приемы нужны, чтобы при таком центре и такой периферии развивались центростремительные, а не центробежные силы?»⁶⁶ Постоянно об этом «твердя, изустно и письменно» — по его собственному выражению⁶⁷ — Валуев просто не мог вдруг абстрагироваться от своих рассуждений при принятии решения о циркуляре по украинскому вопросу.

18 июля, в тот самый день, когда Валуев разослал свой циркуляр, Александр II по заключению Западного Комитета приказал прекратить преподавание польского в казенных заведениях на территории Западного края. Валуев и Горчаков, которых на заседании Комитета, где готовилась записка царю, не было, выступили против этой меры и вскоре добились ее смягчения, а это в отношении царских приказов было совсем не просто.⁶⁸ Так что Валуев не только «твердил», что административные запреты не заменяют «невесомой силы», но и проявлял в определенных случаях готовность настойчиво отстаивать свою позицию.

Все эти косвенные, но в совокупности достаточно убедительные аргументы говорят о том, что Валуев рассматривал этот циркуляр как меру на период польского восстания, конца которому в тот момент

⁶⁴ ОР РГБ, ф. 120, к. 1, ед. хр. 57. Л. 17 об., 20. Письмо Каткову от 19.09.1863.

⁶⁵ ОР РГБ, ф. 120, к. 1, ед. хр. 57. Л. 31. Письмо Каткову от 5.12.1863.

⁶⁶ ОР РГБ, ф. 120, к. 1, ед. хр. 57. Л. 53 об. Письмо Каткову от 16.07.1864.

⁶⁷ ОР РГБ, ф. 120, к. 1, ед. хр. 57. Л. 14 об. Письмо Каткову от 15.08.1863.

⁶⁸ РО РНБ, ф. 208, ед. хр. 105 (докладная записка от 1 августа). Л. 15.

еще не было видно, и хотел «пригасить», «приостановить» бурно нараставшую активность украинофилов, дав правительству время подготовиться к тому соперничеству, которое предполагала концепция Аксакова и Иванова. Однако в необходимости циркуляра в тот конкретный момент он был убежден. Это ясно проявилось в ходе обсуждения мер по отношению к украинофильству, к которому Валуев пригласил других высокопоставленных чиновников тогда же, 18 июля 1863 г.

Глава 5

Реакция на циркуляр Валуева в правительенных структурах и общественном мнении

Обер-прокурор Синода и шеф жандармов циркуляр Валуева поддержали. Письмо последнего отличалось лапидарностью, заключив в себе лишь одну фразу: «Я в печатании книг на малороссийском языке, предназначенных для простонародья, не нахожу ни пользы, ни необходимости».¹

Однако решительным противником циркуляра проявил себя министр народного просвещения Головнин, которого Валуев сознательно держал в неведении об этом деле вплоть до рассылки своего циркуляра. Его реакция была весьма энергичной. Уже 20 июля, через два дня после получения запроса Валуева, Головнин ответил пространным и очень эмоциональным письмом, где, в частности, говорилось: «Сущность сочинения, мысли, изложенные в оном, и вообще учение, которое оно распространяет, а отнюдь не язык или наречие, на котором написано, составляет основание к запрещению или дозволению той или другой книги [...] Старание литераторов обработать грамматически каждый язык или наречие [...] весьма полезно в видах народного просвещения и заслуживает полного уважения».² Головнин полагал, что «малороссийский перевод Евангелия... составит одно из прекраснейших дел», а возражения против него Анненкова «из уважения» к последнему объяснял «канцелярской ошибкой». (Анненков и Новицкий словно бы предвидели логику Головнина, утверждая в качестве контраргумента, что в большинстве случаев лишь цель, но не содержание украинофильских публикаций представляет угрозу.)

Логика Головнина совершенно отличалась от логики Валуева, сомнения которого в действенности циркуляра происходили из сугубо pragmatischen, а не общих соображений в просветительском духе. Это вполне выражалось в пометке, которую Валуев сделал на полях письма Головнина в том месте, где последний ссылался в качестве аргумента на неблагоприятное впечатление, произведенное на финнов русификаторскими шагами властей в 40-е гг. Валуев написал:

¹ РГИА, ф. 775, оп. 1, ед. хр. 188. Л. 18.

² Там же. Л. 15, 15 об.

«Сравнение Малороссии и Финляндии заключает в себе наилучшее опровержение всего того, что здесь сколь грамматически верно высказано, столь государственно неправильно соображено».³ Валуев понимал, что политика в отношении Украины и в контексте русско-польских отношений, и с точки зрения задач ассимиляции принципиально отличается от ситуации с Финляндией. (Кстати, именно в 1863 г. правительство после 55-летнего перерыва разрешило вновь собраться Финляндскому сейму.) Уже в конце жизни, в 1882 г., Валуев запишет в своем дневнике о разговоре с одним из сановников: «Я пересказал вкратце мои привычные темы о сплошном или однородном центре и разностихийной периферии», так что эти мысли явно принадлежали у Валуева к числу особенно дорогих и любимых.⁴ Можно сказать, что полемика Валуева с Головиным символизирует тот переломный момент в политике правительства, когда одни министры уже начинали мыслить категориями современного национализма, а другие продолжали исповедовать либерально-просветительские имперские идеалы по преимуществу «донационалистической» (в России) первой половины XIX в.

Через три дня, 23 июля, письмо Валуеву пишет Костомаров. Он жаловался Валуеву, во-первых, на то, что его статья с возражениями Каткову не была пропущена цензурой, а во-вторых, что цензура отказалась пропустить две рукописи, «не находя в них, по содержанию, ничего противного цензурным узаконениям», а только потому, что «они писаны по-малороссийски».⁵ Ссылаясь на цензурные постановления, Костомаров просил обязать Каткова напечатать его статью как ответ на критику в тех же «Московских ведомостях». Завершалось письмо так: «Умоляю Ваше Превосходительство отстранить от вопроса об издании книг научного содержания на южнорусском языке бездоказательные и крайне оскорбительные для всех, имеющих честь принадлежать к малорусскому племени, подозрения в солидарности с какими-либо вредными замыслами святого дела народного образования, — пусть этот вопрос встанет на чисто научную почву и будет дозволен свободный обмен доказательств *pro et contra*: тогда само собою окажется, в чем истина и в чем заблуждение».⁶ (Д. Саундерс

³ РГИА, ф. 775, оп. 1, ед. хр. 188. Л. 16. Странно, что Д. Саундерс, знакомившийся с этим документом, не обратил внимания на эту маркиналию. Возможно, он просто не смог прочитать малоразборчивую скоропись карандашом.

⁴ Валуев П. А. Дневник. 1877—1884. Пг., 1919. С. 188.

⁵ РГИА, ф. 775, оп. 1, ед. хр. 205. Л. 1—2. Письмо целиком опубликовано по-русски и в английском переводе в: *Saunders D. Mikhail Katkov and Mykola Kostomarov: A Note on Petr Valuev's Anti-Ukrainian Edict of 1863 // Harvard Ukrainian Studies. 17, № 3—4 (1996 for 1993). P. 378—383.*

⁶ *Saunders D. Mikhail Katkov and Mykola Kostomarov... P. 379.*

верно отмечает уловку Костомарова, который называл книги «научными», а таковые не подвергались запрету в валуевском циркуляре, хотя речь на самом деле шла об учебных книгах для народа.⁷

В конце 1863 г. Головнин вновь выступил как защитник украинофилов, на этот раз в связи с запиской III отделения, в которой говорилось, что по агентурным данным в Харьковской гимназии учитель русской словесности «явился распространителем украинофильства». Попечитель гимназии Фойгт на запрос Головнина отвечал, что «украинофильства в гимназиях г. Харькова никогда не существовало».⁸ Это, по словам Головнина, подтвердило и специальное расследование. «Ни учащие, ни учащиеся в здешних гимназиях не обнаруживают никакого стремления к украинофильству».⁹ Ясно, что искали не слишком прилежно — украинофилы в Харькове были. Однако Головнин уверенно отрапортовал о результатах расследования царю и не без злорадства сообщил в III отделение, что его агенты ненадежны. Впрочем, в жандармском ведомстве мнение Головнина никого не убедило.

Усилия Головнина, предпринимавшиеся по бюрократическим каналам, были подкреплены активностью в прессе Костомарова, которому все же удалось напечатать несколько статей с возражениями Каткову. Тон и характер полемики Каткова и Костомарова, в сравнении с шестилетней давности полемикой Погодина и Максимовича, показывает, что пришли иные времена и иные люди.

В начале июля, когда решение Валуева еще не было принято, неподписанная статья в «Санкт-Петербургских ведомостях» клеймила «убогих публицистов», которые «подняли гвалт, что этого (издания украинских книг. — А. М.) не должно быть, и в своем жалком неведении, что они служат мракобесию и интересам врагов наших, всячески желавших задержать народное развитие на Руси, хватились поистине за калмыцкое (то есть азиатское, варварское. — А. М.) средство».¹⁰

После принятия Валуевского циркуляра тон вынужденно был смягчен. Однако и 20 июля в заметке в «Дне» Костомаров отзывается о «выходках» «Московских ведомостей», «Киевского телеграфа» и «Вестника Юго-Западной России» как о «крайнем насилии».¹¹ Симпатизировавшие Костомарову «Санкт-Петербургские ведомости» более осторожно, но все же выступали и позже в его поддержку: «Недавно, преимущественно в Петербурге, утверждали, что первоначальное обучение в Западном крае должно быть производимо непременно на мест-

⁷ Saunders D. Mikhail Katkov and Mykola Kostomarov... Р. 381.

⁸ РО РНБ, ф. 208, ед. хр. 105 (докладная записка от 19 ноября). Л. 144 об.

⁹ Там же. Л. 145.

¹⁰ Санкт-Петербургские ведомости. 1863. 7 июля. № 152.

¹¹ День. 1862. 20 июля. № 29. С. 19.

ных наречиях, особенно там, где господствует наречие малорусское; но затем поднялись голоса местных деятелей, опровергающие этот взгляд. Таким образом, мы теперь находимся в недоумении и можем желать только, чтобы учили народ западно-русский, а как его учить, по-великорусски ли, или на местных наречиях, белорусском и малорусском, может указать всего лучше сама жизнь. Вредно было бы предрешать этот вопрос регламентацией *a priori* в ту или в другую сторону». ¹² Газета фактически призывала теперь обратиться к аксаковской формуле решения вопроса как способу хотя бы смягчить валуевский запрет. Интересно, что автор статьи верно определял «местных», то есть киевских, деятелей как наиболее энергичных сторонников запретительных мер, а значит, имел конфиденциальные источники информации в правительственные кругах.

Головнин и украинофилы вскоре стали прямо координировать свои действия в попытках добиться отмены Валуевского циркуляра. В январе 1864 г. Головнин направил Долгорукову письмо, к которому приложил анонимную записку о деятельности украинофилов, выдержанную в оправдательном тоне, присовокупив, что в ней «много дельного». В записке подчеркивалось, что «вся деятельность ее (украинофильской партии. — А. М.) происходит и происходит на виду», «не вдаваясь при этом ни в какие политические и социальные толки, а заботясь только развивать грамотность в народе и внушать ему истинные понятия о его долге и обязанностях». ¹³ Судя по подробному знакомству автора записки с развитием украинофильства в 1860—1863 гг., автор или авторы ее были из круга «Основы», весьма вероятно, что запиской занимался Костомаров, который во второй половине 1863 г. был наиболее активен среди украинофилов в стремлении добиться отмены запрета. Не подлежит сомнению и знакомство автора записки с цитированным письмом Головнина Валуеву — ряд аргументов повторяется почти дословно.

Тогда же, в январе 1864 г., украинофилы постарались поддержать усилия Головнина в прессе. Костомаров хотел продолжить открытую полемику с Катковым, но его большая статья не была пропущена цензурой, а точнее А. В. Никитенко. Вот как он рассказывает о своем решении не пропустить статью Костомарова в записи «Дневника» за 24 января: «Костомаров написал оправдательную статью против упреков в сепаратизме. Мне она дана была на рассмотрение; она написана хитро, но все-таки отстаивает любимую мысль малороссийских литераторов о введении преподавания в малороссийских школах на тамошнем наречии. Я полагал эту статью остановить именно по этой причине. Гончаров слабо возражал; видно, что он совсем не знает стремлений этих господ. Я настаивал, что всеми силами надобно про-

¹² Санкт-Петербургские ведомости. 1863. 1 августа. № 171.

¹³ ГАРФ, ф. 109, оп. 1, ед. хр. 1766. Л. 2, 2 об.

тиводействовать замыслам их, потому что за их домогательствами скрываются тенденции настоящего сепаратизма».¹⁴ Описанный Никитенко спор с его товарищем по работе в цензуре писателем И. А. Гончаровым весьма показателен. Он не только лишний раз свидетельствует об отсутствии единства в русском обществе по украинскому вопросу, но и доказывает, что цензоры не имели на этот счет ясных инструкций «сверху». Решение Никитенко было не выполнением циркуляра Валуева, который и не требовал запрещать такие статьи, но откликом пропаганды Каткова.

Более успешной оказалась попытка использовать «День» И. Аксакова. 25 января И. Аксаков напечатал в своей газете большую статью против антиукраинофильских репрессий. Начиналась она напыщенными и по крайней мере наивными рассуждениями о том, что опасаться таких угроз, как революция или украинский сепаратизм, просто смешно тем здравомыслящим людям, которые сознают «крепость Русской земли и Русского государственного строя».¹⁵ Далее Аксаков переходил к прямой полемике с «Московскими ведомостями», а именно с опубликованной в № 13 за 1864 г. статьей некоего Волынца, развивавшего мысль Каткова об украинофилах как сознательных или несознательных пособниках польской интриги и об украинском вопросе как более важном для судеб России, чем вопрос польский. Аксаков называет «бессознательным орудием польской интриги» самого Волынца, а косвенно и Каткова, объясняя, что подобные рассуждения лишь отвлекают внимание от подлинных проблем. Отчасти повторяя логику властей при выборе наказания для участников Кирилло-Мефодиевского общества, Аксаков хвалил правительство за то, что оно не прислушивается к инсинуациям «Московских ведомостей» и не наказывает Костомарова, что также могло бы сыграть на руку полякам.¹⁶ Прямо Валуевский циркуляр он не критикует, но решительно осуждает призывы в прессе к запрету издания украинских книг, в том числе Евангелия. Аксаков напомнил, что на обложке утвержденного Синодом русского перевода Евангелия значилось «на русском наречии», а значит, вполне допустимо и Евангелие на наречии малорусском. В свете того, что Аксаков писал раньше о соотношении русского литературного языка

¹⁴ Никитенко А. В. Дневник. Т. 2. Л., 1955. С. 398. В примечаниях (с. 628) И. Я. Айзеншток упоминает, что Ю. Т. Оксман опубликовал этот текст Костомарова в 1921 г. в Одессе отдельной брошюрой (*Костомаров Н. И. „Украинский сепаратизм“: Неизвестные запрещенные страницы*), но мне не удалось разыскать это издание. Возможно, что анонимная записка в защиту украинофилов, отправленная Головниным Долгорукову в январе 1864 г., была переработанным вариантом этой запрещенной статьи Костомарова.

¹⁵ Аксаков И. С. Сочинения. Т. 3. Польский вопрос и западно-русское дело. Еврейский вопрос. 1860—1886. СПб., 1900. С. 201—202.

¹⁶ Там же. С. 205.

и «малорусского наречия», этот аргумент не в полемическом задоре, а на ясную голову и ему самому показался бы сомнительным — все-таки, в отличие от церковных иерархов, он не считал русский язык второй половины XIX в. наречием церковнославянского.

Но самую любопытную часть статьи Аксакова представляло помещенное им в конце письма из Киева от — согласно характеристике Аксакова, — «одного истого Малоросса, ярого врага всякого сепаратизма».¹⁷ Автор письма оговаривался, что не считает правильным настаивать на преподавании в школах «обязательно на малорусском». Но он решительно протестовал против «всякого стеснения в издании книг на этом языке», замечая, что не понимает, как книга может быть вредна «не по содержанию, а по языку, на котором писана». Эта специально выделенная в тексте почти буквальная цитата из письма Головнина Валуеву заставляет предположить, что автора опубликованного Аксаковым послания скорее нужно искать не в Киеве, но в Петербурге. Напомним, что статью Костомарова Никитенко не пропустил из-за вопроса о языке преподавания, и коррекция именно этой позиции в письме, опубликованном Аксаковым, позволяет предположить, что Костомаров был причастен и к этому тексту, по крайней мере информировал его автора о характере претензий цензуры. Завершалось письмо попыткой сформулировать, в форме риторического вопроса, новую, тактически более гибкую позицию в этом ключевом вопросе: «Что подумает любой хлебороб-Украинец, если ему растолкует какой-нибудь недоброжелатель великорусское негодование за то, что иной учитель вздумал объяснять детям грамоту на его материнском наречии и учит читать по книжкам, на нем написанным?»¹⁸

Таким образом, украинофилам даже в январе 1864 г. все же удалось выступить в печати с критикой позиции Каткова и циркуляра Валуева, хотя и не называя их имен. Это еще раз подтверждает, что Валуев запретил обсуждение этой темы не накладывал, и запрет статьи Костомарова был личной инициативой Никитенко.

Позиция знаменитого цензора-мемуариста заслуживает дополнительного комментария. Никитенко был убежденным противником позиции украинофилов в языковом вопросе: в «Дневнике» он вспоминает, как еще в 1863 г. он резко возражал «горячему проповеднику малороссийского сепаратизма» Г. П. Данилевскому, выступавшему за «преподавание в малороссийских школах на малороссийском наречии».¹⁹ Но это вовсе не означало в случае Никитенко неприязни к малороссам и малорусской культуре. 16 февраля 1864 г., то есть через три недели после решения о запрете статьи Костомарова и за три дня до записи о Данилевском, он пишет в «Дневнике»: «Здешние мало-

¹⁷ Аксаков И. С. Сочинения. Т. 3. С. 207.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Никитенко А. В. Дневник. Т. 2. С. 409.

россияне решились сыграть на своем языке две пьесы Основьяненко „Щира любов“ и „Сватання на Гончарівці“. Игра была очень недурна, особенно отличалась некая г-жа Гудима-Левкович [...] Театр был довольно полон. И вообще спектакль этот удался. Он был дан в пользу семейств, пострадавших от войны».²⁰ Благотворительная цель «политически корректна», малороссийская специфика на театральных подмостках Петербурга не выглядит политической демонстрацией, и Никитенко все нравится.

В одной из своих статей того времени Катков очень точно описал причины эволюции, которую претерпел он, а с ним многие его сановные и рядовые читатели, от благожелательного отношения к «Основе» и первым планам Костомарова по изданию украинских книжек для народа в 1861 г. к жесткой антиукраинофильской позиции в 1863 г.: «Прежде с.-петербургские украинофилы смиренно заводили журналец, для того, чтобы помещать в нем, между прочим, малороссийские сказочки и стишкы, и трепетали, чтобы какие-нибудь неосновательные подозрения не помешали им в этом невинном и добродушном занятии; а теперь эти господа берут под свою опеку десять миллионов Русского народа и хотят навязать им особую народность, переводят на вновь сочиняемый ими язык законы Российской Империи и Священное Писание, открывают общественную подписку на издание малороссийских учебников, затеваются издавать в Киеве народную газету на этом вновь сочиняемом языке и питаются надежду, что правительство окажет им свое могущественное пособие на образование малороссийских школ, которых малороссийский народ не хочет, и которых могут хотеть только заклятые враги русской народности».²¹

Катков говорил языком современного ему европейского национализма: «Различия и противоположности между многими элементами германской и французской народности гораздо более резки, чем различие не только между особенностями великокорсийскими и малороссийскими, но между разными славянскими народами, и однако же ни во Франции, ни в Германии, на основании этих особенностей, нет бессмысленной речи о двух французских народностях или языках, о двух немецких народностях или языках. Сколько нужно иметь отваги или сколько нужно иметь презрения к здравому смыслу общества, чтобы проповедовать о возможности двух русских народностей или о возможности двух русских языков!»²² «Если теперь, когда еще нет ни особой народности, ни особого языка, находятся люди, которые осмеливаются предъявлять права особой народности и особого языка, — что же будет тогда, когда явится нечто похожее на особый язык?»²³

²⁰ Никитенко А. В. Дневник. Т. 2. С. 409.

²¹ Катков М. Н. 1863 год... Выпуск 2. М., 1887. С. 706. (Современная летопись. 1863. № 26.)

²² Там же. С. 695. (Современная летопись. 1863. № 24.)

²³ Там же. С. 703.

«Может быть, в скором времени к украинофилам присоединятся еще какие-нибудь филы», — указывал Катков на новую опасность и ссылался на информацию о проекте издания в Вильно газеты на «белорусском наречии». Он обвинял в этих планах «либеральный Петербург», который «во что бы то ни стало хочет оплодотворить все наши жаргоны и создать столько русских народностей и языков, сколько окажется у нас годных к отсечению частей».²⁴ Тема «укрепления русского характера» Западного края, в том числе Белоруссии, часто возникала в печати в начале 60-х гг., но Катков был первым, кто заговорил о потенциальной угрозе белорусского сепаратизма, причем в прямой связи с темой украинофильства.

Стремясь добиться националистической мобилизации общества, Катков именно в своей полемике с Костомаровым выдвинул программный тезис о ложности того либерального принципа, согласно которому считалось необходимым избегать открытой полемики в тех случаях, когда это могло навлечь на оппонентов преследования властей. (Вспомним, как без опаски излагал Кулиш свои взгляды С. Аксакову.) «Ловкие люди уверили наших либералов, будто долг рыцарства требует жмуриться при виде общественного зла и лжи и не называть их собственным именем», — так выглядела эта позиция в изложении Каткова. «Мы считаем долгом объявить нашим противникам, кто бы они ни были, что мы не будем стеснять себя никакими соображениями при изобличении действий, которые считаем вредными и ложными», — заявлял он.²⁵

Обратим, однако, внимание на то, как Катков объясняет причины административного запрета. «Если бы г. Костомаров действовал в Германии, во Франции или Англии [...] никто не стал бы запрещать ему издавать учёные и учебные книжки на этом языке, — именно потому, что там подобные попытки не имели бы серьезного значения [...] Нигде не могла возникнуть мысль о преподавании в казенных школах на каком-нибудь другом языке, кроме языка общеноародного, и нигде нет надобности протестовать против безвредных [...] попыток чудачества». В России же, по Каткову, «нужно толковать, и долго толковать о предметах самых понятных, как будто о каких-то мудреных умозрительных задачах». Даже правительство в России «состоит из лиц, которые на многие предметы смотрят с точки зрения совершенно противоположной». В условиях, когда украинофильство «может пользоваться сознательным или бессознательным содействием того или другого ведомства», «не должны ли другие, смотрящие на дело с противоположной точки зрения, усилить, сколько возможно, свое противодействие?»²⁶ Катков явно намекал здесь на Головнина, которого

²⁴ Катков М. Н. 1863 год... С. 682. (Московские ведомости. 1863. 4 сентября. № 91).

²⁵ Там же. С. 680—681.

²⁶ Московские ведомости. 1863. 4 августа. № 191.

совершенно всерьез считал сознательным врагом России, связанным с революционерами и врагами России за границей.²⁷ Таким образом, Катков представлял Валуева предпринимающим вынужденные действия, дабы нейтрализовать благоприятствующие украинофилам шаги других ведомств. Парадоксальным образом оказывается, что даже самые решительные глашатаи националистических принципов видели в Валуевском циркуляре порождение не силы, но слабости русского национализма. Ни одна другая газета не высказалась в пользу Валуевского циркуляра.

* * *

Запрет украинских публикаций для народа стал результатом сложного бюрократического процесса, а также националистического перелома в общественных настроениях, во многом предопределенного польским восстанием 1863—1864 гг.

Мы можем оценить роль различных ведомств в этой истории. Военный министр Миллютин, занимавший и в польском вопросе последовательную либерально-националистическую позицию, стал инициатором процесса. (Отметим, впрочем, что подтолкнувшее к этому Миллютина письмо Сиверса было инспирировано кем-то в Киеве.) Мотором дела на более поздней стадии был киевский генерал-губернатор Анненков и подчиненные ему структуры, которые активно отстаивали меры запретительного характера и представили в целостном виде аргументацию этого решения. III отделение, будучи изначально довольно пассивным, после вмешательства Миллютина и Анненкова выполняло координирующие функции. В июне 1863 г. эта координирующая роль перешла к министру внутренних дел, который и подписал запретительный циркуляр. Александр II по крайней мере трижды возникает в ходе процесса, когда к нему последовательно обращались Д. Миллютин, Долгоруков и Валуев, и каждый раз способствует его активизации. Решение о запрете было им одобрено. Святейший Синод играл лишь пассивную роль в этой истории, исправно соглашаясь с запретительной тенденцией. Энергичные попытки противостоять запрету были предприняты на поздней стадии, уже после рассылки циркуляра, министром народного просвещения Головиным.

В прессе наиболее последовательным и яростным противником украинофилов начиная с 1863 г. был Катков и его печатные органы. (Вообще отношение Каткова к украинофильству, при неизменном несогласии с целями движения, менялось наиболее динамично — от готовности к диалогу в 1861-м, через терпимость к обреченному на неудачу заблуждению в 1862-м до открытой враждебности в 1863 г.) С более умеренной, но также неприязненной по отношению к украи-

²⁷ См.: Феоктистов Е. М. Воспоминания... С. 130—131.

нофильству позиции выступал И. Аксаков и его славянофильский «День». Московская и киевская пресса, вообще настроенная более националистически, и в украинском вопросе занимала более агрессивную позицию, чем петербургская. Либеральная пресса северной столицы, и прежде всего «Санкт-Петербургские ведомости», в основном относилась к украинофильству с симпатией и пыталась поддержать Костомарова в его попытках добиться отмены или смягчения валуевского решения. Аксаков присоединился к этим усилиям в 1864 г. не потому, что изменил отношение к требованиям украинофилов, но потому, что считал принятые против них меры слишком жесткими и играющими на руку полякам.

Глава 6

Политика властей после Валуевского циркуляра

Как уже было отмечено, Валуевский циркуляр не представлял собой некоей рубежной вехи в политике властей. Правительство еще только определяло свое отношение к украинофильству. В сентябре 1863 г. флигель-адъютант полковник Н. В. Мезенцов был командирован III отделением «в южные губернии по случаю развивавшейся там малороссийской пропаганды».¹ Первое донесение Мезенцова было отправлено из Харькова, остальные — из Киева. Судя по рапортам, главная задача будущего шефа жандармов заключалась в общей оценке украинофильства и в выявлении его взаимосвязей с польским движением. (Впрочем, Мезенцов имел еще одно важное задание, речь о котором пойдет в следующей главе.) Тогда же, осенью 1863 г., предписание шефа жандармов о подготовке рапорта обо «всем, до внутренней политики этой губернии относящемся», получил флигель-адъютант императора полковник барон Корф,² отправлявшийся в Черниговскую губернию.³ Свой рапорт Корф представил Александру II 23 декабря 1863 г.⁴

Главным центром украинофильства Мезенцов считал редакцию «Основы». Более того, он проводил резкое различие между украинофильством «Основы» и украинофильством в самой Украине. Перечислив «видимые признаки желания в некоторой части общества какого-то обособления», а именно «ношение малороссийского костюма, употребление малороссийского наречия, манифестации по случаю памяти поэта Шевченки и тому подобное», Мезенцов заключал, что все это не представляло бы «ничего угрожающего, если бы рядом с ними

¹ См.: Савченко Ф. Заборона... С. 193. Недоумение Савченко по поводу сроков поездки Мезенцова (после Валуевского циркуляра) связано с тем, что Савченко не понимал, что на тот момент циркуляр рассматривался властями как временная мера.

² К сожалению, известные нам документы не дают возможности установить, был ли это Андрей Николаевич или Иван Николаевич Корф — оба брата были полковниками в 1863 г.

³ РГИА, ф. 733, оп. 193 (1863 г.), ед. хр. 86. Л. 11. Я очень признателен Рикарде Вульпиус, указавшей мне на этот документ.

⁴ Там же. Л. 21.

некоторые влиятельные по своему таланту личности, как Костомаров, Кулиш и его сообщники, не проводили систематически такие начала, утверждение коих влекут за собою положительную политическую сепарацию Малороссии от прочей части Российской империи».⁵

В Украине потенциальные центры развития движения представляли, по его мнению, Харьков и Киев как университетские города. Определенную трудность для развития украинофильства в Харькове он видел в отсутствии здесь «старинного малорусского казачества». Однако немногочисленную «малорусскую партию», в том числе среди университетских преподавателей, Мезенцов в Харькове обнаружил.⁶ Уже в этом первом рапорте из Харькова он упоминает и поляков, которые «мечтают о соединении судеб Малороссии с восстановленной Польшею». При более внимательном рассмотрении ситуации в Киеве Мезенцов пришел к выводу, что по отношению к польскому движению украинофильство оказалось расколотым. «Малороссийские передовые люди разошлись на два стана; из них большинство по врожденной исторической ненависти к полонизму стали воздержаны в своих заявлениях, сохранив только сильное упорство к достижению любимой мысли молодой Малороссии — преподавания в народных школах первоначального обучения на малороссийском наречии; [...] остальное затем меньшинство, проявляя большее пополнование к сепаратизму, еще недоумевает о средствах к его достижению, края в задней мысли и в самом крайнем случае возможность примкнуть к польскому движению, которое с своей стороны в отношении к Малороссии не дремлет, а старается употребить все старания для привлечения малороссийских сепаратистов на свою сторону».⁷ (Образ молодости сначала использовался большинством современных националистических движений, поэтому употребление Мезенцовыми понятия «молодая Малороссия» очень симптоматично: из категории «пережитков прошлого», отголосков регионального сепаратизма старых элит украинофильство переводилось «по принадлежности».⁸)

В отношении антипольски настроенной части украинофилов Мезенцов настойчиво рекомендовал избегать «политических взысканий» как «неразумных и даже опасных». Он предлагал воздействовать на

⁵ РГИА, ф. 776, оп. 11, ед. хр. 61. Л. 28—28 об.

⁶ Вероятно, именно эти данные и пытался опровергать в конце 1863 г. Головнин, когда, ссылаясь на результаты собственного расследования, доказывал царю, что агенты III отделения ненадежны. Нетрудно догадаться, что сменивший в 1866 г. Долгорукова на посту шефа жандармов Мезенцов пользовался у Александра II большим авторитетом в делах сыска, чем министр народного просвещения.

⁷ РГИА, ф. 776, оп. 11, ед. хр. 61. Л. 30 об—31.

⁸ О младочехах, движениях «Молодая Италия», «Молодая Германия», «Молодая Польша» и т. д. см.: Hobsbawm E. J. The Age of Revolution, Europe 1789—1948. London, 1962. P. 164—165.

них «убеждением печатного слова», в том числе и местных изданий, которые «с запальчивостью отзывались против сепаратистических стремлений г. Костомарова, Кулиша и их сообщников». Лидеров той части украинофилов, которая допускала возможность союза с поляками, он предлагал «удалить с поприща их деятельности», что могло означать как высылку во внутренние губернии, так и просто лишение места, поскольку упоминаемые Мезенцовым в этой связи А. И. Стойнов и А. А. Гацук были преподавателями гимназии и лицея.⁹ В целом Мезенцов заключал, что «малорусская пропаганда может быть опасна лишь при соединении ее с полонизмом, которое вряд ли совершился; до появления же более ясных симптомов соединения следует действовать выжидательно, довольствуясь пока зорким наблюдением, тем более что польский элемент в крае всеми силами старается представить хлопоманские стремления в извращенном виде, дабы через то заставить карательно действовать высшую правительенную власть, тем самым произвести окончательный разрыв правительства с малорусской партией и принудить последнюю искать союза с Польшей».¹⁰ Таким образом, Мезенцов выступил против усиления репрессий в отношении украинофильства как играющего на руку полякам. Он видел в «малорусской партии» объект борьбы русского и польского влияний и даже потенциального союзника против польского движения. Заключительная фраза последнего рапорта Мезенцова была, очевидно, ответом на опасения по поводу украинофильства, сформулированные в антикостомаровских статьях Каткова и, вероятно, разделенные кем-то в правительенных кругах: «И вообще полагать этот вопрос как имеющий в здешнем крае более польского значение, весьма неосновательно».¹¹

К «применению мер кротости в Малороссии» призывал и Корф. Он объяснял это, во-первых, «отсутствием надобности в строгости», указывая, что в отношении украинофилов к России нет «закоренелой злобы и ненависти», характерной для поляков. Корф описывает отношения велико- и малоруссов как отношения «родных братьев», будучи, кажется, одним из первых, кто употребил эту метафору, получившую позднее столь широкое распространение.¹² Во-вторых, Корф подчеркивает непродуктивность репрессий, которые не смогут до конца подавить движение, но лишь дадут ему знамя в лице мучеников и «невинных жертв».¹³ В своей оценке перспектив и планов украинофильства Корф был более проницателен, чем Мезенцов, четко заявив, что реализация языковой части программы движения вне зависимости от субъективных мнений и настроений его участников логически ведет

⁹ Савченко Ф. Заборона... С. 197.

¹⁰ Там же. С. 198.

¹¹ Там же. С. 198.

¹² РГИА, ф. 733, оп. 193 (1863 г.), ед. хр. 86. Л. 14 об, 17 об, 21.

¹³ Там же. Л. 21.

к «отделению Малороссии от России».¹⁴ «Польский фактор» в рапорте Корфа не акцентировался.

В рапортах Мезенцова нужно отметить два важных тезиса, получивших развитие в политике властей. Во-первых, в своих рекомендациях о формах репрессий Мезенцов фактически воспроизвел логику рассуждений Николая I и тогдашнего шефа жандармов А. Ф. Орлова в отношении меры наказания членам Кирилло-Мефодиевского общества. Все участники Кирилло-Мефодиевского общества после заключения во время следствия были сосланы, но в губернии европейской части империи и с определением на службу.¹⁵ К моменту, когда Мезенцов писал свои рапорты, под арестом находилось около двух десятков активистов украинофильского движения. Для рассмотрения их дел царским указом была утверждена особая следственная комиссия под председательством кн. А. Ф. Голицына.¹⁶ Семеро арестованных в Полтаве и Чернигове обвинялись в «деятельном участии в образовании кружков для возбуждения, под видом общества грамотности, неудовольствия народа к правительству, с целью отделения Малороссии».¹⁷ Все они уже в 1863 г. были сосланы, но, как и братчики, в губернии европейской части империи и с определением на службу. Карьера некоторых развивалась впоследствии весьма успешно, так что первый обвиняемый по этому делу полтавский учитель А. И. Стронин кончил свои дни в Петербурге членом совета Министерства путей сообщения. Четверо арестованных в Полтаве по другому делу вызывали особый

¹⁴ РГИА, ф. 733, оп. 193 (1863 г.), ед. хр. 86. Л. 14 об.

¹⁵ Костомаров, например, по личному указанию Николая I был отправлен не в первоначально определенную ему Вятку, но в Саратов с его мягким климатом. Его жалованье профессора Киевского университета оставили матери, самому Костомарову выдали 300 рублей на переезд (сумма весьма существенная для того времени), а саратовскому губернатору было отправлено официальное рекомендательное письмо, обеспечившее Костомарову хорошее место в губернской администрации. (См.: Костомаров Н. Автобиография; а также: von Mohrenschild D. Toward a United States of Russia. Plans and Projects of Federal Reconstruction of Russia in the Nineteenth Century. Rutherford, Madison, etc. Fairleigh Dickinson Univ. Press. 1981. P. 51.) Жестокость наказания Шевченко объясняется тем, что его поведение — не только членство в братстве, но и некоторые звучавшие оскорбительно для царской фамилии стихи — Николай I счел личной неблагодарностью «холопа», выкупленного при его участии из крепостной зависимости. Сравнение с многолетними каторжными сроками арестованных в 1848 г. петрашевцев ясно говорит о том, что деятельность братчиков была оценена властями «по льготному тарифу».

¹⁶ См.: РГИА, ф. 1282, оп. 1, ед. хр. 162; Гуревич П. Дело о распространении малороссийской пропаганды // Былое. 1907. № 7.

¹⁷ Гуревич П. Дело о распространении малороссийской пропаганды // Былое. 1907. № 7. С. 169.

интерес следствия, поскольку один из них, студент Киевского университета Владимир Синегуб, сразу стал давать показания о своей принадлежности к некоему «Киевскому обществу Малороссийских пропагандистов».¹⁸ Синегуб говорил также о связях с поляками и называл множество имен. Хотя показания Синегуба вызывали сомнения уже у полтавских следователей, задержанных по предложению Мезенцова в январе 1864 г. перевели в Петербург для более подробного следствия. В конце концов и петербургские следователи убедились в том, что фантазий в показаниях Синегуба много больше, чем фактов. Его товарищей отпустили по домам, а Синегуба сослали в Вятку «с устройством на службу».¹⁹ Та же мера наказания была определена Чубинскому и А. Конисскому, которых выслали без следствия.²⁰

Разумеется, шестилетняя ссылка в Архангельск или Вятку за устройство воскресных школ с преподаванием на украинском и неблагожелательное отношение к правительству более чем убедительно демонстрирует репрессивный, полицейский характер режима. Однако в арсенале этого режима были и заметно более жестокие наказания. Так, например, в мае 1865 г. в Омске полиция раскрыла общество сибирских сепаратистов, выступавших за создание самостоятельного государства на пространстве от Урала до Тихого океана. «Состав преступления» принципиально не отличался от деятельности украинофилов. В 1868 г., после завершения следствия, Сенат приговорил лидеров общества Г. Н. Потанина — к пятнадцати годам каторжных работ, а Н. М. Ядринцева — к десяти годам заключения в крепости.²¹ О том, что наказания для русских нигилистов были не в пример суровее, чем репрессии против украинофилов, писал впоследствии и Драгоманов.²² Очевидно, что власти явно оставляли украинофилам возможность «одуматься». Спад политической напряженности во второй половине 60-х сказался на судьбе сосланных в 1862—1864 гг. украинофилов. Конисского выпустили за границу уже в 1865 г., а в 1866 разрешили

¹⁸ РГИА, ф. 1282, оп. 1, ед. хр. 162. Л. 3 об.

¹⁹ РГИА, ф. 1282, оп. 1, ед. хр. 162.

²⁰ О положении П. Чубинского в ссылке кое-что говорит письмо отца Чубинского от 10 мая 1863 г., в котором он благодарит опального сына за присланные 50 рублей. См.: Савченко Ф. Листи П. П. Чубинського до Я. П. Полонського (1860—1874) // За сто літ. 1930. № 6. С. 139. Харків; Київ.

²¹ См.: von Mohrenschild D. Toward a United States of Russia... Р. 104—105; Попов И. Из воспоминаний о Г. Н. Потанине // Голос минувшего. 1922. № 1. С. 141. Позднее приговоры были смягчены, но пять лет в Свеаборге Потанин отсидел.

²² Драгоманов М. Антракт з історії українофільства (1863—1872) // Драгоманов М. П. Вибране. Київ: Либідь, 1991. С. 220.

вернуться на Украину.²³ Все остальные вернулись из ссылки в конце 60-х.²⁴

Второй важный тезис в рапортах Мезенцова — возможность использования в интересах правительства «врожденной исторической ненависти к полонизму», свойственной большинству украинофилов. До 1863 г. правительство не раз пресекало нападки украинофилов на поляков. Так было и когда Васильчиков поддержал требования поляков об изъятии антипольских фрагментов из «Граматки» Кулиша, и когда цензура приостановила публикацию в «Основе» статьи Костомарова с полемикой против краковской газеты «Час».²⁵ Теперь ситуация менялась. Вскоре эта тема получила дальнейшее развитие.

Сенатор А. А. Половцов, общавшийся с Г. П. Галаганом в начале 80-х, записал в дневнике следующий рассказ своего собеседника о его встрече с царем в 1863 г. Галаган направил своему коллеге по работе в Редакционных комиссиях Ю. Ф. Самарину, которому предстояло быть одним из руководителей крестьянской реформы в Царстве Польском, записку с соображениями о способах подрыва влияния польских землевладельцев в Юго-Западном крае. Через Валуева Самарин передал эту записку царю, и тот пригласил Галагана для беседы. «Государь со всем соглашался, но как будто не решался высказать свою мысль, наконец он обратился к Галагану со словами: послушай, Галаган, ведь многие упрекают тебя в том, что ты украинофил. — Я люблю свою родину и край, где родился, отвечал Галаган. — Да, но ведь между украинофилами есть такие, кои мечтают о сепаратизме. Из числа таких не надо бы привлекать к поручаемому тебе делу». В дальнейшей беседе было решено, что без местных людей обойтись нельзя и потому «известное число хотя бы и заподозреваемых в украинофильстве допустить следует».²⁶ Этот эпизод показывает, что при желании власть и в 60-е гг. могла найти подходящих медиаторов для контакта с украинофилами в среде богатых малороссийских землевладельцев.

Рассказ Галагана дает представление о том, как выглядела в 1863 г. иерархия врагов в представлении царя. Его, хоть и с оговорками данное, разрешение привлекать украинофилов к административной деятельности в Юго-Западном крае развязало руки Самарину и

²³ АВПРИ, ф. 155. Стб. I—4, оп. 241, ед. хр. 1.

²⁴ Дело Чубинского в III отделении показывает, что в хлопотах о его скорейшем возвращении принимали участие не только столичные литераторы, но и несколько высокопоставленных чиновников, в том числе сменявшие друг друга за это время архангельские губернаторы. Вообще, насколько можно судить по имеющимся документам, отношение гражданской администрации к ссыльным украинофилам было благожелательным.

²⁵ См.: РГИА, ф. 772, оп. 1, часть 2, 1861 г., ед. хр. 5603.

²⁶ ГАРФ, ф. 583, оп. 1, ед. хр. 18. Л. 170—171. Дневник А. А. Половцова, запись 06.02.1881.

В. А. Черкасскому в Царстве Польском. Уже в 1864 г. Черкасский, назначенный Главным директором правительственной комиссии внутренних дел в Царстве Польском, пригласил на весьма значительные посты в Варшаве Кулиша и Белозерского.

Настойчиво, хоть и безуспешно, звали в Варшаву и Костомарова. В 1864 г. ему была присуждена почетная докторская степень Киевского университета, что должно было продемонстрировать, что Костомаров остается для властей персона грата. О переезде в Варшаву с ним говорил сам Н. А. Миллютин, глава администрации Царства Польского.²⁷ (Однако на возможность его работы на Украине власти смотрели совсем иначе, и позднейшие предложения занять кафедры в Харькове и Киеве Костомарову пришлось отклонить по указанию МВД.) Со свойственной ему эмоциональностью звал товарища в Варшаву и Кулиш: «Приезжайте, и восторжествуем над презирavшим наши права панством!»²⁸

Письмо Кулиша Костомарову свидетельствует о существенных переменах, произошедших с автором под влиянием варшавской обстановки и хорошего жалованья. «Что наша правительственные партия состоит не вся из отличнейших русских людей, это естественно [...] Но все сделанное до сих пор она сделала, симпатии всего народа стремятся к ней, и будущность русского мира зависит от ее деятельности [...] Я знаю, что оппозиция приносит свою пользу и что без оппозиции Правительство иного до сих пор не предприняло бы из того, что уже сделано им; но вам ли выбирать, на которую сторону становиться? С одной стороны, оправданная историею зиждительная сила, с другой — хаотическое брожение [...] Помогая ему, вы внушите ему доверие к благороднейшим умам, и оно сделает уступки духу времени скорее, нежели от напора сил оппозиционных. Притом же нам предстоит борьба с врагом, общим для него и для нас. Польская интеллигенция все еще остается в уверенности, что только правительственные лица произносят последний приговор ее автономии. Следует ее в этом разуверить таким людям, как вы, посредством солидарности с Правительством». ²⁹ Это не было минутным настроением. Годом позднее Кулиш напишет А. А. Гацуку:³⁰ «Пусть Москвичи ведут русское дело по-московски. История доказала, что без московского способа делать дела славянам не принадлежало бы ныне и столько земли,

²⁷ РО РНБ, ф. 385, ед. хр. 13. Л. 1. Письмо А. О. Гильфердинга Костомарову от 26.12.1865 о том, что только что вернувшийся из Варшавы Н. А. Миллютин хочет срочно его видеть.

²⁸ ГАРФ, Секретный архив, ф. 109, оп. 1, ед. хр. 1767. Л. 2 об. Письмо Кулиша Костомарову от 5 января 1866 г.

²⁹ ГАРФ, ф. 109, оп. 1, ед. хр. 1767. Л. 1—1 об.

³⁰ А. А. Гацук был преподавателем Ришельевского лицея. Мезенцов причислял его к тем украинофилам, которые допускали возможность союза с поляками. Савченко Ф. Зaborона... С. 197.

сколько принадлежит. Настанет пора, когда по-московски не нужно и нельзя будет вести русское дело; но пока такая пора не наступила, напрасно пытаться вырывать палицу из рук Геркулеса. Что касается до безобразия, то оно неизбежно в таком хаосе, в котором находится славянский мир вообще и русский в особенности. Но рассердясь на вшей, не бросают шубу в печь». ³¹ Кулиш и теперь слишком критичен по отношению к правительству, чтобы можно было предположить, что эти письма писались как демонстрация лояльности в расчете на перлюстрацию. (Каковая, впрочем, имела место.) Но теперь он настроен сотрудничать с этим правительством и видит к тому возможности. Кулиш варшавского периода не написал бы цитированного нами письма С. Аксакову от октября 1858 г.

Интересные изменения претерпела и позиция Кулиша в языковом вопросе. Уже в начале 1863 г., после закрытия «Основы», Кулиш в поисках денег на новый журнал писал харьковскому коммерсанту-миллионеру А. К. Алчевскому ³² следующее: «Все-таки провинциальный журнал может у нас существовать только с большим трудом и никак не в состоянии быть органом независимым. Надобно управлять мнением украинских читателей из центра просвещения и администрации. Необходимо издавать журнал в столице. Мы должны иметь дело не столько с людьми смиренными и малообразованными, сколько с людьми, имеющими в своих кружках вес, — не столько с людьми убогими, сколько с людьми, от которых материально зависит многое. [...] Вы догадываетесь, что я говорю не собственно об украинском журнале, но о журнале для Украинцев или Южноруссов. И украинский литературный язык, и украинская политическая самостоятельность составляют еще проблему, для решения которой, может, понадобятся века. Речь к тому, что, при всей любви к родному слову, мы должны в журнале отодвинуть его на второй план и писать побольше хорошего на языке, которым мы вполне владеем и который будут одинаково ясно понимать все наши читатели [...] этот воображаемый мною журнал должен быть возможно обилен дельными статьями на общерусском языке, так чтобы мог заменить для жителей Украины

³¹ ГАРФ, ф. 109, оп. 1, ед. хр. 1769. Л. 2 об.

³² О взглядах семьи Алчевских можно судить по более позднему эпизоду, в котором принимала участие его жена Кристина Алчевская, содержавшая школу. Алчевская носила по праздникам украинский костюм, в школе ее часто пели украинские песни, но когда украинофильски настроенный учитель Б. Гринченко начал использовать украинские учебники и учить детей украинскому, Алчевская немедленно его уволила (*Русова С. Мої спомини (1879—1915) // За сто літ. 1928. Т. 1. С. 172*; см. также: *Yekelchyk S. The Body and National Myth: Motifs from the Ukrainian National Revival in the Nineteenth Century // Australian Slavonic and East European Studies. 1993. № 2. Р. 45*). Такая позиция была достаточно типична для богатых людей с малорусской идентичностью.

любой из великорусских журналов. Лишь только бы мы достигли того, что этот журнал сделался бы необходимостью для всех любителей чтения на юге, — мы достигли бы, как отдельная нация, и литературной автономии, независимо от украинского языка». ³³ В этом высказывании характерны, во-первых, исчезновение надежд на скорый успех украинского национального движения, одушевлявших многих украинофилов в самом начале 60-х гг., во-вторых, связанная с этой новой оценкой смена приоритетов — намерение сосредоточиться на пропагандистской работе с образованными людьми, а не на прямом обращении к крестьянству, и, наконец, признание Кулищем того факта, что «общерусский» язык и был тем языком, которым украинофилы «вполне владели» и который их читатели могли «ясно понимать». Как следствие, Кулиш теперь видел в языковой эманципации не первейшее средство национальной борьбы, но отдаленную, может быть «на века», цель.

Идея с приглашением в Царство Польское украинофилов и прочих не вполне благонадежных не была личной инициативой Черкасского,³⁴ а приобрела статус полуофициальной государственной политики. Вот как рассказывает Драгоманов, служивший тогда учителем во 2-й киевской гимназии, о том, как директор этой гимназии Вилуев, назначенный на должность попечителя всех школ Варшавской губернии, в 1864 г. приглашал в Варшаву и его. «Как же вы меня зовете в Варшаву, когда недавно чуть не на всю гимназию нигилистом назвали? Какой из меня усмиритель Польши!» — отвечал на приглашение Драгоманов. «Именно поэтому я Вас и зову, — горячо сказал Вилуев, — что Вы „нигилист“, конечно, не в „базарном“ смысле слова. Вы рационалист и демократ, а нам в Польше (Вилуев любил говорить как государственный муж) такие и нужны. Мы боремся там не с национальностью поляков, а с римским клерикализмом и аристократией».³⁵

Валуеву такие объяснения его почти однофамильца вряд ли пришлись бы по душе. Он считал, что антиполонизм, а уж тем паче антиаристократизм украинофилов не должны расцениваться как доказательство их лояльности. Собираясь в инспекционную поездку в Киевское генерал-губернаторство летом 1864 г., он так формулировал свои задачи в докладной записке царю: «В отношении к националь-

³³ Письмо от 28 февраля 1863 г. Цит. по: Шип Н. А. Український національно-культурний рух в умовах антиукраїнської політики російського царизму / Сарбей В. Г. (ред.) // Нариси з історії українського національного руху. Київ, 1994. С. 79—80.

³⁴ О политике Черкасского в Царстве Польском см.: Кошелев А. И. Записки А. И. Кошелева. М.: Изд. МГУ, 1991. С. 127—152.

³⁵ Драгоманов М. Два учителя // Драгоманов М. П. Виране... С. 581—582. Драгоманов не поехал, но своего любимого учителя К. И. Полевича Вилуеву рекомендовал, и Полевич отправился в Варшаву.

ному вопросу надлежит обратить внимание на стремления малороссийского сепаратизма и наблюдать за тем, чтобы под видом патриотического противодействия полонизму так называемые украинофилы не организовали в народных массах противодействия правительльному великорусскому началу единства России».³⁶ Слежка за Кулишем, Белозерским и рядом других видных украинофилов продолжалась и в конце 60-х.³⁷

Мезенцов в своих рапортах настаивал на «упорстве и стойкости» в сохранении запрета на преподавание на украинском, допуская лишь «объяснение по-малорусски некоторых незнакомых ученикам слов».³⁸ Таким образом, Валуевский циркуляр, по его мнению, следовало оставить в силе как постоянную меру. Корф был с ним согласен, но шел значительно глубже в анализе проблемы. Как и Мезенцов, Корф считал влияние украинофилов на тот момент крайне ограниченным, но полагал, что бороться с ним нужно незамедлительно. (Царь соглашался, написав на полях «необходимо»).³⁹ Говоря о мерах противодействия украинофилам, Корф рекомендовал «употребить против них те же средства, которые они употребляют для своих целей, то есть распространение в народе грамотности, но, конечно, не малороссийской, а русской».⁴⁰ Он предлагал конкретную программу «наводнения края до чрезвычайности дешевыми русскими книгами», включавшую издание дешевых книг для народа за казенный счет, предоставление частным издателям права бесплатной пересылки заказчикам в Малороссию изданных ими таких же книг (цена пересылки в некоторых случаях утраивала стоимость изначально дешевых изданий⁴¹), поручение губернаторам малороссийских губерний всемерно содействовать их распространению. Большие тиражи, а Корф говорил о 10 тысячах букварей только в качестве первого шага, даже при предлагавшейся им цене в 2 копейки за экземпляр позволяли покрыть производственные издержки. (Если вспомнить, что еще в 1861 г. украинофилы, несмотря на ограниченность их материальных ресурсов, смогли предложить митрополиту Арсению 6 тысяч букварей Шевченко, то планы Корфа отнюдь не выглядят неподъемными для бюджета Российской империи.) Корф подчеркивал, что если правительству удастся сделать эти книги более дешевыми, чем соответствующие малорусские, то и нужды в административных запретах не будет. В перспективе, указывал Корф, это лишило бы и малороссийскую литературу шансов сколько-нибудь существенно расширить круг читателей.⁴² Александр II отчеркнул эти

³⁶ РГИА, ф. 908, оп. 1, ед. хр. 231. Л. 4 об.

³⁷ См.: ГАРФ, ф. 109, оп. 1, ед. хр. 1769, 1770, 1771.

³⁸ Савченко Ф. Заборона... С. 197.

³⁹ РГИА, ф. 733, оп. 193 (1863 г.), ед. хр. 86. Л. 16.

⁴⁰ Там же. Л. 18.

⁴¹ Там же. Л. 18.

⁴² Там же. Л. 18—19.

рассуждения Корфа, написав на полях: «Дельно. Мысль весьма хорошая. Сообразить, как ее исполнить».

Корф четко выделил суть проблемы и сформулировал ассимиляторский подход к ее решению: «Народ, находясь в самом начале своего развития, легко уступит и подчинится всякому, кто захочет и, главное, сможет с умением взяться за его развитие».⁴³ Он ясно видел необходимые условия для успеха этого проекта. «В настоящую минуту малороссийский народ видит связь с Россиею в царях, сродство в религии, но связь и сродство делаются еще сильнее, еще неразрывнее [...] Путь к этому — железная дорога. [...] Не одни товары движутся по этой дороге, а книги, мысли, обычаи, взгляды [...] Капиталы, мысли, взгляды, обычаи великороссийские и малороссийские перемешаются, и эти два народа, и без того так близко стоящие один от другого, сперва сроднятся, а потом и сольются. Пускай тогда украинофилы проповедуют народу, хотя бы и в кипучих стихах Шевченки, об Украине и борьбе ее за независимость, и о славной Гетманщине».⁴⁴ Обращал Корф внимание и на миграцию рабочей силы как на инструмент ассимиляции, ссылаясь на пример фабрик купца Н. Терещенко⁴⁵ в Черниговской губернии, где из 5 тысяч рабочих две трети были великороссы.⁴⁶ Корф счел нужным особо возразить против любых планов институциализации Малороссии, упомянув ходившие тогда слухи о создании Малороссийского генерал-губернаторства во главе с Галаганом и о планах учреждения должности Окружного начальника войск в Малороссии.⁴⁷ В целом позиция Корфа была весьма трезвой, основанной на понимании механизмов национальных процессов и свободной от идеологических шор, а для того чтобы написать в рапорте Александру II, что железная дорога есть более эффективный инструмент обеспечения единства Малороссии и Великороссии, чем верность государю, нужна была и изрядная смелость.

Закрытие «Основы», Валуевский циркуляр, ссылка одних украинофилов и вовлечение в правительенную службу в Царстве Поль-

⁴³ РГИА, ф. 908, оп. 1, ед. хр. 231. Л. 12 об.

⁴⁴ Там же. Л. 20. Отметим, что Катков, излагая в 1865 г. первоочередные, по его мнению, меры по обрусению Юго-Западного края, также поставил на первое место задачу связать железнодорожным сообщением бассейны Волги и Днепра. См.: Катков М. Н. Собрание передовых статей «Московских ведомостей». 1865 г. М., 1897. С. 757.

⁴⁵ Судьба самого рода Терещенко небезынтересна. М. И. Терещенко, внук упомянутого сахарозаводчика малорусса Миколы Терещенко, дававшего деньги украинофилам, стал сперва министром финансов, а затем иностранных дел Временного правительства, сторонником войны до победного конца, а после октября 1917 г. одним из лидеров русской, а не украинской эмиграции.

⁴⁶ РГИА, ф. 733, оп. 193 (1863 г.), ед. хр. 86. Л. 20 об.

⁴⁷ Там же. Л. 19—19 об.

ском других, прекращение деятельности киевской Громады привели к тому, что в развитии украинского национального движения до начала 70-х наступил, по выражению Драгоманова, антракт. В 1864 г. в Российской империи вышло из печати 12 украинских книг, в 1865-м — 5, 1866-м — ни одной, в последующие 3 года по две. Таким образом, за семь лет после издания Валуевского циркуляра вышло столько же украинских книг, сколько за один 1862 г.⁴⁸ Драгоманов, заметим, считал, что причина была не только в репрессиях, но и в слабости украинофильского движения того времени, которое не смогло использовать те немалые возможности, которые Валуевский циркуляр оставлял открытыми. «Нужно признаться, что украинофильство показало себя самым слабым и недогадливым из всех либеральных течений в России», — писал, безусловно, с долей полемического преувеличения Драгоманов.⁴⁹

Это, конечно, не значит, что в Петербурге считали проблему вполне решенной. Остается выяснить, насколько эффективно власти империи сумели использовать этот антракт для осуществления той русификационной программы, которую подразумевали рассуждения Валуева о «невесомой силе», которую прямо излагал Корф и одобрил в замечаниях на полях его рапорта император Александр II.

⁴⁸ См.: Дей О. І. Книга і друкарство на Україні з 60-х років XIX ст. С. 134; Шип Н. А. Український національно-культурний рух в умовах антиукраїнської політики російського царизму. С. 82.

⁴⁹ Драгоманов М. Антракт з історії україnofильства (1863—1872) // М. П. Драгоманов. Вибране... С. 219—220.

Глава 7

Планы властей по усилению русского ассимиляторского потенциала в Западном крае

Если логика Валуева была реконструирована нами верно, то цензурный циркуляр должен был стать только административным прикрытием русификаторской программы от конкуренции со стороны украинских националистов. Следовательно, чтобы верно оценить адекватность и действенность Валуевского циркуляра как административной меры, нужно внимательнее присмотреться к тому, что же предпринимало или планировало предпринять правительство в эти годы для «обрусения» Западного и Юго-Западного края, для увеличения здесь русского ассимиляторского потенциала.

Докладные записки на этот счет начинают поступать в Петербург от высших должностных лиц местной администрации уже в 1861 г. Кажется, наиболее ранний проект такого рода, сразу привлекший внимание Валуева, был изложен в письме подольского гражданского губернатора Р. И. Брауншвейга министру внутренних дел от 4 июня 1861 г. «Наблюдая положение здешнего края в течение трехлетнего пребывания моего в нем, я пришел к убеждению, что единственное средство упрочить спокойствие здесь и обеспечить край от случайностей политических бурь — это развить в нем русский элемент и сделать его господствующим не в одной администрации, а во всех проявлениях народной жизни, в массе населения, которая состоит здесь из племени, родственного русским по происхождению и вере и нерасположенного, даже враждебного, к полякам».¹ Бросается в глаза, что Брауншвейг называет вещи своими именами — то есть местное население для него лишь «родственное русским», а потому задача не ограничивается лишь подрывом польского влияния. Предлагаемые им первые шаги — распространение «школ сельских по помещичьим имениям и воскресных по городам», а также открытие в Каменце-Подольском русского театра — свидетельствуют, что его программа имела ясную ассимиляторскую направленность.

¹ См.: РГИА, ф. 1282, оп. 1, ед. хр. 19. Л. 20—23. Впоследствии Брауншвейг получил высокий пост в гражданской администрации Царства Польского.

С ноября 1862 г. в Петербурге начинает заседать Западный комитет. Валуев подготовил для Комитета специальный «Очерк о средствах обрушения Западного края» и уже в декабре 1862 г. подал царю записку с изложением основных его тезисов. В программе Валуева, как, собственно, и во всех других проектах на эту тему, выделялись два основных направления. Первое — создание в крае привилегированного русского слоя в противовес безраздельно доминировавшей польской шляхте. Путь к этому видели в расширении крупного русского землевладения в крае и увеличении числа проживающих в нем русских дворян. После начала польского восстания правительство было готово добиваться этой цели все более жесткими методами, включая и введение определенных ограничений права собственности для поляков. Попытки реализовать эту часть программы в основном приходятся на время после польского восстания 1863—1864 гг. Земли участников восстания подлежали конфискации. Все польские землевладельцы обкладывались особым десятипроцентным налогом, официально для возмещения нанесенного восстанием ущерба. Полякам было запрещено покупать землю в Западном крае, равно как и продавать ее кому-либо, кроме лиц православного вероисповедания. Об умеренной эффективности этих мер и неумеренной коррупции среди чиновников, которые отвечали за их проведение, подробно написал Д. Бовуа.² Однако даже переход значительной части земель в Юго-Западном крае в руки русских землевладельцев не мог дать ожидаемого результата. В великорусских губерниях дворяне в 1858 г. составляли лишь 0,76 % населения, что было существенно меньше, чем даже в таких странах с низким по европейским меркам процентом дворянства, как Англия, Франция, Австрия и Пруссия, где их численность превышала 1,5 %. В Речи же Посполитой, в том числе и на Правобережье, дворяне составляли более 5 % населения.³ Но главная причина состояла даже не в малочисленности того слоя, которому должны были достаться эти земли, а в слабости ассимиляторского потенциала русского дворянства. Большинство русских дворян в действительности были бедными и не могли приобретать землю по реальным ценам.

² Beauvois D. La bataille de la terre en Ukraine 1863—1914. Lille, P.U.L., 1994. Расширенное издание на польском, которым я пользовался: Beauvois D. Walka o ziemię. 1863—1914. Pogranicze, Sejny, 1996. Бовуа показал, что за взятки русские чиновники нередко помогали крупным польским землевладельцам, участвовавшим в восстании, избежать конфискации их имений. Новые русские владельцы тех земель, которые все же были конфискованы или проданы позднее их польскими владельцами, по большей части не жили в своих имениях и не выполняли той роли проводников русского влияния, на которую так рассчитывало правительство.

³ См.: Bush M. L. Rich Noble, Poor Noble. Manchester Univ. Press, Manchester & New York, 1988. P. 8, 10.

Значительная часть имений, переходивших в «русские руки», доставалась за бесценок чиновникам. В результате среди тех, кто получил землю в Юго-Западном крае, еще более остро проявлялась типичная для русских дворян черта — склонность не жить постоянно в своих имениях. Как следствие, ассимиляторское влияние небогатых, с низко развитым, как и у всего русского дворянства, чувством корпоративной солидарности,⁴ и по большей части отсутствовавших в имениях русских собственников не могло идти ни в какое сравнение с влиянием крупных польских землевладельцев, поколениями живших в своих имениях и сплоченных сопротивлением тем мерам имперского правительства, которые стремились вырвать землю из польских рук. С учетом всего этого предложение виленского генерал-губернатора В. И. Назимова «подготовить более соответственный потребностям государства материал из низшего сословия» для передачи ему конфискуемых у поляков земель, выглядит вполне резонным.⁵ В Петербурге, однако, оно не могло получить поддержки — двор и большинство министров продолжали и после отмены крепостного права придерживаться консервативно-аристократических взглядов, унаследованных от уже ушедшей в прошлое эпохи Священного союза.

В результате даже в 1910 г., когда правительство решилось, наконец, ввести земство в Западном крае, П. А. Столыпин все равно вынужден был отстаивать особые правила земских выборов для этой части империи, чтобы «создать такое новое избирательное собрание, в котором права русского экономически слабого большинства были бы ограждены от польского экономически и культурно сильного меньшинства».⁶

⁴ О том, что русское дворянство по сути так и не стало сословием, объединенным чувством солидарности и способностью отстаивать корпоративные интересы, см.: Raeff M. The Russian Nobility in the Eighteenth and Nineteenth Centuries: Trends and Comparisons // Banac I., Bushkovich P. Nobility in Russia and Eastern Europe. New Haven, Slavica Publishers, 1983. P. 99—122; Haimson L. H. The Problem of Social Identities in Early Twentieth Century Russia // Slavic Review. Vol. 47. № 1. Spring 1988. P. 1—20.

⁵ ГАРФ, ф. 109, оп. 38, 1863 г., ед. хр. 23, ч. 175. Л. 4 об. Назимов вообще предлагал исходить из того, что «в Западных губерниях нет вовсе дворянства, ибо наличное польское дворянство никогда ничего не захочет сделать в пользу Русского государства» (там же. Л. 6). Интересно, что, перечисляя области и города, которые должны были подвергнуться русификации, Назимов четко различал территории Западного края с «исконным» восточнославянским населением и местности, где литовцы или евреи традиционно составляли большинство. Последние не должны были, по его мнению, подвергаться немедленной русификации.

⁶ Столыпин П. А. Речи в Государственной Думе и Государственном Совете 1906—1911 / Сост. Ю. Г. Фельштинский. Нью-Йорк: Телекс, 1990. С. 238.

Нас более интересует вторая непременная составляющая этих проектов, а именно политика в отношении крестьянства, влияние на которое и было предметом соперничества русских, польских и украинских националистов. Валуев в своем докладе царю вполне справедливо отмечал: «Мы употребляли для достижения цели только одно средство — силу в тех разнообразных видах, в которых возможно проявление силы. Только две меры имели другое, органическое свойство: воссоединение унии в прежнее время и освобождение крестьян в новейшее».⁷

Валуев считал, что после освобождения крестьян проблема народного просвещения выдвигается на первый план. «Быстрое учреждение сельских школ на основаниях, обеспечивающих не только поддержание, но и распространение русской народности в крае. Об этом важном предмете давно и много говорят и пишут, но в отношении к нему сделано чрезвычайно мало, а то, что сделано, почти исключительно сделано православным духовенством. Для правильного и успешного устройства дела необходимо вести его в широких размерах, энергически, и по систематически начертанному плану».⁸

Этот отрывок заслуживает подробного обсуждения, потому что в нем завуалированно затрагиваются два весьма важных вопроса. Во-первых, Валуев пытался намекнуть царю на проблему неопределенности национальной идентичности крестьян Западного края. Замечание, что сельские школы должны были способствовать «не только поддержанию, но и распространению русской народности», можно, конечно, при желании объяснить и тем, что Валуев имел в виду литовского крестьянина. Однако в докладе есть еще несколько таких фраз, которые можно интерпретировать по-разному, что для такого текста уже трудно счесть случайным. Адресат доклада это почувствовал, а потому, словно в ответ на непрозвучавший вопрос, пометил рядом со словами заголовка «о средствах обрусения Западного края» — «т. е. относительно дворянства и городского населения в сих губерниях». Иначе говоря, в 1862 г. Александр II в общении с Валуевым еще не готов был отступить от официальной концепции «беспроблемной» russкости малорусского и белорусского крестьянского населения Западного края.

Во-вторых, рассуждения Валуева содержали плохо скрытый выпад против министра народного просвещения Головнина и его планов. Именно в 1862 г. Валуев потратил немало сил для того, чтобы заблокировать проект развития народных школ в Западном крае, предложенный Головним. План МНП развивал идеи, которые еще в 1859 г. выдвинул при поддержке киевского генерал-губернатора кн. Васильчикова либеральный попечитель Киевского учебного округа

⁷ РГИА, ф. 908, оп. 1, ед. хр. 185. Л. 2, 2 об.

⁸ Там же. Л. 7 об.

знаменитый хирург Н. И. Пирогов, предлагавший «образовать учителей для сельских школ из молодых крестьян, которых можно было бы в два года обучить грамоте, счету и способу наглядного обучения в особых педагогических семинариях».⁹ Тогда против этой идеи выступил Синод, требовавший оставить начальное обучение в руках духовенства. В апреле 1860 г. царь принял сторону Синода и разрешил начать обучение грамоте силами приходских священников. Согласно официальным данным, к началу 1862 г. в 4 тысячах приходских школ, из которых около 3 тысяч были созданы в 1860—1861 гг., обучалось более 60 тыс. человек.¹⁰ Впрочем, есть основания подозревать, что тут не обошлось без традиционного русского греха — приписок. Драгоманов упоминает, что во время епископских проверок одних и тех же учеников показывали по несколько раз, перевозя их из одной школы в другую.¹¹ Качество обучения в этих школах, где по методикам, не претерпевшим больших изменений с XVII в., преподавались лишь начальные навыки чтения и письма на русском и церковнославянском — при этом нередко начинали с церковно-славянского! — было поводом для смеха сквозь слезы по всей империи. Даже Корф, упомянув в рапорте царю от 1863 г. о потенциальной роли духовенства как проводника ассимиляции, не стал развивать эту тему, а лишь оговорился, что «до окончания предпринятого улучшения его быта о нем ничего сказать нельзя».¹²

В январе 1862 г. Васильчиков возобновил старания о создании педагогических училищ для крестьян. Активно поддержавший его Головнин тогда же доложил дело царю и добился разрешения, оставив уже работавшие школы в ведении церкви, начать устраивать новые народные училища под эгидой МНП. В Киеве начала работать «Временная педагогическая школа», готовившая учителей для народных школ. Уже в июне 1862 г. Головнин подготовил Устав «Общества для распространения грамотности и православного образования в губерниях Киевского учебного округа». План Головнина предусматривал со-

⁹ РГИА, ф. 908, оп. 1, ед. хр. 174. Л. 1.

¹⁰ Там же. Л. 2, 28 об.

¹¹ Драгоманов М. Антракт з історії українофільства (1863—1872) // М. П. Драгоманов. Вибране... С. 210. Вот что писал, пусть даже несколько преувеличивая, в своем дневнике уже в 90-е гг. о масштабе приписок генерал А. А. Киреев, которого никак нельзя заподозрить в каком-то антиклерикализме: «Гр. Толстой, министр внутренних дел, говорил Георгиевскому, что, по его совершенно точным сведениям, церковные школы существуют только на бумаге. [...] Один предводитель дворянства говорил Георгиевскому, что в его местности, по отчетам церковного ведомства, считается 104 (или 94) школы. В действительности же есть 4 или 5*. Цит. по: Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия... С. 365.

¹² РГИА, ф. 733, оп. 193 (1863 г.), ед. хр. 86. Л. 19 об.

здание 157 училищ для учителей начальных школ. Число это не было случайным. Головнин и Васильчиков задумали обратить на их финансирование доходы от 157 ферм, принадлежавших казне в Киевской, Волынской и Подольской губерниях. В мае 1862 г., после долгих и бесплодных стараний добиться на это разрешения у министра финансов М. Х. Рейтерна, который отговаривался тем, что вопрос не в его компетенции, Васильчиков обратился с этим предложением к Валуеву. Ответ последнего от 20 сентября был подлинным бюрократическим шедевром: «Я, конечно, должен согласиться на оставление сего предприятия [...] без последствий, ибо прямая переассигновка доходов одного ведомства на расходы другого не соответствует коренным началам составления государственных смет и государственной отчетности».¹³

Валуев выступал в этом вопросе единым фронтом с местной православной иерархией, доказывавшей, что «училища эти могут оказать неблагоприятное влияние на приходские школы», поскольку «священники, занимаясь ныне в этих школах почти без вознаграждения, потеряют нравственную энергию в этом деле, видя, что тот же труд в училищах МНП значительно вознаграждается».¹⁴ В докладе царю Валуев прямо рекомендовал сохранить в руках церкви контроль над начальными школами. Также против Головнина было направлено его предложение не давать дополнительного финансирования университетам и другим учебным заведениям в крае. Если Валуев видел в высших учебных заведениях рассадник политической неблагонадежности, то Головнин рассчитывал получить из студентов столь дефицитных чиновников и гимназических учителей. С этой целью он даже предлагал увеличить число студентов, обучаемых за казенный счет, с тем чтобы после окончания курса выпускники обязаны были отработать 6 лет и более «по разнарядке», или «распределению», если воспользоваться советским названием этой практики.¹⁵

Кадровая проблема в Западном крае была действительно очень острой. В записке чиновника МНП Э. В. Цехановского от 1863 г. приводились, например, следующие цифры: при общей численности служилых сословий в европейской части империи, равной 720 тысячам, на долю поляков приходилось 346 тыс., или 48 %.¹⁶ В Западном крае они доминировали безраздельно. Только в Юго-Западном крае начала 60-х гг. число чиновников-поляков превышало полторы тысячи.¹⁷ Даже начальниками канцелярий губернаторов, в том числе и после 1863 г., часто служили поляки, порой делавшие своим подчи-

¹³ РГИА, ф. 908, оп. 1, ед. хр. 174. Л. 5.

¹⁴ РГИА, ф. 908, оп. 1, ед. хр. 174. Л. 29.

¹⁵ ОР РГБ, ф. 169, к. 42, ед. хр. 5. Л. 10.

¹⁶ ГАРФ, ф. 109, оп. 38, ед. хр. 23, ч. 175. Л. 23, 24.

¹⁷ Аксаков И. С. Сочинения. Т. 3. С. 186.

ненным выговоры за незнание польского языка, на котором большинство чиновников и общалось между собой.¹⁸

Соотношение числа чиновников к численности всего населения на землях современной Украины (1:1642) даже в конце XIX в. соответствовало подобной пропорции в заморских колониях Франции (1:1063 в Индокитае и 1:1903 в Алжире) и не шло ни в какое сравнение с ситуацией в европейских державах (1:141 в Великобритании, Франции, Германии и 1:198 в Австрии). Привычный нам образ всеконтролирующего сверхбюрократизированного самодержавного государства скрывал в действительности недоразвитую и слабую административную систему. Автор приведенных выше подсчетов С. Величенко видит прямую связь между слабостью административного контроля и активностью украинского национального движения: именно в Полтавской губернии, откуда происходило 27 % украинофильских активистов, пропорция чиновников к общей численности населения была самой низкой (1:2096).¹⁹

Попытки заместить если не все должности гимназических учителей в Западном и Юго-Западном крае, то хотя бы должности преподавателей истории русскими, оказывались неисполнимыми из-за нехватки людей, сколько-нибудь соответствовавших предъявляемым требованиям. Так, в инструкции от февраля 1857 г. попечителям Киевского и Виленского учебных округов о том, чтобы «должности учителей истории в гимназиях и уездных училищах замещаемы были исключительно природными русскими», содержалась знаменательная оговорка: «и только при совершенной невозможности найти способных кандидатов из русских, таковые должны временно быть предоставлены уроженцам западных губерний».²⁰ (Речь между тем шла всего лишь о трех десятках должностей.)

Валуеву эти данные были хорошо известны. Он, без сомнения, знал также, что качество преподавания в приходских школах плохое, и принципиально улучшить его не удастся. (Жизнь это подтвердила — даже в 1881 г. весьма умеренный в своих взглядах русский помещик, земский деятель в Херсонской губернии В. И. Албранд в записке для сенатской ревизии А. А. Половцова писал: «Сельские приходские училища существуют большею частью для вида, это своего рода „мучилища“ детей».²¹ Понимал Валуев и то, о чем писал уже в мае 1863 г.

¹⁸ См. рапорт Мезенцова из Киева от 9 ноября 1863 г.: РГИА, ф. 776, оп. 11, ед. хр. 61. Л. 32.

¹⁹ Velychenko S. Were Tsarist Borderlands Undergoverned and Did it Matter? Доклад для конференции «Shaping Identities in the Borderland». Будапешт, Центрально-Европейский университет, 4—6 марта 1999 г.

²⁰ ОР РГБ, ф. 169, к. 42, ед. хр. 5. Л. 9.

²¹ РО РНБ, ф. 600, ед. хр. 608. Л. 8.

А. Иванов в «Русском вестнике»: приходские школы обречены проигрывать в открытой конкуренции со школами украинофилов, если таковая будет допущена.

Почему же Валуев блокировал начинания Головнина? В значительной мере его действия можно объяснить узкими ведомственными интересами. Именно в 1862 г. Валуев добивался (и к началу 1863 г. добился) передачи от МНП в МВД контроля над цензурой, так что любой повод подорвать доверие царя к Головнину был хорош. Головнин Валуев считал серьезным и опасным противником: «Умен, вкрадчив, методичен, холoden, эгоистичен, мало приятен», — записал он о Головнине в своем дневнике в конце 1861 г.²² Сам Валуев отнюдь не был свободен от греха, на который он жаловался в докладе царю, — рассогласованности и противоречивости деятельности различных звеньев центральной и местной администрации, а часто и сознательного их противодействия друг другу. Александру II проблема была хорошо знакома. Рядом со словами доклада «Успех невозможен при коренном различии взглядов и при отсутствии взаимного содействия между генерал-губернаторами и МВД» царь пометил: «Вот почему я и возобновил Западный комитет».²³ Однако история самого Западного комитета, вполне в традициях российской бюрократии, также превратилась в череду конфликтов и интриг между его членами. Масштаб недуга был таков, что в 1865 г. Александр II вынужден был сделать выговор всему Совету министров, напомнив министрам «об обязанности признавать себя солидарными по общим делам администрации» и о том, «что каждый из них занимает свое место по его доверию и что если они друг другу не оказывают уважения, то обязаны оказывать это уважение к его доверию».²⁴ Приговором Западному комитету звучат слова Д. Милютина: «В этом Комитете, как и в других, было больше слов, чем дела. Не было выработано ни одной существенной меры, которая обещала бы новую жизнь краю [...] Все постановления комитета имели характер полумер, обставленных такими условиями, которые обращали их в одни платонические пожелания. Правительство сознавало необходимость сделать что-нибудь — и только выказывало свою немощь».²⁵

Впрочем, у взаимной нерасположенности двух министров были не только ведомственные мотивы, но и серьезные идеологические основания. Валуев, как мы уже видели, смотрел на проблему православного населения Западного края с ассимиляторской точки зрения, которая была Головнину чужда. Как следствие, Валуев имел основания

²² Валуев П. А. Дневник Т. 1. С. 137.

²³ РГИА, ф. 908, оп. 1, ед. хр. 185. Л. 11.

²⁴ Валуев П. А. Дневник Т. 1. С. 299.

²⁵ Милютин Д. А. Мои старческие воспоминания за 1816—1873 гг. ОР РГБ, ф. 169, к. 14, ед. хр. 2. Л. 89 об (нумерация рукописи — л. 170).

сомневаться в том, что МНП сумеет и захочет обеспечить русификаторскую направленность новых училищ. В этом плане характерен эпизод, о котором вспоминает Драгоманов: когда какой-то архиерей из Владимирской губернии вызвался направить в народные школы в Малороссии своих семинаристов, и Васильчиков, и куратор Киевского учебного округа Ф. Ф. Витте его предложение отвергли, ссылаясь на то, что для этой цели нужны местные учителя, хотя шанс получить из среды выпускников местных университетов украинофильски настроенных преподавателей был значительно выше.²⁶ Драгоманов, кстати, обращает внимание и на то, что в ходе развития земских школ во второй половине 60-х гг. МНП и ведущие русские педагоги, в том числе К. Д. Ушинский, выступали за использование местного языка в начальной школе, а главными противниками этого на левом берегу Днепра, где также было введено земство, выступали местные малороссийские деятели Андрияшев, Багатимов, Недзельский. «Стыдно признаться, а приходится, что орудием изгнания украинского духа из всяких школ были совсем не великорусы, а урожденные украинцы», — пишет в этой связи Драгоманов.²⁷

Другой важный источник конфликта министров состоял в том, что Валуев придерживался аристократических убеждений и, в отличие от Головнина, скептически смотрел на расширение участия разночинцев в государственной службе. Польский князь, несмотря ни на что, был ему ближе русского парвеню. «Вы не опровергаете тех (весьма, к сожалению, многих), которые воображают, что можно элиминировать поляков из государства, командировав из внутренних губерний гг. Федотовых, Никаноровых и Пахомовых для исправления должностей Тышкевичей, Потоцких и Радзивиллов. Все это не так легко, как многие думают», — не без злой иронии писал в августе 1863 г. Валуев Каткову, противопоставляя списку знатнейших польских родов ряд заведомо разночинских русских фамилий.²⁸ Свои обращенные к Каткову обвинения в «страсти к оплебянию России» Валуев «в уме» вполне мог адресовать и Головину.²⁹ После того как конфликт с Головним еще более обострился из-за решительной критики министром народного просвещения Валуевского циркуляра, Валуев решил использовать для дискредитации оппонента инспекционную поездку на Украину Мезенцова, чьи доклады нетрудно было затем положить на стол императору. Мезенцов, без сомнения, получил соответствующие инструкции еще в Петербурге. В результате в его рапортах появились утверждения, что «учебное ведомство ежегодно усиливает местные заведения количеством новых лиц с ультралиберальным и

²⁶ Драгоманов М. Актант з історії українофільства (1863—1872) // М. П. Драгоманов. Вибране... С. 210.

²⁷ Там же. С. 221—222.

²⁸ ОР РГБ, ф. 120, к. 1, ед. хр. 57. Л. 14, 14 об.

²⁹ Там же. Л. 33 об.

местным областным стремлением», что местные университеты, служащие источником пополнения преподавателей, «не имеют надлежащего прочного внутреннего устройства» и даже прямые обвинения, что «действия кружка „Основы“ [...] получают сильную поддержку в ученом и учебном ведомстве». «В учебных ведомствах кроется все угрожающее зло», — заключал рьяно исполнявший задание жандармский полковник.³⁰ Все эти филиппики отлично гармонировали с общим настроением консервативных кругов, для которых снятие установленного Николаем I ограничения числа студентов (не более 300 в каждом университете) уже было мерой более чем спорной. С 1862 г., после знаменитых петербургских пожаров и раздутой ими в своем значении прокламации «Молодая Россия», консерваторы с новой энергией стремились представить университеты рассадником свободомыслия, а студенчество чуть ли не главной угрозой общественному порядку.

Как ни печально, но консерваторы в определенном смысле были правы — университеты действительно были кузницей нигилистов в не меньшей степени, чем источником квалифицированных кадров.³¹ Беда в том, что, за исключением отдельных эпизодов, как, например, установление в 1880 г. М. Т. Лорис-Меликовым 100 именных стипендий для студентов, власти видели решение вопроса не в улучшении материальных условий студентов и карьерных возможностей выпускников, а в репрессиях, усилении консерватизма и сословного принципа в образовании.³²

Мезенцов, кстати, в своей оценке роли университетов в развитии украинофильства тоже был прав: в 1860—1864 гг. студенты составляли более 70 % активистов украинофильского движения.³³ Э. Хобсбаум, несколько пожертвовав точностью ради красоты выражения, сказал, что «развитие национализма можно измерять развитием школ и университетов, поскольку школы, и особенно университеты, были главными его проводниками».³⁴ Важно уточнить, что в Германии, Франции, Британии университеты и школы были эффективными проводниками централизаторского национализма, в то время как в Центральной и Восточной Европе они становились очагами сопротивления ассимиляторским усилиям доминирующих групп. Университеты в

³⁰ РГИА, ф. 776, оп. 11, ед. хр. 61. Л. 28 об, 29, 32.

³¹ См., например: Brower D. Training the Nihilists. Education and Radicalism in Tsarist Russia. London, 1982.

³² О политике властей в области просвещения при Александре III см.: Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия... С. 309—365.

³³ Kappeler A. The Ukrainians of the Russian Empire, 1860—1914 // Kappeler A. (ed.). Comparative Studies on Governments and Non-Dominant Ethnic Groups in Europe, 1850—1940. Vol. VI: The Formation of National Elites. New York Univ. Press, Dartmouth, 1992. P. 116.

³⁴ Цит. по: Anderson B. Imagined Communities... P. 71.

Харькове и Киеве при отсутствии таковых на территории Белоруссии — не менее важная причина качественного отличия национального движения на Украине от почти не существовавшего в XIX в. белорусского национализма, чем часто упоминаемые в этой связи казачьи традиции и память о Гетманщине.

Но вернемся к Головину и Валуеву. Идеологический конфликт двух министров отражал глубинные противоречия русской политики — сохранявшие преобладающее влияние дворцовые круги не доверяли разночинцам, без широкого участия которых проведение успешной ассимиляторской политики было невозможно. В свою очередь, радикалы-народники, а со временем и все возраставшее число либералов царизм откровенно ненавидели. Те из них, кто были националистами, как правило, считали царизм лишь препятствием на пути осуществления своих националистических идеалов.

Именно это противоречие и пытался по-своему разрешить Катков, стремясь сделать, по крайней мере условную, лояльность режиму составной частью националистической идеологии. Однако для властей, весьма ценивших редактора «Московских ведомостей», даже такой его национализм был частью «страсти к оплебеянию России». Чем дальше он развивал свои националистические идеи, тем регулярнее власти натягивали цензурные вожжи.³⁵ В результате с 1871 до 1882 г. Катков вынужденно вообще перестал касаться национального вопроса.³⁶ В свою очередь, либеральные круги, не говоря уже о радикалах, отторгали Каткова именно за его лояльность режиму, которая к концу жизни Каткова действительно нередко превращалась в сервильность. Призывы же Аксакова и других публицистов ко всем «деятельным русским людям» отправиться в Западный край для укрепления в нем «русских начал» были не более чем красивыми словами — без сотрудничества с правительством никакая серьезная акция такого рода была

³⁵ Начальник III отделения П. А. Шувалов прямо обвинял Каткова в стремлении «возбуждать и поддерживать беспорядки в окраинах империи», имея в виду его русификаторский пафос. См.: Оржеховский И. В. Администрация и печать между двумя революционными ситуациями (1866—1878 гг.). Горький, 1973. С. 59. С конца 60-х гг. задача сохранения социальной иерархии старого порядка получает в политике властей решительное преобладание над попытками опереться на низшие слои против более или менее непокорных элит окраин империи. Давление на крупных польских землевладельцев в Западном крае было смягчено.

³⁶ См.: Чернуха В. Г. Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. Л., 1978. С. 181. Возможно, что это стало результатом специального заседания Совета министров 20 ноября 1871 г., на котором по инициативе министра внутренних дел А. Е. Тимашева обсуждалась слишком независимая позиция «Московских ведомостей». См.: Валуев П. А. Дневник... Т. 2. С. 275, 503; Никитенко А. В. Дневник. Т. 3. Л., 1955. С. 161.

невозможна; впрочем, сколько-нибудь массовых попыток такого рода и не было. Уже в 1864 г. разочарованный И. Аксаков с горечью писал в связи со своими призывами к выкупу земель в Западном крае: «В Европе давно бы образовалось общество для добровольной колонизации края...»³⁷

Польское восстание было вполне подавлено только к концу 1864 г. Именно в этот момент и начинается вновь в правительственные структурах обсуждение вопроса о возможном смягчении или отмене Валуевского циркуляра, что отразилось в уже упомянутых письме обер-прокурора Синода Ахматова от декабря 1864 г. и запросе Петербургского цензурного комитета от марта 1865 г. Возможно, что этот запрос был как-то связан с подготовкой Валуевым закона об отмене предварительной цензуры, опубликованного 6 апреля 1865 г.

Этому закону предстояло, однако, стать последним крупным либеральным актом 60-х гг. 4 апреля 1866 г. произошло покушение Д. В. Каракозова на Александра II. Оно произвело на царя весьма сильное впечатление, что не замедлило сказаться и на судьбах некоторых героев нашей истории. То, что шеф жандармов Долгоруков поплатился своим местом, выглядит вполне естественно. Но обстоятельства отставки Головнина были весьма необычны. Александр II уволил Головнина резко, без прошения, обнаружив, что среди конспираторов, задержанных в связи с покушением, много студентов, за увеличение числа которых ратовал министр народного просвещения. «Молодые люди, арестованные в Москве, показали в комиссии с цинизмом и как нечто похвальное, что они предназначали себя в учителя народных школ, чтобы развить народ и освободить его от того, что они называли религиозными предрассудками», — с горечью писал Головнин в своих мемуарах.³⁸ В отставке министра народного просвещения многолетний конфликт Головнина и консерваторов об отношении к университетам и студенчеству получил свое бюрократическое завершение.

Подозрительность властей по отношению к народникам с течением времени усиливалась. Начальное образование было решено оставить в руках духовенства. Самодержавный и сугубо централистский принцип государственного устройства в атмосфере усиливавшихся сомнений в том, не переборщили ли с реформами и послаблениями, под вопрос не ставился. Соответственно и «переключение» властей на «англо-шотландский» вариант политики в отношении Украины, предполагавший поиск какого-то компромисса с украинскими элитами, было невозможно, тем более что новое поколение «украинофилов» было по преимуществу народническое и состояло не из «классово близких» землевладельцев, а из подозрительных писателей и преподавателей, нередко

³⁷ Аксаков И. С. Сочинения. Т. 3. С. 239. (День. 1864. 28 апреля).

³⁸ См.: Головнин А. В. Записки для немногих // Вопросы истории. 1997. № 6. С. 68.

бывших ссыльных. Впрочем, смену тактики всерьез никто не рассматривал: во второй половине 60-х гг. правительству вполне могло показаться, что повторяется сценарий конца 40-х гг. Те же самые люди, бывшие братчики, в очередной раз получили отпор своим планам, и о проблеме можно снова забыть на очередные десять лет.

Таким образом, национальная политика властей империи после того, как обозначился националистический перелом в общественном мнении, в способах легитимации власти и в ее, власти, принципах целеполагания, была непоследовательной, противоречивой, часто просто непродуманной. Сознавая отсутствие ресурсов для проведения ассимиляторской политики по «французской» модели, правительство считало себя вынужденным прибегать к запретительным мерам в духе такой модели по причине своей слабости. Циркуляр Валуева, принявшийся как вынужденная краткосрочная мера и оставшийся в силе на долгие годы, может служить своеобразным символом этой политики.

Валуеву вполне можно адресовать его собственный упрек в адрес Головнина, что о необходимости развития народного образования в Западном крае много говорится да мало делается. Он даже не пытался скорректировать по своему разумению планы Васильчикова и Головнина, а просто похоронил единственный проект, дававший реальные шансы на существенное изменение ситуации. Более того, он не дал хода и другим проектам развития народных школ, выдвинутым уже в 1864 г. лояльными правительству киевскими деятелями, в частности М. В. Юзефовичем. Никакого своего «систематически начертанного плана» он так и не предложил. Замечание Александра II на полях программы Корфа о необходимости «сообразить, как ее исполнить», также не имело никаких практических следствий.

О политике сменившего Головнина на посту министра народного просвещения Д. А. Толстого лучше всего говорит тот факт, что в конце 60-х гг. он даже не хотел в течение нескольких лет использовать для развития народных школ те средства, которые специально ассигновал для этой цели киевский генерал-губернатор А. П. Безак.³⁹ Число гимназий и прогимназий в Киевском учебном округе за время его министерства практически не росло (17 в 1871 г., 20 в 1882 г.), в то время как в Московском округе с тех же 17 в 1871 г. оно к 1882 более чем удвоилось (до 37).⁴⁰ Начальное образование развивалось в это время медленно во всей империи. Расходы государства на крестьянские школы практически не росли с 1862 по 1895 г. В 1879 г. из бюджета покрывалось только 11,3 % всех расходов на начальные школы. Сами крестьяне давали втрое больше, а земства — 43,4 % всех средств.

³⁹ Драгоманов М. П. Автобиография // Былое. 1906. Июнь. С. 198.

⁴⁰ См.: Камоско Л. В. Политика правительства в области среднего образования в 60—70-е гг. XIX в. (гимназии, реальные училища). Авто-реферат канд. дисс. М., 1970.

В Юго-Западном крае, где земств не было вплоть до 1911 г., ситуация была еще хуже: в губерниях без земств расходы на начальное образование в пересчете на душу населения были на треть меньше.⁴¹

Плачевые результаты деятельности МНП под управлением Толстого, особенно в области развития начальной школы, служат убедительным свидетельством прагматического бессилия русского национализма. Дело в том, что огромным влиянием на Толстого пользовался в то время Катков. Протеже Каткова А. И. Георгиевский был назначен председателем Ученого комитета и докладывал патрону обо всем, что происходило в министерстве, получая соответствующие указания. «Без преувеличения можно сказать, что все реформы, осуществлявшиеся в области народного просвещения во второй половине 60—70-х годов, исходили от Каткова», — писал П. А. Зайончковский.⁴² Однако тот самый Катков, который настойчиво доказывал в своей публицистике, что консолидация большой русской нации есть важнейшая политическая задача, а ускоренное развитие начального образования крестьян Малороссии и Белоруссии на русском языке представляет главное к тому средство,⁴³ так ничего и не сумел сделать, чтобы использовать свое влияние на деятельность МНП для практической реализации этой программы. 11 % государственного участия в расходах на начальную школу означали приговор любому ассимиляторскому проекту.

Когда в 1905 г. сторонники введения украинского в качестве языка обучения в начальной школе указывали, что низкий уровень грамотности украинских крестьян связан с необходимостью обучения на

⁴¹ См.: *Eklof B. Russian Peasant Schools. Officialdom, Village Culture and Popular Pedagogy, 1861—1914*. Un. of California Press, Berkeley, 1986. P. 89, 94.

⁴² Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. (Политическая реакция 80-х — начала 90-х годов.). М., 1970. С. 69. Яркое описание огромного влияния Каткова на Толстого и роли первого в контрреформах в области просвещения см. в: *Феоктистов Е. М. Воспоминания...* С. 173—179.

⁴³ Подробное перечисление предлагавшихся Катковым в его статьях 60-х гг. средств русификации Западного края см. в: *Неведенский С. Катков и его время*. СПб., 1888, С. 257—258. О необходимости увеличения ассигнований на народные школы Катков писал, например, в «Московских ведомостях» от 16 марта 1865 г., подчеркивая, что в условиях России «успех народного обучения условливается преимущественно поддержкой со стороны государства». См.: *Катков М. Н. Собрание передовых статей «Московских ведомостей» 1865 г.* М., 1897. С. 157. В № 262 от 27 ноября 1865 г. он подчеркивал фактор времени в решении задач русификации Западного края и их приоритетность в сравнении с другими проблемами, сетя, что «драгоценное, невознаградимое время, заботы и средства употребляются на предметы случайного свойства, отнимаются от предметов существенных». См. там же. С. 755.

неродном языке, министр просвещения В. Г. Глазов отвечал им, что низкий уровень грамотности объясняется прежде всего двухгодичным образованием, и решать проблему нужно не введением украинского языка, а расширением начального обучения с двух до четырех лет.⁴⁴ Беда в том, что за все десятилетия, отделявшие время отмены крепостного права от первой русской революции, власти так и не удосужились проверить этот тезис на практике. Серьезные изменения к лучшему стали происходить только с серединой 90-х гг.,⁴⁵ то есть три с лишним десятилетия после отмены крепостного права были фактически потеряны с точки зрения использования начальной школы как эффективного инструмента ассимиляции. Лишь накануне первой мировой войны Россия подошла к практической возможности осуществления принципа всеобщего обязательного начального образования.

Так и не став частью «положительной» ассимиляторской программы, Валуевский циркуляр справедливо вошел в историю как мера чисто репрессивного свойства.

⁴⁴ Подробнее см.: Andrewsky O. The Politics of National Identity: The Ukrainian Question in Russia, 1904—1912. Ph. D. dissertation. Harvard, 1991. P. 85.

⁴⁵ С 1896 по 1900 г. расходы государства на начальную школу удвоились, очередное удвоение расходов было достигнуто к 1907 г., а с 1907 по 1914 г. они возросли в 4 раза. Если в 1881 г. все расходы на образование составляли 2,69 % бюджета и начальная школа отнюдь не имела приоритета придележе этих денег, то в 1914 г. расходы на образование составили 7,21 % бюджета, и доля начальной школы при этом возросла. См.: Eklof B. Russian Peasant Schools... P. 89—90.

Глава 8

Киевский период активизации украинофильства (1872—1876)

Новый период активизации украинофильства приходится на первую половину 1870-х гг., снова, как и в конце 50-х — начале 60-х, совпадая, а точнее — будучи одной из составляющих частей более широкого, общеимперского общественного оживления.¹ Первые статьи, в которых ставилась под вопрос политика, воплощенная в Валуевском циркуляре, появились в русских журналах в 1872 г. Наиболее заметной стала публикация с февраля по май в четырех номерах либерального «Вестника Европы» большой работы «Восточная политика Германии и обрушение». Автором ее был Драгоманов, скрывавшийся под псевдонимом М. Т.

Драгоманов постарался представить развернутое идеологическое обоснование тезиса, что ассилияторская и централизаторская политика в отношении западных окраин противоречит интересам России. Во-первых, он утверждал, что она играет на руку врагам России, к которым он причислял поляков и Германию, готовившуюся, по его интерпретации, к распространению своего влияния на востоке Европы. Во-вторых, он доказывал, что ассилияторская политика, скопированная с французского и прусского опыта, не соответствует российским условиям, ссылаясь на иные масштабы страны и на относительную молодость и слабость русской культуры по сравнению с французской и немецкой. Третий аргумент состоял в том, что Франция и Пруссия пользуются правом завоевателя, которого у России по отношению к Малороссии нет.² В другой части статьи и вне сравнительного контекста, дабы не дразнить цензуру, Драгоманов замечал также, что успех франкоизации во многом был предопределен тем, что французский был «языком свободы».³

Главная цель Драгоманова заключалась в реабилитации украинофильства. Его интерпретация украинофильства словно возвращалась к

¹ То обстоятельство, что спады и подъемы украинского национального движения совпадают с общероссийскими, отметил еще И. Лысяк-Рудницкий. См.: *Rudnytsky I. L. Essays in Modern Ukrainian History...* Р. 12—13.

² Вестник Европы. 1872. Май. С. 241.

³ Вестник Европы. 1872. Февраль. С. 687—689.

официальной трактовке шефа жандармов А. Ф. Орлова в конце 1840-х: «Костомаров не украинофил, а „украинский славянофил“, как есть „московские славянофилы“»,⁴ а Шевченко — «единственный русский поэт, рожденный в юго-западном крае».⁵ Если они и украинофилы, то русские украинофилы в противовес украинофилам польским, то есть полякам, стремившимся использовать украинскую идею с целью оторвать Малороссию от Северной Руси. Драгоманов доказывал, что они были сторонниками русского единства, но единства в многообразии, с сохранением малорусской специфики и развитием местного языка.⁶ В интерпретации Драгоманова эта позиция находила широкую поддержку и понимание в русском обществе до тех пор, пока люди чужие — «Сион» и поляки — не возвели на украинофилов ложного обвинения в политическом сепаратизме.⁷ И только затем, по Драгоманову, эти обвинения в сепаратизме были подхвачены «Русским вестником», который исходил из неверной идеи о применимости западной программы ассимиляции к российским условиям.

В то же время Драгоманов критиковал и петербургскую либеральную прессу, «явно враждебную ко всяkim толкам об окраинах». Эта часть его рассуждений заслуживает пространного цитирования. «Это по-настоящему и есть наша ультрапророссийская партия, довольно многочисленная среди образованных людей в столицах и в Великой России; этот новый род „великорусских сепаратистов“ говорит: да Бог с ними, с этими окраинами; нас, несомненных русских, на несомненной русской земле все-таки 30—40 миллионов, будем заниматься своими делами, а окраины пусть живут как хотят! Конечно, останься эти „ультрапророссийские“ без Риги и Варшавы, и чего доброго без Вильно и Киева, они бы почувствовали себя не совсем ловко, и хорошенъко пораздумав, они и теперь увидят, как тесно связаны нравственные и экономические интересы середины России с судьбою лежащих и дальше наших границ стран прикарпатских и придунайских. Но этот ультрапророссийский сепаратизм людей середины России совершенно понятен и естественен как реакция направлению, которое заботится так неловко об обрусении и перерусении племен».⁸

Две важных идеи сформулированы в этом фрагменте. Во-первых, Драгоманов стремится устраниТЬ опасность особой ассимиляторской «заботы» о Малороссии как части русского «идеального отечества», которая наряду с Белой Русью подлежала бы русификации прежде

⁴ Вестник Европы. 1872. Март. С. 200.

⁵ Там же. С. 198.

⁶ Тактический характер этих рассуждений Драгоманов признает в эмиграции в 1878 г., написав о том, как украинофильство «пряталось под защиту московского славянофильства». См.: *Драгоманів М. Шевченко, українофільський соціалізм*. Львів, 1906. С. 145. (Первое издание — Т. 4 женевской «Громады», 1878.)

⁷ Вестник Европы. 1872. Март. С. 211—212.

⁸ Вестник Европы. 1872. Май. С. 239.

других, «нерусских» западных окраин. С этой целью он, с одной стороны, говорит об ошибочности стремления к «перерусению» или «дорусению», подчеркивая тем самым уже и так «русский» характер Малороссии. (Рускость здесь интерпретируется как родовое понятие, не предполагающее тотальной культурной гомогенизации.) С другой стороны, отчасти противореча сам себе, Драгоманов старается «вписать» Украину в общий ряд других окраин, перечисляя малорусскую проблему наравне с эстонской, латышской, литовской.⁹

Во-вторых, и это главное, он предлагает новую, более привлекательную для русских империалистов, «упаковку» федеративной идеи, которая теперь не только должна обеспечить целостность империи, но и ее экспансию. Драгоманов утверждает, что именно неассимиляторский характер русской политики даст ей преимущество в борьбе с централизаторской националистической Германией за господство в Восточной Европе. В этой связи он особенно подробно рассказывает, как репрессии против украинофилов в России подрывают симпатии к Москве среди русинов Восточной Галиции.¹⁰ Эта идея Драгоманова вскоре получила, как мы увидим, приверженцев даже среди высокопоставленных сановников.

Вскоре Драгоманов напечатал специальную статью «Русские в Галиции», где осуждал репрессивную политику Вены и, между прочим, с симпатией к пострадавшему передавал рассказ униатского священника С. Качалы о том, как тот лишился деканства за то, что начал свое выступление в 1868 г. на славянском съезде в Стромовце под Прагой со слов: «Позвольте, господа, и мне, как русскому, говорить с вами на русском языке».¹¹ Кроме того, Драгоманов критиковал галицийских политиков за их консерватизм и нерешительность, стремясь закрепить лидерство киевской Громады.

Драгоманов писал эти статьи, путешествуя по Европе по командировке Киевского университета. В Киеве же в это время люди самых разных политических взглядов выдвигают несколько проектов организации научных обществ. Было бы неверно, как это сделал в свое время Ф. Савченко, характеризовать все эти инициативы как попытки «украинского научно-культурного самоопределения».¹² М. А. Максимович, предложивший проект организации «Киевского общества истории и древностей славяно-русских», и М. В. Юзефович, бывший одним из членов-учредителей Киевского отдела Русского императорского географического общества (далее — КГО), при всех принципальных различиях между ними — Юзефович вскоре будет с жаром писать доносы на украинофилов, а Максимович и помыслить такого не мог — в

⁹ Вестник Европы. 1872. Май. С. 238.

¹⁰ Вестник Европы. 1872. Март. С. 237—239.

¹¹ Вестник Европы. 1872. Январь. С. 149—151.

¹² См.: Савченко Ф. Українське науково-культурне самовизначення 1850—1876 pp. // Україна. Січень-Лютій 1929. Київ.

общей для них ненационалистической трактовке значения малорусской специфики стояли далеко от украинских националистов из круга бывших киевских сотрудников «Основы», возродивших в это время киевскую Громаду. Активное участие громадчиков в создании и работе КГО и сделало короткую историю этого учреждения столь важной вехой в развитии украинофильства.

Историю КГО подробно описал Ф. Савченко.¹³ Прологом к созданию Отдела послужила работа этнографическо-статистической экспедиции для описания Юго-Западного края, организовать которую Русское географическое общество (далее — РГО) поручило только что вернувшемуся из ссылки П. П. Чубинскому. РГО было в то время весьма влиятельной и почитаемой в России организацией. Председателем его был великий князь Константин Николаевич, а членами общества состояли многие либерально настроенные сановники. (Из РГО вышла едва ли не половина ведущих деятелей крестьянской реформы.) Марка РГО обеспечила Чубинскому содействие всех властей, включая даже церковные, и в значительной мере избавила его от клейма политической неблагонадежности. Газета «Киевлянин» под редакцией В. Я. Шульгина, в недалеком будущем заклятого врага Чубинского и Драгоманова, в 1870—1872 гг. неоднократно печатает похвальные статьи о работе экспедиции. Собственно, газета выступала за создание Отдела РГО в Киеве уже в 1866 г. Наконец, 20 апреля 1872 г. киевский генерал-губернатор А. М. Дондуков-Корсаков отправляет в. кн. Константину Николаевичу письмо с предложением открыть в Киеве Отдел РГО.¹⁴ При подготовке документов, необходимых для открытия Отдела, Дондуков-Корсаков консультируется и с Юзефовичем, и с Чубинским. В списке членов-учредителей Отдела рядом стоят имена Чубинского и Юзефовича, В. Б. Антоновича и Шульгина, украинофилов и их будущих гонителей.

Конфликт был заложен с самого основания КГО. Юзефович, который еще в 50-е гг. председательствовал в Комиссии для описания Киевского учебного округа, организованной генерал-губернатором Д. Г. Бибиковым, явно рассчитывал занять пост председателя Отдела. Однако деловые качества престарелого Юзефовича слишком оставляли желать лучшего — даже прежняя Комиссия под его началом проработала активно лишь до 1855 г., а затем «выдохлась». Комиссия для разбора древних актов, в которой Юзефович также председательствовал, держалась почти исключительно трудами В. Антоновича. Впрочем, независимо от этого, Чубинский и Антонович, представлявшие в КГО интересы киевской Громады, совсем не собирались уступать кому-то контроль над деятельностью Отдела. Шульгин и Юзефович были им полезны только на самой ранней стадии организации КГО, когда их имена придавали списку учредителей благонадежность и консервацию.

¹³ Савченко Ф. Заборона... С. 1—126.

¹⁴ Там же. С. 6, 10—13.

тизм. Киевский генерал-губернатор А. М. Дондуков-Корсаков, знавший о трудах экспедиции Чубинского, понимал, кто представляет в Отделе реальную творческую силу, и оказал поддержку «молодым». На учредительном собрании КГО 13 февраля 1873 г. председателем Отдела был избран Г. П. Галаган — персона грата и для властей, и для Громады,¹⁵ а исполнительным секретарем стал Чубинский. Внимательно следивший из своей заграничной поездки за организацией Отдела Драгоманов писал: «Главное дело — состав членов и делопроизводитель — наши».¹⁶ Юзефович и Шульгин обнаружили себя в роли свадебных генералов.¹⁷

При своем избрании Чубинский произнес речь, в которой отметил, что после освобождения крестьян и восстания 1863 г. в Западном крае ожил русский элемент, и призвал присутствующих работать во благо края, «откуда пошла есть русская земля». После заседания члены Громады критиковали Чубинского за эти заявления, указывая, что можно было обойтись без деклараций о политической лояльности, а говорить только о научных задачах Отдела. Тот оправдывался «высшими соображениями». Член Громады Ф. К. Вовк замечал позднее в своих воспоминаниях, что «в действительности все объяснялось порывом его (Чубинского) экспансивного темперамента».¹⁸

Представляется, что дело обстояло сложнее. Вот что писал из Страсбурга в июле 1863 г. Драгоманов В. Навроцкому, связанному с редакцией львовской украинофильской газеты «Правда».¹⁹ «Вы скажете, что „Правда“ протестует против национального угнетения Украины. Отвечу на это, что Украина еще как национальность не выступила в России и сама себя еще не знает. Ей нужна научная и литературная работа, чтобы себя познать, а криками, да еще из-за границы, вы только повредите этой работе, которой теперь само правительство помогает организоваться такими вещами, как Географическое общество. [...] Оставьте ж нам самим с Великоруссами реформировать Россию. [...] Я очень прошу передать мои слова во Львов, пусть там зададут себе такой вопрос: чувствуют ли они в себе силу Мадзини,

¹⁵ Г. П. Галаган, крупный землевладелец, был членом Редакционных комиссий и Государственного совета, удостаивался личных поручений царя. В то же время поддержку украинофилам он оказывал уже в конце 50-х гг.

¹⁶ Студинський К. Листи Драгоманова до Навроцького // За сто літ. № 1. Харків; Київ, 1927. С. 117.

¹⁷ Уже в 1874 г. Юзефович с очевидным раздражением писал: «Я допустил себя самым пошлым образом обратить в орудие людей, которым нужно было для успеха своей цели прикрыться несколькими благовидными именами». Цит. по: Савченко Ф. Заборона... С. 369.

¹⁸ См.: Савченко Ф. Заборона..., С. 23.

¹⁹ Некоторые подробности о Навроцком и его взаимоотношениях с редакцией «Правды» см. в: Заславський Д., Романченко І. Михайло Драгоманов. Життя і літературно-дослідницька діяльність. Київ, 1964. С. 41.

видят ли в Киеве „Молодую Италию“ — если да, пусть идут против России, но тогда пусть прямо зовут революцию, а если нет, тогда „Правде“ также не следует делать из Львова Локарно или Лугано, как и „Слову“ Венецию!»²⁰

Особенно важный источник для характеристики взглядов Драгоманова в этот момент — написанная в 1872 г. для «Правды», то есть не только без оглядки на цензуру, но и вообще не для русского читателя, а для украинофильски настроенных галичан статья «Антракт з історії україnofільства (1863—1872)».²¹ Драгоманов говорит здесь немало критических слов в адрес предыдущего поколения украинофилов, критикует их за романтизм и максимализм, в том числе и в языковом вопросе. Требование перевести преподавание в школе преимущественно, а тем более и исключительно на украинский он считает не просто «бестактным», но и «скорее разрушительным, чем созидаельным». Он признает, что протесты самих крестьян против этих планов «и правда случались», и были разумны, потому что это «обрекало народ на пищу святого Антония, то есть на 10—15 украинских книжек».²² Он не раз повторяет: «Умение читать по-русски не повредило бы нашему народу», «на заведение в школах на Украине государственного русского языка я смотрю как на факт исторически неизбежный».²³ Программа Драгоманова в языковом вопросе уже свободна от фронтального противопоставления русского и украинского, она сводится к двуязычному преподаванию в начальной школе, с двуязычным русско-украинским буквarem (по К. Д. Ушинскому) и с увеличением числа украинских книг по мере подготовки действительно качественных учебников, выбирать которые он предлагает «не по языку, а по цене того, что им написано».²⁴ Сравнивая украинский с патуа и с платт-дойч, Драгоманов замечает, что и у провансальского, и у нижненемецкого на данный момент больше оснований претендовать

²⁰ Студинський К. Листи Драгоманова до Навроцького С. 135. Интересно, что в этом письме Драгоманов фактически предсказал источники будущих бед украинофилов, высказывая опасения по поводу возможного недовольства тех, кого не примут в Отдел, а также по поводу публикации слишком откровенных статей в «Правде». Он сам и совершил эту ошибку, напечатав в «Правде» статью «Література російска, великоруська, українська і галицька».

²¹ Статья была опубликована в «Правде» лишь в 1876 г. (№ 12—16), поскольку редакции она не нравилась, и Драгоманову пришлось неоднократно требовать ее выпуска. Заславський Д., Романченко І. Михайло Драгоманов... С. 49. Здесь цитируется по: Драгоманов М. П. Виране... Київ: Либідь, 1991. С. 204—233.

²² Драгоманов М. П. Виране... С. 211—212.

²³ Там же. С. 211, 231.

²⁴ Там же. С. 211.

вать на звание самостоятельного языка, чем у украинского, не имеющего систематизированной грамматики и словаря.²⁵

Кажется, что лидеры киевской Громады Драгоманов, Чубинский и Антонович в это время действительно придавали легальной части своей деятельности первостепенное значение. Они готовы были, причем на достаточно длительную перспективу, ограничиться той позитивистской (культурной, научной, экономической) деятельностью, которую польские либералы-позитивисты, обретающие популярность именно в это время, называли «органической работой».²⁶ Драгоманов в это время с симпатией говорит и об эволюции российского нигилизма в «серъезный позитивизм».²⁷ Готовность «вместе с Великоруссами реформировать Россию» свидетельствует, что федералистские концепции, провозглашавшиеся в это время Драгомановым, не были тактической уловкой. Профессор Киевского университета В. Антонович, ставший с 1874 г. доцентом того же университета М. Драгоманов, действительный член РГО, исполнительный секретарь его Киевского отдела П. Чубинский, вскоре начавший неплохо зарабатывать и как управляющий сахарного завода, — эти и похожие на них активисты украинского движения начала 1870-х гг. вполне могли стать для властей партнерами в диалоге, будь правительство достаточно либерально и открыто.²⁸

²⁵ Драгоманов М. П. Вибране... С. 229. Имеется в виду толковый словарь украинского языка. О роли таких одноязычных словарей как своеобразного «инвентаря лингвистической собственности» в развитии националистических движений «неисторических» народов см.: Anderson B. Imagined Communities... Усилия нескольких групп украинских активистов по подготовке русско-украинского словаря, инициированные в 1860-е гг., увенчались изданием двух словарей только в 1890-е гг. Но и тогда словари эти в большей степени решали задачу сабирания различных народных говоров, чем стандартизации языка, так что современные исследователи определяют их как «диалектологические» или «этнографические». См.: Yekelchyk S. Nation's Clothes: The Construction of a National High Culture by the Ukrainian intelligentsia in the Russian Empire, 1860—1900; а также: Горецкий П. И. История украинской лексикографии. Киев, 1963. С. 68—149.

²⁶ Из работ на русском наиболее подробно освещает историю польского позитивизма К. В. Душенко. См.: Из истории польской буржуазной общественной мысли. Варшавский позитивизм. 1866—1886. Канд. диссертация. М., 1977.

²⁷ Драгоманов М. П. Вибране... С. 220.

²⁸ Впоследствии Драгоманов отвечал на обвинения в недостаточной приверженности украинскому делу, что он пожертвовал своим положением в университете и признанием как автор лучших русских журналов ради журналистской борьбы за украинское дело. (См.: von Mohrenchild D. Towards the United States... Р. 141.) В действительности Драгоманов в 1874—1876 гг. совсем не стремился «сжигать мосты», своим положением он дорожил, и его украинофильская деятельность, если не считать несчаст-

Вдумчивые люди в киевской администрации поняли это уже раньше. В архиве сохранились следы того, что еще в ноябре 1868 г. кто-то из высокопоставленных людей в Киеве писал в Петербург о желательности «предоставить преимущества» и улучшить материальное положение В. Антоновича, как человека влиятельного среди украинофилов и в то же время демонстрирующего неизменную умеренность во взглядах и поведении.²⁹ Не исключено, что таких ходатайств за Антоновича было несколько. В записке куратора Киевского учебного округа П. А. Антоновича от 1875 г. упоминается, что о награждении В. Антоновича фермой хлопотал перед своим начальством не кто иной, как начальник жандармского управления Киевской губернии генерал Павлов.³⁰ Тогда делу хода не дали. Теперь Дондуков-Корсаков шел на сотрудничество с этой группой, вполне отдавая, как мы вскоре увидим, себе отчет в украинофильском характере их убеждений, но расчитывая тем не менее найти с этими людьми некий *modus vivendi*, разумеется на своих, а не их условиях. Генерал-губернатор надеялся — как показывают проанализированные нами тексты Драгоманова, не без оснований — на то, что стремление сохранить легальные организационные возможности, которые он предоставлял громадчикам, послужат не менее важным сдерживающим фактором, чем соображения личного благополучия. Не подлежит сомнению, что киевский генерал-губернатор был искренне привержен выполнению задачи, поставленной ему царем при вступлении в должность: «преследовать национальную цель окончательного объединения Юго-Западного края с великою семьею русскою».³¹ Но действовал он при этом на свой страх и риск, даже не пытаясь найти понимания и одобрения своей тактики в Петербурге. В обширной записке Дондукова-Корсакова царю «О более важных вопросах по управлению Юго-Западным краем», подготовленной как раз в 1872 г., ни украинофильство, ни украинская проблема вообще не упоминаются, в то время как полякам и евреям посвящены специальные обширные разделы.³² Главный Начальник Края был заранее уверен в том, что понимания и одобрения той тонкой игре, которую он собирался вести с украинофилами, он у царя

ливой статьи в «Правде», была достаточно осторожной. К открытой оппозиции режиму он перешел уже после вынужденного отъезда из России в 1876 г., даже тогда, впрочем, сохранив приверженность федеративной идеи. Трудно, конечно, предположить, что Драгоманов с его общественным темпераментом так и прослужил бы всю жизнь в университете, как В. Антонович, а тем более дослужился бы до члена совета Министерства финансов, как другой активный член Громады И. Я. Рудченко, или Министерства путей сообщения, как А. И. Стронин, бывший учитель Драгоманова. Но судьба его могла быть совсем иной, чем это получилось в действительности.

²⁹ РГИА, ф. 1282, оп. 1, ед. хр. 352. Л. 135.

³⁰ Савченко Ф. Заборона... С. 71.

³¹ РГИА, ф. 932, оп. 1, ед. хр. 160. Л. 104.

³² Там же. Л. 1—104.

не получит. Так мы в очередной раз сталкиваемся с отсутствием единства в политике властей в украинском вопросе.

Киевское общество относилось в это время к культурным манифестациям украинофильства с энтузиазмом. Даже «Киевлянин», ставший с 1874 г. центром объединения противников украинофильства, вынужден быть констатировать, что представление оперы Лысенко «Рідзвяна ніч» («Рождественская ночь») стало «в Киеве животрепещущим вопросом дня, привлекая толпами зрителей в театр и возбуждая в театральной зале огромный восторг и воодушевление».³³

«Киевлянин» еще в начале 1874 г. старался демонстрировать терпимость к украинскому культурному движению. Газета исправно публикует материалы и протоколы КГО. «Киевлянин» даже напечатал на украинском рассказ И. Левицкого, снабдив его примечанием, что публикует этот «юмористический, бытовой этюд в оригинале, на малорусском языке, который в подобного рода очерках собственно непереводим».³⁴ Об изначально терпимой позиции газеты свидетельствует и тот факт, что ее редактор Шульгин, покидая в 1862 г. кафедру в Киевском университете, рекомендовал себе на смену не кого иного, как Драгоманова, чьи взгляды были ему хорошо известны.

Вскоре, однако, «Киевлянин» начинает кампанию против Громады и ее позиций в КГО. Впрочем, конфликт «Киевлянина» и лидеров Громады отнюдь не исчерпывался борьбой за влияние в КГО. К этому присоединился конфликт экономических интересов — начал выходить «Киевский телеграф», фактическим редактором которого был Драгоманов. Само существование двух ежедневных газет в Киеве ставило их в отношения острой конкуренции, при этом «Киевский телеграф» был явно живее и либеральнее «Киевлянина». («Смело скажу, что на Украине никогда не было издания, которое так бы подходило по своему направлению программе Кирилло-Мефодиевского братства 1847 г., разумеется с соответствующими временем изменениями, как наш Киевский телеграф», — писал Драгоманов.³⁵ Заметим, однако, что украинофильские симпатии «Киевского телеграфа» проявлялись очень умеренно, в духе драгомановского позитивистского подхода.) Дополнительным источником раздражения для Шульгина стало то, что с 1875 г. КГО передает право печатать протоколы своих заседаний от «Киевлянина» «Киевскому телеграфу».³⁶

Наконец, между Юзефовичем и Драгомановым с Чубинским уже в 1874 г., очевидно, произошел какой-то личный конфликт. подробности его неизвестны, но можно догадаться, что последние позволили себе какие-то непочтительные замечания о возрасте своего оппонента, не исключено, что в ответ на поучения Юзефовича со ссылкой на

³³ Киевлянин. 02.02.1874. № 15. Статья «Новая малорусская опера».

³⁴ Киевлянин. 24.01.1874. № 11.

³⁵ Савченко Ф. Заборона... С. 17.

³⁶ «Киевлянин» (01.01.1875. № 1) не смог сдержать обиженных замечаний.

авторитет седин. С тех пор «Киевлянин» неизменно писал об «иных, которые навсегда остаются юношами, хотя и принимают на себя руководство молодым поколением», а «Киевский телеграф» отзывался на нападки «обеззубевших авторитетов».³⁷ Возможно, что начало конфликту положила статья Драгоманова «По поводу киевских застольных речей» в декабрьском номере «Вестника Европы» за 1873 г. Сравнив речь Юзефовича, произнесенную на обеде в честь посетившего Киев министра народного просвещения Толстого, с либеральной речью того же Юзефовича на обеде в честь Пирогова в 1861 г., Драгоманов саркастически высказал восхищение тем «самоотвержением, с коим г. Юзефович переживает разные эпохи, служит разным системам и высказывает разные мнения с одиноково стойческой силой».³⁸ Юзефович, судя по всему, обиделся смертельно, во всяком случае очевидец всех событий Ф. Вовк считал эту статью основной причиной вражды Юзефовича и Драгоманова.³⁹

«Киевлянин», разумеется, совсем не собирался ограничиваться личными выпадами. Темой для идеологической атаки он вполне безошибочно избрал проблему языка. Сперва выступления газеты носят характер увещевания: «мы не видим сколько-нибудь разумного основания в стемлении непременно, даже в азбуке, отличать малоруссов от великоруссов», «навязывать общелитературное свойство тому языку, в котором что ни колокольня, то свой говор — попытка едва ли возможная».⁴⁰ Вскоре к ним присоединяются своего рода «отеческие» предупреждения: «Мы, местные люди, воочию близко ознакомившиеся с этим движением, можем только улыбаться перед ним [...]. Тем не менее другие издалека могут посмотреть на него иначе, и тогда, кроме единичных жертв ребяческого увлечения, им могут быть вызваны, как реакция, более общие суровые меры, довольно неблагоприятные для нашего умственного и общественного развития».⁴¹ Газета тут же определяла, чем это местное развитие должно ограничиваться — «серезное стремление серьезных людей дать обработку южнорусской народной музыке», «серезные чисто научные этнографические исследования». «Киевлянин», таким образом, отрицал не малорусскую специфику как таковую, но любые попытки представить эту

³⁷ Киевлянин. 05.11.1874. № 132; Киевский телеграф. 30.04.1876. № 51. «Киевлянин» многократно возвращался к теме конфликта поколений и личным выпадам против Драгоманова. Газета писала о «до оскомины надоевшем г. Т-ов» (псевдоним Драгоманова) (05.11.1874. № 132) и о «местном гении» (01.01.1875. № 1), о зарвавшихся выскочках, которые «считают всех достигших гражданского совершеннолетия *eo ipso* уже ни к чему не годными консерваторами» (09.01.1875. № 4). Драгоманов в долгую не остался, окрестив Юзефовича — «тайный советник, явный шпион».

³⁸ Вестник Европы. 1873. № 12. С. 906.

³⁹ Неделя. 1875. 27 июля. № 30.

⁴⁰ Киевлянин. 02.02.1874. № 15.

⁴¹ Киевлянин. 09.02.1874. № 18.

специфику как основу для политической программы, тем более для национального и политического самоопределения. В очерке из Воронежской губернии, где рядом жили велико- и малорусские крестьяне, газета с умилением рассказывала о «соединении малорусской опрятности и некоторого чувства изящества с великорусской энергией и предприимчивостью» как о символическом воплощении общерусского единства.⁴²

Позднее, в 1875 г., эта позиция нашла отражение и в полемике «Киевлянина» с Кулишем, выступившим с резкими личными нападками на Костомарова, Шевченко, Максимовича. (Именно в это время Кулиш написал известную фразу о «пьяной музее» Шевченко.) Максимович берется под защиту безоговорочно, как искренний и последовательный сторонник единства Руси. Заявляя, что не считает Шевченко и Костомарова пророками, газета защищает «народного поэта Шевченко», попавшего под вредное влияние украинофилов, «извратившее его естественные чистые помыслы». Так же и Костомаров защищается как «замечательный русский историк», «до скрытых убеждений» которого редакции «дела нет».⁴³ «Киевлянин» пытается бороться за право «существенности» на Шевченко, Костомарова, Максимовича с «Киевским телеграфом», который, разумеется, тоже вступил за обиженных, но как за членов украинофильского «пантеона»: «украинофильство едва ли создано и руководилось талантливыми и сколько-нибудь серьезными людьми»,⁴⁴ «относясь с порицанием к смешным и диким украинофильским увлечениям, мы всегда относились с полным сочувствием и уважением к произведениям южно-руссов».⁴⁵

Но вернемся в 1874 г. Деятельность КГО к этому времени получила одобрение III Археологического съезда, состоявшегося в Киеве в конце августа — начале сентября. Между тем попытки Юзефовича и Шульгина провести в состав Отдела нескольких своих сторонников потерпели неудачу. Их кандидатуры были забаллотированы украинофильским большинством КГО. Отдел провел однодневную перепись населения в Киеве. И здесь несогласные с ее программой Шульгин и

⁴² Киевлянин. 10.07.1875. № 81.

⁴³ Киевлянин. 22.03.1875. № 35. Позиция газеты в отношении Костомарова особенно интересна потому, что совсем незадолго до этого, в ходе Археологического съезда в Киеве в конце августа — начале сентября 1874 г. Юзефовичу пришлось пережить от Костомарова жестокое публичное унижение. Он подошел к группе гостей съезда, среди которых был Костомаров, и обратился к последнему с приветствием: «Ах, Николай Иванович, как я рад с Вами встретиться! Давненько мы не виделись!» Костомаров, помнивший о неприглядной роли Юзефовича в деле Кирилло-Мефодиевского общества, ответил: «Да, давно, но руки я Вам все ж таки не подам», отвернулся и пошел прочь. (Воспоминания А. Д. Корсакова // Былое. 1906. № 9. Цит. по: Савченко Ф. Заборона... С. 61.)

⁴⁴ Киевлянин. 08.03.1875. № 29.

⁴⁵ Киевлянин. 22.03.1875. № 35.

Юзефович ничего не могли поделать. Постепенно активизировалась издательская деятельность украинофилов.⁴⁶

Эти события становятся предметом все более агрессивной критики на страницах «Киевлянина», с которой, помимо Юзефовича и Шульгина, выступали Л. Лопатинский, учитель киевской гимназии, Н. Ригельман, М. Ренненкампф, С. Гогоцкий и некоторые другие профессора Киевского университета.⁴⁷ Газета нападает на книжную лавку Л. В. Ильницкого, где продавались украинофильские издания: «склад различных укладов, выкладов и перекладов на языке, выдаваемом за малорусский».⁴⁸ Тема неуклюжести многих тогдашних переводов («перекладов») на украинский вообще не сходит со страниц газеты.⁴⁹

Обсуждение языковой проблемы решительно переводится в политическую плоскость. «Зачем же вести преподавание на языке хотя родном, но не имеющем будущности и употребляющемся только небразованными людьми? [...] Когда кончить это преподавание? [...] Не следует ли подумать об устройстве гимназии, где бы преподавание шло по-малорусски? Не лучше ли, чтобы в волостях все бумаги писались на этом языке? Не следует ли в мировые, а пожалуй, и окружные суды не принимать лиц, не знающих этого языка вполне основательно? Эти и подобные вопросы не содержат никакого абсурда и естественно вытекают из одного только вопроса о необходимости обязательного преподавания на малорусском языке в элементарной школе».⁵⁰ Хотя автор статьи Н. А. Ригельман,⁵¹ скрывавшийся под псевдонимом

⁴⁶ «Пробным камнем» послужили опубликованная на украинском в 1872 г. популярная брошюра по географии «Де-що про світ Божий» и книжечка стихов «Сопілка». То обстоятельство, что они не встретили препятствий со стороны цензуры, стало сигналом для активизации издательской деятельности Громады.

⁴⁷ Савченко Ф. Заборона... С. 62.

⁴⁸ Киевлянин. 07.11.1874. № 133.

⁴⁹ См.: Киевлянин. 02.02.1874. № 15; 09.02.1874. № 18; 28.09.1874. № 116. «Ударным» примером неуклюжести украинских переводов стал приписанный М. П. Старицкому перевод знаменитого гамлетовского вопроса: «Бути чи не бути, ось то заковика». В действительности перевод был: «Жити чи не жити? Ось в чим річ», но все попытки Старицкого, рассылавшего протесты и экземпляры книги по редакциям, прекратить издевательства не давали результата. Впрочем, переводы Старицкого и вводимые им неологизмы не раз становились предметом критики не только противников украинофильства, но и таких людей, как Костомаров и Нечуй-Левицкий. См.: *Yekelchyk S. Nation's Clothes: The Construction of a National High Culture by the Ukrainian intelligentsia in the Russian Empire, 1860—1900*. (В печати.)

⁵⁰ Киевлянин. 17.09.1874. № 111.

⁵¹ Н. А. Ригельман был главой киевского отдела «Благотворительного Славянского комитета», активно поддерживавшего москофилов в Восточной Галиции. В 40-е гг. он был близок к кружку Кирилло-Мефодиевского общества, но затем перешел на жесткие антиукраинофильские позиции.

Левобережный, подчеркивал, что он «тоже хохол, [...] с умилением произносящий слова „галушки“ и „варенуха“, [...] любящий малороссийские напевы и малороссийскую деревню», это уже была тональность и способ аргументации Каткова. Для предложенной Драгомановым компромиссной программы двуязычного обучения при признании русского государственным языком такая критика просто не оставляла места.

Газета призвала КГО осудить «попытки насаждения малорусского языка», подчеркнув, что «громкое неодобрение таких работ не только выделило бы его в мнении общества от солидарности с подобными деятелями, но, может быть, образумило бы лица, злоупотребляющие его именем уже тем, что некоторые носят имена его членов».⁵² Другая тема критики КГО — его закрытость. «Отдел стал похож на католический орден», — писала газета в связи с отклонением кандидатур, предложенных Юзефовичем и Шульгиным.⁵³ Отдел спокойно отвечал, что по политическим вопросам не высказывается, за деятельность своих членов вне Отдела не отвечает, а из 118 заявлений о приеме удовлетворил 114.⁵⁴

Однодневную перепись «Киевлянин» критиковал прежде всего за то, что в перечень языков был включен малорусский, а также за то, что спрашивали о родном, а не разговорном языке, что давало малорусскому больший процент.⁵⁵ И здесь Отдел был готов к отпору, предусмотрительно назвав в материалах переписи русский литературный язык «языком», а мало-, велико- и белорусский «наречиями», соблюдая тем самым официальную иерархию.

Иначе, скорее как угрозы, начинают звучать и предупреждения, адресованные «Киевлянином» украинофилам. Газета предостерегает «увлекающуюся молодежь от повторения того, за что дорого поплатились ее предшественники в 60-х годах».⁵⁶ «Так было в конце 40-х, так было в начале 60-х годов, не то же ли предстоит и семидесятым?» — прямо напоминал «Киевлянин» о разгроме Кирилло-Мефодиевского общества в Валуевском циркуляре.⁵⁷

Вся эта антиукраинофильская кампания «Киевлянина», проходившая к тому же на фоне массовых арестов участников «хождения в народ» летом 1874 г., к началу 1875 г. стала давать определенные результаты. В феврале заместитель председателя Отдела В. В. Борисов, не раз атакованный «Киевлянином» за пособничество украинофилам, заявил о своей отставке. 28 апреля заявление о сложении с себя обязанностей председателя прислал Галаган. Избранный на его место

⁵² Киевлянин. 30.09.1874. № 118.

⁵³ Киевлянин. 30.09.1874. № 118.

⁵⁴ Киевлянин. 26.10.1874. № 128.

⁵⁵ Киевлянин. 21.11.1874. № 139.

⁵⁶ Киевлянин. 12.09.1874. № 109.

⁵⁷ Киевлянин. 24.07.1875. № 87.

генерал А. О. Шмит отказался от оказанной ему чести. В результате председателем стал В. Б. Антонович, который отнюдь не имел у петербургских властей того кредита доверия, что Галаган.

Однако довести разгром Отдела до конца в тот момент не удалось. Дело в том, что его решительным защитником выступил Главный Начальник Края, как вполне официально именовался Дондуков-Корсаков. Он утвердил избрание В. Антоновича председателем, что положило конец затянувшемуся кризису в руководстве Отдела. Когда Юзефович, в отличие от Галагана и Борисова, постарался сделать свой собственный выход из КГО 28 марта 1875 г. как можно более демонстративным и написал для «Киевлянина» особенно резкую статью, объясняющую причины этого шага, генерал-губернатор поспешил организовать цензурный запрет публикации как разжигающей ненужные страсти.⁵⁸ Чтобы предотвратить ее напечатание за пределами края, Дондуков-Корсаков поручил отослать статью в Главное Управление по делам цензуры вместе с отрицательным отзывом киевского цензора. Сам же генерал-губернатор 16 апреля отправил письмо министру внутренних дел А. Е. Тимашеву. В этом послании Дондуков-Корсаков решительно вставал на защиту Отдела. Он подчеркивал, что ему известно все, что происходит в Отделе, и что то обстоятельство, что многие члены Отдела «сочувствуют украинофильству», совсем не означает, что сам Отдел является украинофильским центром.⁵⁹ (Последнее замечание убедительно свидетельствует, что генерал-губернатор не был наивной жертвой конспиративных усилий Громады, а прекрасно понимал ситуацию.) Дондуков-Корсаков уверял далее, что не имел бы ничего против публикации статьи Юзефовича, будь она написана в ироническом, а не патетическом тоне, подчеркнув, что он всеми силами старается предотвращать газетную полемику об украинофильстве, дабы не придавать ему того политического значения, которого в действительности оно не имеет.⁶⁰

Защищал украинофилов и куратор Киевского учебного округа П. А. Антонович. 23 января 1875 г. министр народного просвещения Д. А. Толстой направил П. А. Антоновичу письмо, где говорилось, что «проводящимися ныне дознаниями о пропаганде в народе разных преступных учений обнаружено, между прочим, что существующая в Киеве партия украинофилов стремится провести в народе мысль о выгодах отделения малорусского края от России. В числе средств, выбранных украинофилами для достижения указанной цели, наиболее выдается дознанное сближение вожаков этой партии с учителями народных школ».⁶¹ Вместе с письмом Толстой переслал Антоновичу ано-

⁵⁸ Запрещенная цензурой статья Юзефовича опубликована Ф. Савченко. См.: Савченко Ф. Заборона... С. 368—372.

⁵⁹ Савченко Ф. Заборона... С. 63.

⁶⁰ Савченко Ф. Заборона... С. 146.

⁶¹ Цит. по: Міяковський В. Записка 1874 р. про український рух // Архівна Справа. 1927. № 2—3. С. 21.

нимную записку «О деятельности украинофилов в Киевской губернии». (Савченко полагает, что автором ее скорее всего был Ригельман.⁶²) В ней давалась общая характеристика украинофильских активистов и украинофильской прессы, в том числе и галицкой. В записке говорилось и о деятельности украинофилов в системе просвещения. Это письмо было одним из многих шагов высших петербургских властей по повышению бдительности в отношении народнической пропаганды, предпринятых в начале 1875 г.⁶³

П. Антонович никаких действий по поводу этого письма министра не предпринял. Учитывая, что о Толстом не без основания говорили, что вскормлен он был слюной бешеной собаки, такое поведение требовало изрядного мужества и уверенности в поддержке таких действий со стороны Дондукова-Корсакова.

Разумеется, что в этой ситуации киевские противники украинофилов нервничали, а Юзефович просто потерял контроль над собой. На торжественном обеде 17 апреля в честь присвоения Дондукову-Корсакову звания почетного гражданина Киева, причем в то время, когда тот еще не покинул вечер, Юзефович разразился обвинительной речью в адрес украинофилов и заявил, что если генерал-губернатор не обращает внимания на деятельность украинофилов, то он не остановится перед тем, чтобы писать прямо в III отделение и самому Государю. Дондуков-Корсаков не проронил при этом ни слова.⁶⁴ Не исключено, что кто-то из губернской администрации в ходе обеда рассказал Юзефовичу о письме в защиту украинофилов, отправленном Дондуковым-Корсаковым накануне Тимашеву, что и могло послужить причиной этого эмоционального срыва.

Юзефович осуществил свою угрозу, но отнюдь не сразу. Прежде противники украинофилов предприняли ряд других шагов. Глава Киевской городской думы М. Ренненкампф направил в ГУП жалобу на «Киевский телеграф», предвзято, по его мнению, освещавший деятельность Думы. Это подтолкнуло ГУП к изучению положения в газете, а также деятельности контролировавшего ее цензора Пузыревского. Последний, опасаясь уже собственного увольнения, стал требовать от владелицы газеты Гогоцкой объяснений, кто на самом деле редакти-

⁶² Савченко Ф. Заборона... С. 65. Его мнение выглядит убедительнее, чем версия опубликовавшего записку Мияковского, который считал автором Юзефовича. К аргументам, приведенным Савченко, можно добавить, что в записке критично говорится о редакторе «Слова» Площанском, в то время как Юзефович годом позже активно добивался от правительства субсидии для Площанского.

⁶³ Специальный доклад шефа жандармов Потапова «Об обнаружении и распространении в обществе разрушительных учений» в марте 1875 г. обсуждал Комитет министров. См.: Валуев П. А. Дневник... Т. 2. С. 514–515.

⁶⁴ См.: Дорошкевич О. Листи М. П. Драгоманова до О. М. Пипіна // За сто літ. № 3. Харків; Київ, 1928. С. 75, а також: Савченко Ф. Заборона... С. 62.

рут газету и пишет основные статьи, появлявшиеся, как правило, под псевдонимом. Он угрожал ей, что предложит ГУП прекратить выпуск газеты, если она не предоставит требуемую информацию. Орган украинофилов оказался под угрозой.⁶⁵

Кроме того, противники Громады постарались привлечь к борьбе столичную прессу. В их проверенном еще с 60-х гг. союзнике катковском «Русском вестнике» за февраль 1875 г. появилась пространная статья Z (Н. Ригельмана) «Современное украинофильство», содержавшая весь стандартный набор обвинений, включая определение КГО как организационного центра украинофилов и сообщения о субсидиях поляков для украинофильской деятельности в Галиции.⁶⁶ Впрочем, этнографические труды КГО, в том числе работы Антоновича и Драгоманова, Ригельман оценивает очень высоко. Статья не предлагает закрыть Отдел, но призывает к его очищению от «фальшивой, вольной или невольной, примеси».

В июне «Русский вестник» публикует статью «Еще несколько слов об украинофильстве» С. Гогоцкого, которая повторяет тезисы Ригельмана, добавляя лишь требование запрета использовать малороссийский даже для объяснения ученикам первого класса незнакомых русских слов.⁶⁷ Большой интерес представляет добавление Гогоцкого к этой статье, напечатанное в июльском номере. Оно посвящено проблеме терминологии, стоявшей в тесной связи с проблемой идентичности. «Наш юго-запад не украина, с древнейших времен русской истории этот русский край носит уже название Руси, русского [...] Оттого и до сих пор на юго-западе говорят, например, русский фольварок, в отличие отпольского [...], но никто никогда не говорил и не говорит: [...] украинский фольварок. [...] По какому же праву мы позволяем себе вторгаться с украинскими планами в землю издревле русскую, а не украинскую? Ведь подобные названия — не кличка, которую можно переменять как угодно. Кто в самом деле уполномочивал украинолюбцев отнимать у нас древнее название Русских и все принадлежности этого названия, в том числе и наш общий, культурный русский язык, выработавшийся таким долговременным и многотрудным процессом нашей истории, и все это заменять чем-то *украинским*, т. е. возникшим гораздо позднее, чисто частным и обозначающим только *крайнюю местность*? [...] Смешное и жалкое увлечение, будто *украинское* может быть для нас выше и важнее *русского!*»⁶⁸ (Курсив Гогоцкого.)

Главную опасность для украинофилов все же представляла статья Ригельмана, а именно та ее часть, которую он посвятил критике напечатанной в 1874 г. в «Правде» работы Драгоманова «Література російска, великоруська, українська і галицька». Статья, псевдоним

⁶⁵ Савченко Ф. Заборона... С. 147—150.

⁶⁶ Русский вестник. 1875. № 2. С. 820, 827.

⁶⁷ Русский вестник. 1875. № 6. С. 790.

⁶⁸ Русский вестник. 1875. № 7. С. 414—415.

для которой Драгоманов выбрал Украинец, представляла собой развернутое изложение его программы, сформулированной еще в статье «Антракт в истории украинофильства» 1872 г. Он подчеркивал необходимость «не отрываться от России ни политически, ни морально, не бросая российской литературы», говорил об «общей интеллигенции русской или российской, которая складывается из великоруссов и малоруссов». Задачу украинофильства он видел в том, чтобы помочь украинскому народу «не утратить своего существования, пользуясь российским». ⁶⁹ Ригельман даже вынужден был признать, что «многим из этих советов можно было бы пожелать исполнения». ⁷⁰ Однако статья Драгоманова действительно содержала много неосторожных высказываний о будущей самостоятельности украинской нации в федеративном союзе с Россией, что дало Ригельману возможность заявить, что все оговорки о русско-украинской общности являются лишь прикрытием для подлинных сепаратистских планов автора и всех украинофилов. Вероятно, покровительство Отделу со стороны Дондукова-Корсакова притупило осторожность Драгоманова, и он сам совершил ту ошибку, от которой всего годом раньше предостерегал редакцию «Правды» — не касаться вопроса о самостоятельности Украины, чтобы не повредить деятельности украинофилов в Киеве. Авторство Драгоманова ни для кого не было секретом. Теперь, после статьи Ригельмана, он по достоинству оценил угрозу и искал способов защититься. Сам он ответил короткой неподписанной заметкой, а потом и более пространной анонимной статьей в «Киевском телеграфе», отрицая сепаратистские планы украинофилов. ⁷¹ Но этого было явно недостаточно, нужно было выступление столичной прессы и известного русского публициста. В начале мая он пишет А. Н. Пыпину, который с симпатией относился к украинскому культурному движению, но не к сепаратистским идеям украинофилов: «Прочитавши же статью Ригельмана в Р. Вестнике, думал, что полезно было бы, если б о „Л. р.“ и пр. написал откровенный суд не мошенник, а честный человек, хотя бы и противник». ⁷² Пыпин писать не захотел, предложив Драгоманову

⁶⁹ Русский вестник. 1875. № 2. С. 837, 839.

⁷⁰ Русский вестник. 1875. № 2. С. 838.

⁷¹ Киевский телеграф. 22.03.1875. № 36; 09.04.1875. № 43.

⁷² Дорошкевич О. Листи М. П. Драгоманова до О. М. Пипіна... С. 74.

Пыпин неизменно критиковал, насколько позволяла цензура, полицейские репрессии против украинофилов. Его очерк истории украинофильства в «Истории русской этнографии» порой почти буквально повторяет рассуждения на этот счет Драгоманова в его статьях от 1872 г. В то же время само помещение «Этнографии малорусской» в «Историю русской этнографии», как и включение очерка о малорусской литературе в раздел русской литературы в его совместном с В. Д. Спасовичем «Очерке истории славянских литератур» (СПб., 1865), говорят о том, что, будучи противником насильтственной ассимиляции, он все же разделял идею большой русской нации.

самому ответить Ригельману. Тогда Драгоманов просил Пыпина передать ставшую предметом полемики статью сотруднику дружественного ему «Вестника Европы» П. А. Ровинскому в надежде, что тот вступит с Ригельманом в полемику.

Сам Драгоманов в июле напечатал в «Вестнике Европы» весьма обширную рецензию на очередной том материалов экспедиции Чубинского, в которой повторил свои рассуждения 1872 г. об украинофильстве как разновидности русского славянофильства. Он осуждал галицийских деятелей, не желающих признавать русскую литературу общерусской, и объяснял их сближение с поляками гонениями на малороссийскую литературу в 60-е гг. «Наблюдение за ходом общественно-культурного движения в Малороссии со временем Мазепы до наших дней показывает постепенное ослабление здесь стремлений политическо-национальной исключительности и постепенное усиление стремлений социально-культурных в формах народных и в гармонии с подобными стремлениями северо-русскими», — писал Драгоманов, адресуясь к своим гонителям в Петербурге.⁷³

Вслед за этим в августе и сентябре «Вестник Европы» опубликовал большую статью Драгоманова «Новокельтское и провансальское движение во Франции». Украина и украинофильство в ней не упоминались, но статья была буквально нашпигована весьма прозрачными аллюзиями. Драгоманов писал о подъеме «кельтофильства», «бретонофильства» и провансального движения во Франции как о типичной и положительной тенденции, отражающей более общие процессы развития самоуправления, децентрализации и культурного и политического подъема «сельских классов».⁷⁴ Сочувствие этим процессам и «отказ от погони за единообразием сердец и речи» он представлял как доминирующее во всей Франции настроение.⁷⁵ При этом он осуждал радикализм некоторых лидеров «бретонофильства» и спрашивал: «Не станет ли это последнее прочнее, если прямо признает свою связь с лучшим, прогрессивным в обществе этих злых галлов?»⁷⁶ Наконец, он прямо обращался к тематике своей злополучной статьи в «Правде»: «Нет никакого сомнения, что домашние, первые литературно-образовательные потребности населения могут быть удовлетворены всего удобнее литературой на местных наречиях. Но раздробление великих мировых литератур, как французская, немецкая, итальянская, на провинциальные было бы таким же бедственным культурным явлением, как совершенное раздробление политическое великих национальных единиц было бы бедствием политическим».⁷⁷ Драгоманов лишь в слег-

⁷³ Драгоманов М. Рецензия на т. 7 «Трудов этнографическо-статистической экспедиции в западно-русский край» под руководством П. П. Чубинского // Вестник Европы. 1875. № 7. С. 158—167, 169.

⁷⁴ Вестник Европы. 1875. № 8. С. 703, 706, 727.

⁷⁵ Там же. С. 692.

⁷⁶ Там же. С. 727.

⁷⁷ Вестник Европы. 1875. № 9. С. 188.

ка завуалированной форме стремился оправдаться, подчеркнуть федералистский, а не сепаратистский характер своих убеждений. Однако в открытую полемику с Ригельманом он так и не вступил, а открытое покаяние было для него неприемлемо.

Попутно Драгоманов не оставлял попыток убедить вмешаться и Пыпина, подчеркивая, что его мнение «было бы самым лучшим заграждением уст всяким насекомым». Это письмо, написанное, по всей видимости, в августе 1875 г., поскольку о доносе Юзефовича в III отделение речь идет как об уже состоявшемся факте, звучит почти как крик о помощи. Упомянув об угрозах Юзефовича написать в III отделение и о том, что последний, по слухам, их уже осуществил, Драгоманов продолжает: «На меня указано как на человека, коего для общего спокойствия надо вывезти. А печать столичная молчит [...], молчат и укрфльские (украинофильские. — А. М.) нотабли, а другие пишут пошлости, как Лысенко в Голосе!»⁷⁸

Статья Ригельмана дала эффект, на который была рассчитана — она привлекла внимание петербургских властей. 5 мая 1875 г. новое письмо П. Антоновичу отправил по поручению Толстого его заместитель А. П. Ширинский-Шихматов, восемью годами ранее сам исполнявший должность куратора Киевского учебного округа. В этом послании П. Антоновичу не только предлагалось обратить особенное внимание на деятельность украинофильски настроенных учителей и профессоров университета, но и запрашивался список неблагонадежных. Дабы желания и далее макнировать поручением у П. Антоновича не возникло — напомним, что он проигнорировал январское письмо самого министра — Ширинский-Шихматов предлагал в крайнем случае прислать ему список всех преподавателей, в котором он без труда по старой памяти сам сможет отметить заведомых украинофилов. В числе таковых он сразу назвал Драгоманова, В. Антоновича и П. Житецкого. К письму была приложена также статья Драгоманова «Література російска....», которой предстояло сыграть роковую роль в биографии ее автора.⁷⁹

Ответ П. Антоновича от 19 июля представляет собой обширную записку, где подробно оспаривается большинство высказанных Ширинским-Шихматовым обвинений. Подозрения об украинофильстве В. Антоновича куратор отвергает вполне, о Житецком говорит, что его поведение на данный момент не вызывает замечаний. Впрочем, за Житецкого он не ручался и обещал уволить его при первых признаках неблагонадежности. Подчеркнув, что и преподавательская деятельность Драгоманова не дает оснований обвинять в его в украинофиль-

⁷⁸ Дорошкевич О. Листи М. П. Драгоманова до О. М. Пипіна... С. 75. Из этих писем ясно видно, что Драгоманов изо всех сил пытался спустить инцидент, вызванный его неосторожностью, «на тормозах» и сохранить свое положение в Киеве.

⁷⁹ См.: Савченко Ф. Зaborона... С. 64—70.

стве, П. Антонович пишет далее, что присланная ему Ширинским-Шихматовым статья Драгоманова в «Правде» сама по себе служит тем не менее достаточным основанием для увольнения его из университета. Это он и предлагает сделать. Очевидно, что суворость Антоновича — демонстративная. О статье Драгоманова он наверняка знал задолго до того, как ему прислали ее из Петербурга — еще в 1874-м о ней писал «Киевлянин», а в феврале 1875-го она стала предметом разбирательства в «Русском вестнике». То обстоятельство, что П. Антонович ничего не предпринимал, тем более после получения письма министра народного просвещения в январе, ясно свидетельствует, что куратор до последнего стремился избежать репрессий против лидеров Громады.

Далее П. Антонович критично отзыается об «инсинуациях Шульгина» против КГО, равно как и о «публичных взрывах гнева» против КГО со стороны Юзефовича, оценивая все обвинения против Отдела как попытки сведения личных счетов. Не без лукавства он утверждал, что замечания о ключевой роли в Отделе бывшего ссыльного Чубинского не соответствуют действительности, поскольку тот человек не значительный и никому не известный, и напоминал, что среди основателей КГО были его сегодняшние хулители. «Как бы то ни было, Киевский Отдел Географического Общества находится под ближайшим покровительством Главного Начальника Края, который считает его заседания своим присутствием и вообще принимает в деятельности Отдела живое участие; поэтому трудно допустить, чтобы в этих условиях Отдел мог стать центром и опорным пунктом украинофильства в Киеве», — заключает Антонович эту часть своей записки.⁸⁰

Таким образом, после «ритуальной жертвы» в виде увольнения Драгоманова из университета, киевские власти заняли круговую оборону, стремясь защитить КГО и предотвратить более широкую кампанию персональных репрессий. Громада также предприняла шаги в русле этой тактики — 1 августа ее члены вышли из редакции «Киевского телеграфа» и прекратили, таким образом, полемику с «Киевлянином». В заявлении «от выходящих сотрудников» ни слова не говорилось о действительных причинах их поступка — оно было выдержано в самом лояльном духе, с выпадами против поляков как главного и единственного врага. Украина ни разу не поминалась, речь шла о Юге России. Лишь в призывае и далее обсуждать «славяно-русские вопросы с прогрессивно-народной точки зрения» слышался глухой намек на реальные обстоятельства.⁸¹

Влияния МНП было явно недостаточно, чтобы окончательно сломить сопротивление Дондукова-Корсакова. Именно в этой ситуации в начале августа 1876 г. Юзефович и написал шефу жандармов А. Л. Потапову.

⁸⁰ См.: Савченко Ф. Заборона... С. 70—73.

⁸¹ Киевский телеграф. 30.07.1875. № 90.

Глава 9

Эмский указ

27 августа 1875 г. начальник III отделения генерал-адъютант А. Л. Потапов подписал следующее письмо: «Государь император ввиду проявлений украинофильской деятельности и в особенности переводов и печатания учебников и молитвенников на малорусском языке, Высочайше повелеть соизволил учредить под председательством министра Внутренних Дел Совещание из министра Народного Просвещения, обер-прокурора Святейшего Синода, главного начальника III-го Отделения собственной его императорского величества Канцелярии и председателя Киевской Археологической Комиссии тайного советника Юзефовича для всестороннего обсуждения этого вопроса».¹ На следующий день оно было разослано А. Е. Тимашеву в МВД, Д. А. Толстому в МНП, К. П. Победоносцеву в Синод и Юзефовичу (по всей видимости, через Дондукова-Корсакова) в Киев.

Архивные дела Совещания не содержат документов, предшествовавших этому посланию.² Ясно, однако, что Юзефович писал Потапову, вероятно, в начале августа. Шеф жандармов, по всей видимости, вполне разделял взгляды своего корреспондента и, докладывая дело Александру II накануне состоявшейся в сентябре поездки царя в Киев, предложил включить Юзефовича в члены Совещания. (То обстоятельство, что комиссия, в которой председательствовал Юзефович в Киеве, названа в письме Археологической вместо Археографической, лишний раз доказывает, что Юзефович был включен в нее не «по должности».) В качестве главного пункта первоначального обвинения фигурировало издание украинских книг для народа, что было запрещено Валуевским циркуляром, который Александр II лично одобрил в 1863 г.

Сентябрь ушел на подготовку для Совещания двух записок экспертов. Первая по поручению Тимашева была составлена Главным Управ-

¹ РГИА, ф. 1282, оп. 1, ед. хр. 352. Л. 1. Опубликовано: Савченко Ф. Зaborона... С. 204.

² Два имеющих существенные отличия дела сохранились в архиве III отделения в ГАРФе и в архиве МВД в РГИА. Савченко смотрел только московский вариант. Целостного и последовательного описания процесса принятия решения об Эмском указе в книге Савченко нет, хотя почти все важные эпизоды им описаны.

лением по делам печати и доложена министру уже 3 октября.³ Документы не содержат имени ее автора, но он говорит о себе как о великороссе. В записке ГУП речь шла исключительно о языковой проблеме. Ситуация в Малороссии сравнивалась в записке с ситуацией в Бретани и южных департаментах Франции, где большинство населения говорило на *patois*. Записка подчеркивала, что нефранкоговорящие «далеко не составляют такого значительного процента в общем населении Франции, каким являются малоруссы в общем итоге Русского народа. Можно с полной безопасностью для целости России, — говорилось далее, — смотреть на возникновение литературы, например, у латышей, но допустить обособление, путем возведения украинского наречия в степень литературного языка, 13-ти миллионов малороссов было бы величайшою политической неосторожностью, особенно ввиду того объединительного движения, которое совершается по соседству с нами у германского племени».⁴ Далее записка говорила о роли Малороссии в русско-польском конфликте, напоминая, что Россия получила преобладание над Польшей «вследствие, главнейше, того, что от Польши к ней отошла Малороссия: если последняя отшатнется от нас опять к полякам, настоящее величие Русского государства будет поставлено на карту».⁵ Мотив триединой нации звучит здесь как бы походя, акцент делается на стратегическом значении Малороссии и демографическом весе малороссов в масштабе империи.⁶ Сепаратистские стремления украинофилов имплицитно трактуются в записке через призму «польской интриги», отпадение Малороссии от России понимается как переход ее на сторону Польши. В конце записи формулировался ряд рекомендаций об ограничениях публикации книг для народа на украинском и запрете импорта таковых из-за границы, которые впоследствии вошли в заключение Совещания.

Вторая записка была подготовлена Юзефовичем, который, вероятно, расширил и развел тот текст, который он в августе посыпал Потапову. Эта записка была готова только к середине октября, поскольку в ней упоминается о приеме в члены КГО С. Д. Носа и А. Я. Конисского, который состоялся 3 октября 1875 г.⁷ Юзефович

³ РГИА, ф. 1282, оп. 1, ед. хр. 352. Л. 2.

⁴ Там же. Л. 25 об—26 об. Замечание о несравненно более высоком проценте малоруссов в составе населения Российской империи по сравнению с говорящими на *patois* жителями Франции сильно преувеличено.

⁵ Там же. Л. 27 об.

⁶ Д. Саундерс считает, что демографический фактор был решающим при определении политики властей в украинском вопросе. См.: *Saunders D. Russia's Ukrainian Policy (1847–1905): A Demographic Approach // European History Quarterly. Vol. 25 (1995). P. 181–208.*

⁷ См.: Савченко Ф. Заборона... С. 272–273. Сам факт принятия Носа и Конисского в КГО уже был предосудителен, поскольку оба были членами второй «Земли и воли».

делал акцент на концепции триединой русской нации. Его текст начинался обширным историческим экскурсом, в котором доказывалось, что «между Русскими племенами никогда не было национальной розни. Вера, язык, исторические начала и идеалы — все у них общее. [...] Их этнографические цвета сливаются как радужные, неделимые между собою полосы. [...] Киев со своей общерусской святыней, Москва с общерусским царем служили такими звеньями нашего народного единства, которых не могла разорвать никакая внешняя сила».⁸ Вслед за патетической частью Юзефович переходил к истории украинофильства, характеризуя его исключительно как «измышление австро-польской интриги». В доказательство он подробно рассказывал историю обращения в украинофильство Кулиша поляком М. Грабовским, впоследствии министром просвещения Царства Польского при А. Велёпольском.⁹ Целью исторических трудов Костомарова Юзефович считал «подорвать у Малороссиян сочувствие к Русскому Государству унижением и опозорением его истории».¹⁰ Далее наступала очередь молодых украинофилов — главной мишенью служило КГО как организационный центр движения, Драгоманов и Чубинский как его лидеры. Записка просто дышала личной неприязнью автора к упоминавшимся персонажам, не останавливаясь перед такими «политическими» обвинениями, как «дерзкий характер».

Заключительный пассаж записи стремился эксплуатировать страхи, вызванные у властей «хождением в народ» 1874 г., и предрекал народный бунт в казацком стиле: «Старания демократов оживить предания и старые буйные инстинкты в народе здешнем как будто начинают уже вызывать с его стороны отклики. Не я один здесь думаю, что разбойничьи шайки, вооруженные, в масках, появляющиеся в крае, суть не что иное, как зачатки зарождающейся в современных умах гайдамачины».¹¹

Дальнейшие материалы Совещания показывают, что подробного анализа деятельности КГО и «Киевского телеграфа» не проводилось. Запросы об украинофилах, посланные Потаповым его подчиненным в Юго-Западном крае, также не дали богатых результатов. Лишь начальник Волынского губернского жандармского управления подполковник Бельский смог доставить шефу сколько-нибудь существенные сведения. В его донесении рассказывалось о деятельности некоего Лободовского, сына священника, служившего писарем в Райковской волости. Лободовский бесплатно раздавал крестьянам украинские книжки, каковые (154 экземпляра) были у них жандармами отобраны.¹² Список конфискованных книг, большинство которых составляли

⁸ См.: Савченко Ф. Заборона... С. 372—373.

⁹ Там же. С. 375.

¹⁰ Там же. С. 376.

¹¹ Там же. С. 380.

¹² ГАРФ, ф. 109, оп. 50, ед. хр. 85 (1875 г.). Л. 25—27 об.

произведения Шевченко, включал и перевод на украинский гоголевского «Тараса Бульбы», отмеченный еще в записке Юзефовича, поскольку в нем слова «русская земля, русский устраниены и заменены словами Украина, украинская земля, украинец, а в конце концов пророчески провозглашен даже свой будущий украинский Царь».¹³ Особенное значение этому эпизоду придавал тот факт, что Лободовского рекомендовал на службу голова местного съезда мировых судей П. А. Косач, женатый на сестре Драгоманова Ольге.¹⁴

Донесение Бельского датировано 3 апреля 1876 г. и пришлось как нельзя кстати, поскольку именно в апреле Совещание приступило к составлению журнала и выработке решений. Юзефовича на это время специально вызывали в Петербург, куда он и явился, не забыв похлопотать о выдаче ему «подъемных денег».¹⁵

Дополнительные сведения подготовило для Совещания ГУП. Часть выводов ГУП вошла в журнал Совещания в следующем виде: «Цензурное ведомство давно уже обратило внимание на появление в печати значительного числа книг, издаваемых на малорусском наречии, не заключающих в себе, по-видимому, ничего политического и врачающихся единственно в сфере интересов чисто научных и художественных. Но следя с особенным вниманием за направлением всех расплодившихся во множестве изданий для народа на малорусском наречии, нельзя было не прийти к положительному заключению в том, что вся литературная деятельность так называемых украинофилов должна быть отнесена к прикрытыму только благовидными формами посягательству на государственное единство и целость России. Центр этой преступной деятельности находится в настоящее время в Киеве. Стремление киевских украинофилов породить литературную рознь и, так сказать, обособиться от великорусской литературы, представляется опасным и потому еще, что совпадает с однородными стремлениями и деятельностью украинофилов в Галиции, постоянно толкующих о 15-миллионном южно-русском народе, как о чем-то совершенно отдельном от великорусского племени. Такой взгляд рано или поздно бросит галицких украинофилов, а затем и наших, в объятия поляков, не без основания усматривающих в стремлениях украинофилов движение в высшей степени полезное для их личных политических целей. Несомненным доказательством этому служит поддержка, оказываемая Галицкому украино-

¹³ Савченко Ф. Заборона... С. 379. Этот пассаж произвел впечатление на участников Совещания и упоминался затем в подготовленных документах. См.: РГИА, ф. 1282, оп. 1, ед. хр. 352. Л. 91.

¹⁴ Дочь П. А. Косача и О. П. Драгомановой (известной также под псевдонимом Олена Пчілка) прославилась впоследствии как поэтесса Леся Украинка.

¹⁵ ГАРФ, ф. 109, оп. 50, ед. хр. 85 (1875 г.). Л. 38.

фильскому обществу „Просвіта“ сеймом, в котором преобладает и господствует польское влияние.¹⁶

В книгах, изданных нашими украинофилами для народа с дозволения цензуры, не замечается явного демократического направления, но это вовсе не доказывает, чтобы украинофилы были чужды разрушительных начал социализма.

[...] Очевидна и та конечная цель, к которой направлены усилия украинофилов, пытающихся ныне обособить малоруссов медленным, но до известной степени верным путем обособления малорусской речи и литературы. Допустить создание особой простонародной литературы на украинском наречии значило бы положить прочное основание к развитию убеждения в возможности осуществить в будущем, хотя, может быть, и весьма отдаленном, отчужжение Украины от России. Относясь снисходительно к развивающемуся ныне пополнению обособить украинское наречие путем возведения его в степень языка литературного, правительство не имело бы никакого основания не допустить такого же обособления и для наречия Белоруссов, составляющих столь же значительное племя, как и Малороссы. Украина, Малороссия и Западная Россия, населенная Белоруссами, силою исторических событий и естественного тяготения окраин к соплеменному им великорусскому центру, составляют одно неразрывное и единое с Россией великое политическое тело».¹⁷ Эта пространная цитата показывает, что в своем понимании ситуации и идеологическом обосновании подготовленных решений Совещание почти буквально повторило тезисы Каткова от 1863 г. («польская интрига», угроза возникновения белорусского сепаратизма по образцу малорусского, языковое обособление как основа обособления политического) и ни на шаг не продвинулось дальше. Сомнения в правильности выбранной в 1863 г. тактики, свойственные в свое время даже Валуеву и очевидно разделявшиеся теперь Дондуковым-Корсаковым и другими достаточно высокопоставленными чиновниками, никакого отражения в выводах Совещания не нашли. Весьма показательно, что сам киевский генерал-губернатор даже не попытался изложить Совещанию своих взглядов на предмет, хотя знал о его работе. Это многое говорит о той атмосфере, в которой действовало Совещание, ведь неадекватность его решений была очевидна многим уже в момент их принятия. Совещание, по сути, не совещалось, не анализировало проблему, не искало пути ее решения, а готовило идеологическое обоснование для репрессий и служило полем для статусного соперничества участвовавших в нем министров. Далее мы увидим, что

¹⁶ «Просвіта» действительно получала от галицкого сейма регулярные субсидии — в это время часть польских политиков в Галиции начинает целенаправленно поддерживать так называемых народовцев, сторонников отдельной украинской идентичности, против москофилов, считавших галицких русинов частью большой русской нации.

¹⁷ Цит. по: Науменко В. До історії указу 1876 року про заборону українського письменства // Україна. Май. 1907. С. 141—145.

даже те участники этого тайного Совещания на уровне министров, которые были несогласны с некоторыми его решениями, предпочитали не выступать против них открыто, а пытались их заблокировать чисто бюрократическими методами. Впрочем, это была общая тенденция — Россия шла к первому массовому политическому процессу над народниками (процесс 193-х в 1877 г.), в основе которого также лежала идея репрессии как превентивной меры.

Проект решения, составленный Юзефовичем, был утвержден Совещанием 24 апреля 1876 г. Он состоял из 11 пунктов. Первые три были посвящены ограничению распространения литературы на украинском и предусматривали запрет ввоза такой литературы из-за границы, запрет публикаций на украинском в империи, за исключением исторических памятников и «изящной словесности», и то только по особому разрешению ГУП в каждом конкретном случае. Особо был подчеркнут запрет на «кулишовку», то есть предложенное Кулишем фонетическое правописание. Было отмечено, что должна соблюдаться «общерусская орфография», то есть запрещалось использование буквы «ї» вместо «й» и «і» перед согласной.¹⁸ Эти пункты практически повторили Валуевский циркуляр, более четко обозначив стремление противодействовать той инициированной Кулишем реформе орфографии, которая должна была усилить отличия формировавшегося украинского литературного языка от русского. Рамки запрета расширялись четвертым пунктом, возбранявшим сценические представления на украинском, «как имеющие в настоящее время характер украинофильских манифестаций».

Пункты 6, 7 и 8 относились к МНП. В них предлагалось не допускать преподавания на малорусском языке в школах, «очистить библиотеки всех низших и средних учебных заведений» от книг на малорусском, а также направлять преподавателей, окончивших курс в великорусских губерниях, на службу в Киевский, Харьковский и Одесский учебные округа, а их выпускников, в свою очередь, в другие округа.

5-й пункт проекта предлагал оказать финансовую поддержку львовской газете «Слово». (Подробнее об этом речь пойдет в особой главе.)

Наконец, пункты 6, 10 и 11 предполагали закрытие «Киевского телеграфа», закрытие «на неопределенный срок» КГО и высылку из края Чубинского и Драгоманова. Юзефович, разумеется, торжествовал — пришел час рассчитаться с обидчиками за все.

В журнале Совещания, подготовленном для представления Александру II, существенные изменения претерпели 4 пункта проекта Юзефовича. К запрету сценических представлений добавился запрет на публичные чтения на украинском и нелепый запрет на публикацию текстов к нотам. Пункт о тотальном переселении преподавателей, как заведомо невыполнимый, был отредактирован в том смысле, что переводу подлежали только неблагонадежные.

¹⁸ РГИА, ф. 1282, оп. 1, ед. хр. 352. Л. 66—67.

Но самые интересные изменения коснулись пунктов о запрете КГО и высылке Чубинского и Драгоманова. В экземпляре документов, который был у Тимашева, пункт о КГО аккуратно, так, чтобы легко было стереть в случае необходимости, перечеркнут карандашом.¹⁹ В журнале, который именно Тимашев готовил для царя, этот пункт уже сформулирован весьма расплывчато: «Предоставить министру внутренних дел войти с кем следует в сношения касательно деятельности и направления Киевского Отдела Императорского Русского Географического общества, а касательно членов оного Чубинского и Драгоманова представить особый всеподданнейший доклад». О высылке их из края ничего не говорилось.²⁰ Очевидно, что эти изменения были внесены министром внутренних дел по ходатайству патрона РГО в. кн. Константина Николаевича. Вероятно, за Драгоманова с Чубинским хлопотал и Дондуков-Корсаков. Именно последний мог сообщить Константину Николаевичу о планах Совещания, после чего тот и говорил с Тимашевым. Возможен и вариант, при котором сам Тимашев счел нужным поставить великого князя в известность об угрозе КГО. Трудно сказать, хотел ли Тимашев лишь оказать услугу великому князю или, имея за плечами опыт службы в Киеве,²¹ сам разделял взгляды Дондукова-Корсакова. Так или иначе, но он попытался спасти КГО и его лидеров.

«Смешна и печальна наивность, с которой мы полагаем, что, потолковав 3 или 4 часа и никогда ни в чем не столковавшись, мы сделали путное дело. Все наши силы потребляются бесплодно на это тарабарство. Поговорят, составят журнал, поднесут под высочайшее „исполнить“ — и только. Что же „исполняется“? Какие-нибудь отрывочные полумеры, сегодня в одном направлении, завтра в другом. Разношерстная упряжка плохо везет государственную телегу матушки России», — задолго до обсуждаемых событий записал в своем дневнике большой знаток русской бюрократии, в том числе и таких Совещаний и Комиссий, Валуев.²² Далее мы сможем убедиться, насколько справедливы все эти слова применительно к Совещанию об украинофильстве. Пока же обратим внимание лишь на фразу, которая описывает механизм действий: «Поговорят, составят журнал, поднесут под высочайшее „исполнить“». Председательствовавший в Совещании Тимашев в обычных обстоятельствах должен был контролировать обе заключительные стадии — составление журнала и «поднесение». В этом случае его план сработал бы гладко. Но на беду в апреле Александр II выехал за границу. Министр внутренних дел остался, разумеется, в империи. Тимашев мог попытаться оттянуть представление журнала царю до его возвращения, но он, вероятно, полагал, что главная угроза для его

¹⁹ РГИА, ф. 1282, оп. 1, ед. хр. 352. Л. 70.

²⁰ Там же. Л. 105—105 об.

²¹ Тимашев несколько лет прослужил в Киеве начальником штаба кавалерийского корпуса.

²² Дневник П. А. Валуева... Т. 2. М., 1961. С. 127.

плана исходит от Юзефовича, который оставался в Петербурге. В результате он допустил роковую ошибку, 11 мая отправив Потапову, сопровождавшему царя в Германии, сам журнал и записку с просьбой показать его Александру II.²³ Таким образом, Тимашев выпустил из-под своего контроля решающий акт «поднесения» журнала царю, что имело самые печальные последствия.

Потапов, похоже, былдержан на заседаниях Совещания, предоставив Юзефовичу «требовать крови», что и ввело в заблуждение Тимашева. Но в действительности шеф жандармов вполне разделял взгляды Юзефовича. Последний, впрочем, тоже не дремал. Перед отсылкой журнала Потапову Тимашев вынужден был дать его на подпись остальным членам комиссии, в том числе и Юзефовичу. 12 мая, уже на следующий день после отсылки журнала, Юзефович отправил Потапову письмо, в котором говорилось: «Подписав журнал о мероприятиях, определенных совещательным собранием для пресечения так называемого украинофильского движения в Киеве, считаю долгом не скрывать, а доложить вашему высокопревосходительству, что по глубокому моему убеждению все прочие меры не пособят делу окончательно, пока Киевский Отдел Географического общества будет продолжать существовать в своем нынешнем составе. Не смею отрицать уважительности особых соображений, побудивших отклонить предложенную мною меру о немедленном закрытии Отдела с тем, чтобы открыть его в новом составе, и не могу победить в себе опасение, что возлагаемая на министра Внутренних дел работа о его преобразовании, требующая сношений и переписки, затянет разрешение вопроса на долгий срок и отнимет у самой существенной охранительной меры то значение, которое ослабляется или усиливается медленностью или быстротою ее действия».²⁴

Ответ Потапова от 18 мая из г. Эмс так описывал события этого дня: «Получив обязательное письмо вашего превосходительства 12-го с. мая, я имел счастье повергнуть содержание оного, вместе с журналом нашего совещания на благовоззрение Государя императора, и е. и. в., удостоив одобрением все предложения относительно Киевского Отдела Императорского Географического Общества, соизволил собственоручно начертать резолюцию, согласную с мнением вашего превосходительства и моим».²⁵ Обратим внимание на слова «обязательное письмо». Они заставляют предположить, что план антитимашевских действий был согласован ими заранее, то есть Юзефович и должен был послать это письмо с тем, чтобы Потапов, продолжая играть роль беспристрастного посредника, мог «поднести» царю не только журнал, но и более радикальный проект решения. Само письмо Юзефовича, краткое, четко сформулированное и по форме весьма корректное в отношении их общего противника Тимашева, было рассчитано на то, что увидит его

²³ ГАРФ, ф. 109, оп. 50, ед. хр. 85 (1875 г.). Л. 56.

²⁴ Там же. Л. 57; Савченко Ф. Заборона... С. 94.

²⁵ ГАРФ, ф. 109, оп. 50, ед. хр. 85 (1875 г.). Л. 59.

не один Потапов. Это тем более вероятно, что далее в своем письме Потапов просил Юзефовича сохранять эту информацию «в совершенном секрете» до ее официального объявления. Похоже, он опасался, что Тимашев сможет предпринять какие-то ответные шаги. В письме самому министру внутренних дел от того же 18 мая Потапов опускает все подробности, сообщая лишь, что государь смотрел журнал и наложил резолюцию.²⁶

Резолюция Александра II звучала так: «Исполнить, но с тем, чтобы Отдел Географического Общества в Киеве в нынешнем его составе был закрыт и чтобы открытие его вновь не могло состояться иначе как с моего разрешения, по представлению мин. Вн. Дел». ²⁷ Саркастический оттенок придавало этой формуле то обстоятельство, что она была почти точно предсказана четырьмя годами ранее М. Е. Салтыковым-Щедриным. Предлагаемый одним из его героев проект реформирования «десиянс академии» наделял ее президента правом «некоторые науки временно прекращать, а ежели не заметит раскаяния, то отменять навсегда». ²⁸ Щедрин точно угадал и ход мысли членов Совещания: описанный им проект предлагал «прилежно испытывать обывателей, не заражены ли, и в случае открытия таковых, отсылать, для продолжения наук, в отдаленные и малонаселенные города», что вполне соответствовало указаниям Совещания в отношении преподавателей.

Любопытно, что в 1882 г., давая своеобразную периодизацию государственной деятельности Александра II, Валуев запишет в дневнике: «Нечто вроде систематического улучшения наступило в 1872 г. и продолжалось до 1874-го. Затем стали быстро возрастать утомление от дел правительственные, озабоченность делами частными и перемежающееся гальванизирование деятельности на политической международной почве, которое привело к странным капризам 1876 г.». ²⁹ Из нашей истории видно, что эта характеристика верна не только в отношении международных дел.

Окончательная версия выводов Совещания от 18 мая 1876 г., получившая в литературе название «Эмский указ» по месту подписания царем журнала Совещания, содержала пункт о закрытии КГО и немедленной высылке из Юго-Западного края Драгоманова и Чубинского. (На основании этого журнала составлялись затем секретные служебные инструкции. Строго говоря, выводы Совещания неверно называть указом, но мы не станем отступать от установившейся традиции. Полный текст Эмского указа см. в Приложении.) Остается разобраться с валуевским вопросом, что же и как «исполняется», а также представить реакцию на указ и его последствия.

²⁶ ГАРФ, ф. 109, оп. 50, ед. хр. 85 (1875 г.). Л. 58.

²⁷ Савченко Ф. Заборона... С. 93.

²⁸ См.: Салтыков-Щедрин М. Е. Дневник провинциала в Петербурге. М., 1986. С. 97.

²⁹ Валуев П. А. Дневник 1877—1884 гг. С. 192.

Глава 10

«Исполнение» Эмского указа

Первая попытка «отыграть назад» была сделана Тимашевым сразу же после получения окончательного варианта Эмского указа. Из документов неясно, какие именно шаги были предприняты. Но ясно, что они предпринимались, поскольку 27 мая товарищ (заместитель) министра внутренних дел кн. Н. А. Лобанов-Ростовский отправил своему шефу, находившемуся как раз в Киеве, секретную телеграмму: «Я полагаю приостановиться какими бы то ни было распоряжениями относительно Киевского Отдела впредь до получения сообщения Вашего Высокопревосходительства по сему предмету».¹ Вероятно, Лобанов-Ростовский был в курсе первоначальных планов Тимашева и теперь ждал, не удастся ли министру, а вернее всего, самому Константину Николаевичу убедить царя изменить решение. В телеграмме, которую сопровождавший Тимашева правитель канцелярии МВД Л. С. Маков отправил в Петербург своему заместителю С. С. Перфильеву 6 июня, говорилось: «Доложите князю, что господин министр просит приостановить исполнение по известному журналу Совещания до его возвращения».² Значит, Тимашев действительно ждал результатов каких-то неизвестных нам хлопот и, сознавая, что пауза затягивается, счел нужным подтвердить Лобанову-Ростовскому необходимость тянуть время. Только 6 июля, через полтора месяца после указа, распоряжение о закрытии КГО было передано киевскому гражданскому губернатору Гессе — все усилия спасти Отдел оказались тщетны.³ Дондуков-Корсаков уехал в это время из Киева, чтобы не участвовать в закрытии любимого детища.

Не менее интересные события происходили и с распоряжением о высылке из края Драгоманова и Чубинского.⁴ Драгоманов, слухи о грядущей высылке которого ходили с 1875 г., еще в феврале уехал за границу. Дондуков-Корсаков, к которому Драгоманов пришел просить паспорт, своей волей выдать его не мог, потому что Драгоманов состоял уже тогда под надзором полиции. Но генерал-губернатор отправил депешу Потапову, и тот 10 января подpisaал разрешение, а уже на сле-

¹ ГАРФ, ф. 109, оп. 50, ед. хр. 85 (1875 г.). Л. 120 об.

² Там же. Л. 133.

³ Там же. Л. 128

⁴ Им запрещалось жительство «в тех губерниях, где население сплошь или только частью принадлежит к Малорусскому племени (Киевской, Подольской, Волынской, Полтавской, Харьковской, Черниговской, Екатеринославской, Воронежской и Херсонской), равно и в столицах и столичных губерниях». Драгоманову запрещался также выезд за границу. РГИА, ф. 1282, оп. 1, ед. хр. 374. Л. 4.

дующий день канцелярия киевского генерал-губернатора с небывалой для русской бюрократии оперативностью выдала Драгоманову заграничный паспорт.⁵

Чубинского тоже в беде не бросили. 2 августа Дондуков-Корсаков отправил исполнявшему тогда обязанности министра внутренних дел Лобанову-Ростовскому пространное письмо с просьбой разрешить Чубинскому оставаться на полгода в Киеве в связи с тем, что тот «занят управляющим сахарного завода».⁶ Уже через неделю Лобанов-Ростовский сообщал о разрешении задержаться на 3 месяца. Хлопоты на этом не прекратились, и 26 ноября царь, оставив в силе решение о высылке, разрешил Чубинскому жить в столицах, что позволило ему из Киева сразу переехать в Петербург.⁷ Чубинский был принят на службу в Министерство путей сообщения, и в начале 1879 г. после настойчивых ходатайств министра путей сообщения адмирала К. Н. Посытта и с согласия нового киевского генерал-губернатора М. И. Черткова он смог вернуться на Украину.⁸ Тогда же, весной 1879 г., в должности мирового посредника был восстановлен и шурин Драгоманова П. А. Косач, но, по просьбе III отделения, не на прежнем месте в Новоградволынске, где у жандармов не было офицера для слежки, а в Луцке.⁹ Таким образом, персональные репрессии, вызванные Эмским указом, затронули весьма ограниченный круг людей и не были продолжительными.

Без сколько-нибудь заметного рвения исполнялись и предписания, касавшиеся епархии МНП. Впрочем, само министерство весьма рьяно, уже 15 июня, направило кураторам Киевского, Одесского и Харьковского учебных округов секретный циркуляр, содержащий параграфы 5 и 6 Эмского указа об устранении из школьных библиотек украинских книг и составлении поименных списков преподавателей с указанием «благонадежности их по отношению к украинофильским тенденциям». Однако уже на уровне кураторов округов энтузиазм испарялся. Куратор Киевского округа подготовил свой доклад только к 9 февраля 1877 г. П. Антонович сообщал, что директора гимназий и училищ округа охарактеризовали неблагонадежными 8 преподавателей. В своем докладе министру куратор настойчиво защищал всех, в части случаев доказывая, что обвинения неосновательны, в других — что украинофильские симпатии подозреваемых носят поверхностный характер.¹⁰ Пятеро из упомянутых преподавателей, в том числе братья П. и И. Житецкие, были поставлены перед выбором: принять предложенные им аналогичные должности в великорусских губерниях, самим найти себе место за пределами Малороссии или уволиться из МНП, если они хотят в Малороссии остаться. Судя по документам, Е. Дьяконенко принял предло-

⁵ Дорошкевич О. Листи М. П. Драгоманова до О. М. Пипіна... С. 93; Драгоманов М. П. Автобіографія // Былое. Июнь. 1906. С. 201—202.

⁶ РГИА, ф. 1282, оп. 1, ед. хр. 374. Л. 14—15 об.

⁷ Там же. Л. 31.

⁸ Там же. Л. 42; ГАРФ, ф. 109, оп. 50, ед. хр. 85 (1875 г.). Л. 113.

⁹ ГАРФ, ф. 109, оп. 50, ед. хр. 85 (1875 г.). Л. 122—123 об.

¹⁰ Савченко Ф. Заборона... С. 214—220.

женное ему место в Уфе, Т. Беленский сам нашел место в Баку, Н. Билинский уволился, П. Житецкий перешел на работу в военное ведомство. Последний после высылки Чубинского стал ключевой фигурой в Громаде. В Одесском округе был обнаружен один украинофил, который согласился на перевод в Тулу. Куратор Харьковского округа ответил, что неблагонадежных преподавателей не выявлено.¹¹

Что касается конфискации книг, то в архивах сохранились лишь два донесения из реальных училищ Киевского округа, в одном из которых было обнаружено пять книг на украинском, в другом две.¹² (Это лишнее свидетельство справедливости замечания Драгоманова, что введение украинского как единственного языка преподавания обрекало бы учеников на пищу св. Антония.)

В качестве еще одной иллюстрации к поведению в этот момент Дондукова-Корсакова отметим, что когда киевский гражданский губернатор Гессе обратился к нему 29 июля с запросом, не следует ли изъять из книжных лавок еще не распроданные украинские книги, изданные до указа, генерал-губернатор наложил резолюцию «Не отвечать».¹³

Наиболее длительный и серьезный административный эффект имели цензурные параграфы Эмского указа. С момента его принятия все издания на украинском языке должны были проходить через Главное Управление по делам печати. Секретное предписание, сообщавшее начальнику ГУП В. В. Григорьеву первые три пункта указа, относившиеся к цензуре, было получено 5 июня. Указ безусловно ужесточил цензурную политику по сравнению с началом 70-х гг., когда Валуевский циркуляр хоть и не был отменен, но на практике не применялся. Напомним, что беспрепятственное прохождение через цензуру в 1872 г. украинских популярных дешевых книжек для народа, которые как раз и запрещались циркуляром 1863 г., и послужило Драгоманову основанием для объявления антракта в развитии украинофильства окончательным. Антракт в цензурных гонениях оказался вдвое короче.

С июня 1876 г. рассмотрение всех рукописей на украинском было выделено ГУП в особое производство. Это архивное дело охватывает период до апреля 1880 г. и позволяет с точностью установить не только общий характер цензурных репрессий, но и их процентное соотношение к числу поданных рукописей.¹⁴ Эти подсчеты оказываются совсем небесполезны, поскольку дают весьма неожиданный результат. Итак, с июня 1876 по апрель 1880 г. в ГУП было представлено 53 заявки на издание на украинском языке или ввоз таковых из-за границы. Из них в той или иной степени были затронуты цензурными репрессиями 16 произведений. Из этого числа 4 были запрещены к ввозу в империю, а из 12 заявок на издание половина была отвергнута в целом, в остальных

¹¹ Савченко Ф. Заборона... С. 222—223.

¹² Савченко Ф. Заборона... С. 213.

¹³ Міяковський В. Ювлей Цензурного Акту 1876 року. С. 13.

¹⁴ РГИА, ф. 776, оп. 11, ед. хр. 61 а. 2-ое отделение ГУП. «По высочайшему повелению о недопущении к печати и распространению книг и брошюр на малороссийском наречии».

же были сделаны существенные цензурные изъятия. Среди 10 запрещенных к изданию или распространению в империи книг 3 пострадали по формальному признаку. Как перевод с русского не разрешили печатать «Мороз, Красный нос» Некрасова.¹⁵ Знаменитым стал случай со сборником украинских песен Н. В. Лысенко. Петербургский цензурный комитет, пересылая его в ГУП, полагал возможным разрешить распространение при изъятии четырех песен. Однако ГУП запретил сборник в соответствии с пунктом третьим Эмского указа, возбранявшим совместное печатание текстов и нот.¹⁶ Часто цензоры оговаривали разрешение на печать «непременным условием, чтобы не было допущено никаких отступлений от общерусского правописания».¹⁷

Здесь мы сталкиваемся с довольно тонким моментом. Ясно, что попытки регулировать внешним административным воздействием развитие того языка, существование которого в качестве литературного не только отрицается, но и подавляется, выглядят не просто репрессивными, но и ханжескими. Практика эта была, однако, типична по отношению к украинскому языку как со стороны властей Российской империи, так и со стороны польской администрации в Галиции, которая даже пыталась перевести его на латиницу. В обоих случаях в основе лежало стремление максимально сократить грамматические и орографические отличия от соответственно русского и польского и закрепить статус украинского как диалекта. И польская, и русская стороны воспринимали возрастание таких отличий не просто как отход от их языка, но дрейф в сторону врага. Было бы, однако, неверно вполне приравнивать запрет целенаправленно стремившейся к увеличению дистанции между русским и украинским кулишовки, которая к тому моменту была весьма влиятельна, но далеко не общепринята среди украинцев, к запрету языка как такового.¹⁸ То же цензурное ведомство давало, например, разъяснения, что за образец правописания должно быть принято «Собрание сочинений на малороссийском наречии» И. П. Котляревского (Киев, 1875), которого сами украинцы считали родоначальником современной украинской литературы.¹⁹

Таким образом, в общей сложности репрессиям подверглось 30 % представленных в цензуру сочинений: в 10 % сделаны изъятия, 20 % запрещены. Очевидно, что немалое число рукописей просто не пытались подавать в цензуру, многие сочинения сразу издавались за границей, какие-то вовсе не были написаны их потенциальным автора-

¹⁵ РГИА, ф. 776, оп. 11, ед. хр. 61а. Л. 30.

¹⁶ Там же. Л. 77. Уже в 1880 г. именно этот случай, обнажавший всю нелепость некоторых пунктов Указа, стал поводом для выступления киевского генерал-губернатора в пользу его пересмотра.

¹⁷ Там же. Л. 41.

¹⁸ Дж. Шевелев упоминает о двух больших «лингвистических дискуссиях» среди самих украинцев в 1891—1893 и 1907—1912 гг. Shevelov G. Y. Evolution of the Ukrainian Literary Language // Ivan L. Rudnytsky (ed.) Rethinking Ukrainian History. Edmonton, 1981. P. 225.

¹⁹ РГИА, ф. 776, оп. 11, ед. хр. 61а. Л. 41 об.

ми, не надеявшимися получить разрешение на издание, а значит, и гонорар. В то же время, если верны подсчеты Д. Балмута, сообщающего, что в 1896 г. Киевский цензурный комитет запретил 42 % украинских сочинений,²⁰ конец 70-х не был самым свирепым периодом в цензурной политике по отношению к украинским публикациям.

Оговоримся, что духовная цензура поняла Эмский указ как запрет любых сочинений на украинском. Запрошенный о возможности ввоза в Россию изданного во Львове «Жития мучеников Бориса и Глеба» комитет духовной цензуры ответил: «Хотя по содержанию своему означенная брошюра безукоризненна, но, как написанная на малорусском наречии, не может быть допущена к обращению в пределах Империи». Комитет иностранной цензуры, не удовлетворившись этим решением, обратился в ГУП, и не напрасно. ГУП постановило, что раз издание «напечатано кириллицей, то не только следует пропустить брошюру, а радоваться, что в Галичине партия, противная украинофилам, издает книги, печатая их церковным шрифтом».²¹ Таким образом, оспорив неверную аргументацию духовной цензуры, ГУП отменило решение, которое в действительности соответствовало указу, потому что речь шла о недорогой брошюре для народного чтения, каковые указ запрещал.

Всеми органами, которых касался Эмский указ, он исполнялся без рвения. В определенном смысле здесь верна знаменитая фраза о том, что суровость российских законов смягчалась небрежностью их исполнения. Целый ряд высокопоставленных чиновников, включая министра внутренних дел, его заместителя, киевского генерал-губернатора, попечителя Киевского учебного округа, целенаправленно стремились смягчить сам указ или его исполнение. С большой вероятностью можно предположить, что шаги в этом направлении предпринимал и в. кн. Константин Николаевич. Никто из них не разделял украинофильских идей. У нас нет оснований, чтобы судить, были ли Тимашев и Лобанов-Ростовский принципиальными противниками указа или делали это из стремления угодить великому князю. Но определенно можно утверждать, что Дондуков-Корсаков и П. Антонович были убежденными сторонниками более гибкой политики в украинском вопросе. Указ, без сомнения, был уникальной по своему характеру и длительности действия ряда статей репрессивной мерой в национальной политике Российской империи. (Цензурные запреты, лишь отчасти смягченные, просуществовали до 1905 г. В 1896—1900 гг. Киевский цензурный комитет ежегодно запрещал не менее 15 % украинских изданий, что было существенно выше его «нормы» по другим языкам, которая не превышала 2 %.²²) Но, toute proportions garde, неверно характеризовать указ как тотальный «запрет украинства», что характерно не только для Савченко, вынесшего это определение в заголовок своей книги, но и для более поздней историографии.

²⁰ Balmuth D. Censorship in Russia, 1865—1905. University Press of America, Washington, 1979. P. 215.

²¹ Науменко В. Найближчі відгуки указа 1876 р. про заборону українського письменства // Украина. Йюнь 1907. С. 249—250.

²² Balmuth D. Censorship in Russia... P. 126.

Глава 11

Последствия Эмского указа

В деле Совещания об украинофильстве, которое вела канцелярия III отделения, сохранилось датированное 4 сентября 1876 г. неподписанное донесение. Оно совершенно недвусмысленно описывало впечатление, произведенное в Киеве Эмским указом: «Прибывшие после каникул из Малороссии студенты рассказывают, что там сильное неудовольствие местной интеллигенции возбудило известное правительственные распоряжение, воспретившее пьесы и издания на малороссийском языке. Результатом этого запрещения было то, что почти во всех помещичьих семействах женщины начали носить национальный костюм (малороссийские рубашки), который давно уже не был в употреблении. Профессора Драгоманова называют главным виновником происшедшего, и он приобрел огромную популярность в Малороссии, особенно в Киеве. Утверждают, что он переселяется в Австрию, чтобы издавать там украинофильский журнал».¹

Помимо волны негативных эмоций указ вызвал и ряд долговременных отрицательных — с точки зрения правительственный интересов — последствий. Вся украинофильская культурная активность приобрела теперь характер символических манифестаций и притягательные свойства запретного плода. Издательская деятельность переместилась за границу, в Галицию и Женеву, где обосновался Драгоманов. Туда же направлялись и деньги, которые Громада активно собирала в Юго-Западном крае.² Постепенно Галиция превратилась в украинский культурный Пьемонт, надежно защищенный австрийской границей от влияния Петербурга. Указ подрывал и позиции прорусски ориентированных галицийских русинов, которых правительство собиралось поддерживать предусмотренными в указе тайными субсидиями «Слову».

Можно сказать, что правительство в очередной раз «наступило на грабли». Совсем недавно, по свежим следам польского восстания, ви-

¹ ГАРФ, ф. 109, оп. 50, ед. хр. 85. Л. 92.

² Весной 1877 новый киевский генерал-губернатор Чертков специально доносил в III отделение, что Громада под руководством П. Житецкого собирает средства для женевских изданий Драгоманова. ГАРФ, ф. 109, оп. 50, ед. хр. 85. Л. 106.

ленские генерал-губернаторы М. Н. Муравьев и К. П. фон Кауфман в своих попытках пресечь распространение польской книги в Западном крае не останавливались даже перед уничтожением латинских шрифтов в типографиях. Результатом стала массовая контрабанда польских книг из Галиции и Царства Польского, так что запрет издавать и продавать польские книги в северо-западных губерниях уже в 1869 г. пришлось отменить.³ Нетрудно было догадаться, что при наличии украинской издательской базы в Галиции, а об этом шла речь даже в материалах самого совещания, Эмский указ приведет к аналогичным результатам. Вряд ли кто-то из участников Совещания смог бы внятно объяснить и то, каким образом запланированные репрессии должны были предотвратить сближение украинофилов с субсидировавшими украинофильскую деятельность в Галиции поляками, что так беспокоило Петербург.

Весьма показательна реакция на Эмский указ галицийской прессы. Польская «Газета Народова» с удовольствием использовала ситуацию для пропаганды идеи польско-украинского союза против России. Подчеркнув, что «руський народ [...] никогда не растворится в монголизме», газета делала однозначный и желанный для себя вывод: «Быть русином и быть в добрых отношениях с Москвой более невозможного». Тут же давались практические рекомендации: «Кто может запретить заграничным русинам писать и печатать, обходя цензуру, или ввозить чисто русские произведения из-за границы без разрешения правительства? Временно этот удар будет сильным для русинов — но в конечном счете благотворным. [...] Сомневающиеся превратятся в фанатиков, слабаки станут способны творить чудеса. Как пожар, как штурм, национальные преследования вызывают чудодейственное самопожертвование. Дети станут героями, рассудительные мужи будут жаждать пальмы мученичества [...] Верным галицким русинам не нужно говорить, что им теперь нужно делать!»⁴

Позиция органа галицийских украинофилов «Правды» существенно отличалась от позиции польской газеты. В своей редакционной статье «Правда» сразу же называла Эмский указ «российской Голуховциной», напоминая тем самым об аналогичных мерах польской администрации Галиции во главе с А. Голуховским в конце 50-х — начале 60-х гг. и демонстрируя откровенное нежелание бросаться в объятия поляков. Газета настойчиво подчеркивала, что считает указ плодом интриги «киевских доносчиков *a la Юзефович*» и что «если бы российское правительство оценило и поняло украинский вопрос с его серьезной стороны и скинуло с глаз стекла, закопченные доносами киевских брехунов,

³ См.: Самбук С. М. Политика царизма в Белоруссии во второй половине XIX в. Минск. 1980. С. 89.

⁴ Narodowa G. 15.07.1876. № 161. Цит. по: Солчаник Р. Lex Jusephovicia 1876. З приводу 100-ліття заборони українства // Сучасність. 1976. № 5. С. 47.

тогда оно поняло бы живую правду: главные враги России и есть эти доносчики на украинский сепаратизм». «Правда» писала, что «вся просвещенная Россия, вся Славянщина, вся Европа станет на сторону русского народа против правительенного насилия», и даже выражала надежду, что правительство одумается. Очевидно, что газета даже после указа еще продолжала определенное время ту умеренную линию, которую рекомендовал ей Драгоманов в 1873 г. Вместе с тем практические выводы из сложившейся ситуации неизбежно совпадали с выводами «Газеты Народовой»: «Теперь Галичина должна повести дальше великое и святое дело народного возрождения [...] Там, где решается вопрос жизни нашей народности, там наверняка не будет между галицкими русинами никаких партий, никаких противоречий».⁵

Неуклюжесть и контрпродуктивность Эмского указа становятся особенно очевидны, если оценить те перечеркнутые им перспективы, которые открывала более гибкая тактика Дондукова-Корсакова. Итак, изначальный расчет киевского генерал-губернатора, что украинофилы будут дорожить предоставленными им легальными возможностями и преобладание получит умеренная ориентация, оказался верен. В 1872—1873 гг. Драгоманов призывал к сдержанности галицийских украинофилов, настаивая на приоритете легальной украинофильской деятельности в Киеве. Он выступал за параллельное использование украинского и русского в начальной школе, подчеркивая полезность изучения русского языка. Будущее Украины, по крайней мере на достаточно длительную перспективу, Драгоманов видел в федеративном союзе с Россией. Эта позиция объяснялась далеко не только пониманием недостижимости независимости в современных ему условиях — Драгоманов говорил о наличии общих интересов как в совместной с русскими работе по реформированию России, так и в совместной колонизации малонаселенных пространств Сибири, Урала и Дальнего Востока. Среди лидеров украинофилов эта тенденция выражена не только Драгомановым — напомним о неизменной осторожности Антоновича, о претензиях некоторых членов Громады к Чубинскому за его слишком верноподданнические декларации. При этом неверно думать, что большинство рядовых участников движения были более радикальны. Позднее Драгоманов, не склонный вспоминать, что сам был тогда настроен весьма умеренно, писал, что ему после возвращения из-за границы в 1873 г. не понравилась в киевских украинофилах «уступчивость официальному миру и заигрывание с консервативными кругами, а в молодежи даже вражда к „радикалам“, как тогда звали социалистов».⁶ Например, член КГО и Громады

⁵ Правда. 31.07.1876. № 13—14. С. 500—505. Цит. по: Солчаник Р. Lex Jusephovicia 1876. З приводу 100-ліття заборони українства... С. 48—53.

⁶ Драгоманов М. П. Автобиография // Былое. Июнь. 1906. С. 197.

А. Ф. Кистяковский противопоставляет тогдашнее умеренное, позитивистски ориентированное украинофильство романтическому радикализму «Основы» в еще более сильных выражениях, чем Драгоманов в его работах первой половины 70-х гг. Вот что писал Кистяковский в своем дневнике 18 апреля 1876 г.: «Я лет 8—9 как перестал быть украинофилом политического оттенка. У меня давно выдохся украинский фанатизм 62, 63, 64 годов и я стал к малороссийскому вопросу относиться с холодным расчетом, оставаясь преданным народу, но убедившись в тщете политических переворотов».⁷ Хотя эта позитивистская ориентация разделялась не всеми украинофилами, но авторитет Драгоманова и других умеренных лидеров, а также те реальные возможности, которые были открыты для такой деятельности Дондуковым-Корсаковым, приглушали более радикальные настроения.

Такая ситуация давала правительству широкое пространство для маневра. Оно могло использовать отдельные запреты и частные репрессивные меры против наиболее опасных, с его точки зрения, мероприятий украинофилов, заодно и поддерживая в хорошей форме того «внутреннего цензора», те самими украинофилами налагаемые ограничения, к которым призывал Драгоманов. Но все это было возможно только при сохранении достаточно значимых легальных возможностей для украинофильской культурной деятельности, дабы украинофилам было что терять. Это позволяло также оставлять главную часть украинофильской активности и финансовых ресурсов в сфере, контролируемой властями, — то есть сохранять приоритет Киева по отношению ко Львову.

Что могла принести такая ситуация в длительной перспективе? При всей неспособности правительства организовать мощное ассимиляторское давление через систему образования именно в 70-е гг. начинает проявляться действие некоторых других, косвенных механизмов, способствующих ассимиляционным процессам.

С 1865 по 1875 г. железнодорожная сеть на Украине выросла более чем втрое. Было построено 12 тыс. км железных дорог, в том числе соединивших Москву с Севастополем и с Одессой через Киев. Именно в это время начался активный рост городов. В 1860 г. население Киева составляло 55 тыс. (увеличившись с 1840 г. лишь на 10 тыс.), Харькова 50, а Одессы 112 тыс. человек. К 1874 г. численность киевлян составляла 127 тыс., Харьков к 1881 г. вырос до 128 тыс., а Одесса до 220. Чтобы лучше оценить темпы роста в российской части Украины, скажем, что Львов, с 70 тыс. уступавший в 1860 г. только Одессе, к началу 80-х со 100 тыс. уже заметно отставал от Киева и Харькова.⁸ В то же время и во второй половине XIX в. Россия продолжала

⁷ Савченко Ф. Заборона... С. IX—X.

⁸ См.: Herlihy P. Ukrainian Cities in the Nineteenth Century // Ivan L. Rudnytsky. Rethinking Ukrainian History. Edmonton, 1981. P. 136—137.

катастрофически отставать по уровню урбанизации от ведущих европейских стран: даже в 1890 г. процент городского населения составлял 12,5, в то время как в Германии 47 %, во Франции 37,4 %, даже в Австро-Венгрии 32,5 %, не говоря уже о Великобритании — 72 %.⁹

Статистические данные прошлого века плохо приспособлены для того, чтобы проследить взаимосвязь урбанизации и ассимиляции на Украине. Лишь проведенная КГО в Киеве в 1874 г. однодневная перепись была спланирована так, что давала материал для относительно точных оценок. В переписи был вопрос о родном языке, причем предлагалось делать выбор между «общерусским», то есть литературным русским, и «его наречиями» — великорусским, малорусским и белорусским. В общей сложности «русский или его наречия» назвали родными 80 % киевлян. Из этого числа 49,32 % выбрали литературный русский, 39,26 — малорусское наречие, 9,91 — великорусское и 1,51 % белорусское.¹⁰ Ясно, что 11,42 %, назвавших родным языком великорусское и белорусское наречия, — мигранты из низших социальных слоев. По данным переписи, уроженцы Украины составляли почти 74 % населения города, и они составили подавляющее большинство среди тех 49 %, которые назвали литературный русский родным, поскольку всего «уроженцев Московщины» среди киевлян было менее 17 тысяч, или 21,5 %. Анализируя эти данные, Драгоманов, один из организаторов переписи, прямо признавался, что процент украиноговорящих был бы еще ниже, если бы спрашивали не о родном, а о привычном языке.¹¹ Собственно, сами украинофилы, наверняка отмечавшие в переписи родным языком украинский, совершали идеологический выбор. Дело не только в том, что все они свободно владели русским. Вспомним, что дневники, то есть наиболее интимные, непосредственные записи, не только Шевченко, но и многие члены Громады 70-х гг. вели по-русски! Кстати, весьма сомнительного качества украинофильские стихи с осуждением Эмского указа («безвинно изгнан Драгоманов/ и Малороссии сыны/ сыны народа хлопоманы/ разогнаны, поражены» и т. д.), циркулировавшие в Киеве летом 1876 г., также были написаны по-русски.¹² «Что же будет, — спрашивал Драгоманов в 1878 г., думая об этой ассимиляционной тенденции, — если города на Украине совсем отделятся от украинских сел и своим просвещением, и неукраинским языком?»¹³

Другой важный проассимиляторский фактор, включившийся с 1874 г., — всеобщая воинская повинность. С этого момента до начала XX в. число выучившихся грамоте в армии превысило полтора мил-

⁹ См.: Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XIX в.). Т. 2. СПб., 1999. Табл. 4. С. 381.

¹⁰ Киевский телеграф. 30.03.1875. № 39.

¹¹ Драгоманів М. Шевченко, українофіли й соціалізм. С. 145.

¹² Савченко Ф. Заборона... С. 226.

¹³ Драгоманів М. Шевченко, українофіли й соціалізм. С. 147.

лиона человек, среди них заметное число составляли, разумеется, призывники с Украины.

Наконец, отметим очень важную потенциальную возможность, которую правительство в XIX в. не потрудилось реализовать. Если в Великороссии 95 % крестьян состояло в общинах, то на Украине таких было 30 % на левом и лишь 15 % на правом берегу Днепра.¹⁴ Это значит, что уже с отменой крепостного права, а не со столыпинской реформы, как великорусские крестьяне, то есть на 30 лет раньше, они могли быть вовлечены в переселенческие процессы. Это было особенно важно из-за привязанности малорусского крестьянства к сельскому укладу жизни, его нежелания уходить в город. Впрочем, П. Воробый замечает, что широко распространенное мнение будто украинский крестьянин крайне неохотно шел в город — преувеличено, и для рассматриваемого периода город просто не создавал достаточно рабочих мест, которые могли быть заняты выходцами из деревни.¹⁵

Как бы то ни было, стремление переехать на свободные земли в Сибири, на Урале и на Дальнем Востоке было весьма распространено, тем более что после реформы 1861 г. крестьянское землепользование на плодородной Украине сократилось на треть. В начале XX в., в рамках недолго действовавшей столыпинской программы, таких переселенцев было много. В Северном Казахстане, например, украинцев (малоруссов) не было вовсе в 1858 г. К концу века там жило уже около ста тысяч украинцев, а к 1917 г., после того как заработала столыпинская программа, численность украинцев в Казахстане превысила 789 тысяч человек. Сходная тенденция прослеживается и в других Зауральских регионах. В 1858 г. украинцев там практически не было, переписи 1897—1900 г. дают 137 тыс. в Западной Сибири, 25 тыс. в Восточной Сибири и 61 тыс. на Дальнем Востоке. К 1917 г. число украинцев в Западной Сибири подскочило до 375 тыс., в Восточной Сибири до 96 тыс., а на Дальнем Востоке до 427 тыс. В Нижнем Поволжье (Самарская, Саратовская и Астраханская губернии) число украинцев в 1917 г. превысило 545 тыс. Таким образом, в 1917 г. в регионах, не прилегающих непосредственно к территории их сплошного этнического расселения, украинцев жило почти 2,5 миллиона.¹⁶ Подавляющее их большинство (более 90 %) составляли крестьяне.¹⁷ Переселенцы долго сохраняли культурные и языковые

¹⁴ См.: Bihl W. Aufgegangen in Grossreichen: Die Ukraine als österreichische und russische Provinz // Frank Golchewski (Hrsg.) Geschichte der Ukraine. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 1993. S. 149.

¹⁵ Worobiy P. The Role of the City in Ukrainian History // Ivan L. Rudnytsky. (ed.) Rethinking Ukrainian History. Edmonton, 1981. P. 207.

¹⁶ См.: Брук С. И., Кабузан В. М. Численность и расселение украинского этноса в XVIII — начале XX в. // Советская этнография. 1981. № 5. Таблица 3. С. 20—21.

¹⁷ Kappeler A. Chochly und Kleinrussen: Die ukrainische ländliche und städtische Diaspora in Russland vor 1917 // Jahrbucher für Geschichte

особенности, но как ресурс для украинской националистической политики эти жители Дальнего Востока или Оренбуржья были в массе своей потеряны. Во время переписи 1926 г. уже половина выходцев с Украины, живших на Дальнем Востоке, указывали русский как свой родной язык.¹⁸

Кроме того, в прилегающих к современной Восточной Украине Тамбовской, Курской, Воронежской и Орловской губерниях численность украинцев в 1917 г. составляла почти 2 млн, еще без малого 2 млн жили в Терской области и на Кубани и Ставрополье.¹⁹ Многие из этих людей не были «свежими» переселенцами, но проживание в «смешанных» регионах также ускоряло ассимиляционные процессы. С. И. Брук и В. М. Кабузан подчеркивают, что процесс ассимиляции украинцев активно развивался не только в отдаленных районах, но даже в ряде регионов современной Украины, где было много выходцев из великорусских областей. (В Новороссии доля украинцев, во многом благодаря ассимиляционным процессам, сократилась с 52,5 % в 1755 г. до 41,3 в 1917-м.²⁰) Всего, по их подсчетам, во второй половине XIX в. «обрусели» (здесь понятие «русский» используется как равное понятию «великорусский») 1,5 млн украинцев, так что даже при более высокой, чем у великоруссов, рождаемости уже в первые десятилетия XX в. наметилась тенденция к снижению доли украинцев в составе населения империи (с 17,5 % в 1897 г. до 17,3 % в 1917-м.²¹)

Однак, в своем стремлении сохранить преобладание православного и, как тогда считалось, русского населения над поляками власти не поощряли желание страдавших от земельного голода крестьян Украины и Белоруссии переселиться на свободные земли в других регионах империи. В 1879 г. губернаторам Западного края был даже разослан специальный секретный циркуляр, предписывавший не допускать самовольных переселений.²² В отчете сенатора Половцова о ревизии Черниговской губернии в 1880 г. отмечалось «довольно сильное стремление крестьян к переселению» и тут же говорилось о мерах «для уменьшения вредных последствий» этого обстоятельства.²³ Наконец, летом 1881 г. правительство приняло «Временные правила о пересе-

Osteuropas. 45 (1997). Н. 1. С. 48—63. Всего же по переписи 1926 г. на территории РСФСР жило более 7 млн украинцев.

¹⁸ Там же. С. 58.

¹⁹ Брук С. И., Кабузан В. М. Численность и расселение украинского этноса... Таблица 4. С. 23.

²⁰ Там же. С. 24.

²¹ Там же. С. 26, 30.

²² РО РНБ, ф. 600, ед. хр. 1333. Л. 28—28 об.

²³ Beauvois D. Walka o ziemie. 1863—1914. С. 281; Самбуц С. М. Политика царизма в Белоруссии во второй половине XIX в. С. 154.

лении крестьян на свободные земли». Документ этот, однако, не опубликовали и крестьянам о нем ничего не сообщили, дабы не спровоцировать массового переселенческого движения.²⁴

Как бы нерасторопно ни было правительство, ассимиляционные процессы нарастали до первой мировой войны. Когда исследователь городов Украины С. Гутье говорит, что накануне войны из 16 городов Украины с населением более 50 тыс. человек только в Полтаве украинцы составляли большинство, он на самом деле имеет в виду, что только в Полтаве большинство называло родным языком малорусский. По данным переписи 1897 г. более 80 % населения городов Украины были уроженцами той губернии, где находился город.²⁵ Этот процент будет еще выше, если учесть выходцев из соседних украинских губерний. Статистика не позволяет выявить количество ассимилированных в русскую культуру уроженцев Украины, но сам Гутье признает, что ассимиляционные процессы шли весьма активно.²⁶

Между прочим, Гутье сообщает интересные данные о развитии украинской прессы после того, как запреты на украинские издания были отменены в ходе революции 1905 г. «К 1906, — пишет он, — практически каждый город имел свою украинскую газету. Однако к 1908 г. в результате преследований со стороны властей и финансовых трудностей осталась лишь одна ежедневная газета „Рада“ в Киеве».²⁷ Среди причин на первое место вернее будет поставить финансовые трудности. Известно, что гонения на русскоязычные издания не были слабее, но ничего даже отдаленно напоминающего коллапс украиноязычной прессы не произошло. В начале XX в. большинство украинских изданий повторило судьбу «Основы», которая смогла продержаться на выданные родственником Белозерского Катениным 20 тыс. руб. без малого два года.²⁸ Конкуренция с русскими изданиями, деньги, рынок — эти факторы даже в начале XX в. работали против украиноязычной прессы, что тем более верно для прошлого века.

Очевидно, что в условиях капиталистического развития, при ясно выраженном русском культурном облике городов Украины, при сохранении русского как языка предпринимательства, как языка администрации, государственного среднего и высшего образования (здесь правительство могло держаться твердо), даже частичная реализация драгомановской программы в виде допущения украинского в негосу-

²⁴ Зайончковский П. А. Кризис самодержавия на рубеже 1870—1888-х гг. С. 425.

²⁵ Worobiy P. The Role of the City in Ukrainian History... P. 208.

²⁶ Guthier S. L. Ukrainian Cities during the Revolution and the Interwar Era // Ivan L. Rudnytsky. (ed.) Rethinking Ukrainian History. Edmonton, 1981. P. 157—159.

²⁷ Guthier S. L. Ukrainian Cities... P. 159.

²⁸ Бернштейн М. Д. Журнал «Основа» і український літературний процес кінця 50—60-х років XIX ст... С. 191.

дарственную начальную школу вместе с русским, а не вместо него, вовсе не вела к тем последствиям, которые рисовал вдохновитель Эмского указа Юзефович. Вытеснения русского не произошло бы, он оставался бы языком администрации, экономического и карьерного успеха, языком массовой коммуникации. Оговоримся, что Дондуков-Корсаков совсем не предполагал идти на столь серьезные уступки и готов был лишь допустить употребление украинского в первом классе начальной школы для объяснения непонятных русских слов.

Тактика Дондукова-Корсакова предполагала отказ от ориентации на французский вариант тотальной ассимиляции, для которого у правительства не было ни сил, ни средств, ни настойчивости и умения, ни исторического времени. На смену французскому проекту приходил бы англо-шотландский. Особая идентичность более бы не отрицалась как пережиток прошлого, украинские языки и культура получили бы определенные права, но в рамках большой русской общности, с сохранением за русским той же роли, которую играл английский в Великобритании. В начале XX в. такая позиция уже представлялась вполне приемлемой самим убежденным русским националистам: «Все русские разных оттенков должны уметь говорить, читать и писать по-русски, — но никогда никто не может иметь ничего и против того, чтобы малороссы умели говорить, читать и писать на своем наречии, а белоруссы — на своем. Костюм, нравы и обычаи Малороссии и Белоруссии иные, чем в России, но они им сродны, а потому должны быть всюду и при всех условиях допустимы».²⁹ В начале XX в. это понимали уже и при дворе. В феврале 1903 г. на костюмированном бале в Зимнем дворце, посвященном России XVII в., наряду с великорусскими было немало и малорусских костюмов. В. кн. Дмитрий Константинович был одет в костюм полковника Сумского слободского полка, в. кн. Михаил Николаевич — в костюм атамана запорожских казаков, гр. В. Д. Воронцова-Дашкова в костюм малорусской казачки, а министр двора В. Б. Фредерикс щеголял в костюме, скопированном с портрета Б. Хмельницкого.³⁰ Дондуков-Корсаков пытался действовать в этом духе на 40 лет раньше, в самом начале спурта русского капитализма, и это давало его политике большие потенциальные преимущества.

Успех или неудача этого проекта в длительной перспективе зависели бы от устойчивости экономического и политического развития России. Трудно судить, был ли Дондуков-Корсаков сторонником конституционных реформ в России. Во всяком случае, Болгария, где он с марта 1878 г. в качестве русского комиссара возглавлял оккупаци-

²⁹ Ковалевский П. И. Национализм и национальное воспитание в России. Нью-Йорк, 1922. (Перепечатка с 3-го издания — СПб., 1912.) С. 124.

³⁰ Таким образом, ошибается С. Величенко, когда утверждает, что единственная попытка использовать малорусский костюм была предпринята Николаем I в 1827 г. (Velychenko S. Empire Loyalism... Р. 436.)

онное правительство, получила весьма либеральную конституцию. Драгоманов на конституционные реформы в России надеялся, но перспективы украинофильства в случае их проведения оценивал в том же 1878 г. отнюдь не оптимистически: «Конституция в России даст свободу украинской работе... Только эта же конституция даст еще большую свободу и силу московским людям, и они, наверняка, поведут свое дело так, что потянут за собой множество помосковленных (т. е. ассилированных. — A. M.) людей и на Украине. Некоторое время украинство не погибнет, но станет снова „провинциальным родственником“, прихвостнем». ³¹

С. Величенко, опубликовавший недавно статью, в которой сравнивается политика английских властей в отношении Шотландии и политика российских в отношении Украины, считает, что разные результаты объясняются прежде всего отсутствием власти закона и неразвитостью гражданских институтов в Российской империи.³² Всякое выделение одного обстоятельства, как решающего, в ситуации, где действовал целый ряд факторов, может быть оспорено. Но не приходится отрицать его важное значение.

Правительство, и прежде всего сам царь, оказались неспособны верно оценить ситуацию, понять преимущества тактики Дондукова-Корсакова. Применительно к этому эпизоду верно сделанное по другому поводу замечание Валуева: «Свойственная у нас многим, и весьма многим, умственная лень постоянно предрасполагает к выбору простых и потому вообще грубых средств для достижения правительственные целей. Нет ничего проще, чем положиться на одну силу вместо нескольких». ³³ Действуя по шаблону сатирических героев Щедрина, Александр II подписал Эмский указ, ставший очередным свидетельством того, что история России может быть рассказана как история плохого управления и его последствий.

³¹ Драгоманів М. Шевченко, українофіли й соціалізм. С. 157.

³² Velychenko S. Empire Loyalism and Minority Nationalism in Great Britain and Imperial Russia... Р. 438—439.

³³ Валуев П. А. Дневник 1877—1884 гг. Пг., 1919. С. 61—62.

Глава 12

Субсидия газете «Слово» Галицийские русины в политике Петербурга

Отдельного обсуждения заслуживает пункт Эмского указа, касавшийся оказания финансовой поддержки издававшейся во Львове газете «Слово». Это была первая попытка властей систематически влиять на галицийских русинов, хотя борьба Вены, Петербурга и поляков за умы и души жителей Восточной Галиции или, как нередко предпочитали говорить в Москве и Петербурге, Червонной Руси шла уже давно.

В ходе революции 1848 г. при поддержке австрийского губернатора Галиции Ф. Стадиона в противовес активизации польского национального движения были созданы Головна Руська Рада и львовская Матица. Чуть позже, в 1849 г., марш через Галицию бесконечных николаевских полков, отправлявшихся подавлять венгерскую революцию, оставил глубокий след в умах местного населения. «Русское вмешательство в венгерскую кампанию надолго оставило импозантное впечатление в Галиции, через которую проходили русские войска. Они напомнили о существовании в могущественном соседнем государстве „русской веры“ и „русского языка“, довольно близкого к книжным элюкубрациям Галичан», — замечает Грушевский.¹

В среде галицийских русинов вплоть до начала XX в. шла острая борьба по вопросу об идентичности. Канадский историк П. Р. Магочи отметил, что символична в этом смысле судьба членов знаменитой «русской троицы», первых русинских «будителей» М. Шашкевича, Я. Головацкого и И. Вагилевича. Рано умерший Шашкевич остался вполне верен объединившей их до 1848 г. идее исключительной русинской идентичности. (Оговоримся, что некоторые исследователи считают его предшественником народовцев). Я. Головацкий позднее склонился к малорусско-русской версии множественной идентичности, а Вагилевич к украинско-польской.² Влияние ориентации, которая видела будущее русинов в полонизации, к 60-м гг. практически сходит на нет. Наиболее заметными остаются с тех пор два течения — так называемые москофилы или русофилы, отстаивавшие идею принадлежности гали-

¹ Грушевский М. С. Очерк истории украинского народа. СПб., 1904. С. 359—360.

² Magocsi P. R. The Ukrainian National Revival: A New Analytical Framework // Canadian Review of Studies in Nationalism. Vol. XVI. 1989. № 1—2. P. 57.

цийских русинов к большой русской нации, и народовцы, считавшие русинов частью особого украинского народа. С 70-х гг. часть польских политиков, как и австрийские власти, начинает поддерживать народовцев в противовес русофилам.³

В более либеральной монархии Габсбургов национальная активность рано приобретает легальные организационные, в том числе и политические формы. С 60-х гг. украинский язык используется в сейме. К работавшей не слишком активно львовской Матице добавилось в 1868 г. общество «Просвіта», а с 1873 г. стараниями главным образом деятелей из российской части Украины Общество им. Шевченко (с начала 1890-х — Научное общество им. Шевченко).⁴

Попытки влиять на настроения галицких русинов с русской стороны иногда приобретали форму распространения слухов, враждебных польским землевладельцам. Летом 1872 г. это привело даже к возникновению первой в истории Галиции стихийной забастовке сельскохозяйственных наемных рабочих, поверивших, что австрийский император, обидевшись на поляков, отдал Галицию царю, который вот-вот пришлет казаков, а те будут бесплатно раздавать хлеб.⁵ Русофильские деятели в Галиции получали из России спорадические субсидии. Сперва это были сугубо частные пожертвования — в 1866 г. значительную сумму выделил, например, М. Погодин. С конца 1860-х гг. периодическую поддержку русофилам оказывают Славянские благотворительные комитеты.⁶ Если Московский и Санкт-Петербургский комитеты делали это в рамках общей помощи австрийским славянам, то Киевский практически целиком сосредоточил свое внимание на Галиции. Опосредованным образом в этом участвует и правительство, поскольку Славянские комитеты субсидировались МНП.

³ Наиболее полно борьба вокруг проблемы идентичности галицких русинов рассмотрена в: *Himka J.-P. The Construction of Nationality in Galician Rus': Icarian Flights in Almost All Directions*. Доклад на 3-м конгрессе МАУ, август 1996 г., и монографии *Wendland V. Die Russophilen in Galicien. Ukrainische Konservativen*. (В печати.) См. также: *Миллер А. Внешний фактор в формировании национальной идентичности галицких русинов // О. Хаванова (ред.). Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика. М., 1997; Середа О. Місце Росії в дискусіях щодо національної ідентичності галицьких українців у 1860—1867 роках // Россия—Украина: история взаимоотношений. М., 1997.*

⁴ Подробно о Матице, а также статистические данные о «Просвіте» и НТШ см. в: *Стеблий Ф. И., Криль М. М. Галицкая матица во Львове // И. Лещиловская (ред.) Славянские матицы. XIX век. Т. 1. М., 1996.*

⁵ Подробно см.: *Миллер А. Украинские крестьяне, польские помещики, австрийский и русский император в Галиции 1872 г. // А. С. Стыкалин (ред.). Центральная Европа в новое и новейшее время. М., 1998. С. 175—180.*

⁶ «Слово» получило 500 рублей в 1868 г., вдвое меньше в 1869 и 300 руб. в 1870 г. Обещания увеличить поддержку и сделать ее регулярной так и остались невыполнеными. См.: *Tanty M. Kontakty rosyjskich komitetów słowiańskich ze słowianami z Austro-Węgier (1868—1875) // Kwartalnik Historyczny. 1964. № 1. S. 69.*

Как справедливо замечает подробно исследовавшая этот вопрос В. Венделанд, интерес к галицийским русинам был свойствен лишь консервативно-славянофильской части русского общественного мнения и не вылился в широкое общественное движение.⁷

«Идея, что поддержка русофилов должна быть систематической и идти прямо от государства, была выдвинута Юзефовичем и обоснована тем, что поляки оказывают такую поддержку газете «Правда» и обществу «Просвіта». В очередной раз решение принималось лишь как реакция на схожие действия противника, в определенном смысле как их имитация. В вопросах националистической политики власти империи по-прежнему оставались в роли учеников, причем довольно нерадивых.

«О русофильской ориентации львовской газеты «Слово» говорилось еще в письме Н. Ригельмана Д. Толстому от 1874 г. Киевский отдел Славянского благотворительного комитета, в котором Ригельман председательствовал, уже давно оказывал поддержку русофильски настроенным галичанам. Затем Юзефович в своих записках для Совещания и в подготовленном им проекте указа настойчиво подчеркивал необходимость субсидии для «Слова». Этот пункт вошел в окончательный вариант Эмского указа, и Потапов, сообщая Юзефовичу письмом от 18 мая 1876 г. об успехе их общей интриги, спрашивал Юзефовича о том, сколько нужно дать денег. «Ввиду той пользы, которую он (орган русофилов. — А. М.) может принести в борьбе с врагами нашего народного единства, — отвечал Юзефович 5 июня, — я полагаю, что скупиться нам не следует [...] Я думаю, что 2000 гульденов».⁸ Передавать деньги редактору «Слова» Юзефович предлагал через русское посольство в Вене, которое само должно было подыскать удобный тайный канал. Потапов доложил эти соображения царю и тот утвердил их 27 июня 1876 г.⁹ Через месяц, 24 июля первая субсидия «Слову» была отправлена послу Е. П. Новикову в Вену.

Однако прибывший в Петербург в конце 1879 г. издатель «Слова» Вен. Площанский обратился к тогдашнему министру внутренних дел Макову с жалобой, что в 1876—1879 гг. он назначенному ему субсидии не получал.¹⁰ Документы не содержат ответа на вопрос, куда же девалась каждый год 1000 рублей, соответствовавшая 2000 гульденов. За прошенный на этот счет Маковым 10 января 1880 г. новый начальник III отделения А. Р. Дрентельн, человек инициативный, решил не только заняться поиском пропавших денег, но и поинтересоваться содержанием

⁷ Wendland V. Die Russophilen in Galicien. Ukrainische Konservativen. Гл. 5. Rußland und die Russophilen. (В печати.) Это резко контрастирует, например, с принявшим действительно массовый характер движением за присоединение Шлезвиг-Гольштейна к Германии. Специальные общества за единство Шлезвиг-Гольштейна с Германией возникли в десятках городов.

⁸ ГАРФ, ф. 109, оп. 50, ед. хр. 85. Л. 66—66 об.

⁹ Там же. Л. 67.

¹⁰ Там же. Л. 126.

ем газеты и ее распространением. Его запросы и то, кому они были направлены (киевский генерал-губенатор М. И. Чертов и варшавский П. Е. Коцебу), обнаруживают весьма любопытное обстоятельство — Дрентельна в первую очередь интересовала степень влиятельности газеты в Российской империи, а не в самой Галиции, в противном случае запрос нужно было посыпать послу в Вене. Ответы были весьма неутешительны. Чертов, вообще похвалив газету, сообщил, что в Киеве выплывается 5-8 экземпляров, и еще один — в Волынской губернии.¹¹ Коцебу также сообщил о крайне ограниченном распространении газеты в Царстве Польском и решительно высказался за отмену субсидии, предложив оставить только пособие в 500 руб. по линии МНП. Он подчеркнул, что «полного единомыслия между карпатско-русинской партией и задачами и целями русского правительства далеко не существует», что цели русинской партии «чисто сепаратистические». Как следствие, газета не давала того антиукраинофильского пропагандистского эффекта, на который власти, судя по всему, рассчитывали, а потому смысл всего мероприятия, по мнению Коцебу, сводился к поддержке «борьбы русинского элемента против польского в Галиции». Коцебу полагал, что вопрос, стоит ли на это тратить деньги, заслуживал специального нового обсуждения.¹² 12 сентября 1880 г. недавно назначенный министр внутренних дел М. Т. Лорис-Меликов приказал прекратить выплату субсидии «Слову».

Эта история, даже если отрешиться от ее криминальной стороны, еще раз демонстрирует, во-первых, крайнюю неэффективность политики властей, поинтересовавшихся, на что идут довольно существенные деньги, лишь через четыре года после начала выплат. Во-вторых, она свидетельствует, что по крайней мере некоторые высокопоставленные чиновники интерпретировали планы, связанные со «Словом», не в наступательном, а в оборонительном духе — от газеты ждали не столько усиления русского влияния в Галиции, сколько противодействия украинофильству в Юго-Западном крае. Напомню, что и Юзефович с самого начала подчеркивал именно роль газеты в борьбе с «врагами народного единства».

Это не единственный эпизод, когда мерам охранительного характера отдавался приоритет. Можно сказать, что этот подход доминировал в 60—70-е гг. В 1866 г., во время австро-пруссской войны, русский посол в Вене Э. Г. Штакельберг направил канцлеру А. М. Горчакову два послания, касавшихся русской политики в отношении Галиции. Первое датировано 16 марта и посвящено возможным вариантам поведения России в случае, если Наполеон III возобновит уже делавшиеся им в

¹¹ ГАРФ, ф. 109, оп. 50, ед. хр. 85. Л. 137. 2000 гульденов составляли примерно 1000 рублей. Чтобы верно оценить масштаб этой суммы, выделенной правительством империи, укажем, что объединившая несколько десятков человек киевская Громада послала Драгоманову на издание его журнала 1500 руб. в 1876 и по 3000 в 1877 и 1878 гг. См.: Рябінін-Скляревський О. Київська Громада 1870-х років // Україна. 1927. Кн. 1/2. С. 146.

¹² ГАРФ, ф. 109, оп. 50, ед. хр. 85. Л. 135—136 об.

1859 г. предложения о передаче Галиции России в рамках широкой дипломатической комбинации, касавшейся также Венеции и дунайских княжеств. Штакельберг указывал на различные *pro et contra*. К позитивным последствиям возможного присоединения Галиции он относил более удобную границу по Карпатам и облегчение ассимиляторской политики, которую «затрудняет теперь развитие автономии в Лемберге». «Моральная поддержка russинов» (во французском оригинале Штакельберг использует австрийский термин *Ruthenen*) облегчила бы, по его мнению, это присоединение. И все же, в конечном счете, Штакельберг призывал отказаться от этой возможности как добавляющей новые проблемы при управлении и без того обширной территорией империи.¹³ Планы аннексии Галиции никогда не исчезли окончательно с повестки дня в Петербурге, но было бы ошибкой полагать, что они были приоритетны и Россия была готова воспользоваться любой возможностью для их осуществления.

В октябре 1866 г. Штакельберг возвращается к теме Галиции в связи с назначением сторонника полонизации галицийских русинов Ю. Голуховского наместником провинции. Он сожалеет о кампании, поднятой в русской печати против этого назначения, и призывает «не будить внимания Австрии к russинам, которые, может быть, упали бы в наши руки как спелый плод в результате неосторожной терпимости венского кабинета к полонизму». Горчаков сделал здесь на полях пометку «вполне справедливо».¹⁴ В качестве приложения Штакельберг переслал Горчакову написанное уже по-русски донесение консула в Бродах, сообщавшего о «непомерном ропоте между Russinами», которые недовольны планами австрийского правительства «заставить их пожертвовать своим именем Русского и слиться со всегда ненавистной им польской нацией».¹⁵ Любопытно, что Горчаков велел показать эти донесения военному министру Д. Милютину.¹⁶

Здесь мы в очередной раз сталкиваемся с проблемой пограничного положения территории Украины, при котором разные центры силы внимательно следили за политикой друг друга в отношении местного населения и надеялись воспользоваться ошибками соперника. Очевидно, что и Вена, и поляки после отказа большинства их политиков от стратегии полонизации галицийских русинов имели значительно больше пространства для маневра в этой игре, чем Петербург, стремившийся непременно утвердить общерусскую идентичность среди миллионов подвластных ему малоруссов. Очень явственно проступает здесь и механизм, описанный П. Салинсом на примере Каталонии, когда идентичности и лояльности населения разделенной границей этнической группы формировались не только и порой не столько на базе симпатии к одному из центров силы, сколько на основе антипатии к сопернику.¹⁷

¹³ АВПРИ, ф. 133, оп. 469, ед. хр. 218. Л. 208—209.

¹⁴ Там же. Л. 303 об.

¹⁵ Там же. Л. 306 об.

¹⁶ Там же. Л. 301.

¹⁷ Sahlins P. Boundaries... Р. 109.

В конце 1871 г. русский посол в Вене Новиков обратился в МИД с проектом учреждения консульства в Кракове или Львове. Он ссылался на то, что эти города относятся к числу «главных центров и, так сказать, пульсовых жил национальной жизни составляющих Австро-Империю народностей», и отмечал, что «присутствие в Галиции многочисленного преданного нам русинского населения доставит этому консулу несомненное политическое значение». Новиков, однако, обращал внимание начальства на то, что Австро-Империя безусловно потребует взаимности, то есть права учредить свое консульство в Киеве или «в другом центральном пункте Западной России».¹⁸ Последнее соображение отмечено на полях адресатом — начальником канцелярии МИД В. И. Вестманом или самим министром Горчаковым. Именно по этой причине канцлер решил не давать делу хода.¹⁹

Ситуация постепенно меняется в 80-е гг., когда военные круги империи все более определенно начинают смотреть на Австро-Венгрию как на потенциального противника. В их планах этнический состав приграничных областей играл важную роль. Не случайно именно военный министр Д. Милютин, вообще бывший ближайшим союзником Лорис-Меликова, с его решением в отношении «Слова» не согласился и в марте 1881 г. добился возобновления субсидии, причем в утроенном размере.²⁰

В целом политика царских властей по отношению к проблеме галицийских русинов была не просто пассивной, но обреченной на поражение. Одна из наиболее слабых ее сторон, по верному замечанию Дж.-П. Химки, состояла в заведомо невыгодном кадровом обмене.²¹ На деле Петербург рассматривал Галицию не столько как сферу, где нужно последовательно укреплять свое влияние, сколько как источник рекрутации кадров для империи. Пророссийски настроенные деятели десятками выезжали в Россию. По подсчетам В. Вендланда, только в Холмскую область переселились, главным образом в 1866—1870 гг., 136 галицийских духовных лиц, из них 42 семинариста. Остро ощущавшаяся в ходе реформ Д. Толстого нехватка преподавателей древних языков также в значительной мере восполнялась за счет галичан. Часто переселенцы получали места за пределами Украины, и тем самым их влияние если не сводилось к нулю, то резко уменьшалось. (Я. Головацкий, например, после переезда в Россию получил место в Вильно.) Между тем из России в Галицию выезжало немало украинофилов, которые затем играли важную, порой ключевую роль в галицийской политике. Достаточно назвать имена Драгоманова, который хоть и задержался в Галиции недолго, но из Женевы поддерживал с ней тесные связи, позднее М. Грушевского и Д. Донцова.

С 1882 г., в условиях нараставшей напряженности в отношениях между Россией и Австро-Венгрией, галицийские русофилы подверга-

¹⁸ АВПРИ, ф. 155, оп. 241, ед. хр. 34. Л. 10—12 об. Письмо Е. П. Новикова начальнику канцелярии МИД В. И. Вестману от 25.11.1871.

¹⁹ Там же. Л. 13.

²⁰ Савченко Ф. Заборона... С. 171172.

²¹ H��ka J.-P. The Construction of Nationality in Galician Rus': Icarian Flights in Almost All Directions. Доклад на 3-м конгрессе МАУ, август 1996 г.

лись жестким репрессиям польской администрации и Вены. В этом году во Львове прошел большой политический процесс над русофильскими деятелями. В. Вендланд справедливо отмечает, что «львиная доля» финансовой помощи русофилам из российских государственных источников поступает только после Львовского процесса, когда последние уже находились в глухой обороне. В результате Галиция в последние десятилетия XIX в. стала если не политическим, то культурным украинским Пьемонтом, со все более мощной издательской базой, с украинскими научными и просветительскими учреждениями (существенно подпитывавшимися как интеллектуально, так и финансово из Российской Украины), а позднее и политическими партиями, которые возникли на десятилетие раньше, чем в Российской империи. Это обстоятельство было одним из важных факторов, способствовавших поражению ассимиляторского проекта.

Вместе с тем нужно отметить, что такая роль Галиции во многом была обусловлена развитием украинофильского движения в Российской империи. Галиция в значительной мере стала плацдармом украинского национального движения, но его инициатором и главной движущей силой она стать не могла. Если бы развитие России в политическом и экономическом отношении было настолько успешным, что осознание выгод единства решительно перевешивало бы в малорусском обществе сепаратистские настроения, то в экономическом отношении более медленно развивавшаяся Галиция не смогла бы получить такого политического влияния, даже несмотря на усилия Вены и части польских политиков, в последние десятилетия XIX в. поддерживавших галицийских украинофилов.²² Примером для сравнения может здесь послужить горная часть Шотландии, по типу своего отстающего экономического развития весьма напоминавшая, по замечанию Т. Нэйрна, Центральную Европу. Сепаратистские настроения ее жителей не получили поддержки у населения равнинных районов, понимавшего преимущества единства с Англией, и, как следствие, не смогли перерости в сколько-нибудь сильный шотландский национализм.²³ Другой пример, структурно даже более близкий к нашему, рассмотрен П. Салинсом в уже упомянутой книге о Каталонии. Исключительная каталонская идентичность постепенно утверждалась в XIX в. по испанскую сторону границы. Однако существенного влияния на настроения во французской части Каталонии это не оказалось, потому что в экономическом отношении и с точки зрения доступных им как гражданам Франции политических прав каталонцы по французскую сторону границы находились в заметно более выгодном положении.²⁴

²² Это прекрасно понимал Грушевский, который неизменно при первой возможности старался перенести свою деятельность из Львова в Киев как до революции 1917 г., так и после.

²³ См.: *Nairn T. Scotland and Europe // Geoff Eley and Ronald Grigor Suny (eds.). Becoming National. N. Y., Oxford: Oxford Univ. Press, 1996. P. 92—93.*

²⁴ *Sahlins P. Boundaries... P. 290—291.*

Глава 13

Кризис власти в 1880—1881 гг. и попытка отмены Эмского указа

Взрыв, организованный народовольцами в Зимнем дворце 4 февраля 1880 г., послужил толчком к резкой смене правительенной политики. Главой нового чрезвычайного органа — Верховной распорядительной комиссии по охране государственного порядка и общественного спокойствия — был назначен М. Т. Лорис-Меликов, считавший, что борьба с террористами должна быть дополнена союзом с «благонамеренной частью общества». Его программа предполагала реорганизацию государственного аппарата, возобновление реформ и привлечение представителей общества к их обсуждению. Лорис-Меликова называли «диктатором сердца», новую политику сравнивали с весной, оттепелью.

Летом 1880 г. один из ближайших сотрудников Лорис-Меликова статс-секретарь М. С. Каханов предложил организовать сенаторские ревизии губернского управления с тем, чтобы «найти управу на губернаторов» и подготовить рекомендации для реформы управления провинциями при планируемом возрастании роли земств.¹ Первым шагом Лорис-Меликова после назначения министром внутренних дел был доклад царю об этом проекте, что убедительно свидетельствует о придававшемся ему значении.² Одним из сенаторов, поддержавших этот план и вызвавшихся возглавить одну из ревизионных комиссий, был А. А. Половцов, «умный, толковый, даже с государственным умом», как характеризовал его позднее С. Ю. Витте.³ Он был готов ехать «куда угодно». Киев выпал Половцову либо вовсе случайно, либо потому, что Лорис-Меликов хотел послать туда человека сильного и настойчивого, поскольку инспектировать ему предстояло известного своим самоуправством киевского генерал-губернатора М. И. Черткова, в 1877 г. сменившего на этом посту Дондукова-Корсакова.⁴

¹ ГАРФ, ф. 583, оп. 1, ед. хр. 15. Л. 241, ед. хр. 16. Л. 12.

² Валуев П. А. Дневник 1877—1884 гг. С. 109.

³ Витте С. Ю. Избранные воспоминания. М.: Мысль, 1991. С. 120.

⁴ ГАРФ, ф. 583, оп. 1, ед. хр. 15. Л. 241, ед. хр. 16. Л. 3.

Совсем не зная особенностей Юго-Западного края, Половцов постарался получить консультации у как можно большего числа петербургских сановников, которые когда-либо занимались его проблемами. Он встретился с бывшим ректором Киевского университета, а теперь товарищем министра финансов Н. Х. Бунге, министром народного просвещения А. А. Сабуровым, председателем Комитета министров Валуевым, Головиным, Маковым. Посетил он и товарища министра внутренних дел П. А. Черевина, который заведовал делами III отделения накануне его расформирования. В своих обстоятельных беседах с Половцовым, которые он прилежно фиксировал в своем дневнике, никто из них, равно как и Каханов с Лорис-Меликовым, совсем недавно оставившим пост харьковского генерал-губернатора, даже не упомянул об украинской проблеме. Когда речь заходила о национальном вопросе, все внимание было сосредоточено на поляках.⁵ Это лишний раз свидетельствует о принципиальном различии в подходе властей империи к украинскому и польскому вопросу. Если последний неизменно был в центре внимания, то первый возникал на повестке дня от случая к случаю и после принятия очередного указа исчезал из поля зрения высших петербургских бюрократов на годы.

12 октября 1880 г. Половцов приехал в Киев. Здесь украинская проблема сразу вторгается на страницы его дневника. Сперва визит Половцову наносит «бодрый, несмотря на свои 79 лет», Юзефович. «Потом являются две дамы, просящие о разрешении петь малороссийские песни на благотворительном концерте, разговор приобретает голиковский оборот».⁶ На первых порах Половцов, похоже, плохо понимал ситуацию, но, во всяком случае, осознавал ее нелепость. Таких ходатаяев у Половцова побывало осенью много. Он, вероятно, консультировался по их поводу с прежним киевским, а теперь харьковским генерал-губернатором Дондуковым-Корсаковым, который в письме о малороссийском языке от 13 января, о котором речь пойдет позже, прямо ссылается на «ходатайства отдельных лиц, обращавшихся по этому поводу к сенатору Половцову».⁷ Наряду с частными ходатайствами по отдельным вопросам Черниговское земство обратилось в Петербург с требованием разрешить учителям начальных классов объяснять на малорусском непонятные детям русские слова. Приезд ревизора был воспринят как предвестник смены политики, и все заинтересованные лица начали проявлять активность.

Уже в самом начале января 1881 г. и Чертков, и Дондуков-Корсаков отправили в Петербург специальные послания по украинскому вопросу. То обстоятельство, что первое письмо исходило от Черткова, заставляет предположить, что Половцов не делал большого секрета из

⁵ ГАРФ, ф. 583, оп. 1, ед. хр. 15. Л. 193, 241, ед. хр. 16. Л. 46, 67, 89—91, 104.

⁶ ГАРФ, ф. 583, оп. 1, ед. хр. 18. Л. 10, 24.

⁷ РГИА, ф. 776, оп. 11, ед. хр. 61. Л. 25.

своего намерения пересмотреть прежние правила. Дело в том, что с Чертковым Половцов сразу вошел в острейший конфликт и настойчиво добивался в Петербурге его отставки, каковая и последовала в конце января.⁸ В этих условиях и речи быть не могло о том, чтобы Половцов обсуждал украинский вопрос с киевским генерал-губернатором. Но тот все-таки был в курсе дела и решил, скорее всего, опередить противника с проявлением инициативы.

Поводом для письма Черткова в МВД стало обращение к нему 29 декабря Н. В. Лысенко, жаловавшегося на серьезные убытки из-за запрета на распространение отпечатанного им за свой счет в Лейпциге сборника малороссийских песен. Лысенко мыкался со своим сборником еще с 1878 г., так что решение написать прошение Черткову именно в этот момент скорее всего было ему подсказано членом киевской Громады, братом известного украинского писателя Панаса Мирного А. Я. Рудченко, служившим начальником отделения в канцелярии киевского генерал-губернатора. Без такой подсказки Лысенко логичнее было бы обращаться к Половцову, как большинство ходатаем и делало. Чертков наложил резолюцию, какой от него ждали участники этой комбинации: «Представить с отзывом об отмене установленных стеснений», и передал задание тому же Рудченко.⁹ «Рассмотрев представленный при означенном прошении Лысенка сборник малороссийских песен, — писал Чертков (читай Рудченко), — я не нашел в нем ничего предосудительного, но выпуск в свет этого издания не мог быть разрешен за силою выс. повеления, объявленного бывшим министром Вн. дел в конфиденциальном отзыве от 23/VI 76 г. [...] Не встречая со своей стороны препятствий к разрешению выпуска в продажу сборника песен Лысенко, я, пользуясь настоящим случаем, признаю уместным войти вообще в оценку целесообразности распоряжения 1876 г., положившего запрет на все роды произведений на малороссийском наречии, кроме произведений изящной словесности». Оговорившись, что ему неизвестны мотивы, «которые послужили к принятию столь строгой меры, установленной без ведома и заключения местной администрации края», Чертков высказал предположение, что главная цель состояла в том, чтобы «пресечь украинофильскую деятельность в смысле политического сепаратизма». Далее он переходил к оценке ситуации и рекомендациям: «Ссылаясь на трехлетний опыт управления Ю.-З. краем, я с уверенностью могу утверждать, что в среде здешнего малороссийского населения, чуждого каких бы то ни было политических идей и беззаветно преданного своему государю,

⁸ О том, что Александр II, продолжая хорошо относиться к Черткову, увольнял его только из-за конфликта с Половцовым, см.: *Перетц А. Е. Днівник А. Е. Перетца, 1880—1883. М.; Л.: Госиздат, 1927. С. 16.*

⁹ *Міяковський В. Юбілей Цензурного Акту 1876 року. Київ, 1926. С. 15.* (Оттиск из журнала «Бібліографічні Вісті», 1926, № 3, выпущенный отдельной брошюрой.)

проповедники сепаратизма, если бы таковые нашлись, встретили бы то же самое, что и проповедники полонизма, пытавшиеся привлечь народ на свою сторону во время последнего польского восстания. Ввиду этого установленные по отношению к малороссийскому наречию и музыке ограничения, имеющие вид недоверия к народу, который ни своим прошлым, ни настоящим не подал к тому никакого повода, не оправдываются, по моему мнению, действительюю необходимостью и служат только к нежелательному раздражению». «Признавая с своей стороны отмену установленных законом 1876 г. ограничений [...] не только возможным, но даже желательным в интересах утверждения в обществе доверия к правительству», Чертков предлагал «литературные и музыкальные произведения на малорусском наречии поставить в одинаковые цензурные условия с произведениями на общерусском языке».¹⁰ Очевидно, что сам Чертков не слишком вникал в разбор дела. Подлинное авторство записки сказалось в нас kvозь декларативном характере документа, сводившего аргументацию к заверениям в «беззаветной преданности» вверенного Черткову населения и повтору любимой идеи Лорис-Меликова о доверии общества правительству. Этим можно объяснить и совершенное отрицание угрозы сепаратизма, акцент на моральный аспект в аргументации и то, что выводы оказались столь радикальными. Рудченко, заметим, решил вовсе не касаться наиболее острого вопроса о допущении украинского в школу, опасаясь, возможно, что это вызовет ненужные вопросы уже у самого Черткова, если тот станет внимательно читать письмо прежде, чем его подписать.

В МВД, превратившемся после роспуска Верховной комиссии и назначения Лорис-Меликова министром в новый центр власти, письмо Черткова нашло живой отклик. Резолюция, по всей вероятности начальника ГУП Н. С. Абазы,¹¹ гласила: «Заслуживает особого внимания и подлежит безотлагательному рассмотрению и докладу по соображению с мерою 1876 г. и порядкам, в которых она была принята».¹² Реформаторы были в силе и пересматривать собирались «порядки» в делах о печати вообще, так что изменения предполагались отнюдь не косметического характера. Не исключено, что письмо Черткова привлекло внимание Н. Абазы и его покровителей — Лорис-Меликова и Каханова — еще и потому, что оно могло быть использовано для борьбы с Валуевым, который был председателем Особого совещания, рассматривавшего реформу системы контроля за печатью. Валуев сопротивлялся планам Лорис-Меликова в этой области, и их противостояние в Особом совещании обострилось именно в конце 1880 —

¹⁰ [Науменко В.] Найближчі відгуки указа 1876 р. про заборону українського письменства // Украина. Йюнь. 1907. С. 250—251.

¹¹ Савченко ошибочно считает, что это были пометки П. П. Вяземского, который стал начальником ГУП только в марте 1881 г.

¹² Савченко Ф. Заборона... С. 175.

начале 1881 гг.¹³ Если бы репрессивные меры в отношении украинских публикаций, родоначальником которых был Валуев, удалось представить как вредные, это дало бы его противникам лишние козыри.

13 января, буквально вслед за письмом Черткова, свое послание отправляет Дондуков-Корсаков. Похоже, что к этому времени Дондуков-Корсаков уже имел сведения, дававшие ему серьезные основания надеяться на пересмотр Эмского указа: 10 января он отправил Черткову телеграмму, в которой просил переслать ему все материалы КГО, явно рассчитывая, что получит возможность возобновить Отдел РГО в Харькове.¹⁴ Весьма вероятно, что и Чертков, и Дондуков-Корсаков в конце декабря получили конфиденциальные запросы из Петербурга от противников Валуева в Особом совещании. Во всяком случае, такое допущение не только не противоречит всем известным обстоятельствам, но и объясняет многие из них.

Официальным поводом для послания харьковского генерал-губернатора послужил запрос ГУП от 9 декабря 1880 г. о возможности допущения в печать двух книг на украинском — «Руська хата» и «Світопогляд українського народу». Высказавшись в пользу их публикации, Дондуков-Корсаков замечал, что «разрешение к обращению отдельных изданий находится в близкой связи с вопросом о допущении к употреблению малороссийского языка в литературе и школе вообще».¹⁵ Эти общие вопросы Дондуков-Корсаков рассматривал в многостраничной и весьма тщательно подготовленной «Записке о малороссийском языке», приложенной к письму. Это, пожалуй, наиболее основательно подготовленный документ об украинском вопросе из всех когда-либо сочиненных в бюрократических структурах в царствование Александра II.

В своей записке Дондуков-Корсаков определяет украинский вопрос как «дело величайшей государственной важности, неправильная постановка которого способна вызвать неисчислимые осложнения в будущем в отношении как к внутренней, так и к внешней политике». Первая часть документа посвящена анализу мнений, высказываемых на этот счет в печати. Публикации самих украинофилов Дондуков-Корсаков обвинял в неискренности и недоговоренности, скрывающих стремления, «несимпатичные даже для большинства их единоплеменников». Статьи русских журналистов, «бессознательно вторящих» украинофилам, он считал «отголоском того сентиментально-доктри-

¹³ Зайончковский П. А. Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880-х годов. М.: Изд. МГУ, 1964. С. 263—268; Валуев П. А. Дневник 1877—1884 гг. С. 117, 126—127, 146—147. То обстоятельство, что Валуев ничего не говорит в своем подробном дневнике о планах пересмотра Эмского указа, свидетельствует, что от него это держали в секрете.

¹⁴ Савченко Ф. Заборона... С. 118.

¹⁵ РГИА, ф. 776, оп. 11, ед. хр. 61. Л. 24 об—25.

нерского либерализма, который составляет характеристическую черту русской столичной прессы, так отличающую ее даже от самой либеральной печати других стран». Эти «сентиментальные либералы» не сознают, по мнению Дондукова-Корсакова, реальных целей украинофильства и, «боясь обвинений в измене отвлеченною доктрине равноправности, готовы требовать применения ея безотносительно к условиям времени и места и нередко вопреки традиционной исторической идее своего государства». ¹⁶

Затем записка весьма подробно и с хорошим знанием дела излагала историю развития украинофильства. Дондуков-Корсаков начинал ее от «Основы», упомянув Костомарова, Белозерского и Кулиша и специально остановившись на разработанной последним реформе правописания как средстве увеличения различий между малорусским и русским языками. Далее он переходил к КГО, о деятельности которого отзывался весьма критично. Список активистов украинофильства в 70-е открывался именами Драгоманова, Антоновича, Чубинского, Старицкого, Лысенко и продолжался целым рядом других, менее известных — ясно, что Дондуков-Корсаков пристально следил за событиями. Весьма точно определялся «круг прозелитов» — среднее и мелкое дворянство, люди свободных профессий, «из лиц, стоящих ближе к крестьянству» — поповичи и волостные писари.¹⁷ Автор демонстрировал и глубокое понимание социальных механизмов ассимиляции, подчеркивая ее ускорение «с оживлением сношений и улучшением сообщения с Великороссией, проведением железных дорог и [...] введением сокращенных сроков военной службы».¹⁸ «Усилить в народе слаживающееся уже, под влиянием совместной исторической жизни, обучения массы и чисто русского образования высших слоев, сознание своей племенной и исторической обособленности со всеми дальнейшими как культурными, так и политическими последствиями», — так определял Дондуков-Корсаков цель движения.¹⁹

Чтение этой части записки может вызвать недоумение. Почему Дондуков-Корсаков посчитал нужным повторить филиппики против «сентиментально-доктринерского либерализма», с которыми Катков впервые выступил как раз в связи с украинофильством еще в 1863 г.? Почему теперь он не защищал КГО, как в 1875—1876 гг., а с готовностью признавал его украинофильскую тенденцию и даже обвинял Отдел в прямом подкупе во время переписи 1874 г.?²⁰ Почему подчеркивал опасность украинофильства и его сепаратистские тенденции? Как все это сочетается с содержанием в записке предложенийами о почти полной отмене Эмского указа и с планами возобновить деятельность Отдела РГО в Харькове? Ответ на все эти вопросы — в различии

¹⁶ Там же. Л. 27—27 об.

¹⁷ Там же. Л. 32.

¹⁸ Там же. Л. 34 об—35.

¹⁹ Там же. Л. 29 об—30.

²⁰ Там же. Л. 30.

обстоятельств накануне принятия Эмского указа и в начале 1881 г. Будучи убежденным противником украинофильства в его сепаратистской версии, Дондуков-Корсаков защищал в 1875 г. прежде всего свою тактику в отношении украинофилов и сопротивлялся репрессиям, в неэффективности которых был уверен. Теперь, в январе 1881 г., он не сомневался, что Эмский указ будет отменен. В новой ситуации Дондукова-Корсакова больше беспокоило, чтобы это не было шагом в духе « сентиментально-доктринерского либерализма », чтобы цель, как он ее понимал, то есть ассимиляция в ее англо-шотландском варианте, не упускалась из виду. Ситуацию он чувствовал верно — это подтверждает и неизвестное ему во время подготовки записки письмо Черткова, в котором ассимиляторская идея вообще отсутствует. При общей неизменности принципиальной позиции Дондукова-Корсакова, самого, пожалуй, квалифицированного и изощренного среди высших сановников противника украинофильства, записка 1881 г. выражала его позицию наиболее адекватно.

Переходя к рассмотрению требований украинофилов « с точки зрения интересов объединенной России », Дондуков-Корсаков определял как центральное среди них стремление к замене русского малорусским в начальной школе. Он очень настойчиво подчеркивал, что здесь уступок делать нельзя: « Таким образом совершился полное обоснование литературное, и тогда будет предъявлено поддержанное уже всем грамотным людом требование о введении малорусского наречия языком преподавания в гимназиях и выше ». ²¹ Вместе с тем он предлагал разрешить использование малорусского для объяснений незнакомых ученикам русских слов в первом классе, что « способно вполне удовлетворить людей, не руководимых предвзятою мыслью ». ²²

Все остальные пункты Эмского указа Дондуков-Корсаков подвергал уничтожающей критике. « Нельзя не сказать, что заключающееся в этом акте запрещение сценических представлений и исполнения национальных песен не только не достигло какой бы то ни было цели, но и вызвало решительное неодобрение и неудовольствие даже всех искренних приверженцев единения с Россией. Оно прямо способствовало усилиению авторитета украинофильской партии, дав ей возможность указывать на стеснения даже таких невинных проявлений народного духа и творчества. Такое же действие произвело и запрещение издавать в России сочинения по всем отраслям знаний, кроме памятников истории и произведений изящной словесности [...] Оно повело лишь к тому, что центрами издательской деятельности, при поддержке австрийского правительства, сделались Львов, Черновцы и Вена ». ²³ Записка особенно подчеркивала, что указ привел к ослаблению « дружественной России партии среди русинов Австрии » и тем самым по-

²¹ РГИА, ф. 776, оп. 11, ед. хр. 61. Л. 34—34 об.

²² Там же. Л. 35 об.

²³ Там же. Л. 36—36 об.

ставил под угрозу «традиционное направление внешней политики России».²⁴

Дондуков-Корсаков предлагал отменить все ограничения на сценические представления, исполнение музыкальных произведений и издания на малорусском языке, с оговоркой о необходимости сохранения в силе требования не употреблять кулишовку.²⁵ Разрешать церковную проповедь на малорусском он считал необязательным, полагая, что «самый стиль и схоластическое, чуждое жизни содержание проповедей составляют главное препятствие к их пониманию» равно великоруссами и малороссами «независимо от языка проповеди». Поскольку изменение этих условий «долго еще заставит себя ждать», «разрешение проповеди на малорусском языке [...] не окажет чувствительного влияния на успех духовного просвещения массы», — полагал Дондуков-Корсаков и ссылался при этом на опыт отца Гречулевича, читавшего в конце 50-х — начале 60-х проповеди на малорусском.²⁶

В записке предлагалось два возможных пути реализации этих рекомендаций — формальная отмена или же применение «со значительными постоянно усиливающимися послаблениями», то есть использование того же механизма, который фактически прекратил действие валуевского циркуляра в начале 70-х.²⁷ В заключение Дондуков-Корсаков, возвращаясь к идее первой части записки, специально подчеркивал, что перечисленными «мерами должны ограничиваться все уступки, которые, без вреда для России и для самого малорусского народа, могут быть сделаны ныне и когда бы то ни было [...]. В этом отношении мнение должно быть составлено раз и навсегда, бесповоротно, и никакие доводы и посторонние соображения не должны поколебать такого решения».²⁸

Сам Половцов не спешил формулировать свои соображения по украинскому вопросу. В январе и начале февраля он весьма интенсивно обсуждал эту проблему с Галаганом, Ригельманом, бывшим заместителем Галагана в КГО Борисовым и другими видными пред-

²⁴ РГИА, ф. 776, оп. 11, ед. хр. 61. Л. 37.

²⁵ Там же. Л. 37 об—38.

²⁶ Там же. Л. 38 об. Положительный современный отклик на опыт Гречулевича см. в: Русское Богатство. 1857. № 3. С. 70 в разделе «Критика».

²⁷ Там же. Л. 37 об. Подобная практика оставалась излюбленным методом действий царской бюрократии, чуждой идеям правового государства, и во времена Лорис-Меликова. Этот же механизм предусматривался, например, для некоторой либерализации политики в отношении университетов: вместо издания специального распоряжения право разрешать студенческие кассы взаимопомощи, дешевые столовые и формы корпоративной деятельности планировалось предоставить каждому попечителю в отдельности. См.: Зайончковский П. А. Кризис самодержавия... С. 273.

²⁸ Там же. Л. 39—39 об.

ставителями местного общества. Ригельман рассказывал Половцову о своих статьях против украинофильства и о коварстве Драгоманова и его сообщников, стремящихся в Галиции «слиться с приверженцами России, чтобы сделать нам из них врагов».²⁹ Галаган, с которым Половцов обсуждал проблемы преподавания в народных школах, говорил, что «самый народ не желает обучения на этом (украинском. — А. М.) языке, что крестьяне всегда говорят, что дети их в школах должны учиться тому языку, на котором писан царский закон». О Драгоманове Галаган сообщал, что «он получает деньги и из России, и из Австрии, и что вообще австрийское правительство покровительствует партии украинофилов, так как с развитием малорусских особенностей народ должен сблизиться с Галицией, где эти стремления находят удовлетворение и даже покровительство». Взгляды собеседников Половцова отразились впоследствии в его рекомендациях.³⁰

У Половцова были, впрочем, и другие источники информации. По крайней мере часть сопровождавших его чиновников обсуждала проблему с собеседниками более низкого ранга и слышала совсем иные речи. Судить об этом позволяет письмо, отправленное в июне 1881 г. А. Я. Рудченко А. Н. Воскобойникову, секретарю 1-го департамента Сената, сопровождавшему Половцева во время ревизии в качестве чиновника для особых поручений. Рудченко упоминает об их многочисленных «продолжительных беседах», которые проходили, если судить по содержанию письма, в весьма доверительной атмосфере: «обнимаю Вас, теоретического, но любимого мною петербуржца, — обнимаю за искренность и прямоту Ваших отношений ко мне, сыну черноземной Малороссии». Он сообщает, что уже почти закончил записку об украинском вопросе, которую готовил по просьбе Воскобойникова.³¹ Основные ее положения были уже знакомы его собеседнику. Рудченко призывал «освободить малорусское слово от кандалов», наложенных указом 1876 г., подчеркивая его бесполезность для достижения «слияния всех русских народностей в одно море». Он обращал внимание Воскобойникова на то, что в борьбе с поляками Петербурга в Юго-Западном крае не на кого опереться, кроме малорусского мужика: «Вот и толкуйте у нас, после этого, в крае о неблагонадежности малороссов [...] когда, силою исторических условий, не желая отказаться от своей русской миссии, Вы вынуждены поддерживать их (хотя бы в экономическом смысле) своими руками! [...] Да, история иногда заставляет работать на тех, смерти которым Вы бы желали

²⁹ ГАРФ, ф. 583, оп. 1, ед. хр. 18. Л. 159.

³⁰ Там же. Л. 141. Параллельно Галаган хлопотал о разрешении на постановку в своей коллегии «Наталки-Полтавки», оставаясь, таким образом, верным той малорусской точке зрения на проблему, которую он разделял с уже сошедшими со сцены людьми своего круга и поколения вроде Максимовича.

³¹ РО РНБ, ф. 600, ед. хр. 280. Л. 5—6 об.

всеми своими чувствами». Воскобойников отстаивал ассилияторскую позицию (именно в этом смысле, в понимании Рудченко, он «желал смерти» малоруссам), но Рудченко не боялся излагать ему свои взгляды, хотя и ждал в это время своего перевода на более высокую должность в столицу. Докладывая Половцову об этих беседах и передавая ему это письмо Рудченко, Воскобойников имел, похоже, основания считать, что не причиняет вреда своему доверительному корреспонденту. И действительно, место в Петербурге Рудченко получил, будучи отнесенным Половцовым к «безвредной» категории «смутных мечтателей», составлявших, по его мнению, большинство среди украинофилов.³²

Сенатор явно не был держимордой: он поддержал избрание В. Антоновича деканом историко-филологического факультета, разрешил панихиду по Шевченко в Софийском соборе³³ и уже в феврале выхлопотал у Каханова разрешение на представление «Наталики-Полтавки» в коллегии Галагана, за что немедленно удостоился визита разгневанного Юзефовича.³⁴ Совсем другие радостные настроения и весьма далеко идущие ожидания царили в киевском обществе. В. Антонович по поручению Громады начал составлять для властей записку о целях украинофильства, где говорил об особенностях Украины и «вытекающих из этих особенностей нуждах и потребностях».³⁵ А 1 апреля, уже незадолго до отставки Лорис-Меликова и смены правительенного курса, А. А. Котляревский на чествовании Шевченко под аплодисменты собравшихся провозглашал: «Да получит же общее признание и уважение политическая деятельность родного нам края на языке ему родном, да утвердится за нею полное право безбоязненного, ничем не стесненного существования и развития».³⁶

³² ГАРФ, ф. 583, оп. 1, ед. хр. 60. Л. 90.

³³ Паліенко М. Київська Стара Громада у суспільному та науковому житті України. (Друга половина XIX — початок ХХ ст.) // Київська Старовина. 1998. № 2. С. 69.

³⁴ ГАРФ, ф. 583, оп. 1, ед. хр. 18. Л. 177, 183.

³⁵ Антонович В. Б. Моя сповідь: Вибрані історичні та публіцистичні твори. К., 1995. С. 40; Паленко М. Київська Стара Громада... С. 69

³⁶ Цит. по: Савченко Ф. Українське науково-культурне самовизначення 1850—1876 рр. // Україна. Січень-Лютій 1929. Київ. С. 28—29. Эти настроения и выступления не прошли незамеченными в Петербурге. Л. Пантелеев вспоминает: «В Киев частным путем, через Модестова, дано было знать, что над некоторыми профессорами готова разразиться гроза по подозрению в украинофильстве. [...] Вот по этому случаю и приехал [А. Ф.] Кистяковский в Петербург. Он был у министра И. Д. Делянова. [...] Я как раз видел А. Ф. после свидания с министром. „А знаете, А. Ф., ведь о вас очень и очень нехорошие сведения, — [...]“ сказал Иван Давыдович, — уж, право, не знаю, как и быть с вами“. Однако, выслушав Кистяковского, отпустил его с миром, прибавив на прощание: „Только

Свое секретное письмо об украинской проблеме Половцов отправил в Петербург Каханову 6 февраля, месяц спустя после посланий Черткова и Дондукова-Корсакова.³⁷ В литературе вообще нет ссылок на этот документ, поэтому привожу целиком его черновик, сохранившийся в бумагах Половцова и датированный 4 февраля.

«В Черниговском земстве, в петербургских журналах и, наконец, здесь на месте поднимается агитация о малороссийском языке. Считаю нужным по поводу этому сказать два слова, которые исходят лишь из желания, чтобы этому усложненному страстями вопросу не было дано поспешного разрешения.

В настоящий момент украинофильский вопрос ставится поборниками его так, что преподавание в школах на Малороссийском наречии составляет единственное средство распространения грамоты. Такой тезис не более как софизм. Малороссийское наречие необходимо народному учителю для того, чтобы объяснить начинающему учиться деревенскому мальчику те первоначальные понятия, которые ему необходимы на первых шагах, но из этого никак не следует, чтобы школа должна была создавать людей, игнорирующих наш великий Русский язык (а не великорусское наречие). Если ходатайство Черниговского земства будет разрешаться, то весьма желательно было бы сказать, что их требование, чтобы учитель с начинающими учениками объяснялся на Малороссийском наречии, вполне справедливо, что оно не требует никакого закона и будет удовлетворено путем административной переписки. В действительности иначе и быть не может, а если являлись усердные, тупоумные ревнители, то, без сомнения, пора их миновала.

Само собою разумеется, что этим требованием земства не исчерпывается программа людей, именуемых украинофилами. Одни из совершенно честных и чистых побуждений, принадлежа к лучшим русским людям, привержены не только ко всему своему отечеству, но и в особенности к тому краю, где родились и провели жизнь. Их тешит Малороссийская песня, полная мелодии, им люба народная сказка и поговорка, им весело смотреть и на родной пейзаж, и на родной костюм. Другие, восхищаясь особенностями народного исторического быта (прошлое всегда привлекательнее настоящего), мечтают о народной литературе, забывая, что художественное произведение требует твердой механической и технической подготовки, которая для малорусского наречия не существует, да которую и создавать-то при существовании Русского языка не представляется необходимым. Третьи присовокупляют к литературным мечтаниям мечтания политические. Им хотелось бы самим играть важную на земном шаре роль в лице Украины. Эта группа людей по большой части имеет самый неопре-

будьте, А. Ф., осторожнее, да и товарищам вашим то же передайте».
(Пантелеев Л. Ф. Воспоминания. С. 244.)

³⁷ ГАРФ, ф. 583, оп. 1, ед. хр. 18. Л. 167.

деленный образ мыслей и самые смутные понятия обо всем, не исключая и представлений об их собственном политическом значении. Они были бы совершенно невинны и безрезультатны, если бы за ними не стояла четвертая, весьма немногочисленная кучка, видящая дальше других, и, к сожалению, видящая во всем этом средство вредить России. Последняя кучка так немногосиленна, что за исключением Драгоманова она не решается высказывать свои взгляды. Драгоманов высказывает их открыто, он явно враждебен и потому менее опасен, но есть его единомышленники, которые мечтали бы доказать, что великорусское и малорусское наречие равноправны; доказав это, изгнать отсюда Русский язык, а затем в отдаленном будущем подчинить неразвитое, нелитературное, некультурное племя Малороссов другим выше стоящим Славянским национальностям, в ряду коих первым не сможет не явиться Польская. Последняя в Галиции перемена фронта в литературных партиях служит подтверждением этих слов. Что же изо всего этого следует? 1., что покамест никаких мер, а тем более решительных и бесспорных, принимать не следует 2., что частные разрешения должны быть даваемы во множестве на отдельные концерты, издания и т. п., словом, на всю игрушечную часть 3., что предел этих разрешений должен принадлежать весьма чутким и умным администраторам, так как после минувших строгостей, к сожалению огульных, мелкие вспышки неизбежны 4., что серьезная сторона требует тщательного и многостороннего обсуждения*.³⁸

Половцов, таким образом, соглашался с рекомендациями Дондукова-Корсакова, хотя критический пафос по отношению к Эмскому указу в его письме выражен далеко не столь ярко, как в послании харьковского генерал-губернатора. В отличие от Дондукова-Корсакова, Половцов однозначно выступал за постепенные административные послабления, а не формальную отмену Эмского указа — такую возможность он даже не рассматривал. В целом намерения Половцова по пересмотру указа были заметно менее радикальны, чем это казалось многим в Киеве. Достаточно фантастические рассуждения о Драгоманове и его планах стали, по всей видимости, результатом осмысления Половцовым на свой лад информации, полученной от его киевских собеседников, и свидетельствуют, что сенатор по-прежнему весьма приблизительно представлял себе многие аспекты проблемы.

Письмо Половцова, несомненно, обладало большим весом для центральной власти, чем письма губернаторов. Уже 25 февраля начальник ГУП Н. С. Абаза отправил харьковскому цензору А. И. Паломацкому секретную инструкцию, которая явно была следствием письма сенатора. В ней цензору предлагалось внимательно следить за публикациями

³⁸ ГАРФ, ф. 583, оп. 1, д. 60. Л. 89 об—91. (Тетрадь сшита таким образом, что оборот листа следует прежде листа с нумерацией, т. е. письмо занимает 6 листов.)

«в пользу отмены ограничений малорусской речи» и сообщалось, что «правительство, предполагая сделать некоторые облегчения в употреблении малорусского наречия, не находит возможным, однако, отменить все меры, принятые в 1876 г. против развития украинофильства, пользуясь сколько известно, поддержкой австрийского правительства». ³⁹

* * *

Статьи и заметки, призывающие к отмене «стеснений малорусского слова», стали появляться с конца 1880 г. как в провинциальной, так и в столичной печати.⁴⁰ Главный трибун украинофильства Драгоманов сколько-нибудь открыто выступать в российской прессе не мог, и его роль постарался взять на себя Костомаров. Первая его статья, озаглавленная «Малорусское слово», появилась в «Вестнике Европы» в январе 1881 г. Сославшись на планируемый пересмотр законов о печати вообще, Костомаров призывал обратить внимание и на положение малороссийского языка. Аргументы его были весьма умеренными — Костомаров ссылался на то, что не все образованные люди на Украине достаточно хорошо знают русский, а также на непопулярность принятых запретов. Он особо отмечал, что запрет ведет к ввозу из Галиции не всегда безвредных украинских изданий, и представлял распространение штундизма среди малорусских крестьян как результат такой политики.⁴¹ В своей статье Костомаровставил знак равенства между малорусским наречием и «провансальским, бретонским, нижненемецким, валлийским, шотландским провинциальными наречиями», которые, по его мнению, не подвергались никаким стеснениям, существуя «именно для домашнего обихода». В случае отмены запретов, — говорил Костомаров, — малороссийское наречие займет такое же место.⁴² По сравнению со своей публицистикой в «Основе» Костомаров принципиально менял тактику: наученный горьким опытом, он теперь не отстаивал принцип языкового равноправия, но использовал утилитарные аргументы, декларируя готовность признать иерархическое преобладание русского языка над малорусским наречием. Он формулировал лишь один практический постулат — в школьных учебниках «необходимо прилагать и малорусский текст излагаемого по-русски предмета», продолжая тем самым линию Драгоманова восьмилетней давности, выступавшего за то, чтобы в учебниках были и русский текст, и малорусский перевод.⁴³

³⁹ Савченко Ф. Заборона... С. 178—179.

⁴⁰ Пыпин в «Вестнике Европы» упоминает заметки в «Педагогической хронике», «Церковно-Общественном Вестнике», «Неделе». (Вестник Европы. 1881. № 1. С. 409.) Нам не удалось разыскать эти публикации.

⁴¹ Вестник Европы. 1881. № 1. С. 402—403.

⁴² Там же. С. 407.

⁴³ Там же. С. 403.

В том же номере была напечатана и заметка Пыпина «Малорусско-галицкие отношения», в которой он прямо солидаризовался со статьей Костомарова и добавлял в качестве аргумента в пользу отмены запретов, что они отталкивают от России «русских галичан». «С общерусской национальной точки зрения [...] надо было бы желать утверждения тесной связи нашей южнорусской литературы с такою же южнорусской литературой в Галиции», — писал Пыпин, который, похоже, был искренним сторонником концепции «большой» русской общности при сохранении иерархической русско-малорусской множественной идентичности.⁴⁴

Более общая статья Костомарова «Украинофильство», написанная в декабре 1880 г., появилась в февральской книжке «Русской старины». Изложив историю украинофильства как течения чисто культурного, лишенного политических стремлений, Костомаров объяснял репрессии против украинофилов интригами поляков. «Стремление писать по-малорусски истекало из присущей человеческому естеству любви к своему родному, с детства близкому — такой же любви, как любовь человека к семье [...] Малоруссы никогда не были покорены и присоединены к России, а издревле составляли одну из стихий, из которых складывалось русское государственное тело».⁴⁵ Вся система аргументации Костомарова совпадала, таким образом, причем порой буквально, с тем, что писал Драгоманов в 1872 г. в статье «Восточная политика Германии и обrusение».

На статьи Костомарова незамедлительно отреагировал главный гонитель украинофилов катковский «Русский вестник». Уже в мартовском номере журнал напечатал статью М. Ф. де-Пуле «К истории украинофильства». «Считать украинофильство явлением естественным, вытекающим из природы южнорусского племени, — писал де-Пуле, — грубая, ни с чем не сообразная ошибка».⁴⁶ Он выступал как сторонник триединой и в конечном счете гомогенной русской нации: «Малороссия (вообще Юго-Западная Русь), покоренная Литвой, а затем угнетаемая Польшей, воссоединилась с Северо-Восточной Русью [...] Малороссия толкнула Москву на путь преобразований; Малороссия вызвала к жизни предшественников Петра и подготовила его реформы, без Малороссии не было бы [...] и Российской империи как новой великой державы [...] Правда, в XVIII веке Малороссия как бы исчезла и потонула в волнах империи, но в тех же волнах точно так же потонула и допетровская Москва».⁴⁷ «В начале этого столетия закончилось то, чему было положено начало в конце XVII века — полное духовное единение Малой России с Великою. В Малороссии явилась

⁴⁴ Вестник Европы. 1891. № 1. С. 409.

⁴⁵ Русская старина. 1881. № 2. С. 329—330.

⁴⁶ Русский вестник. 1881. № 3. С. 213.

⁴⁷ Там же. С. 220.

общерусская интеллигенция, то есть такая же, как и во всей России (а не старшинская или казацкая, не полупольская)».⁴⁸ (Заметим, насколько отличается это описание истории взаимоотношений Великороссии и Малороссии от представлений Белинского — «колониально-цивилизаторский» дискурс сменяется концепцией «общего дела».)

Де-Пуле подчеркивал, что «ничего не имеет против писания рассказов, стихотворений, драматических пьес на малороссийском наречии», и призывал, чтобы «подобные сочинения не были исключением из общих цензурных правил». «Мы не видим также причины, почему нельзя дозволить учителю сельской школы прибегать с учениками к народному говору? Почему сельский священник не может так же поступать со своими прихожанами даже в церкви, поучая их как проповедник?»⁴⁹ Фактически де-Пуле повторял «разрешительную» часть записки Дондукова-Корсакова. Единственное отличие — это скептицизм харьковского генерал-губернатора в отношении способности крестьян понимать схоластические проповеди священников на каком бы то ни было языке.

Далее, в точном соответствии с логикой Дондукова-Корсакова, де-Пуле переходил к ограничениям, повторяя, а кое-где развивая его тезисы. Де-Пуле подчеркивал недопустимость придания малороссийскому языку официального статуса, использования его в образовании (за оговоренным исключением), в суде и других государственных институтах, в армии. Даже церковная проповедь на малорусском допустима, по его мнению, лишь в сельской церкви, поскольку в городе, где понимают по-русски, малорусская проповедь превратилась бы в орудие пропаганды. А в средней школе «нельзя допускать, чтобы воспитанники говорили между собой по-малороссийски».⁵⁰ Конечный идеал де-Пуле — языковая ассимиляция: «В настоящую пору распространение нашего государственного языка [...] идет с изумительной быстротой [...] О Малороссии и говорить нечего: здесь каждый крестьянин, каждый казак, пожив в городе, *eo ipso* становится уже москалем [...] Народность сама ассимилируется, сама бежит на встречу с общей матерью-родиной, а вы говорите о жестокости, насилии!»

Де-Пуле отмечал, что очерченная им сфера допустимости малороссийского языка не может удовлетворить украинофилов, и настаивал, что «в случае их попыток перейти указанные черты [...] должен быть дан им сильный отпор, сильный, как во всяком внутреннем расколе».⁵¹ Здесь он продолжал линию Каткова, подчеркивая особое качество украинофильского «лингвистического сепаратизма» (де-Пуле дважды употребляет это понятие⁵²) как диверсии изнутри русского

⁴⁸ Вестник Европы. 1881. № 1. С. 214.

⁴⁹ Там же. С. 228.

⁵⁰ Там же. С. 229—230.

⁵¹ Там же. С. 233.

⁵² Там же. С. 224, 227.

национального тела. «Надеемся, что наши украинофилы [...] указывать не будут на пример иноплеменных литературных языков, благополучно существующих и даже рождающихся в нашей империи. [...] Пример этот нам, русским, не указ, и особенного существенного вреда нам не приносит, как принесет непременно это разделение на ся, эти две или три русские литературы, каждая со своим языком», писал он, упоминая и угрозу развития потенциального белорусского сепаратизма по примеру малорусского.⁵³ В целом, если вспомнить те оговорки, с которыми Катков поддержал Валуевский циркуляр, статья де-Пуле была изложением последовательно националистической катковской позиции применительно к условиям, сложившимся накануне гибели Александра II. Отметим, что позиция эта совпадала со взглядами Дондукова-Корсакова, демонстрировавшего наиболее гибкий подход к украинскому вопросу среди высших царских бюрократов.

Показательно, что Костомаров предпочел не ввязываться в полемику с «Русским вестником» и ответил лишь на критическую статью в «Современных известиях», касавшуюся более частных вопросов, опубликовав в марте в «Вестнике Европы» статью «По вопросу о малорусском слове». Он отставивал тезис о двуязычных учебниках и отрицал обвинения в лингвистическом сепаратизме. Осуждая вообще стремление смешивать проблемы правописания (то есть кулишовку) с политикой, он, впрочем, оговаривался, что сам предпочитает систему, разработанную Максимовичем, с «ы» для твердого «и» и «и» для мягкого, как в русском.⁵⁴ В заключение Костомаров призывал к «снятию всякого запрещения с малорусского наречия и предоставлению совершенной свободы писать на нем».⁵⁵

И эту статью Костомарова Катков не оставил без ответа. Он прибег к весьма сильному, но и в той же степени неджентльменскому полемическому ходу, перепечатав под заголовком «Украинофильство и г. Костомаров» четыре свои антикостомаровские статьи 1863 г., в которых обвинял Костомарова в пособничестве польским стремлениям расколоть русскую нацию.⁵⁶ В кратком предисловии к этой подборке он писал: «Двадцать лет назад было смутно в умах — появился Костомаров с украинофильским вопросом. Теперь то же самое. Если бы ничего не знать, что происходит вокруг, то довольно этого появления, чтобы узнать погоду».⁵⁷ В апреле 1881 г. эти слова звучали

⁵³ Вестник Европы. 1881. № 1. С. 227.

⁵⁴ Там же. № 3. С. 364.

⁵⁵ Там же. С. 359.

⁵⁶ Русский вестник. 1881. № 4. С. 687—725. Катков включил в подборку передовые статьи из «Московских ведомостей» от 24.06.1863, № 136 и от 04.09.1863, № 191, а также статьи из № 24 и № 26 «Современной летописи» за 1863 г.

⁵⁷ Русский вестник. 1881. № 4. С. 687.

как прямое обвинение если не в сотрудничестве с цареубийцами, то во всяком случае в стремлении воспользоваться их успехом. (Между тем все статьи Костомарова были написаны до 1 марта 1881 г.) В то же время многие читатели «Русского вестника», впервые знакомившиеся с этими статьями Каткова, могли теперь узнать, что Костомаров не всегда отстаивал права украинского языка как всего лишь «наречия для домашнего обихода».

Совершенно новые мотивы в дискуссию об украинофильстве внесли публикации в народническом «Русском богатстве». В феврале 1881 г. журнал напечатал статью своего штатного публициста Л. Алексеева «Что такое украинофильство». Он осуждал попытки представить украинофильство как польскую интригу и говорил о движении как о «несчастном, напрасно гонимом и оклеветанном». Алексеев заявлял себя «самым горячим и верным сторонником» стремления украинофилов «отстоять национальную самобытность малорусского народа, легальными средствами борясь против его обруссения, против ассимилирования его великороссом». Обвинения в сепаратизме Алексеев вполне искренно считал совершенно беспочвенными и призывал разрешить малорусский язык в школе и в печати.⁵⁸

Но, начав «во здравие», он весьма неожиданно переходил к «за упокой», к рассуждениям о том, почему украинофильство ему «антипатично». «Мы, малороссы из партии народников, — писал Алексеев, — но нам нет дела до того, будет ли Малороссия жить как нация или погибнет; мы заботимся только о народе, а не о нации... Этим мы отличаемся от украинофилов, которые очень заботятся о Малороссии как национальной единице и отделяют малорусское дело от великорусского. В сложном понятии „малорусский крестьянин“ для нас впереди стоит — „крестьянин“, а для украинофилов — „малоросс“».⁵⁹ «Существование или исчезновение национальных отличий ни малейшим образом не влияет на развитие и удовлетворение коренных, существенных духовных и материальных нужд человеческой личности, — так формулировал Алексеев кредо журнала по нациальному вопросу. — Возрождение малорусской народности вовсе не нужно. Мало того, оно невозможно. Оно идет вразрез с направлением нашей эпохи. Украинофильство — движение ретроградное».⁶⁰

Алексеев повторил свои основные антиукраинофильские тезисы в июле 1881 г. в статье «Еще об украинофильстве», которая явилась ответом на рецензию в «Неделе», заметившей, что взгляды Алексеева в конечном счете совпадают со взглядами публициста «Киевлянина» А. Иванова, впервые выступившего против украинофилов еще в

⁵⁸ Русское богатство. 1881. № 2. С. 22—24.

⁵⁹ Там же. С. 29.

⁶⁰ Там же. С. 40. Из редакционного примечания (№ 11. С. 93) следует, что редакция вполне разделяла позицию Алексеева.

1863 г. в катковском «Русском вестнике». Впрочем, здесь Алексеев, в прямом противоречии со своей первой статьей, уже утверждал, что «малороссийский язык находится теперь уже в периоде вымирания».⁶¹

Осенью 1881 г., когда надежды на сколько-нибудь радикальный пересмотр Эмского указа окончательно развеялись, в полемику с Алексеевым включился Драгоманов, который, вероятно, посчитал, что тактические соображения, из-за которых он до сих пор хранил молчание, утратили свое значение. В статье «Что такое украинофильство» он подробно разбирал многочисленные ошибки и несуразности в публикациях Алексеева, порой, впрочем, и сам прибегая к весьма сомнительным расовым аргументам вроде рассуждений о вырождении белорусов в результате смешения с другими народностями.⁶² Алексеев оставил последнее слово за собой, признав в статье под названием «Сказка о белом бычке», что украинцы — нация, но заметив, что «заботиться о том, чтобы она и впредь осталась нацией, — нет никакой надобности».⁶³

Драгоманов впервые столкнулся с тем, что русские народники 70-х годов в большинстве своем смотрят на украинский вопрос совсем иначе, чем Герцен и Чернышевский, еще будучи в Киеве. Он вспоминал позже о приезде в Киев в первой половине 70-х делегата от петербургского «социально-революционного кружка». Выслушав реферат Драгоманова об украинофильстве, делегат заявил: «Все это, может быть, верно, но к делу не идет. Мы должны думать о борьбе с общим врагом, а Вы, говоря нам об Украине как о чем-то особом, вносите разделение в наши силы!» Драгоманов пишет, что эти рассуждения напомнили ему логику Ширинского-Шихматова, который тоже всегда говорил об общем враге, но для него им была Польша.⁶⁴ Из воспоминаний Дейча о начале его революционной деятельности в 70-е годы следует, что и среди молодых киевских народников было немало противников украинофилов. «По нашему мнению, он своими „скучными и никому не нужными предприятиями“ вроде „сборника малороссийских преданий“ или „песен“ отвлекал передовую молодежь, и без того склонную к украинофильству, от единственного насущного и полезного дела — от общерусского революционного движения», — описывал

⁶¹ Русское богатство. 1881. № 7. С. 69.

⁶² Петрик М. (Драгоманов) «Что такое украинофильство» // Русское богатство. 1881. № 11. С. 111. Интересно, что сам Драгоманов позднее отмечал: «Я во многом разделял стремления и идеи украинских националистов, но во многом они мне казались реакционными» (Автобиография М. П. Драгоманова // Былое. 1906. № 6. С. 187). Суть расхождений Драгоманова с позицией «Русского богатства» лучше всего отражают такие его слова: «Здесь плохой тот украинофил, который не стал радикалом, и плохой тот радикал, который не стал украинофилом» (там же. С. 198). Впрочем, мы уже отмечали, что в 80-е гг. Драгоманов склонен был преувеличивать свой радикализм начала 70-х гг.

⁶³ Русское богатство. 1881. № 12. С. 37.

⁶⁴ Автобиография М. П. Драгоманова // Былое. 1906. № 6. С. 192.

Дейч отношение к Драгоманову в своем киевском кружке.⁶⁵ Возможно, что неприязнь Дейча как ассилированного еврея к украинофильству была особенно обострена потому, что украинофилы очень часто подчеркивали «вредное влияние» евреев на жизнь Юго-Западного края. Не подлежит, однако, сомнению, что отрицательное отношение к украинофильству было типично для большинства активистов русского революционного движения 70-х — 80-х годов. Сам Драгоманов, вспоминая киевский конфликт, писал в середине 80-х: «С тех пор прошло одиннадцать лет, в течение которых нам пришлось и устно, и печатно говорить об Украине с добрыми 200 „русских революционеров, социалистов“ и пр., — известных и неизвестных, ученых и неученых — но все наши беседы были только более или менее повторением вышеизложенной беседы».⁶⁶

Из воспоминаний Л. Дейча мы знаем некоторые подробности этих бесед Драгоманова с русскими социалистами в Женеве в начале 80-х гг. Драгоманов на одном из собраний в июле 1880 г. стал осуждать русских социалистов за то, что многие из них, принадлежа к малороссам, ничего не делают для своих сородичей. Дейч так пересказывает свою ответную речь: «Я постарался представить деятельность украинофилов на юго-западе бесполезным времяпрепровождением, чуть ли не переливанием из пустого в порожнее. Я сообщил, как украинофилы по несколько лет проводят в обработке одной буквы малороссийского словаря или в сортировании народных песен и поговорок, а если уже раскачиваются написать что-нибудь для народа, то печатают столь глубокомысленные рассказы, как „Про сиру кобилу“ или „Як баба Параська, та купила порося!“» «Помню, — замечает Дейч, — раздался веселый и одобрительный смех».⁶⁷ Когда оскорбленные украинцы покинули собрание и прислали затем коллективный протест, никто не предложил Дейчу извиниться и вообще не проявил заинтересованности в примирении. Происшедший тогда разрыв Драгоманова с общерусской эмиграцией в Женеве «уже не прекращался; наоборот, он все более обострялся и усиливался».⁶⁸ Попытка возобновить контакты, предпринятая Драгомановым в 1883 г., закончилась плачевно. Он обратился к «общерусской» эмиграции с призывом вести пропаганду не только «на великорусском, но и на малорусском языке», ссылаясь на опыт австрийских социалистов. Возражение Н. И. Жуковского — «Как же вы хотите, чтобы пропаганда велась

⁶⁵ Дейч Л. Г. Русская революционная эмиграция 70-х годов. Петербург, 1920. С. 24.

⁶⁶ Драгоманов М. Отношение великорусских социалистов 70-х годов к народно-федеральному направлению // Киевская старина. Май—июнь. 1906. С. 8—10.

⁶⁷ Дейч Л. Украинская и общерусская эмиграция // Вестник Европы. 1914. № 8. С. 217—218.

⁶⁸ Там же. С. 222.

на языках всех народов, когда у некоторых из них не имеется собственного языка» — сопровождалось «гомерическим хохотом и громом аплодисментов».⁶⁹

Конечно, как в любом русском общественном движении, отношение народников к украинофильству отнюдь не всегда было таким издевательским и ерническим. Тот же Жуковский входил в редакцию «Общины», которая писала: «Москвич, поляк, украинец друг другу не указчики, а товарищи. Теперь все они живут под гегемонией великороссов и называются русским народом потому именно, что над нами русский становой; исчезнет становой, и все эти народы будут предоставлены самим себе, а в каких пределах и как они сфедерируются друг с другом, это может показать только практика».⁷⁰ М. Яворский отмечал, что украинофильские настроения были у целого ряда участников процесса 193-х, а Лизогуб специально хотел отдать брата к учителю-украинофилу, объясняя это тем, что «под влиянием украинофилов лучше всего вырабатываются социалисты».⁷¹ Преобладала, однако, тенденция, описанная Дейчем. Русская интеллигенция, участвовавшая в революционном и оппозиционном движении, отказываясь от сотрудничества с правительством, отчасти выполняла тем не менее ассимиляторскую роль — многие малороссы, вовлеченные в «общерусские» политические движения, оказались потеряны для украинофильства. В очередной раз отадим должное прозорливости Драгоманова, который выражал опасение, что после принятия конституции «московские люди... поведут свое дело так, что потянут за собой множество помосковленных людей и на Украине. Некоторое время украинство не погибнет, но станет снова „провинциальным родственником“, прихвостнем».⁷² Как видим, стремление трактовать украинофильство именно таким образом достаточно ярко обозначилось задолго до того, как в России появилось хоть какое-то подобие конституции.

* * *

Предложение Половцова о созыве специального Совещания по украинскому вопросу было реализовано, но в обстоятельствах, которых он заведомо не мог предвидеть. 1 марта 1881 г. Половцов закончил ревизию и отправился в Петербург, лишь в дороге узнав о гибели Александра II в результате седьмого покушения на его жизнь, из последних сил организованного «Народной волей». Когда Александр III в августе 1881 г. приказал собрать запланированное Совеща-

⁶⁹ Дейч Л. За рубежом // Вестник Европы. 1912. № 9. С. 181—182.

⁷⁰ Цит. по: Яворський М. Емський акт 1876 р. // Прапор Марксизму. 1927. № 1. С. 128—129.

⁷¹ Там же. С. 129.

⁷² Драгоманів М. Шевченко, українофіли й соціалізм. С. 157.

ние, Лорис-Меликов давно уже был в отставке, от его реформаторских планов остались лишь слабые следы, а подписанный Александром II утром 1 марта указ о созыве двух комиссий с участием представителей от дворянства, земств и городов для обсуждения проектов дальнейших реформ так и не был обнародован. Оттепель закончилась, не успев толком начаться, на Россию легла тень «совиных крыл» Победоносцева. (Да простит читатель заезженную цитату — уж больно она точна!)

Среди участников Совещания не оказалось никого, кто принимал участие в обсуждении вопроса в начале 1881 г., даже Половцова, не говоря уже о Дондукове-Корсакове, который был к тому времени переведен с поста харьковского генерал-губернатора. Вместе с председательствовавшим новым министром внутренних дел гр. Н. П. Игнатьевым в него вошли министр государственных имуществ М. Н. Островский, министр народного просвещения Д. М. Сольский, обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев и новый начальник ГУП кн. П. П. Вяземский. Ничего хорошего от Совещания в таком составе ожидать было нельзя. Только Сольского и Вяземского с определенной натяжкой можно отнести к числу умеренных либералов. Но реальным влиянием обладали не они. Победоносцев уже в первые недели после гибели Александра II не просто открыто выступил против проектов Лорис-Меликова, но постоянно подчеркивал своему воспитаннику, новому царю, мотив «исконно русского духа». Сам Александр III был к таким речам весьма отзывчив. *Mot d'ordre* теперь — русские начала, русские силы, русские люди, — одним словом — руссизм во всех видах. Авось, ничего, как-нибудь. Недоставало бы замены, в государственном гербе, двуглавого орла раком, — записывает в это время в своем дневнике саркастичный Валуев.⁷³ Назначая, по совету Победоносцева, на министерский пост искренне верившего во всемогущий польско-жидовский заговор Н. П. Игнатьева, царь специально отмечал, что тот «настоящий коренной русский».⁷⁴ К партии Победоносцева принадлежал и Островский.

Из подготовленного для царя доклада Совещания ясно, что оно обсуждало только те пункты Эмского указа, которые касались цензуры. Вопросы об использовании украинского в школе в том ограниченном объеме, который имели в виду Половцов и Дондуков-Корсаков, и о возможности возобновления деятельности Отдела РГО в Харькове вообще не ставились.⁷⁵

Совещание пришло к выводу, что «пятилетнее применение этих правил обнаружило некоторые их неудобства». Упомянув, что это

⁷³ Валуев П. А. Дневник 1877—1884 гг. С. 181.

⁷⁴ См., например: Валуев П. А. Дневник. 1877—1884 г. С. 161; Зайончковский П. А. Кризис самодержавия... С. 338.

⁷⁵ РГИА, ф. 776, оп. 11, ед. хр. 61. Л. 81—82.

вызывало представления киевского и харьковского генерал-губернаторов, а также «многих губернаторов и частных лиц», Совещание тем не менее «признало необходимым оставить эти правила в силе и на будущее время, сделав в них, для устраниния обнаружившихся на практике неудобств, лишь некоторые изменения и дополнения, не касающиеся однако начал, положенных в основание этих правил».⁷⁶ Предложенные Совещанием изменения действительно были крайне ограниченными. «Совещание признало необходимым 1) пункт второй правил дополнить пояснением, что к числу изданий, которые дозволяется печатать на малорусском наречии, прибавляются словари, под условием печатания их с соблюдением общерусского правописания или правописания, употреблявшегося в Малороссии не позже XVIII века, 2) пункт третий разъяснить в том смысле, что драматические пьесы, сцены и куплеты на малорусском наречии, дозволенные к представлению в прежнее время драматическою цензурою и могущие вновь быть дозволенными Главным управлением по делам печати, могут быть исполнены на сцене, с особого, однако, каждый раз разрешения генерал-губернаторов, а в местностях, не подчиненных генерал-губернаторам, — с разрешения губернаторов, и что разрешение печатания на малорусском наречии текстов к музыкальным нотам, при условии общепринятого русского правописания, предоставляется Главному управлению по делам печати».⁷⁷ Особо было подчеркнуто, что совершенно воспрещается «устройство специально малорусского театра и формирование трупп для исполнения пьес и сцен исключительно на малорусском наречии».⁷⁸ Имелось в виду, что каждое представление должно было включать наряду с украинской пьесой также и русскую. Поскольку Эмский указ был секретным, эти новые правила также предполагалось распространить как служебную инструкцию, «не объявляя во всеобщее сведение». Никакого обсуждения существа украинского вопроса и аргументов сторонников отмены Эмского указа в докладе не было.

Доклад Совещания был утвержден Александром III в Гатчине 8 октября 1881 г. без каких-либо поправок.⁷⁹ Циркуляр о принятых изменениях был разослан губернаторам 16 октября. Инструкции, принимавшиеся в последующие годы, лишь ужесточали применение Эмского указа, вредность которого была ясна еще в момент его принятия наиболее трезвым противникам украинофильства среди царских бюрократов.⁸⁰ Вместе с многими другими маразматическими элементами старого режима Эмский указ перестал действовать лишь в 1905 г.

⁷⁶ РГИА, ф. 776, оп. 11, ед. хр. 61. Л. 82—82 об.

⁷⁷ Там же. Л. 82 об—83 об.

⁷⁸ Там же. Л. 83 об.

⁷⁹ Там же. Л. 81.

⁸⁰ См., например, циркуляр ГУП от 31 декабря 1883 г. губернаторам южных губерний с требованием следить, чтобы пьесы на русском языке составляли не менее половины каждого представления местных трупп. РГИА, ф. 776, оп. 11, ед. хр. 61. Л. 95—96.

Впрочем, никакой новой, более осмысленной политики в украинском вопросе режим так и не смог выработать вплоть до своего краха в феврале 1917 г.

Переход в царствование Александра III к политике русификации в масштабе всей империи означал по сути интеллектуальную капитуляцию перед проблемой формирования русской нации. Задачу русификации империи в целом можно было рассматривать как хоть сколько-то реалистичную, и то лишь в отдаленной перспективе, только в том случае, если соглашаться с официальным тезисом об абсолютном преобладании русских среди населения Российской империи. Между тем защищать этот тезис можно было, только декларативно включая малороссов и белорусов вместе с великоруссами в состав единой общерусской нации. А это, в свою очередь, предполагало игнорирование уроков предыдущего царствования, события которого предельно ясно продемонстрировали политической элите, что над достижением цели объединения восточных славян в единую нацию необходимо долго и упорно работать. Эти уроки и были проигнорированы, когда насилиственное обращение в православие — излюбленное средство не понимавшего механизмов националистической политики Победоносцева — превратилось в стержень русификаторских усилий власти.⁸¹ Неудивительно, что главным результатом недифференцированной и неумелой русификаторской политики последних двух царствований стали лишь гигантские православные соборы сомнительных архитектурных достоинств, кое-где сохранившиеся, как в Хельсинки, кое-где позднее снесенные, как в Варшаве.

⁸¹ Хороший анализ русификаторской программы Победоносцева см. в: Thaden E. C. Conservative Nationalism... Р. 183—203.

Заключение

Во Введении мы сформулировали две основные задачи этого исследования. Первая состояла в реконструкции процесса принятия властями решений по «украинскому вопросу» и реакции русского общественного мнения на развитие украинского национального движения. Суммируя полученные результаты, мы можем заодно предложить определенную периодизацию развития событий.

Начало модерного украинского национализма можно отнести к середине 1840-х гг. Кирилло-Мефодиевское общество, ставшее первой попыткой его организационного оформления, было разгромлено властями в 1847 г. При этом власти сознательно обошлись с большинством братчиков довольно мягко, чтобы не толкнуть украинофилов к радикализму и союзу с поляками. Принцип «сдержанности» в персональных репрессиях против активистов украинского движения оставался в силе по крайней мере до конца XIX в.

Русское общественное мнение уже в 40-е гг. было расколото в своем отношении к украинскому национальному движению. Ясно выраженный ассимиляторский подход был представлен Белинским и Венелиным. В то же время Ю. Самарин на рубеже 40—50-х гг. выскрывался в пользу политического единства Великороссии и Малороссии при ограничении языковой и культурной ассимиляции.

Условия для новой активизации украинофильства возникли во второй половине 1850-х гг. — в связи с общей либерализацией в начале царствования Александра II члены общества были возвращены из ссылки и получили возможность возобновить общественную деятельность. С конца 50-х власти достаточно внимательно следили за украинофилами, но репрессий не предпринимали. Более того, в 1860 г. украинофилам было разрешено издавать в Петербурге свой журнал «Основа». Можно утверждать, что власти лишь постепенно приходили к осознанию природы и масштаба угрозы — вплоть до 1862 г. они, за редким исключением, не противодействовали стремлению к эманципации украинского языка, а отдельные ведомства (прежде всего МНП) порой даже оказывали этим усилиям поддержку.

Летом 1863 г., на фоне польского восстания, но не только в связи с ним, министр внутренних дел Валуев издал циркуляр, резко ограничивший издательские возможности украинофилов. Он приостанавливал публикацию любых книг для народа, включая учебники и религиозные тексты. Главной целью циркуляра было блокировать усилия, направ-

ленные на эманципацию украинского языка и распространение грамотности на украинском среди крестьян. Инициатором бюрократического процесса по его подготовке был военный министр Д. Миллютин, активную роль играли III отделение и киевский генерал-губернатор Н. Анненков. Настойчивое противодействие этим планам исходило от министра народного просвещения Головнина. Роль Святейшего Синода в подготовке циркуляра, которую некоторые исследователи считали ключевой, в действительности была маргинальной.

В относящихся к 1863—1864 гг. правительственные документах была ясно сформулирована задача языковой ассимиляции малорусского крестьянина и достаточно полно перечислен арсенал практических мер для достижения этой цели. К этому же времени относится единственный эпизод, когда петербургские власти оказались способны эффективно использовать в борьбе с украинофильством меры не репрессивного свойства. Речь идет о привлечении украинофилов к работе в гражданской администрации Царства Польского, эксплуатировавшей широко распространенную в этой среде полонофобию. На 1864—1872 гг. приходится спад украинского национального движения.

Новая активизация украинофильства в первые годы царствования Александра II вызвала враждебную реакцию большей части русской прессы, и прежде всего московских изданий Каткова и «Дня» И. Аксакова. Однако часть петербургской прессы симпатизировала украинофилам. Целый ряд русских деятелей культуры помогал Костомарову в сборе средств для издания украинских учебников. Однозначную поддержку украинскому движению выразил «Колокол» Герцена. Критика украинофилов их противниками была при этом сдержанной.

Начиная с осени 1862 г. полемика против украинофилов становится все более агрессивной, однако вся пресса неизменно выступала против репрессий. В то же время Катков, не призывая к этому открыто, оказал поддержку силам, добивавшимся принятия административных запретов. Позднее он единственный высказался, хотя и с оговорками, в поддержку Валуевского циркуляра.

В целом дискуссия по «украинскому вопросу» в русской прессе происходит на фоне общего поворота внимания к национальной проблематике. Отмена крепостного права и последующие либеральные реформы начала царствования Александра II открыли новые возможности для прессы и других форм формирования и выражения общественного мнения, оживили надежды на введение конституции и тем самым неизбежно способствовали выдвижению темы нации на первый план. Вызов со стороны украинского национализма становится исключительно важным катализатором дискуссии о проблеме формирования самой русской нации. Представление о Малороссии и Белоруссии как об «исконно русских землях», о малороссах и белорусах как о частях русского народа ясно прослеживается в правительенных документах и преобладает в общественном мнении. В статьях Каткова и ряде публикаций «Дня» на тему украинофильства концепция большой рус-

ской нации, включающей малороссов и белорусов, получает свое наиболее полное для того времени выражение. Подчеркнем при этом, что в своих первых выступлениях по «украинскому вопросу» Катков продемонстрировал понимание того, что общерусский и украинский проекты национального строительства суть именно конкурирующие проекты с обоюдными шансами на успех.

Оппозиция концепции большой русской нации со стороны Герцена и Чернышевского опирается на идеи национального самоопределения, право на которое они признавали за всеми народами империи, включая малороссов и белорусов. В правительственные кругах скептическое, не-редко подозрительное отношение к акцентированию национальной проблематики вообще и проблемы формирования русской нации в частности было присуще традиционалистам — приверженцам сословного порядка и старых механизмов легитимации самодержавия. Элементы такого подхода могли сочетаться с элементами национализма, как, например, у Валуева — противоречивость его позиции отражает объективные противоречия той переходной стадии, когда национализм постепенно вытеснял в умах высшей бюрократии традиционалистские ценности. Такое же противоречие можно позднее наблюдать и у Победоносцева, с той только разницей, что православный традиционализм и ксенофобный национализм обер-прокурора Святейшего Синода существенно отличались от аристократическо-космополитичного традиционализма и умеренно-либерального национализма Валуева.

Особо нужно сказать о позиции тех малороссов, которые имели общерусскую идентичность. Их взгляды могут рассматриваться как часть русского общественного мнения. Среди этих людей было немало весьма решительных противников украинских националистов. В 60-е гг. их роль в публичной полемике против украинофилов оставалась второстепенной. Однако из этой среды выходит ряд конфиденциальных обращений к властям, сыгравших существенную роль в принятии Валуевского циркуляра.

Активизация украинофильства в середине 1870-х гг. была связана уже с деятельностью нового поколения, впервые заявившего о себе в начале 60-х гг., но остававшегося тогда в тени возобновивших свою деятельность бывших членов Кирилло-Мефодиевского общества. Центр украинофильской активности перемещается из Петербурга в Киев. Понимая бесперспективность политики, основанной лишь на административных запретах, тогдашний киевский генерал-губернатор Дондуков-Корсаков придерживается гибкой тактики «приручения» украинофилов — предоставляемые определенные возможности для их культурной и научной деятельности, но не делая уступок в ключевом вопросе о допущении украинского языка в школу, он надеется придать движению умеренный, лоялистский характер. Эта политика, осуществлявшаяся Дондуковым-Корсаковым на свой страх и риск, без санкции Петербурга, приносит определенные плоды. Однако конфликт украино-

филов с их противниками в малорусской среде в Киеве подтолкнул последних обратиться с рядом доносов в Петербург — к министру народного просвещения Толстому и начальнику III отделения Потапову. Созданное по указанию царя Секретное совещание разработало новые репрессивные меры против украинофилов, которые в конечном счете были еще более усилены в результате интриг тех оставшихся в меньшинстве членов Совещания, которые были сторонниками максимально жестких запретов как главного инструмента борьбы с украинофильством. Как и в 1863 г., Александр II 18 мая 1876 г. охотно поддержал наиболее радикальную версию антиукраинофильских инструкций, получивших название Эмского указа. Тщетны оказались старания министра внутренних дел Тимашева, опиравшегося, вероятно, на поддержку в. кн. Константина Николаевича, по горячим следам смягчить Эмский указ.

Попытка пересмотра Эмского указа была предпринята по инициативе сенатора Половцова в 1880 г. Она была активно поддержаны харьковским генерал-губернатором Дондуковым-Корсаковым и сменившим его на посту киевского генерал-губернатора Чертковым, а также рядом влиятельных сановников из окружения Лорис-Меликова в Петербурге, что еще раз свидетельствует об отсутствии единства в рядах высшей бюрократии в подходе к «украинскому вопросу». После убийства Александра II и отставки Лорис-Меликова Совещание о пересмотре Эмского указа оказалось под контролем Победоносцева и его сторонников, а потому ограничилось лишь косметическими поправками. В царствование Александра III цензурная политика в отношении украинских изданий была еще более жесткой, чем в годы правления его отца. Эмский указ оставался в силе вплоть до революции 1905 г.

Центр публичной полемики в 1870-е гг. также смещается в киевские газеты, только позднее на короткое время выплескиваясь на страницы столичной прессы, среди которой наиболее ангажированную антиукраинофильскую позицию, как всегда, занимают катковские издания. Однако теперь ключевая роль в этой полемике даже в столичных изданиях принадлежит малорусским противникам украинофильства. Они же, в особенности Юзефович, подтолкнули тот административный процесс в Петербурге, который завершился принятием Эмского указа. Подчеркивая видную роль малорусских противников украинофильства в формировании общественного мнения и в принятии административных решений, а также отсутствие единства в среде центральной бюрократии и великорусских публицистов в подходе к «украинскому вопросу», мы вовсе не стремимся перераспределить ответственность, но делаем это, чтобы показать, что «линия фронта» проходила не по этнической границе. О проблеме ответственности заметим, — репрессивного характера политики в отношении украинского движения вовсе не отрицая, — что, в отличие от XX в., масштаб и качество репрессий в XIX в. дают немного оснований для использования мартирологических мотивов при описании русско-украинских отношений. Нет оснований и

говорить о тотальном запрете публикаций на украинском, что часто делается в литературе.

Второй, более спекулятивного свойства, вопрос, сформулированный во Введении: почему альтернативный украинскому проекту национального строительства проект общерусской нации потерпел неудачу? Применительно к таким сложным социально-политическим процессам, как формирование наций, любая попытка выделить тот или иной фактор в качестве решающего неизбежно становится легкой добычей критики. Скажем поэтому осторожно: мы сосредоточились по преимуществу на тех сторонах процесса, которым прежде не уделялось должного внимания.

До сих пор исследователи, занимавшиеся этими сюжетами, обсуждали следующие факторы. Во-первых, речь шла об успехе самого украинского движения. Действительно, чтобы убедиться в том, что силу украинского национального движения нельзя недооценивать, достаточно сравнить его с белорусским. Но и преувеличивать эту силу также не стоит. Вплоть до революционных времен оно так и не стало массовым. Е. Чикаленко, сам украинофил, не без иронии заметил в своих мемуарах, что если бы поезд, в котором в 1903 г. ехали из Киева в Полтаву делегаты на открытие памятника Котляревскому, потерпел крушение, то это означало бы конец украинского движения на многие годы, если не десятилетия — практически все его активисты помешались в двух вагонах этого поезда.¹ Не забудем также, что только на рубеже веков украинофильство смогло решить две ключевые для всех таких движений задачи — стандартизовать язык и создать его словарь, а также сформировать собственную целостную национальную концепцию истории. (Чехи, с которых украинофилы брали пример, сумели сделать это уже в первой половине XIX в.)

Во-вторых, часто говорится об особенностях малорусского крестьянина (например, о его привязанности к земле) и о серьезных различиях между ним и великорусским крестьянином, которые затрудняли ассимиляцию. Не отрицая этих особенностей и различий, решимся все же, взяв в союзники самого глубокого украинского историка послевоенного времени И. Рудницкого, утверждать, что ассимиляционный барьер не был высок.² Если воспользоваться терминологией Ю. Хлебовчика, русско-украинское культурное и языковое пограничье в максимальной степени соответствует понятию переходного, а не стыкового. Как верно заметил Дж. Армстронг, по лингвистическим признакам невозможно было определить, где кончаются малороссы и начинаются великороссы или белорусы. Не было здесь и религиозного

¹ Чикаленко Е. Спохады (1861—1907). New York. 1955. С. 337.

² О низости ассимиляционного барьера и податливости украинского крестьянина русификации И. Рудницкий писал в статье «Русификация или малороссийизация?» // Лисяк-Рудницький І. Історичні есе. Т. 2. Київ, 1994. С. 476.

барьера, который играл столь важную роль в польско-украинских отношениях. (Влияние проблемы униатства возрастает лишь в конце XIX в. и лишь в западной части Украины.³) Не было и ассимиляционного отторжения со стороны русских — малоросс по происхождению, говоривший по-русски и причислявший себя к русским, таковым автоматически великорусами и признавался, что по отношению ко многим другим этническим группам выглядело совсем иначе. Собственно, этот механизм работает и сегодня.

Привязанность крестьянина к его «украинской» земле также не стоит мифологизировать. Город в рассматриваемый период просто не создавал достаточно рабочих мест, которые могли быть заняты выходцами из деревни. Зато число украинских переселенцев на свободные земли на востоке империи уже до революции 1917 г. приблизилось к 2,5 млн человек — то есть составило почти 14 % всех украинцев империи. Еще без малого 8 млн малороссов жило в регионах со смешанным великорусско-великорусским населением, где также интенсивно развивались ассимиляционные процессы. Хотя способствующие ассимиляции социально-экономические факторы во второй половине XIX в. еще только начинали сказываться, за это время «обрусели» 1,5 млн украинцев. Поэтому и масштаб демографической массы украинцев, будучи фактором очень важным, тем не менее не может служить самодостаточным объяснением произошедшего, особенно с учетом того, что великоруссы по численности превосходили малороссов в 2,5 раза, что примерно соответствовало пропорции франко- и *patois*-говорящих во Франции 60-х гг. XIX в.

Среди обстоятельств, затрудняющих реализацию ассимиляторского проекта, часто упоминается русско-польское политическое, экономическое, культурное соперничество в западных губерниях. Действительно, роль поляков и выходцев из полонизированных семей в развитии украинского движения была значительной, особенно на его ранних этапах. Очевидны идеальные заимствования. Позднее польские политики нередко оказывали украинскому движению в Галиции материальную поддержку.

Однако влияние «польского фактора» на ситуацию было амбивалентным. В течение всего XIX в. большинство образованных малороссов считало поляков врагом номер один, а для крестьян ненависть к польским панам вообще была краеугольным камнем представлений об окружающем мире. Этническая, религиозная и социальная вражда к полякам подталкивала большинство малороссов к ориентации на Россию хотя бы через механизм негативного выбора. Даже некоторые лидеры

³ Armstrong J. A. The Autonomy of Ethnic Identity: Historic Cleavages and Nationality Relations in the USSR // Alexander J. Motyl (ed.) Thinking Theoretically About Soviet Nationalities. History and Comparison in the Study of the USSR. Columbia Univ. Press, New York, 1992. P. 34—35.

Кирилло-Мефодиевского общества позднее готовы были служить царю в качестве чиновников-русификаторов, если эта служба была «против поляков». Можно сказать, что власти были довольно сдержаны в использовании тех возможностей, которые открывала для них вражда малорусского крестьянина к польскому землевладельцу.

Некоторые исследователи особенно подчеркивают ту роль, которую играла в развитии ситуации Галиция, а иначе говоря, то обстоятельство, что существенная часть территории расселения украинского этноса находилась вне контроля Петербурга. И здесь, признавая важную роль Галиции в развитии украинского движения, особенно в последние десятилетия XIX и в XX вв., заметим, что сама Галиция не располагала материальными и интеллектуальными ресурсами, чтобы выступать в качестве украинского Пьемонта. Даже та поддержка украинскому движению, которую оказывали иногда польские политики и Вена, радикально изменить положения не могла. Роль Галиции была во многом производной от положения в русской части Украины.

Значения этих факторов, как видно из только что сказанного и из книги в целом, мы не отрицаем. Однако если анализ ими ограничивается, а дело, как правило, так и обстоит, то это явно или имплицитно предполагает, что для реализации конкурирующего с украинофильским варианта национального строительства было сделано все возможное. Между тем именно этот тезис мы и считаем ошибочным.

Сказав, что ассимиляционное давление на малороссов в XIX в. было довольно слабым, прежде всего попытаемся, отдавая себе отчет в некоторой условности подобной операции, разделить объективные и субъективные причины такого положения дел. Отсталость социально-экономического развития России по сравнению с ведущими европейскими государствами была очевидна. Столь же очевидно, что эта отсталость в развитии железнодорожной сети, промышленности и урбанизации крайне затрудняла реализацию ассимиляторского проекта. Она ограничивала мобильность населения и снижала тот потенциальный выигрыш от владения господствующим государственным языком, осознание которого крестьянами Франции столь ускорило в последней трети XIX в. вытеснение *patois* французским. Отсталость России ограничивала также людские и материальные ресурсы, которые находились в распоряжении правительства.

Модернизация запаздывала не только в сравнении с Францией или Англией, с которыми мы сопоставляли Россию. Не менее важно, что она запаздывала в сравнении с «приходом национализма» на пространство Российской империи — во Франции и Англии развитие индустриальной революции на несколько десятилетий опережало появление националистического «вызова», а в России — наоборот.

Уже здесь, однако, можно поставить вопрос о том, в какой мере масштабы этой отсталости России были усугублены правящими кругами империи, решавшими проблему устранения феодальных пережитков и задачи экономической и политической модернизации империи неиз-

менно позже и неизменно хуже, чем Габсбурги и тем более Гогенцоллерны с их юнкерами?⁴ Достаточно хотя бы задаться вопросом, существовала ли объективная возможность введения в России 1860-х гг., пусть и неизбежно ограниченных, элементов конституционного строя? Иначе говоря, в какой степени субъективный фактор способствовал нарастанию объективного отставания?

В России ни один из тех институтов, которые Франция столь успешно эксплуатировала при осуществлении своего проекта национального строительства — а именно школа, армия, местная администрация, — ни по своему состоянию, ни по уровню государственного финансирования не мог выполнить сходные задачи. В свою очередь, слабость административной системы предопределяла непоследовательность российской политики, которая существенно менялась в связи со сменой не только самодержцев, но и генерал-губернаторов. Плачевное состояние этих институтов и государственной машины в целом усугублялось ограниченностью возможностей использования общественных ресурсов, хотя бы для пополнения остродефицитных кадров образованных чиновников. Это во многом объясняется тем упорством, с которым самодержавие стремилось сохранить свою политическую монополию, то есть остатся самодержавием, даже после отмены крепостного права, служившего основой старого режима. Реформы 1860-х гг., будь они продолжены в политической сфере, открывали возможность преодолеть взаимное отчуждение власти и общества. Этого не произошло. Не берясь определить процентное соотношение вины, заметим, что ответственность лежит на обеих сторонах. Переход властей к контрреформаторской политике в 1870-е гг., утверждение бюрократическо-полицейского режима и нараставший с этого времени политический конфликт в русском обществе неизбежно подрывали привлекательность России как центра интеграционного притяжения для элит окраин империи.

Как бы то ни было, но мы старались показать, что даже те ресурсы, которыми правительство обладало, не были использованы эффективно.

⁴ Весьма нелестное для русского дворянства сравнение его качеств как сословия и политической элиты с прусским дворянством см. в: Raeff M. Russian Nobility in the Eighteenth and Nineteenth Centuries: Trends and Comparisons. In: Banac I., Bushkovich P. Nobility in Russia and Eastern Europe. New Haven, 1983. P. 99—122. Разумеется, опыт Австрии и Пруссии не стоит идеализировать. Достижения этих государств в сфере политической модернизации и демократизации выглядят весьма сомнительными, особенно в свете истории XX в. Критике прусского пути политического развития посвящены сотни книг. Однако их успехи в экономическом «догонянии» отрицать не приходится. И даже в политической сфере они смогли пережить кризис, связанный с первой мировой войной, с последствиями менее катастрофическими, чем Россия.

Не постесняемся повторить: проблема консолидации большой русской нации и механизмы этого процесса обсуждались в прессе, все основные элементы ассимиляторской программы были упомянуты в бюрократических документах и многие даже одобрены царем. Однако скоординированный план «положительных» ассимиляторских действий так и не был разработан. При обсуждении «украинского вопроса» во властных структурах внимание почти исключительно было сосредоточено на запретительных мерах. Задача консолидации именно большой русской нации, как задача принципиально отличная по способам ее решения от проблемы сохранения империи, так и не стала приоритетной в глазах властей. Скудное, даже сравнительно с имевшимися возможностями, финансирование начальной школы, отсутствие массовых изданий дешевой учебной литературы на русском, характер переселенческой политики и другие упомянутые в книге примеры нерадивости лишний раз свидетельствуют о низкой эффективности российской бюрократии как агента ассимиляции.

В результате в течение по крайней мере трех сравнительно стабильных — сравнительно с царствованием Николая II, разумеется, — десятилетий после отмены крепостного права, когда массы, в том числе крестьянство, еще оставались вне влияния радикалов, а возможности ассимиляторского давления на малорусского крестьянина и реализации общерусского проекта национального строительства, как бы они ни были ограничены, все же заметно превышали возможности немногочисленного и политически аморфного украинского национального движения по пропаганде его идей, власти империи, по сути дела, полагались на стихийную ассимиляцию, сведя собственные усилия лишь к административным запретам по отношению к пропагандистским усилиям украинских националистов. Жесткость и закрытость политической системы исключала также и переориентацию на более ограниченную стратегию «гибридной» ассимиляции по англо-шотландскому образцу.

Историк лишен возможности экспериментальной проверки своих гипотез — мы никогда не сможем доказательно ответить на вопрос, возможен ли был успех общерусского проекта национального строительства при более эффективной власти вообще и более эффективном использовании ею имеющихся ассимиляторских возможностей в частности. Как бы то ни было, ясно, что историю соперничества общерусского и украинского проектов национального строительства нужно рассказывать не только, а может быть, даже не столько как историю успеха украинского национального движения, но и как историю неудачи русских ассимиляторских усилий.

Вообще оценка результатов ассимиляции решающим образом зависит от выбранных критериев. Если брать чисто количественные показатели, то ассимиляционные процессы шли весьма успешно — «обрусевшие» исчислялись в миллионах; города Украины, в подавляющем большинстве заселенные местными уроженцами, говорили тем не

менее по-русски; практически неизбежно ассимилировались крестьяне-переселенцы. Оценка меняется, если ее критерием становится соревнование двух проектов национального строительства. В этом случае выясняется, что масштабы и темпы ассимиляции были в XIX в. все же недостаточны, чтобы обеспечить преимущество для проекта большой русской нации в условиях серьезного кризиса власти и «пришествия масс» в политику.

Аналогично выглядит и проблема оценки действенности Валуевского циркуляра и Эмского указа. Они были успешны в том смысле, что существенно затормозили процесс развития украинского национального движения. Однако сами по себе, не будучи подкрепленными достаточно мощным «положительным» ассимиляторским давлением, они не могли обеспечить победу проекту большой русской нации, а именно эту цель их авторы в конечном счете и преследовали.

Так что неудача проекта большой русской нации связана в первую очередь не со столь часто поминаемой Катковым и его последователями «польско-австрийско-немецкой интригой», но с объективной ограниченностью русского ассимиляторского потенциала, с неспособностью государства и сторонников общерусского проекта в обществе скординировать свои усилия, мобилизовать имевшиеся возможности для его реализации и для отстаивания уже достигнутого от вызова со стороны конкурирующего украинского проекта. «Окно возможностей» не было использовано, а тяжелейший политический кризис России в первые десятилетия XX в. и его последствия похоронили, среди прочего, и проект большой русской нации.⁵ Можно, конечно, допустить, что тот поистине катастрофический сценарий, кульминация которого пришла на 1917 г., не был неизбежен. Но вообще избежать серьезного политического кризиса в первые десятилетия XX в. Россия просто не могла. И еще до 1917 г. становится ясным, что предотвратить вытеснение малорусской версии идентичности украинской, то есть отрицающей общерусскую, не удастся. Успешный переход к той или иной форме автономии исключить было нельзя, но и он в условиях кризиса легитимности центральной власти был бы весьма затруднен, а к упреждающей кризис смене политики в «украинском вопросе» власти были не способны. Поэтому о достижениях в реализации этого проекта национального строительства можно сказать то же, что и в отношении ко многим другим аспектам российской модернизации — эти достижения были весьма существенны, но недостаточны для того, чтобы

⁵ Отмечу, что сходный образ использует Л. Е. Горизонтов, исследовавший русскую политику в польском вопросе: «Государственным деятелям прошлого, кажется, была чужда мысль о том, что время, отведенное историей на эксперименты, не безгранично». (См.: Горизонтов Л. Е. Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше. М., 1999. С. 219.)

выдержать те внутренние и внешние вызовы, с которыми России пришлось столкнуться.

Вне зависимости от того, насколько убедительной покажется читателю предложенная оценка значимости различных факторов, предопределивших неудачу проекта большой русской нации, рискнем настаивать, что именно сквозь призму соперничества этого проекта с украинским можно наиболее адекватно описать развитие событий в XIX в. и логику поведения их участников.

* * *

Разумеется, история русификации украинцев в XIX в. далеко не заканчивается. Однако условия и механизмы ее развития, равно как и русско-украинских отношений вообще, в XX в. принципиально меняются. Революция 1905 г. начала тот крайне спрессованный процесс пришествия массовой политики, который уже в годы первой мировой войны и революции превратил проблемы классовой и национальной идентичности из предмета интереса узких групп интеллектуалов в достояние миллионов.

Военные события 1914—1920 гг.; первые опыты украинской государственности; захват власти большевиками;⁶ создание Украинской ССР; политика коренизации, в ходе которой ликвидация безграмотности на Украине проводилась на украинском языке; институционализация этническости в СССР; колективизация и связанный с ней организованный голод начала 30-х гг., страшнее всего удариивший именно по Украине; массовые репрессии против украинской культурной элиты в 30-е гг.; вторая мировая война и послевоенная реконструкция, вызвавшие новые перемещения десятков миллионов людей; противоречия послевоенного развития, когда одни украинцы сотнями отправлялись в лагеря по обвинению в буржуазном национализме, а другие составляли вместе с русскими костяк правившей империей номенклатуры; и, наконец, крах советского проекта в целом — все это уже совсем другая история. Трезвое изучение русско-украинских отношений в полном трагизма и противоречий XX в. сегодня только начинается.⁷

⁶ Этот момент очень важен, потому что означал исчезновение легитимного центра не только в глазах региональных элит, но и большей части русских образованных слоев. Нетрудно представить, как вели бы себя регионы Франции, удержанись надолго у власти Парижская коммуна.

⁷ Для заинтересованного читателя назову несколько публикаций, которые уже сегодня могут послужить хорошей отправной точкой для знакомства с этой темой. По-русски вышли за последнее время два сборника о русско-украинских отношениях: Миллер А. И., Репринцев В. Ф., Флоря Б. Н. (ред.) Россия—Украина: история взаимоотношений. М., 1997 (в нем выделю статью Марка фон Хагена «Русско-украинские отношения

Эти драматические повороты истории и создаваемые ими новые обстоятельства превратили проект большой русской нации в очевидный анахронизм. Постепенно взгляд на проблему, признававший особую украинскую идентичность, становится в России все более распространенным. Уже в 1905 г. Российская академия наук признала украинский самостоятельный развитым языком, а не наречием русского, как официально на тот момент считалось. После 1917 г. только в среде эмиграции некоторые упрямцы сохраняли приверженность концепции большой русской нации в ее чистом виде. Так, знаменитый В. В. Шульгин, сын того самого В. Я. Шульгина, который редактировал «Киевлянина» в 1870-е гг., в 1922 г. на вопрос, что будет, если отпавшие от Российской империи новые государства попросятся обратно, отвечал: «Тогда вместо федерации пожаловать их „широкой автономией“... Весьма приемлемая, настоящая национальная автономия. В то время как в этнографической России будут „областные“ автономии, ну, скажем, области: Петроградская, Московская, Киевская, Харьковская, Одесская — здесь будут области: Литовская, Латышская, Грузинская. Там будет, например, „*Киевская Областная Дума*“, а здесь „*Литовский Сейм*“. Там (например, в „Харьковской Областной Думе“) — председатель говорит *обязательно по-Русски*, а остальные — кто во что горазд, хоть по-„украински“, — а здесь, (например, в Латвии) председатель обязательно по-латышски, а остальные, если хотят, хоть по-русски».⁸

в первой половине XX в.»); Фурман Д. Е. (ред.) Украина и Россия: общества и государства. М., 1997. Также по-русски доступна сегодня книга Андрея Грациози «Большевики и крестьяне на Украине, 1918—1919 годы» (М., АИРО-XX, 1997.) Кроме того, отмечу следующие работы на английском: Hagen M. Does Ukraine Have a History? // Slavic Review, Fall, 1995; Szporluk R. The Russian Question and the Imperial Overextension // Karen Davisha and Bruce Parrot (eds.) The End of the Empire? The Transformation of the USSR in Comparative Perspective. Armonk, N. Y., 1997; Slezkine J. The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism // Slavic Review, 53, 2 (Summer 1994); Kaiser R. J. The Geography of Nationalism in Russia and the USSR. Princeton, N. J. 1994; Suny R. G. The Revenge of the Past. Nationalism, Revolution and the Collapse of the Soviet Union. Stanford, California, 1993. Также полезна для первоначального знакомства с темой изданная на немецком книга: Kappeler A. Kleine Geschichte der Ukraine. München, 1994.

⁸ Шульгин В. Нечто фантастическое. София, 1922. С. 26—27. (Цит. по: Горшков М. К. и др. (ред.) Несостоявшийся юбилей. Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия? М., 1992. С. 41.) Обширную подборку цитат других русских деятелей периода гражданской войны и эмиграции, показывающую, как переосмысливались отдельные элементы концепции большой русской нации, см. в: Potulnytskyi V. A. The Image of Ukraine and the Ukrainians in Russian Political Thought (1860—1945) // Acta Slavica Iaponiaca. Т. XVI. Sapporo, 1998. Р. 22—29. (К сожалению, Потульницкий

Однако большинство тех русских, которые признавали отдельную украинскую идентичность, будь то до краха Российской империи или после, не допускали создания отдельного от России украинского государства. «Естественное» развитие должно было, с их точки зрения, привести к добровольному федеративному союзу Украины и России. Украинскость в этом подходе уже не отрицалась как нечто противовероятное, лишенное оснований, а концепция объективного единства малороссов и великороссов сменялась идеей единства русских и украинцев, основанного на истории и воле. Как правило, эта воля виделась предопределенной, обусловленной своеобразными семейными узами. Теперь русское «идеальное Отечество» становилось «семейной собственностью», а отношения членов семьи и их иерархия определялись в категориях братства, где роль старшего принадлежала русским.

Эти взгляды, полуофициальные принятые в советское время, в превращенной форме дожили до сегодняшнего дня. А. И. Солженицын, например, в своем знаменитом эссе 1990 г. «Как нам обустроить Россию» считал вполне возможным, а в некоторых случаях и весьма желательным отделение Прибалтики, Кавказа и Средней Азии, но настаивал на сохранении единства России, Украины, Белоруссии и Северного Казахстана с преобладанием восточнославянского населения. Вспомним, как М. С. Горбачев накануне референдума о независимости Украины в своем обращении говорил, что не может представить Союз без Украины. Бряд ли он смог бы с той же искренностью и надеждой, что будет понят, сказать это в обращении к гражданам Таджикистана или Литвы. И снова проблема отнюдь не сводилась к размеру и ресурсам Украины. Уход Украины означал отвержение тех уз и ценностей, которые, казалось, должны были устоять после краха коммунизма, и потому этот уход был столь болезненно пережит в России, да и многими на Украине.⁹ Впрочем, вернее будет сказать, переживается. «Будем сохранять теплое чувство единого треславянского народа: «А вы, украинцы, как и белорусы, — все равно наши братья!» — это уже цитата из последней книги Солженицына.¹⁰ Рассказанная нами история проекта большой русской нации и его краха завершена, но отголоски тех идей и сюжетов в новых условиях, в новых формах хорошо различимы и сегодня.

плохо знает историю XIX в., и те разделы его статьи, которые посвящены этому периоду, изобилуют ошибками. Достаточно сказать, что автор несколько раз, став, вероятно, жертвой опечатки в какой-то из использованных им книг, ссылается на номера «Основы» за 1863 г. (см. р. 4), в то время как журнал перестал выходить в 1862 г.)

⁹ Анализ публикаций российской прессы об Украине после распада СССР см. в: Миллер А. Образ Украины и украинцев в российской прессе после распада СССР // Полис. 1996. № 2.

¹⁰ Солженицын А. И. Славянская трагедия. Труд-7. 1998. 29 мая. С. 5.

Приложение 1

*Циркуляр министра внутренних дел П. А. Валуева
Киевскому, Московскому и Петербургскому
цензурным комитетам от 18 июля 1863 г.¹*

Давно уже идут споры в нашей печати о возможности существования самостоятельной малороссийской литературы. Поводом к этим спорам служили произведения некоторых писателей, отличавшихся более или менее замечательным талантом или своею оригинальностью. В последнее время вопрос о малороссийской литературе получил иной характер вследствие обстоятельств чисто политических, не имеющих никакого отношения к интересам собственно литературным. Прежние произведения на малороссийском языке имели в виду лишь образованные классы Южной России, ныне же приверженцы малороссийской народности обратили свои виды на массу непросвещенную, и те из них, которые стремятся к осуществлению своих политических замыслов, принялись, под предлогом распространения грамотности и просвещения, за издание книг для первоначального чтения, букварей, грамматик, географий и т. п. В числе подобных деятелей находилось множество лиц, о преступных действиях которых производилось следственное дело в особой комиссии.

В С.-Петербурге даже собираются пожертвования для издания дешевых книг на южнорусском наречии. Многие из этих книг поступили уже на рассмотрение в С.-Петербургский цензурный комитет. Немалое число таких же книг представляется и в Киевский цензурный комитет. Сей последний в особенности затрудняется пропуском упомянутых изданий, имея в виду следующие обстоятельства: обучение во всех без изъятия училищах производится на общерусском языке и употребление в училищах малороссийского языка нигде не допущено; самый вопрос о пользе и возможности употребления в школах этого наречия не только не решен, но даже возбуждение этого вопроса принято большинством малороссиян с негодованием, часто высказывающимся в печати. Они весьма основательно доказывают, что никакого особенного малороссийского языка не было, нет и быть не может, и что

¹ Впервые опубликован М. К. Лемке в кн. «Эпоха цензурных реформ 1859—1865 гг.» (СПб., 1904). С. 302—304.

наречие их, употребляемое простонародием, есть тот же русский язык, только испорченный влиянием на него Польши; что общерусский язык так же понятен для малороссов, как и для великороссиян, и даже гораздо понятнее, чем теперь сочиняемый для них некоторыми малороссами, и в особенности поляками, так называемый украинский язык. Лиц того кружка, который усиливается доказывать противное, большинство самих малороссов упрекает в сепаратистских замыслах, враждебных к России и гибельных для Малороссии.

Явление это тем более прискорбно и заслуживает внимания, что оно совпадает с политическими замыслами поляков, и едва ли не им обязано своим происхождением, судя по рукописям, поступавшим в цензуру, и по тому, что большая часть малороссийских сочинений действительно поступает от поляков. Наконец, и киевский генерал-губернатор находит опасным и вредным выпуск в свет рассматриваемого ныне духовной цензурой перевода на малороссийский язык Нового Завета.

Принимая во внимание, с одной стороны, настоящее тревожное положение общества, волнуемого политическими событиями, а с другой стороны, имея в виду, что вопрос об обучении грамотности на местных наречиях не получил еще окончательного разрешения в законодательном порядке, министр внутренних дел признал необходимым, впредь до соглашения с министром народного просвещения, обер-прокурором Св. Синода и шефом жандармов относительно печатания книг на малороссийском языке, сделать по цензурному ведомству распоряжение, чтобы к печати дозволялись только такие произведения на этом языке, которые принадлежат к области изящной литературы; пропуск же книг на малороссийском языке как духовного содержания, так учебных и вообще назначаемых для первоначального чтения народа, приостановить. О распоряжении этом было повергаемо на высочайшее государя императора воззрение и Его Величеству благоугодно было удостоить оное монаршего одобрения.

Приложение 2

*Выводы Особого Совещания
для пресечения украинофильской пропаганды
после исправления в соответствии с замечаниями,
сделанными Александром II 18 мая в г. Эмс.¹*

В видах пресечения опасной в государственном отношении деятельности украинофилов, полагалось бы соответственным принять впредь до усмотрения следующие меры:

а) По Министерству внутренних дел.

1. Не допускать ввоза в пределы империи, без особого на то разрешения Главного Управления по делам печати, каких бы то ни было книг, издаваемых за границей на малорусском наречии.

2. Воспретить в империи печатание, на том же наречии, каких бы то ни было оригинальных произведений или переводов, за исключением исторических памятников, но с тем, чтобы и эти последние, если принадлежат к устной народной словесности (каковы песни, сказки, пословицы), издаваемы были без отступления от общерусской орографии (т. е. не печатались так называемой «кулишовкою»).

Примечание I. Мера эта была бы не более как расширением Высочайшего повеления от 3 июля 1863 года, коим разрешено было допускать к печати на малорусском наречии только произведения, принадлежащие к области изящной литературы, пропуски же книг на том же наречии, как духовного содержания, так учебных и вообще назначаемых для первоначального чтения, повелено было приостановить.

Примечание II. Сохраняя силу означенного выше Высочайшего повеления, можно было бы разрешить к печатанию на малорусском наречии, кроме исторических памятников, и произведения изящной словесности, но с тем, чтобы соблюдалась в них общерусская орфография, и чтобы разрешение давалось не иначе как по рассмотрению рукописей Главным управлением по делам печати.

В этом окончательном виде текст, известный в литературе как Эмский указ, стал основой для секретных инструкций соответствующим правительенным структурам. Впервые опубликован в кн.: Савченко Ф. Заборона українства 1876 р. (Харків; Київ, 1930, репринт — München, 1970.) С. 381—383.

3. Воспретить равномерно всякие на том же наречии сценические представления, тексты к нотам и публичные чтения (как имеющие в настоящее время характер украинофильских манифестаций).

4. Поддержать издающуюся в Галиции, в направлении, враждебном украинофильскому, газету «Слово», назначив ей хотя бы небольшую, но постоянную субсидию,² без которой она не может продолжать существование и должна будет прекратиться (украинофильский орган в Галиции, газета «Правда», враждебная вообще русским интересам, издается при значительном пособии от поляков).

5. Запретить газету «Киевский телеграф³ на том основании, что номинальный ее редактор Снежко-Блоцкий слеп на оба глаза и не может принимать никакого участия в редакции, которой заведуют постоянно и произвольно лица, приглашаемые к тому издательницею Гогоцкою из кружка людей, принадлежащих к самому неблагонамеренному направлению.

б) По Министерству народного просвещения.

6. Усилить надзор со стороны местного учебного начальства, чтобы не допускать в первоначальных училищах преподавания каких бы то ни было предметов на малорусском наречии.⁴

7. Очистить библиотеки всех низших и средних училищ в малороссийских губерниях от книг и книжек, воспрещаемых 2-м параграфом настоящего проекта.

8. Обратить серьезное внимание на личный состав преподавателей в учебных округах Харьковском, Киевском и Одесском, потребовав от попечителей сих округов именного списка преподавателей с отметкою о благонадежности каждого по отношению к украинофильским тенденциям, и отмеченных неблагонадежными или сомнительными перевести в великорусские губернии, заменив уроженцами этих последних.

9. На будущее время выбор лиц на преподавательские места в означенных округах возложить, по отношению к благонадежности сих лиц, на строгую ответственность представляющих о их назначении, с тем, чтобы ответственность, о которой говорится, существовала не только на бумаге, но и на деле.

Примечание I. Существуют два Высочайшие повеления покойного Государя Николая Павловича, не отмененные Верховной Властью, а потому сохраняющие и в настоящее время силу закона, которыми возлагалось на строжайшую ответственность Попечителей Округов и вообще учебного начальства, не терпеть в учебных заведениях лиц с неблагонадежным об-

² На полях приписано, вероятно, Потаповым: «1000 р. из сумм III жанд., в текст заключения не вводить, а только иметь в соображении».

³ На полях приписано: «в соображении вредное влияние газеты».

⁴ На полях приписано: «это не существенно».

разом мыслей не только между преподавателями, но и между учащимися. Полезно было бы напомнить о них.

Примечание II. Признавалось бы полезным принять за общее правило, чтобы в учебные заведения округов Харьковского, Киевского и Одесского назначать преподавателей преимущественно великоруссов, а малоруссов распределить по учебным заведениям С.-Петербургского, Казанского и Оренбургского округов.

10. Закрыть на неопределенный срок Киевский Отдел Императорского Географического Общества (подобно тому, как в 1860-х годах закрыт в этом последнем Политико-экономический Комитет, возникший в среде Статистического Отделения) и допустить затем открытие его вновь, с предоставлением местному генерал-губернатору права ходатайствовать о его открытии, но с устраниением навсегда тех лиц, которые сколько-нибудь сомнительны в своем чисто-русском направлении.⁵

в) По III Отделению Собственной Его Императорского Величества Канцелярии.

11. Немедленно выслать из края Драгоманова и Чубинского, как неисправимых и положительно опасных в крае агитаторов».⁶

⁵ На полях приписано: «предоставить М.В.Д. войти в надлеж. сношения с кем следует относительно изыскания мер к дал. направлению этого дела».

⁶ На полях приписано: «выслать из края с воспрещением въезда в южн. губ. и столицы, под секретное наблюдение».

Источники и литература

Архивные документы

Архив внешней политики Российской империи в Москве (АВПРИ)

ф. 133 (Канцелярия МИД), оп. 469, 1863 г. — ед. хр. 83; 1864 г. — ед. хр. 73; 1866 г. — ед. хр. 218, 219; оп. 470, 1877 г. — ед. хр. 113. ф. 135 (Секретный архив), оп. 467, ед. хр. 67.

ф. 155 (2-й (внешних сношений) департамент, 1 отд., 4 секретный стол) оп. 241, ед. хр. 1, 34; оп. 441, 1882 г. — ед. хр. 67, 74, 77; 1888 г. — ед. хр. 210.

Государственный архив Российской Федерации в Москве (ГАРФ)

ф. 1090 (Секретный архив), оп. 1, ед. хр. 1762—1771.

ф. 109 (1-я экспедиция III отделения), оп. 37, ед. хр. 230, ч. 38; оп. 38, ед. хр. 23 (ч. 175, ч. 313); оп. 50, ед. хр. 85

ф. 569 (Лорис-Меликова М. Т.), оп. 1, ед. хр. 16, 24, 26.

ф. 583 (Половцова А. А.) оп. 1, ед. хр. 15—20, 60, 61, 72.

Отдел Рукописей Российской Государственной библиотеки в Москве (ОР РГБ)

ф. 120 (Каткова М. Н.), картон 1, ед. хр. 37, 57, 68; к. 2, ед. хр. 29; к. 43, ед. хр. 18; к. 46, 47, 55, ед. хр. 5.

ф. 169 (Д. Милютина), к. 14, ед. хр. 2, 3; к. 42, ед. хр. 5, к. 59, ед. хр. 32.

ф. 265 (Самариных), к. 82, ед. хр. 2

ф. 418 (Маслова В. П.), к. 1, ед. хр. 15.

Рукописный отдел Российской Национальной библиотеки в Санкт-Петербурге (РО РНБ)

ф. 208 (Головнина А.В.), ед. хр. 105

ф. 600 (Половцова А. А.), ед. хр. 606, 608.

ф. 385 (Костомарова Н. И.), ед. хр. 13.

Российский Государственный Исторический архив в Санкт-Петербурге (РГИА)

ф. 733 (Департамент народного просвещения МНП), оп. 193 (1863 г.), ед. хр. 86.

ф. 772 (Главное управление цензуры МНП), оп. 1, ч. 1, ед. хр. 188, оп. 1, ч. 2, ед. хр. 3165, 3210, 3263, 4027, 4152, 4503, 4840, 4950, 5049, 5536, 5603, 5722.

ф. 775 (Центральное управление по цензурному ведомству МВД), оп. 1, 1863 г. — ед. хр. 188, 205, 322, 332.

ф. 776 (Главное управление по делам печати) оп. 11, ед. хр. 61, 61а; оп. 11, 2 отд., 1872 г. — ед. хр. 35, 84; 1873 г. — ед. хр. 38; 1876 г. — ед. хр. 59, 61а, 61б; 1877 г. — ед. хр. 81; оп. 20; 1880 г. — ед. хр. 28.

ф. 908 (Валуева П. А.), оп. 1., ед. хр. 109, 132, 174, 182, 185, 234.

ф. 932 (Дондукова-Корсакова А. М.), оп. 1., ед. хр. 160.

ф. 1281 (Канцелярия министра внутренних дел), оп. 1, ед. хр. 166.

ф. 1282 (Канцелярия министра внутренних дел), оп. 1, ед. хр. 19, 160, 162, 166, 352, 374.

ф. 797 (Канцелярия Обер-Прокурора Святейшего Синода), оп. 29, 1 отд., 2 стол, ед. хр. 158; оп. 53, 2 отд., 3 стол, ед. хр. 21.

Цитированные периодические издания рассматриваемого периода

Вестник Европы

Вестник Юго-Западной и Западной России

Голос

День

Журнал Министерства народного просвещения

Кievлянин

Киевский телеграф

Колокол

Московские ведомости

Основа

Отечественные записки

Правда (Львов)

Русская беседа

Русский архив

Русский инвалид

Русское богатство

Санкт-Петербургские ведомости

Северная пчела

Сион

Современная летопись «Русского вестника»

Современник

Северная пчела

Цитированные опубликованные источники и литература

Аксаков И. С. Сочинения. Т. 3. Польский вопрос и западно-русское дело. Еврейский вопрос. 1860—1886. СПб., 1900.

Ананич Б. В. (ред.) Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб., 1996.

Апанович Е. М. Рукописная светская книга XVIII в. на Украине // Исторические сборники. Киев, 1983.

Багалей Д. И. Опыт истории Харьковского университета. Т. 1—2. Харьков, 1893—1904.

Бакунин М. А. Русским, польским и всем славянским друзьям // Колокол. Февраль. 1862. Приложение к № 122, 123.

Белинский В. Г. ПСС. Т. 5, М., 1954; Т. 7. М., 1955.

Бен-Ами. Мои сношения с Драгомановым и работа в «Вольном слове» // Еврейская старина. Пг., 1915. № 3—4.

Бернштейн М. Д. Журнал «Основа» і український літературний процес кінця 50—60-х років XIX ст. Київ, 1959.

Бобрович М. Мирослав Грох: формирование наций и национальные движения малых народов // А. Миллер (ред.). Национализм и формирование наций. Теории — модели — концепции. М., 1994.

Бородін В. С. Т. Г. Шевченко и царская цензура. Київ, 1969.

Бунин И. А. Из «Великого дурмана» // И. А. Бунин. Окаянные дни. Воспоминания. Статьи. М., 1990.

Бухбіндер Н. Лист М. Костомарова до І. П. Корнілова. // За сто літ. 1930. № 6. Харьків; Київ.

Валуев П. А. Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел. Т. 1, 2. М., 1961.

Валуев П. А. Дневник 1877—1884 гг. Пг., 1919.

Венелин Ю. Спор между южанами и северянами по поводу их россизма // ЧОИДР. № 3. М., 1847.

Витте С. Ю. Избранные воспоминания. М.: Мысль, 1991.

Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991.

Геллнер Э. Пришествие национализма. Миры нации и класса // Путь. 1992. № 1.

Герцен А. И. ПСС / Под ред. М. К. Лемке. Т. XVI. Пг., 1920.

Головнин А. В. Записки для немногих // Вопросы истории. 1997. № 6.

Горецкий П. И. История украинской лексикографии. Киев, 1963.

Горизонтов Л. Е. Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше. М., 1999.

Горшков М. К. и др. (ред.) Несостоявшийся юбилей. Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия? М., 1992.

Грабович Г. Шевченко як міфотворець. Семантика символів у творчости поета. Київ, 1991.

Грациози А. Большевики и крестьяне на Украине, 1918—1919 годы. М.: АИРО-XX, 1997.

Грушевский М. Очерк истории украинского народа. СПб., 1904.

Грушевський М. Звичайна схема «русскої» історії й справа раціонального укладу історії східного слов'янства. СПб., 1904.

Грушевський М. Україна і Галичина // Літературно-науковий вістник. XXXVI. 1906.

Гуревич П. Дело о распространении малороссийской пропаганды // Былое. 1907. № 7.

Дей О. І. Книга і друкарство на Україні з 60-х років XIX ст. до Великого Жовтня // П. М. Попов (ред.). Книга і друкарство на Україні. Київ, 1964.

Дзюба О. Українці в культурному житті Росії (XVIII ст.): причини міграції // Миллер А., Репринцев В., Флоря Б. (ред.). Россия—Украина: история взаимоотношений. М., 1997.

Дорошкевич О. Листи М. П. Драгоманова до О. М. Пипіна // За сто літ. 1927. № 3. Харків; Київ.

Драгоманов М. П. Автобіографія // Былое. 1906. Июнь.

Драгоманов М. П. Виране. Київ: Либідь, 1991.

Драгоманів М. Шевченко, українофілий соціалізм. Львів, 1906. (Первое издание — Т. 4 женевской «Громады», 1878.)

Дудко В. Полтавська Громада початку 1860-х рр. у листах Дмитра Пильчикова до Василя Білозерського // Київська старовина. 1998. № 2.

Душенко К. В. Из истории польской буржуазной общественной мысли. Варшавский позитивизм. 1866—1886. Канд. диссертация. М., 1977.

Дякин В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX в.) // Вопросы истории. 1995. № 9.

Зайончковский П. А. Кирилло-Мефодиевское общество (1846—1847). М., 1959.

Зайончковский П. А. Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880 годов. М., 1964.

Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия (Политическая реакция 80-х — начала 90-х годов). М., 1970.

Замечания, до Малой России принадлежащие // ЧОИДР. 1848. № 2. М.

Заславський Д., Романченко І. Михайло Драгоманов. Життя і літературно-дослідницька діяльність. Київ, 1964.

История Русов или Малой России. Сочинение Георгия Конисского, архиепископа Белорусского. ЧОИДР. 1846. № 1—4. М.

Камоско Л. В. Политика правительства в области среднего образования в 60—70-е гг. XIX в. (гимназии, реальные училища). Автореферат канд. дисс. М., 1970.

Каппелер А. Мазепинцы, малороссы, хохлы: украинцы в этнической иерархии Российской империи // А. Миллер, Б. Флоря, В. Репринцев (ред.). Россия—Украина: история взаимоотношений. М., 1997.

Катков М. Н. 1863 год. Собрание статей, по польскому вопросу, помещавшихся в Московских Ведомостях, Русском Вестнике и Современной Летописи. Выпуск 1. М., 1887.

Катков М. Н. Собрание передовых статей «Московских ведомостей». 1865 г. М., 1897.

Кілька записок М. І. Костомарова з 1859—1870 років // Україна. 1929. № 10—11.

Ковалевский П. И. Национализм и национальное воспитание в России. Нью-Йорк, 1922. (Перепечатка с 3-го издания — СПб., 1912).

Коротеева В. В. Существуют ли общепризнанные истины о национализме? // Pro et Contra. Т. 2. (1997). № 3.

Корсаков А. Д. Воспоминания А. Д. Корсакова // Былое. 1906. № 9.

Костомаров Н. Автобиография // Н. И. Костомаров. Исторические произведения. Автобиография. 2-е изд. Киев, 1990.

Кошелев А. И. Записки А. И. Кошелева. М.: Изд. МГУ, 1991.

Лавровский П. А. Обзор замечательных особенностей наречия малорусского сравнительно с великорусским и другими славянскими наречиями // Журнал Министерства народного просвещения. 1859. Июнь.

Ламанский В. И. Национальности итальянская и славянская, в политическом и литературном отношении // Отечественные записки. 1864. Т. 157. № 11—12.

Лемке М. Эпоха цензурных реформ 1859—1865 гг. СПб., 1904.

Лисяк-Рудницький І. Історичні есе. Т. 1, 2. Київ, 1994.

Манхейм К. Консервативная мысль // К. Манхейм. Диагноз нашего времени. М., 1994.

Миллер А. (ред.). Национализм и формирование наций. Теории — модели — концепции. М., 1994.

Миллер А. Национализм как теоретическая проблема // Полис. 1995. № 6.

Миллер А. Образ России и русских в западноукраинской прессе // Полис. 1995. № 3.

Миллер А. Образ Украины и украинцев в российской прессе после распада СССР // Полис. 1996. № 2.

Миллер А. Внешний фактор в формировании национальной идентичности галицких русинов // Хаванова О. (ред.) Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика. М., 1997.

Миллер А. И., Репринцев В. Ф., Флоря Б. Н. (ред.) Россия—Украина: история взаимоотношений. М., 1997.

Миллер А. Россия и русификация Украины в XIX в. // Россия—Украина: история взаимоотношений. М., 1997.

Миллер А. Россия и Украина в XIX и начале XX в. — непредопределенная история // Украина и Россия: общества и государства. М., 1997.

Миллер А. Украина как национализирующееся государство // Pro et Contra. 1997. Весна.

Миллер А. О дискурсивной природе национализмов // Pro et Contra. Т. 2. (1997). № 4.

Миллер А. Ответ П. Канделю // Pro et Contra. Т. 3 (1998). № 3.

Миллер А. Украинофильство // Славяноведение. 1998. № 5.

Миллер А. Українські крестьяне, польські помешки, австрійський і руський імператор в Галичині 1872 р. // А. С. Стикалин (ред.). Центральна Європа в нове і новіше время. М., 1998.

Миллер А. Националізм і формування націй. Теоретичні дослідження 80—90-х років // Миллер А. И. (ред.). Нация и национализм. М.: ИНИОН, 1999.

Миллер И. С. «Служний час» і тактика руської революціонної партії в 1861—1863 рр. // Миллер И. С. Исследования по истории народов Центральной и Восточной Европы XIX в. М., 1980.

Милюков П. Н. Главные течения русской исторической мысли. СПб., 1913.

Миронов Б. Н. Соціальна історія Росії періоду імперії (XVIII—початок XIX в.). Т. 1, 2. СПб., 1999.

Міяковський В. Київська громада. (Із історії українського суспільного руху 60-х років.) // Летопись революції. 1924. № 4. Харків.

Міяковський В. Записка 1874 р. про український рух // Архівна справа. 1927. № 2—3.

Міяковський В. Юблей Цензурного Акту 1876 року. Київ, 1926. (Отиск з журналу «Бібліографічні Вісті». 1926. № 3, випущений окремою брошуру.)

Мойсеєнко В. Про одну спробу латинизації українського письма // «І» незалежний культурологічний часопис. 1997. Львів. № 9.

[*Науменко В.*] Найближчі відгуки указа 1876 р. про заборону українського письменства // Україна. 1907. Іюнь.

Науменко В. До історії указу 1876 року про заборону українського письменства. Україна. 1907. Май.

Неведенський С. Катков і його время. СПб., 1888.

Недоборовський З. Мої воспомінання // Київська старина. 1893. № 2.

Никитенко А. В. Дневник. Т. 2. Л., 1955.

Об отмене стеснений малорусского печатного слова. СПб., 1910.

Оржеховський И. В. Адміністрація і печать між двумя революційними ситуаціями (1866—1878 рр.). Горький, 1973.

Пантелеев Л. Ф. Воспоминания. М., 1958.

Перетць А. Е. Дневник А. Е. Перетца, 1880—1883. М.; Л.: Госиздат, 1927.

Петров Н. И. Очерки из истории украинской литературы. Київ, 1884.

Полещук Т. Російська громадськість та український культурно-національний рух кінця 50-х — початку 60-х років XIX століття // Вістник Львівського університету. Серія історична. Випуск 33. Львів, 1998.

Попов И. Из воспоминаний о Г. Н. Потанине // Голос минувшего. 1922. № 1.

Пыпин А. Н., Спасович В. Д. Очерк истории славянских литератур. СПб., 1865.

- Пыпин А. Н.* Российское библейское общество // Вестник Европы. 1868. № 8—12.
- Пыпин А. Н.* История русской этнографии. Т. 3. Этнография малорусская. СПб., 1891.
- Пыпин А. Н.* Религиозные движения при Александре I. СПб., 1911.
- Рейтблат А. И. (сост.) Видок Фиглярин. Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение. М., 1998.
- Русова С.* Мої спомини (1879—1915) // За сто літ. Т. 1. 1928.
- Рябінін-Скляревський О.* Київська Громада 1870-х років // Україна. 1927. Кн. 1/2.
- Савченко Ф.* Заборона українства 1876 р. Харків; Київ, 1930, репрінт — München, 1970.
- Савченко Ф.* Листи П. П. Чубинського до Я. П. Полонського (1860—1874) // За сто літ. 1930. № 6. Харків; Київ.
- Савченко Ф.* Українське науково-культурне самовизначення 1850—1876 р.р. // Україна. Січень-Лютий. 1929. Київ.
- Салтыков-Щедрин М. Е.* Дневник провинциала в Петербурге. М., 1986.
- Самарин А. Ю.* Распространение и читатель первых печатных книг по истории России (конец XVII—XVIII в.). М., 1998.
- Самарин Ю. Ф.* Из дневника, веденного Ю. Ф. Самариным в Киеве, в 1850 году // Русский архив. 1877. № 6.
- Самбук С. М.* Политика царизма в Белоруссии во второй половине XIX в. Минск, 1980.
- Середа О.* Місце Росії в дискусіях щодо національної ідентичності галицьких українців у 1860—1867 роках // Россия—Украина: история взаимоотношений. М., 1997.
- Смолин М. Б. (сост.)* Украинский сепаратизм в России. Идеология национального раскола. М., 1998.
- Солчаник Р.* Lex Jusephovicia 1876. З приводу 100-ліття заборони українства // Сучасність. 1976. № 5.
- Ф. И. Стеблий, М. М. Криль.* Галицкая матица во Львове // И. Лещиловская (ред.). Славянские матицы. XIX век. Т. 1. М., 1996.
- Столыпин П. А.* Речи в Государственной Думе и Государственном Совете 1906—1911. Сост. Ю. Г. Фельштинский. Телекс. Нью-Йорк, 1990.
- Студинський К.* Листи Драгоманова до Навроцького // За сто літ. 1927. № 1. Харків; Київ.
- Суворин А. С.* Дневник А. С. Суворина. М.; Пг., 1923.
- Татищев В. Н.* История Российской. Ч. 1. Л., 1962.
- Трубецкой Н. С.* История. Культура. Язык. Москва, 1995.
- Ульянов Н. И.* Происхождение украинского сепаратизма. М., 1996.
- Фабрикант Ник.* Краткий очерк из истории отношений русских цензурных законов к украинской литературе // Русская мысль. 1905. Кн. 3.

Феоктистов Е. М. Воспоминания. За кулисами политики и литературы 1848—1896. Ленинград: Прибой, 1929.

Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М., 1996.

Фурман Д., Буховец О. Парадоксы белорусского самосознания // Дружба народов. 1996. № 6.

Церашкович П. У. Беларусы. Энцыклапедыі Гісторы Беларусі. Мінск, 1993.

Частная переписка Г. П. Галагана. Письма П. А. Кулиша // Киевская старина. 1899. № 9.

Чернуха В. Г. Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. Л., 1978.

Чикаленко Е. Спохады (1861—1907). New York, 1955.

Шамрай А. (ред.) Харьковская школа романтиков. Т. 3. Харьков, 1930.

Шамрай А. Харьковские поэты 30—40-х гг. XIX ст. Харьков, 1930.

Шевелів Б. Петиції українських громад до петербурзького комітету грамотності з р. 1862 // За сто літ. 1928. № 3. Харьков; Київ.

Шип Н. А. Український національно-культурний рух в умовах антиукраїнської політики російського царизму // Сарбей В. Г. (ред.) Нариси з історії українського національного руху. Київ, 1994.

Шпорлюк Р. Украина: от периферии империи к суверенному государству // Фурман Д. Е. Украина и Россия: общества и государства. М., 1997.

Щеголев С. Н. Украинское движение как современный этап южно-русского сепаратизма. Киев, 1912.

Эпштейн М. Способы воздействия идеологического высказывания // Образ человека XX века. М.: ИНИОН, 1988.

Ястребов Ф. О. Революционные демократы на Украине: Вторая половина 50-х — начало 60-х годов XIX ст. Киев, 1960.

Ajzensztok J. Romantycy Ukrainscy a zagadnienia jednosci slowienskiej // Slavia Orientalis. 1973. № 3.

Anderson B. Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. Verso, London, 1991, 2nd ed.

Andriewsky O. The Politics of National Identity: The Ukrainian Question in Russia, 1904—1912. Ph.D. dissertation. Harvard, 1991.

Armstrong J. A. The Autonomy of Ethnic Identity: Historic Cleavages and Nationality Relations in the USSR // Alexander J. Motyl (ed.) Thinking Theoretically About Soviet Nationalities. History and Comparison in the Study of the USSR. Columbia Univ. Press, New York, 1992.

Balmuth D. Censorship in Russia, 1865—1905. University Press of America, Washington, 1979.

Batalden S. K. Printing the Bible in the Reign of Alexander I: Toward a Reinterpretation of the Imperial Russian Bible Society // Hosking G. A. (ed.) Macmillan Academic and Professional LTD. London, 1991.

Beauvois D. La bataille de la terre en Ukraine 1863—1914. Lille, P. U. L., 1994.

Beauvois D. Polacy na Ukraine, 1831—1863. Paryż, 1987.

Beauvois D. Walka o ziemię. 1863—1914. «Pogranicze», Sejny, 1996.

Bihl W. Aufgegangen in Grossreichen: Die Ukraine als österreichische und russische Provinz // Golchewski F. (Hrsg.) Geschichte der Ukraine. Gettingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 1993.

Brennan T. The National Longing for Form // Homi K. Bhabha (ed.) Nation and Narration. L., N. Y., 1990.

Brower D. Training the Nihilists. Education and Radicalism in Tsarist Russia. London, 1982.

Bush M. L. Rich Noble, Poor Noble. Manchester Univ. Press, Manchester & New York, 1988.

Bushkovich P. The Ukraine in Russian Culture 1790—1860: The Evidence of the Journals // Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas 39 (1991).

Chlebowczyk J. Procesy narodotwórcze we wschodniej Europie Środkowej w dobie kapitalizmu. PWN, Warszawa—Kraków, 1975.

Chlebowczyk J. On Small and Young Nations in Europe. Ossolineum, Wrocław, etc., 1980.

Chlebowczyk J. O prawie do bytu małych i młodych narodów. Kwestia narodowa i procesy narodotwórcze we wschodniej Europie Środkowej w dobie Kapitalizmu. Wyd. 2. Warszawa, 1983.

Colley L. Britons. Forging a Nation. 1707—1837. Yale Univ. Press, 1992.

Darendorf R. Society and Democracy in Germany. Greenwood Press, Westport, Conn., 1969.

Deutsch K. W. Nationalism and Social Communication: an Inquiry Into the Foundations of Nationality. Cambridge, Mass. 1953.

Dmytryshyn B. Introduction // Ф. Савченко. Заборона українства 1876 р. München, 1970.

Doroshenko D. A Survey of Ukrainian Historiography // The Annals of the Ukrainian Academy of Arts and Sciences in the United States. N. Y., 1957. Special issue, vol. 5—6.

During S. Literature — Nationalism's other? The case for revision // H. K. Bhabha (ed.) Nation and Narration. L., N. Y., 1990.

Eklof B. Russian Peasant Schools. Officialdom, Village Culture and Popular Pedagogy, 1861—1914. Un. of California Press, Berkeley, 1986.

Geyer D. Funktionen des russischen Nationalismus // Heinrich August Winkler (Hrsg.) Nationalismus. Konigstein, 1978.

Głębocki H. «Co zrobic z Polska», Kwestia polska w koncepcjach konserwatywnego nacjonalizmu Michaila Katkowa // Przegląd Wschodni, t. IV, z. 4, 1998. •

Greenfeld L. Nationalism. Five Roads to Modernity. Cambridge, Mass., 1992.

Guthier S. L. Ukrainian Cities during the Revolution and the Interwar Era // Ivan L. Rudnytsky (ed.). Rethinking Ukrainian History. Edmonton, 1981.

von Hagen M. Does Ukraine Have a History? // Slavic Review, Fall 1995.

Haimson L. H. The Problem of Social Identities in Early Twentieth Century Russia // Slavic Review. Vol. 47. № 1. Spring 1988.

Hall J. Nationalisms: Classified and Explained // Daedalus. Summer 1993.

Hann C. Intellectuals, Ethnic Groups and Nations: Two Late-twentieth-century Cases // Perival S. (ed.) Notions of Nationalism. CEU Press, Budapest, London, New York, 1995.

Hechter M. Internal Colonialism. The Celtic Fringe in British National Development. 1556—1966. Univ. of Calif. Press. Berkeley, 1975.

Herlihy P. Ukrainian Cities in the Nineteenth Century // Rudnytsky I. L. Rethinking Ukrainian History. Edmonton, 1981.

Himka J.-P. The Construction of Nationality in Galician Rus': Icarian Flights in Almost All Directions. Доклад на 3-м конгресе МАУ, август 1996 г.

Hobsbawm E. J. The Age of Revolution, Europe 1789—1948. London, 1962.

Hobsbawm E. J., Ranger T. (eds.) The Invention of Tradition. Cambridge, 1983.

Hobsbawm E. J. Nations and Nationalism Since 1780: Programme, Myth, Reality. N. Y., 1990.

Hosking G. Russia, People and Empire, 1552—1917. L., 1996.

Hroch M. Obrození malých evropských národů. Praha, 1971.

Hroch M. Social Preconditions of National Revival in Europe. Cambridge, 1985.

Kaiser R. J. The Geography of Nationalism in Russia and the USSR. Princeton, N. J., 1994.

Kappeler A. Einleitung // Kappeler A. (Hg.) Die Russen. Ihr Nationalbewusstsein in Geschichte und Gegenwart. Köln, 1990.

Kappeler A. Bemerkungen zur Nationalbildung der Russen // Kappeler A. (Hg.) Die Russen. Ihr Nationalbewusstsein in Geschichte und Gegenwart. Köln, 1990.

Kappeler A. Russland als Vielvolkerreich: Entstehung, Geschichte, Zerfall. München, C. H. Beck, 1992.

Kappeler A. The Ukrainians of the Russian Empire, 1860—1914 // Kappeler A. (ed.) Comparative Studies on Governments and Non-Dominant Ethnic Groups in Europe, 1850—1940. Vol. VI: The Formation of National Elites. New York Univ. Press, Dartmouth, 1992.

Kappeler A. Kleine Geschichte der Ukraine. München, 1994.

Kappeler A. Die ukrainische Nationalbewegung im Russischen Reich und in Galicien: Ein Vergleich // Heiner Timmermann (Hrsg.) Entwicklung der Nationalbewegungen in Europa 1850—1914. Berlin, 1998.

Kappeler A. Chochly und Kleinrussen: Die ukrainische ländische und städtische Diaspora in Russland vor 1917 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 45 (1997) H.1.

Keenan E. L. On Certain Mythical Beliefs and Russian Behaviors // Starr S. F. (ed.) The Legacy of History in Russia and the New States of Eurasia. Armonk, New York and London, 1994.

Keenan E. L. Muscovite Perceptions of Other East Slavs before 1654: An Agenda for Historians // Peter Potychny et al. (eds.) Ukraine and Russia in Their Historical Encounter. Edmonton, 1992

Kemiläinen A. Nationalism: Problems Concerning the Word, the Concept and the Classification. Jyväskylä, Kustantajat, 1964.

Kohn H. Nationalism: its meaning and history. Princeton, N. J., 1955.

Kohn H. The Idea of Nationalism. 2nd ed. N. Y., 1967.

Kohut Z. E. Russian Centralism and Ukrainian Autonomy. Imperial Absorption of the Hetmanate. 1760—1830's. Cambridge, Mass. 1988.

Kohut Z. E. The Ukrainian Elite in the Eighteenth Century and Its Integration into the Russian Nobility // Banac I., Bushkovich P. Nobility in Russia and Eastern Europe. New Haven, Slavica Publishers, 1983.

Kohut Z. E. History as a Battleground. Russian-Ukrainian Relations and Historical Consciousness in Contemporary Ukraine // Starr S. F. (ed.) The Legacy of History in Russia and the New States of Eurasia. Armonk, N. Y., London, Eng., 1994.

Kohut Z. E. The Question of Russian-Ukrainian Unity and Ukrainian Distinctiveness in Early Modern Ukrainian Thought and Culture // Peoples, Nations, Identities: The Russian-Ukrainian Encounter. (В печати.)

Kravchenko B. Social Change and National Consciousness in Twentieth-Century Ukraine. New York, 1985.

Laitin D. D., Petersen R., Slocum J. W. Language and the State: Russia and the Soviet Union in Comparative Perspective // Alexander J. Motyl (ed.). Thinking Theoretically About Soviet Nationalities. History and Comparison in the Study of the USSR. Columbia Univ. Press, New York, 1992.

Llobera J. R. The God of Modernity. The Development of Nationalism in Western Europe. Berg, Oxford UK, Providence, USA, 1994.

Luckyj G. Panteleimon Kulish: A Sketch of His Life and Times. Boulder, Col., 1983.

Mann M. Sources of Social Power. Volume Two: The Rise of Modern Nations and Classes, 1760—1914. Cambridge, 1993.

Magocsi P. R. The Ukrainian National Revival: A New Analytical Framework // Canadian Review of Studies in Nationalism. Vol. XVI. 1989. № 1—2.

von Mohrenschild D. Toward a United States of Russia. Plans and Projects of Federal Reconstruction of Russia in the Nineteenth Century. Rutherford, Madison, etc. Fairleigh Dickinson Univ. Press, 1981.

Nairn T. Scotland and Europe // Eley J. and Suny R. G. (eds.) Becoming National. A Reader. N. Y., Oxford, Oxf. Univ. Press, 1996.

Núñez H.-M. Historical Research on Regional and Peripheral Nationalism in Spain: a Reappraisal. EUI Working Paper ESC No. 92/6. Badia Fiesolana, San Domenico, 1992.

Pelech O. The State and the Ukrainian Triumvirate in the Russian Empire, 1831—1847 // Kravchenko B. (ed.) Ukrainian Past, Ukrainian Present. N. Y., 1993.

Plamenatz J. Two Types of Nationalism // Edward Kamenka. (ed.) Nationalism. The Nature and the Evolution of the Idea. London, 1976.

Potulnytskyi V. A. The Image of Ukraine and the Ukrainians in Russian Political Thought (1860—1945) // Acta Slavica Iaponica. T. XVI. Sapporo, 1998.

Problems of Terminology and Periodization in the Teaching of Ukrainian History. Round Table Discussion // Rudnytsky I. (ed.) Rethinking Ukrainian History. Edmonton, 1981.

Raeff M. The Russian Nobility in the Eighteenth and Nineteenth Centuries: Trends and Comparisons // Banac I., Bushkovich P. Nobility in Russia and Eastern Europe. New Haven, Slavica Publishers, 1983.

Reece J. E. The Bretons against France. Ethnic minority nationalism in twentieth century Britany. Chapel Hill, 1977.

Renner A. Russischer Nationalismus und Öffentlichkeit im Zarenreich. 1855—1875. (В печати.)

Rudnytsky I. Essays in Modern Ukrainian History. Edmonton, 1987.

Rudolph R. and Good D. (eds.) Nationalism and Empire. The Habsburg Monarchy and the Soviet Union. St. Martin Press, New York, 1992.

Rutherford A. Vissarion Belinskii and the Ukrainian National Question // Russian Review. Vol. 54. № 4. October 1995.

Salins P. Boundaries. The Making of France and Spain in the Pyrenees. Berkeley, Univ. of California Press, 1989.

Saunders D. Ukrainian Impact on Russian Culture 1750—1850. Edmonton, 1985.

Saunders D. Russia and Ukraine under Alexander II: The Valuev Edict of 1863 // International History Review 17 (1995).

Saunders D. Russia's Ukrainian Policy (1847—1905): A Demographic Approach // European History Quarterly 25 (1995).

Saunders D. Mikhail Katkov and Mykola Kostomarov: A Note on Petr Valuev's Anti-Ukrainian Edict of 1863 // Harvard Ukrainian Studies, 17, Nr. 3—4 (1996 for 1998).

Schnabel F. Federalism Preferable to a National State // Pflanze O. (ed.) The Unification of Germany, 1848—1871. Holt, Rinehart and Winston, N. Y., etc., 1968.

Serbyn R. The «Sion» — «Osnova» Controversy of 1861—1862 // Ukrainian-Jewish Relations in Historical Perspective. Edmonton, 1988.

Seton-Watson H. Nations and States. An Enquiry into the Origins of Nations and the Politics of Nationalism. Boulder, Colo., Westview Press, 1977.

Slezkine J. The USSR as a Communal Appartement, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism // Slavic Review. 53. 2 (Summer 1994).

Slocum J. W. Who and When, Were the *Inorodtsy*? The Evolution of the Category of «Aliens» in Imperial Russia // The Russian Review. April 1998.

Smith A. The Ethnic Origins of Nations. Oxford, 1986.

Smolitsch I. Geschichte der russischen Kirche. Teil 2 // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Bd. 45 (1991).

Smooth T. C. A Century of the Scottish People, 1830—1950. London, 1988.

Shevelov G. Y. Evolution of the Ukrainian Literary Language // Ivan L. Rudnytsky (ed.). Rethinking Ukrainian History. Edmonton, 1981.

Subtelny O. The Habsburg and Russian Empires: Some Comparisons and Contrasts // Teruyuki Hara and Kimitaka Matsuzato (eds.). Empire and Society. New Approaches to Russian History. Slavic Research Center, Hokkaido Univ., Sapporo, 1997.

Suny R. G. The Revenge of the Past. Nationalism, Revolution and the Collapse of the Soviet Union. Stanford, California, 1993.

Szporluk R. The Russian Question and the Imperial Overextension // Davisha K. and Parrot B. (eds.) The End of the Empire? The Transformation of the USSR in Comparative Perspective. Armonk, N. Y., L., 1997.

Śliwowska W. Petersburg i społeczeństwo rosyjskie wobec kwestii polskiej // Powstanie styczniowe. Wrzenie-Bunt — Europa — Wizje. Warszawa, 1991.

Tanty M. Kontakty rosyjskich komitetów słowiańskich ze słowianami z Austro-Węgier (1868—1875) // Kwartalnik Historyczny, 1964, N. 1

Thaden E. C. (ed.) Russification in the Baltic Provinces and Finland. Princeton, N. J., Princeton Univ. Press, 1981.

Thaden E. C. Russification in Tsarist Russia // Thaden E. C. with collaboration of Thaden M. F. Interpreting History: Collective Essays on Russia's Relations with Europe. New York, Boulder, 1990.

Thaden E. C. Conservative Nationalism in Nineteenth-Century Russia. Seattle, Univ. of Washington Press, 1964.

- Thompson E. P.* The Making of the English Working Class. London, 1963.
- Tilly Ch. (ed.)* The Formation of National States in Western Europe. Princeton, 1975.
- Velychenko S.* Where Tsarist Borderlands Undergoverned and Did it Matter? Conference paper.
- Velychenko S.* Empire Loyalism and Minority Nationalism in Great Britain and Imperial Russia, 1707 to 1914: Institutions, Laws, and Nationality in Scotland and Ukraine // Comparative Studies in Society and History. Vol 39. No. 3. July 1997.
- Verdery K.* Whither «Nation» and «Nationalism»? // Daedalus. Summer 1993.
- Viroli M.* For Love of Country. An Essay on Patriotism and Nationalism. Clarendon Press, Oxford, 1995.
- Wallerstein E.* Does India Exist? // Wallerstein E. Unthinking Social Science. The Limits of Nineteenth-century Paradigms. Cambridge, 1995.
- Weber E.* Peasants into Frenchmen. The Modernization of Rural France, 1870—1914. Stanford Univ. Press, Stanford Cal., 1976.
- Weeks Th. R.* Nation and State in Late Imperial Russia. Nationalism and Russification on the Western Frontier, 1863—1914. DeKald, Nothern Illinois Un. Press, 1996.
- Wendland V.* Die Russophilen in Galicien. Ukrainische Konservativen. (В печати).
- Witos W.* Moje wspomnienia. T. I. Paryż, 1964.
- Woroby P.* The Role of the City in Ukrainian History // Ivan L. Rudnytsky (ed.). Rethinking Ukrainian History. Edmonton, 1981.
- Yekelchyk S.* Creating a Sacred Place: The Ukrainofiles and Shevchenko's Tomb in Kaniv (1861—ca.1900) // Journal of Ukrainian Studies. Vol. 20, Nos. 1—2. (Summer—Winter 1995).
- Yekelchyk S.* Nationalisme ukrainien, bielorusse et slovaque // Mellon-Delson Ch. and Maslowski M. (eds.) L'Histoire des idées politiques centre-est européennes. Paris, 1998.
- Yekelchyk S.* The Body and National Myth: Motifs from the Ukrainian National Revival in the Nineteenth Century // Australian Slavonic and East European Studies Vol. 7. № 2. 1993.
- Yekelchyk S.* Nation's Clothes: The Construction of a National High Culture by the Ukrainian intelligentsia in the Russian Empire, 1860—1900. (В печати.)
- Zernack K.* Germans and Poles: Two cases of Nation-Building. In: Nation-Building in Central Europe. Ed. Hagen Schultze. Leamington Spa, Hamburg, New York, 1994.

Указатель имен¹

- Абаза Н. С.** 207, 215
Айзеншток И. Я. 120
Аксаков И. С. 110, 111, 114, 115, 120, 121, 125, 148, 149, 228
Аксаков С. Т. 72, 73, 75, 77, 123, 133
Аксенов В. 47
Албрранд В. И. 144
Александр I 101
Александр II 13, 63, 102, 103, 112, 114, 124, 126, 127, 135—137, 141, 145, 149, 150, 173, 178—181, 196, 206, 208, 219, 223, 227, 228, 230
Александр III 39, 224—226, 230
Алексеев Л. 220, 221
Алчевская К. 133
Алчевский А. К. 133
Андерсон Б. 9—13, 18, 20, 41, 81, 102,
Андреевски О. 8, 70
Анненков Н. Н. 98—103, 106, 109, 116, 124, 228
Анненков П. В. 59, 93, 99
Антонович В. Б. 79, 94, 97, 98, 156, 159—160, 166, 168, 171, 189, 209, 213
Антонович П. А. 160, 166, 167, 171, 172, 183, 186
Арсений, митрополит Киевский 66—68, 135
Армстронг Дж. 231
Аскерек А. 66
Аскоченский В. И. 93
Ахматов А. П. 103, 113, 149
- Бакунин М. А.** 86
Балмут Д. 186
Бальзак О. 58
Безак А. П. 150
Бекетов В. 64
Беленький Т. 184
Белинский В. Г. 28, 59—61, 72, 85, 218, 227
Белозерский Н. М. 55, 57, 76, 81, 132, 135, 194, 209

¹ Курсивом выделены фамилии исследователей, упоминаемые в тексте.

- Бельский 175, 176
Бернштейн М. Д. 81
 Бестужев-Рюмин К. И. 108
 Бибиков Д. Г. 57, 98, 156
 Билинский Н. 184
 Бисмарк О. Фон 23
 Бовуа Д. 65, 139
 Бодянский О. М. 53
 Борисов В. В. 165, 166, 211
 Брауншвейг Р. И. 78, 138
 Брэннан Т. 14
 Брук С. И. 193
 Булгарин Ф. В. 59
 Бунге Н. Х. 205
 Бунин И. А. 38, 39
 Бутков В. П. 69
 Бухбиндер Н. 7
Буховец О. 46
 Бушкович П. 59
- Вагилевич И.** 197
Валицкий А. 18
 Валлерстайн И. 20, 23, 42
 Валуев П. А. 77, 96, 98, 102, 103, 109, 111—120, 124, 131, 134, 138, 139, 141, 143—146, 148—150, 177, 179, 181, 196, 205, 207, 208, 224, 227
 Васильчиков И. И. 66, 98, 142, 143, 146
 Вебер М. 15
 Вебер Ю. 24, 25, 58
 Велепольский А. 175
 Величенко С. 26, 30, 196
 Вендланд В. 199, 202, 203
 Венелин Ю. 60, 61, 68, 227
Вердери К. 14, 15, 34
 Вестман В. И. 202
Викс Т. 46
 Вилуев 134
 Витос В. 44
 Витте С. Ю. 204
 Витте Ф. Ф. 146
 Вовк Ф. К. 157, 162
 Волков 58
 Воробый П. 192
 Воронцова-Дашкова В. Д. 195

- Воскобойников А. Н. 212, 213
 Вяземский П. П. 207, 224
- Габсбурги 27, 28, 234
 Гагарин П. П. 111
 Галаган Г. П. 71, 131, 157, 165, 166, 211, 212, 213
 Гатцук Н. 66
 Гацуцк А. А. 128, 132
 Гейер Д. 34
Геллнер Э. 9, 12, 16, 18
 Георгиевский А. И. 142, 151
 Гердер Й. 52
 Герцен А. И. 84, 86, 106, 112, 221, 228, 229
 Гессе Н. П. 69, 108, 184
 Гизель И. 31
 Гильфердинг А. О. 132
 Глазов В. Г. 152
 Глебов Л. 68
 Глембоцкий Х. 91
 Говорский К. А. 93, 114
 Гогенцоллерны 234
 Гогоцкая 167
 Гогоцкий С. С. 43, 73—75, 93, 94, 105, 168
 Голицин А. Ф. 129
 Голицин С. П. 112
 Головацкий Я. 197, 202
 Головнин А. В. 103, 111, 113, 116—119, 124, 127, 141—143, 145,
 146, 148—150, 205
 Голуховский А. 64, 188
 Гончаров И. А. 119, 120
 Горбачев М. С. 239
 Горчаков А. М. 101, 114, 200—202
 Грабовский М. 175
 Грановский Т. Н. 91
 Греч Н. И. 59
 Гречулевич В. В. 73, 94, 211
 Грибовский 98
 Григорьев А. А. 86
 Григорьев В. В. 184
Гринфельд Л. 11, 32, 33
 Гринченко Б. 133
 Грох М. 18, 106
 Грушевский М. С. 7, 8, 33, 47, 63, 197, 202
 Гулак А. 56
 Гутье С. 194

- Данилевский Г. П. 121
 Дарендорф Р. 15
 Дейч Л. Г. 221, 222
 Делянов И. Д. 213
 Деркач И. 66
 Дмитришин В. 7
 Добролюбов Н. И. 85—87,
 Дойч К. 13, 18
 Долгоруков В. А. 67, 75, 76, 96, 98—103, 106, 113, 119, 124, 127, 149
 Доленга-Ходаковский З. 53
 Дондуков-Корсаков А. М. 156, 157, 160, 166, 167, 169, 172, 173,
 177, 179, 182—184, 186, 195, 196, 204, 205, 208—211, 214, 215, 218,
 219, 224
 Донцов Д. 202
 Дорошенко Д. 84
 Достоевский Ф. М. 73
 Драгоманов М. П. 28, 29, 81, 87, 89, 130, 134, 137, 142, 146,
 153—162, 165, 168—171, 175, 178, 179, 181—183, 187, 189—191, 196,
 200, 202, 209, 212, 215—217, 221—223
 Дрентельн А. Р. 199
 Духиньский Ф. 54, 60
 Дюринг С. 15
- Житецкий И. 183
 Житецкий П. 80, 81, 171, 183, 184
 Жуковский Н. И. 223
- Зайончковский П. А. 56, 151
 Замойский А. 77
- Иаков (Миткевич), епископ Калужский 103
 Иванов А. 103—106, 114, 115, 145, 220
 Игнатьев Н. П. 224
 Ильницкий Л. В. 164
 Иосиф II 39
 Иречек Й. 64
- Кабузан В. М. 193
Kappeler A. 30, 34, 37, 38
 Каракозов Д. В. 149
 Карамзин Н. М. 32
 Катенин 194
 Катков М. Н. 28, 39, 40, 78, 90-92, 103, 106—111, 113, 114,
 117—124, 128, 136, 146, 148, 151, 177, 219
 Кауфман К. П. фон 188

- Каханов М. С. 204, 205, 207, 213, 214
Каховский В. И. 108
Качала С. 155
Кинан Э. Л. 32
Киреев А. А. 142
Кистяковский А. Ф. 190, 213
Ключевский В. О. 32
Когут З. Е. 51
Кон Х. 16, 29
Конисский А. Я. 77, 130, 174
Константин Николаевич, в. кн. 156, 179, 186, 230
Корф А. И. (И. Н.?) 126, 128, 129, 135—137, 140, 150
Косач (Драгоманова) О. 176
Косач П. А. 176, 183
Костомаров Н. И. 28, 40, 44, 48, 55, 57, 58, 63, 68, 79, 81-87, 90, 91, 93, 100, 106—108, 110, 111, 117—125, 127—129, 131, 132, 163, 175, 209, 216, 217, 219, 220
Котляревский А. А. 213
Котляревский И. П. 185, 231
Коцебу П. Е. 200
Кравченко Б. 46
Красовский А. А. 109
Кулжинский 100
Кулжинский И. 105
Кулиш П. А. 48, 55—58, 61, 63, 64, 66, 69, 71—77, 79, 84—89, 123, 127, 128, 131—135, 163, 175, 178, 209

Лавровский П. А. 59
Лазов 109
Лажечников 63
Ламанский В. И. 28, 92
Лебединцев П. Г. 93
Левицкий И. 161
Левченко М. М. 44
Лемке М. К. 96
Лизогуб Д. А. 223
Лобанов-Ростовский Н. А. 182, 183, 186
Лобера Дж. 27
Лободовский 175, 176
Лопатинский Л. 164
Лорис-Меликов М. Т. 147, 200, 202, 204, 205, 207, 213, 224
Лукашевич П. А. 53
Лысенко Н. В. 161, 171, 185, 206, 209
Лэйтн Д. 29
Людовик XIV 29

- Магочи Р. 42, 197
 Маков Л. С. 182, 199, 205
 Максимович М. А. 48, 52—55, 69—71, 91, 118, 155, 163, 212
 Мацкевич Д. 57
 Мезенцов Н. В. 126—131, 135, 146, 147
 Метлинский А. Л. 53
 Милюков П. Н. 32
 Милютин Д. А. 96—98, 100, 124, 145, 201, 202, 228
 Милютин Н. А. 132
 Мицкевич А. 56
Мияковский В. 7
 Морачевский Ф. С. 102, 103
 Муравьев М. Н. 112, 188
- Навроцкий В. 157
 Назимов В. И. 140
 Наполеон III 200
 Некрасов Н. А. 185
 Никитенко А. В. 119—122
 Николай I 56, 57, 62, 129, 147
 Николай II 11, 234
 Новиков Е. П. 199, 202
 Новицкий 109—111, 116
 Нос С. Д. 174
 Нуњес Х. 21
 Нэйрн Т. 16, 25, 203
- Оксман Ю. Т. 120
 Опатович С. 68
 Орлов А. Ф. 56, 129, 154
 Островский М. Н. 224
- Падура Ф. 54
 Паломацкий А. И. 215
 Пантелеев Л. Ф. 213
 Перфильев С. С. 182
 Петр I 217
 Пильчиков Д. 65, 69, 85
 Пирогов Н. И. 142, 162
 Пламенац Дж. 16
 Площанский Вен. 167, 199
 Победоносцев К. П. 173, 224, 229, 230
 Погодин М. П. 69—71, 91, 118, 198
 Половцов А. А. 94, 131, 144, 193, 204—206, 211—215, 223, 224

- Помяловский Н. Г. 108
Попов М. М. 57
Португалов В. 87
Посыет К. Н. 183
Потанин Г. Н. 130
Потапов А. Л. 167, 172—175, 180, 181, 183, 199, 230
Прицак О. 42
Пузыревский 167
Пуле М. Ф. де 217—219
Путятин Е. В. 67
Пушкин А. С. 72, 102
Пыпин А. Н. 54, 169, 170, 217
- Р**ай Й. 16
Разин С. 38
Рейтерн М. Х. 143
Ренненкампф М. 164, 167
Ригельман Н. А. 164, 167—169, 171, 199, 211
Ровинский П. А. 170
Романовы 11, 19, 28, 59
Рудницкий (Лысяк-Рудницкий) И. 29, 41, 42, 45, 54, 88, 153, 231
Рудченко И. Я. 160, 206, 207, 211—213
Рыльский Ф. 79, 97
Рюриковичи 31
- Сабуров А. А. 205
Савенко А. И. 22, 43
Савченко Ф. 7, 8, 155, 156, 173, 207
Салинс П. 19, 201, 203
Салтыков-Щедрин М. Е. 181, 196
Самарин А. Ю. 31
Самарин Ю. Ф. 60, 61, 131, 227
Саундерс Д. 8, 33, 96, 109, 117
Сербин Р. 89
Сетон-Уотсон Х. 11
Сиверс Б. Ф. 96, 97
Синегуб В. 108, 130
Смит Э. 12, 18
Сокальский Н. 89, 90
Солженицын А. И. 239
Соловьев С. М. 32
Солтык Р. 74
Сольский Д. М. 224
Срезневский И. И. 52

- Стадион Ф. 197
 Сталин И. В. 47
 Старицкий М. П. 164, 209
 Столыпин П. А. 140
 Стоянов А. И. 128
 Строганов С. Г. 57
 Стронин А. И. 129, 160
 Суворин А. С. 73
 Сысин Ф. 42
- Таден Э. 33, 39
 Татищев В. Н. 32
 Терещенко Н. 136
 Терещенко М. И. 136
 Терлецкий И. 54
 Тилли Ч. 18
 Тимашев А. Е. 148, 166, 167, 173, 179, 181, 182, 186, 230
 Толстой А. П. 66, 67
 Толстой Д. А. 142, 150, 151, 162, 166, 167, 173, 199, 202, 230
 Толстой Л. Н. 77
 Томпсон Э. П. 9
 Трейчке Г. фон 15
 Тройницкий А. 67—69
Трубецкой Н. С. 32
- Уваров С. С. 57, 58
 Ульянов Н. И. 22
 Ушинский К. Д. 146, 158
- Филарет, митрополит Московский** 101
Флоринский Т. Д. 22
 Фойгт 118
 Фотий, архимандрит 101, 102
 Фредерикс В. Б. 195
 Фуко М. 14
 Фурман Д. 46
- Хаген М. Фон** 21
 Хлебовчик Ю. 18, 19, 27, 231
 Хмельницкий Б. 38, 47, 195
 Хобсбаум Э. 18, 147
 Холл Дж. 17, 18
 Хомяков А. П. 61

- Цернак К. 23
Цертелев Н. А. 52, 53
Цехановский Э. В. 143
Чайковский М. 54
Черевин П. А. 94, 205
Черкасский В. А. 132
Чернышевский Н. Г. 28, 41, 82, 83, 86, 93, 106, 221, 229
Чертков М. И. 183, 187, 200, 204—208, 230
Чикаленко Е. 231
Чубинский П. П. 80, 94, 97, 130, 156, 157, 159, 161, 170, 175,
178, 179, 181—184, 188, 209
- Шашкевич М. 197
Шевелев Дж. 80
Шевченко Т. Г. 38, 54—57, 63, 66, 71, 79, 85, 86, 129, 135, 136,
154, 163, 176, 213
Шейковский К. 66
Ширинский-Шихматов А. П. 171, 172, 221
Шмит А. О. 166
Шмольер Г. фон 15
Шнабель Ф. 23
Шпорлюк Р. 30, 33, 106
Штакельберг Э. Г. 200, 201
Шувалов П. А. 148
Шульгин В. В. 238
Шульгин В. Я. 156, 161, 163—165, 238
- Щеголев С. Н. 22
- Юзефович М. В. 43, 74, 150, 155—157, 161—165, 167, 171—176,
178, 180, 188, 195, 199, 200, 205, 213
- Яворский М. 223
Яворский Я. 54
Ядринцев Н. М. 130
Яков II Стюарт 26
Ястребов Ф. О. 109
Ященко Л. 66

ИЛЛЮСТРАЦИИ

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО
государь императоръ
АЛЕКСАНДЪ НИКОЛАЕВИЧъ.

Дозволено Цензур. Москва, 13 Ноября 1868 г.

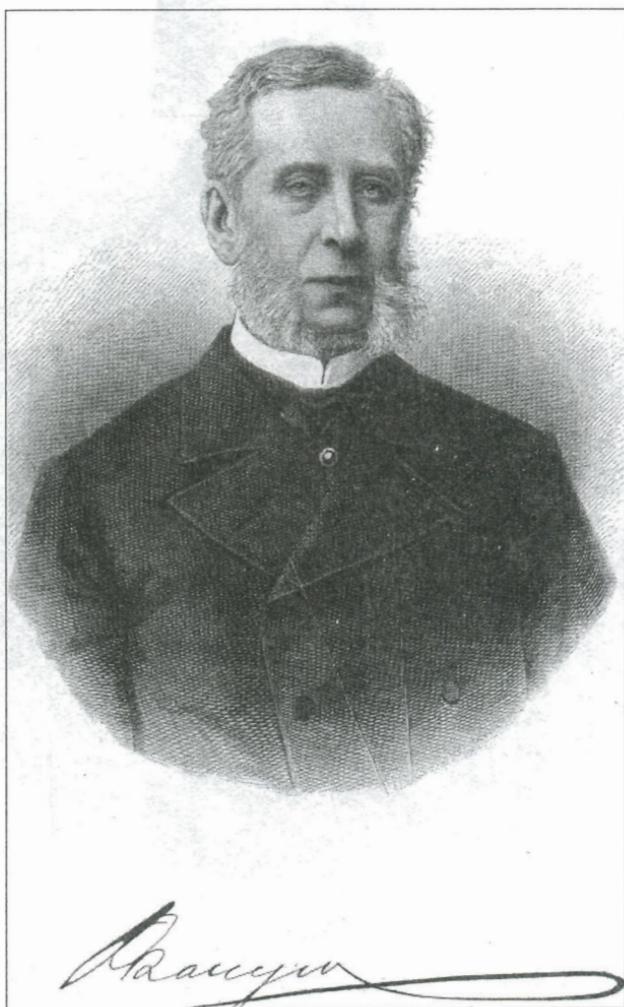
Леч. въ Лит: А. Руднева, на Никольской ул: въ Москве.

1. Александр II.

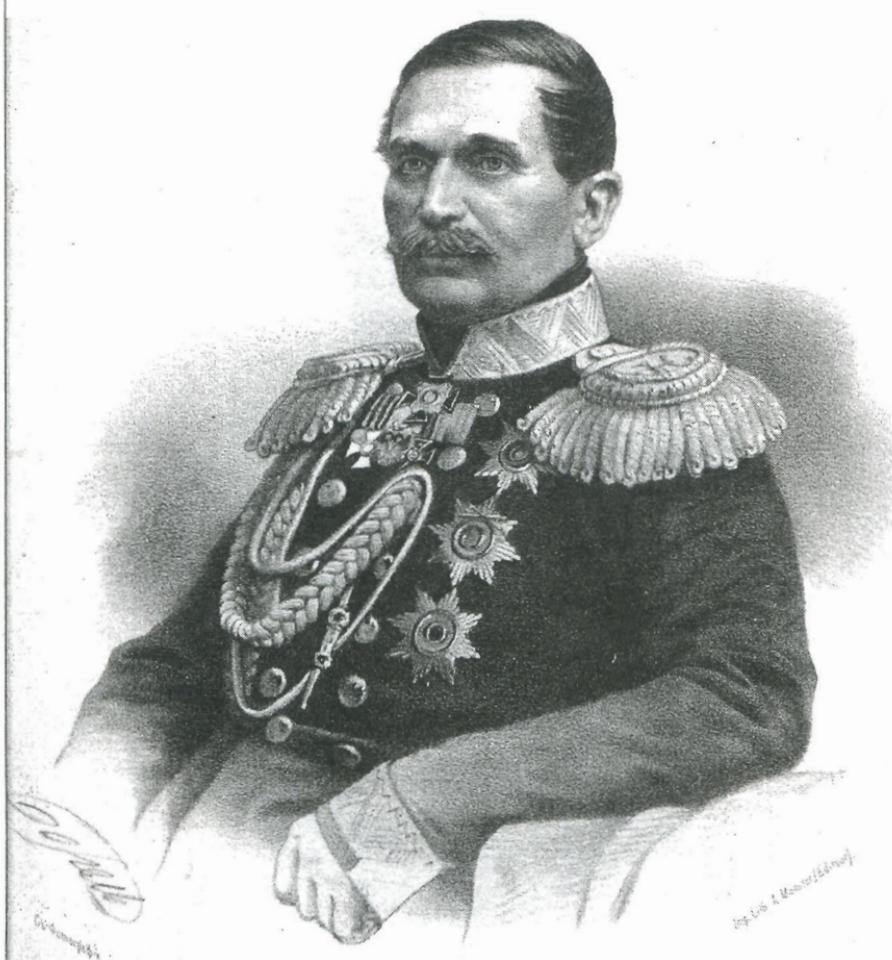
А. В. ГОЛОВНИНЪ.
Съ 1861 г. по 1866 г.

2. А. В. Головнин.

А. Валуев

3. П. А. Валуев.

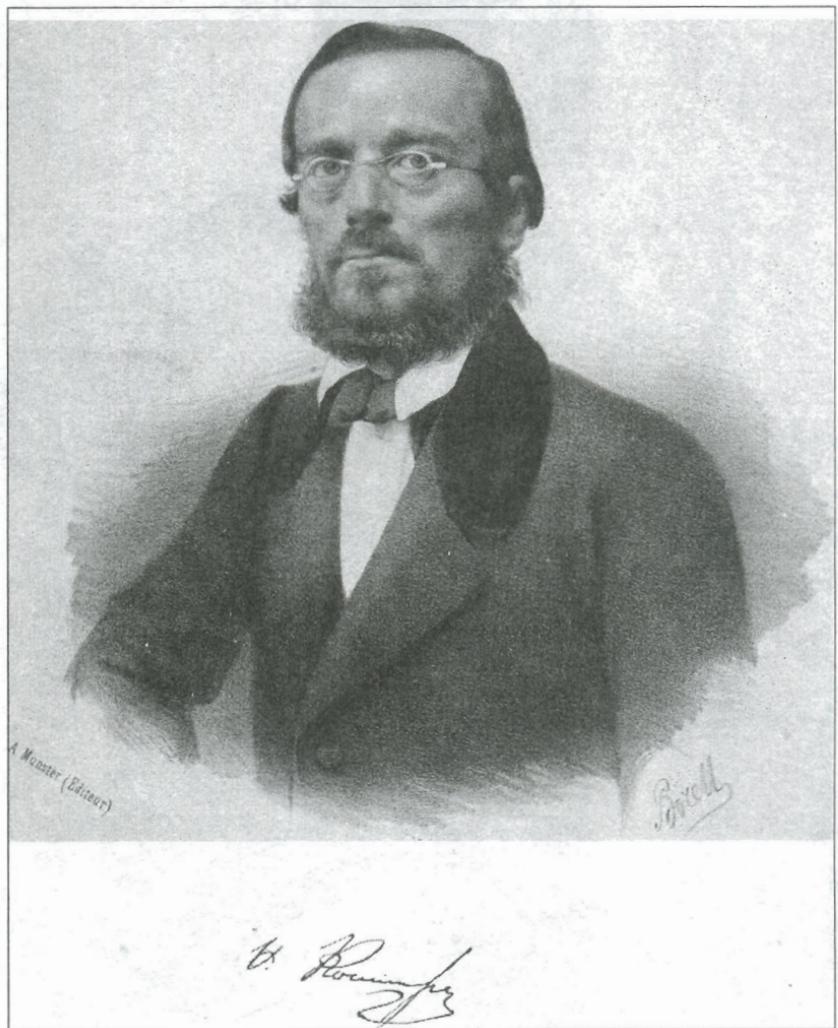
Лит. А. Манахина. С.П.б.

Князь Василий Долгоруков

PRINCE

B.DOLGOROUKOFF.

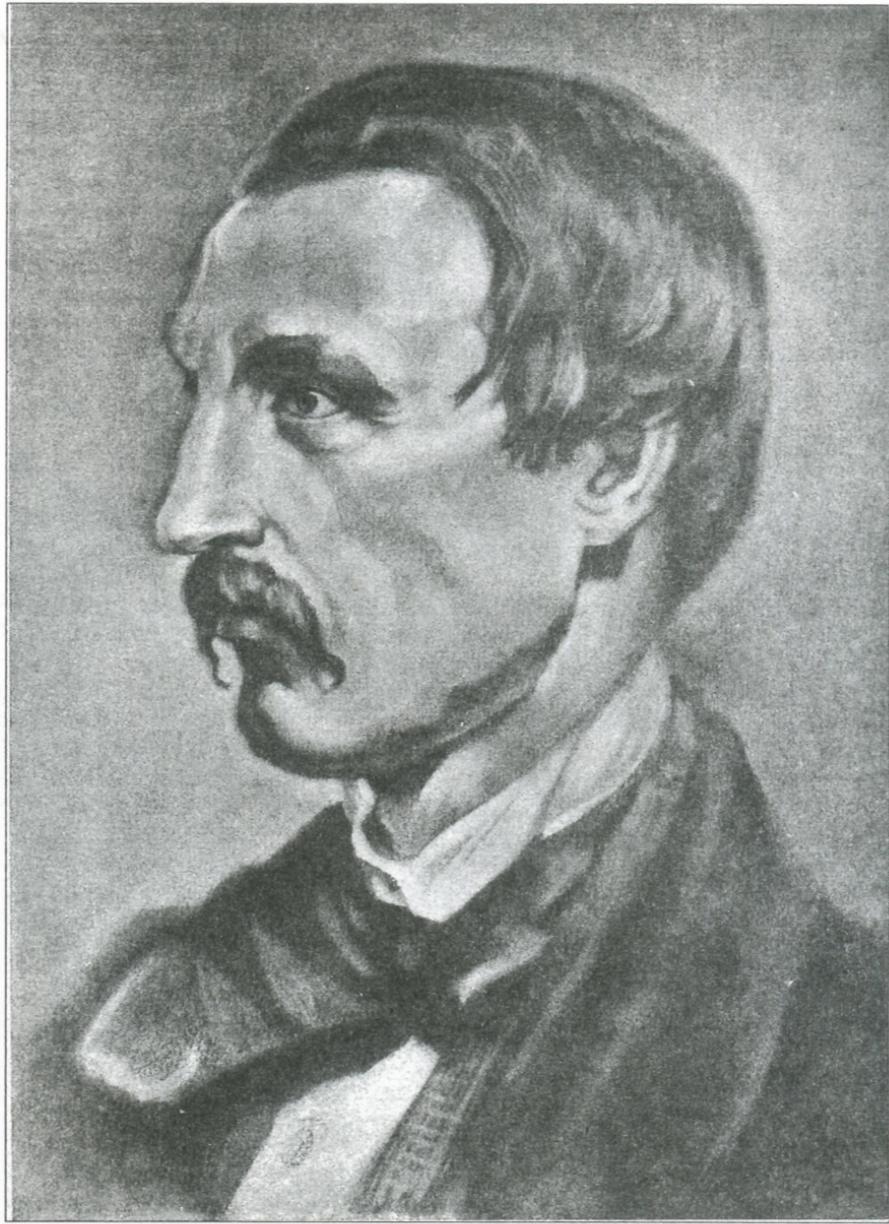
4. Василий Андреевич Долгоруков.

5. Н. И. Костомаров.

6. Т. Г. Шевченко.

7. П. А. Кулиш.

8. А. Л. Потапов.

9а. А. М. Дондуков-Корсаков.

ГЕНЕРАЛЪ-АДЪЮТАНТЪ,
КНЯЗЬ, АЛЕКСАНДРЪ МИХАЙЛОВИЧЪ
ДОНДУКОВЪ-КОРСАКОВЪ.

(Начальникъ Юго-Западнаго края)

Дозвол. Цензурою. 10 генваря, 1870 г. Киевъ. Типографія Сементовскаго.

Содержание

Введение	7
Теоретические принципы изучения национализма, важные для этой книги	8
Сравнительно-исторический контекст	20
Проект «большой русской нации»	31
О терминологии	41
Глава 1. Россия и украинофильство в первой половине XIX в. .	51
Глава 2. Первые годы царствования Александра II. «Скрытая» стадия активизации украинофильства	63
Глава 3. Активизация украинофильства в начале 60-х гг. «Основа» и русская пресса	76
Глава 4. Власти империи и украинофильство в 1862—1863 гг. Генезис Валуевского циркуляра	96
Глава 5. Реакция на циркуляр Валуева в правительственныех структурах и общественном мнении	116
Глава 6. Политика властей после Валуевского циркуляра	126
Глава 7. Планы властей по усилению русского ассимиляторского потенциала в Западном крае	138
Глава 8. Киевский период активизации украинофильства (1872— 1876 гг.)	153
Глава 9. Эмский указ	173
Глава 10. «Исполнение» Эмского указа	182
Глава 11. Последствия Эмского указа	187
Глава 12. Субсидия газете «Слово». Галицийские русины в поли- тике Петербурга	197
Глава 13. Кризис власти 1880—1881 гг. и попытка отмены Эмс- кого указа	204
Заключение	227
Приложение 1	240
Приложение 2	242
Источники и литература	245
Указатель имен	259

Директор издательства:

О. Л. Абышко

Главный редактор:

И. А. Савкин

Художественный редактор:

Н. И. Пашковская

Корректоры:

Н. П. Дралова,

Н. М. Баталова

Редактор:

Л. А. Абышко

Оригинал-макет:

Л. Г. Иванова

ИЛ № 064366 от 26. 12. 1995 г.

Издательство «Алтейя»:

193019, Санкт-Петербург, пр. Обуховской обороны, 13

Телефон издательства: (812) 567-2239

Факс: (812) 567-2253

E-mail: aletheia@spb.cityline.ru

Сдано в набор 21.12.1999. Подписано в печать 20.02.2000.

Формат 60×88/16. 18 п. л. Тираж 2000 экз. Заказ № 3091

Отпечатано с готовых диапозитивов

в Академической типографии «Наука» РАН

199034, Санкт-Петербург, 9 линия, д. 12

Printed in Russia

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЛЕТЕЙЯ»: НОВЫЕ КНИГИ О ГЛАВНОМ

Серия «АНТИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА»

В разделе «Литература»:

- Марк Валерий Марциал «Эпиграммы» (1994 г.);
- Ювенал «Сатиры» (1994 г.);
- «Античные поэты об искусстве» (1996 г.);
- Гигин «Поэтическая астрономия» (1997 г.);
- Катулл «Избранная лирика» (в новых переводах с параллельными текстами) (1997 г.; издание 2-е, исправленное — 1999 г.);
- «Древнегреческая элегия» (1997 г.).

В разделе «История»:

- Ксенофонт «Греческая история» (1993 г.) (2-е изд. — 1996 г.);
- Ариан Флавий «Поход Александра» (1993 г.);
- Геродиан «История императорской власти» (1995 г.);
- Аммиан Марцеллин «Римская история» (1994 г.) (2-е изд. — 1996 г.);
- Аппиан «Римские войны» (1995 г.);
- Секст Юлий Фронтин «Военные хитрости» (1996 г.);
- «Греческие полиоркетики. Вегетий: Краткое изложение военного дела» (1996 г.);
- Павсаний «Описание Эллады» в 2-х томах (1996 г.);
- Гигин «Мифы» (1997 г.);
- «Суд над Сократом» (сборник исторических свидетельств) (1997 г.);
- Нонн Панополитанский «Деяния Диониса» (1997 г.);
- Дарет Фригийский «Повесть о разрушении Трои» (с параллельными текстами) (1998 г.);

— Гай Светоний Транквилл «О жизни цезарей. О блестательных мужах» (1998 г.).

В разделе «Философия»:

- Ксенофонт «Сократические сочинения» (1993 г.);
- Плотин «Сочинения» (1995 г.).

В разделе «Исследования»:

- Вяч. Иванов «Дионис и прадионисийство» (1994 г.);
- В. С. Дуров «Нерон, или Актер на троне» (1994 г.);
- Е. В. Герцман «Музыка Древней Греции и Рима» (1995 г.);
- П. Гиро «Частная и общественная жизнь греков» (1995 г.);
- П. Гиро «Частная и общественная жизнь римлян» (1995 г.);
- А. С. Степанова «Философия древней Стои» (1995 г.);
- Ф. Ф. Зелинский «Из жизни идей» (1995 г.);
- Ф. Ф. Зелинский «Соперники христианства» (1995 г.);
- Ф. Ф. Зелинский «Возрожденцы» (1997 г., 2-е издание — 1999 г.);
- Ф. Ф. Зелинский «Древний мир и мы» (1997 г.);
- В. В. Латышев «Греческие древности». Часть 1 — «Государственные и военные древности», часть 2 — «Богослужебные и сценические древности» (1997 г.);
- М. Нильссон «Народная греческая религия»;
- М. В. Скржинская «Скифия глазами эллинов»;
- Т. Гомперц «Греческие мыслители» (в 2-х томах) (1999 г.);
- Р. Пёльман «Очерк греческой истории и историографии» (1999 г.);
- А. А. Тахо-Годи, А. Ф. Лосев «Греческая культура в мифах, символах и терминах» (1999 г.);
- «Ранняя греческая лирика» (1999 г.);
- Ф. Ф. Зелинский «Римская империя» (пер. с польского) (1999 г.);
- Д. О. Торшилов «Античная мифография: мифы и единство действия» (1999 г.).

В серии «Античная библиотека» готовятся к изданию многие новые книги, среди которых:

- А. О. Маковельский «Софисты»;
- «Античные мифографы» (полный корпус сочинений греческих и латинских авторов, под ред. М. Л. Гаспарова);
- Аппиан «Римская история» (новый перевод с обширными комментариями);
- Фюстель де Куланж «Афинская община»;
- А. Ф. Лосев «Античная философия истории»;
- «Эллинская культура»;
- Ф. Ф. Зелинский «Римская республика», «Аттические сказки»;
- «Римская элегия»;
- Лукиан «Сочинения» в 2-х томах (впервые полностью публикуются все тексты великого сатирика древности);
- «Ватиканские мифографы».

Эти и некоторые другие книги выйдут уже в этом году.

Серия «ВИЗАНТИЙСКАЯ БИБЛИОТЕКА»

В разделе «Источники»:

- Анна Комнина «Алексиада» (1996 г.);
- Иордан «О происхождении и действиях гетов (Гетика)» (1997 г.);
- Иоанн Кантакузин «Диалог с иудеем» (перевод с греческого);
- Прокопий Кесарийский «Война с вандалами. Война с персами. Тайная история» (перевод с древнегреческого, издание 2-е, исправленное и дополненное);
- Евагрий Схоластик «Церковная история»;
- Олимпиодор Фиванский «История» (с параллельным греческим текстом).

В разделе «Исследования»:

- Ю. А. Кулаковский «История Византии» в 3-х томах (1996 г., готовится новое издание);
- Е. В. Герцман «В поисках песнопений греческой церкви. Преосвященный Порфирий Успенский и его коллекция греческих музыкальных рукописей»;
- А. П. Рудаков «Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии»;
- И. П. Медведев «Византийский гуманизм»;
- Г. Г. Литаврин «Как жили византийцы»;
- Г. Г. Литаврин «Византийский лечебник XIVв.»;
- А. А. Чекалова «Константинополь в VI в. Восстание Ника»;
- А. П. Каждан «Византийская культура»;
- М. В. Бибиков «Византийская историческая проза»;
- И. В. Кривушин «Ранневизантийская церковная историография»;
- А. П. Лебедев «Духовенство древней Вселенской Церкви от времен апостольских до X века»;
- А. П. Лебедев «Очерки внутренней истории византийско-восточной Церкви в IX, X и XI веках»;
- А. П. Лебедев «Исторические очерки состояния Византийско-восточной Церкви от конца XI до середины XV века (От начала Крестовых походов до падения Константинополя в 1453 г.)»;
- А. П. Лебедев «История разделения Церквей»;
- А. П. Каждан, Г. Г. Литаврин «Византия и южные славяне»;
- А. А. Васильев «История Византийской империи» в 2-х томах;
- Я. Н. Любарский «Византийские историки и писатели»;
- Г. Г. Литаврин «Византия и славяне»;
- «Византия между Востоком и Западом»;
- В. П. Буданова «Готы в эпоху Великого переселения народов».

Издание «Византийской библиотеки» на сегодня является приоритетной задачей издательства, поэтому и планы выпуска новых книг

здесь наиболее обширны. В наших ближайших планах выпуск в свет следующих уже подготовленных для печати книг:

- Михаил Псевл «Хронография. Малые исторические сочинения»;
 - «Советы и рассказы Кекавмена»;
 - Константин Багрянородный «Об управлении империей»;
 - С. П. Карпов «Трапезундская империя»;
 - М. В. Бибиков «Византия, Русь, славяне»;
 - М. В. Бибиков «Византийские источники по истории Древней Руси»;
 - Прокопий Кесарийский «Война с готами (перевод с древнегреческого, издание 2-е, исправленное и дополненное);
 - Е. Ч. Скржинская «Византия, Италия, Русь»
- и многие другие книги.

Из внесерийных изданий наиболее заслуживают внимания: первое издание на русском языке сочинений великого французского мыслителя Жозефа де Местра в 3-х томах («Размышления о Франции», «О папе», «Санкт-Петербургские вечера»); полное собрание лирики В. В. Иванова в 3-х томах, подготовленное сотрудниками Пушкинского Дома; полное собрание сочинений Г. Адамовича; «Курс русской истории» в 4-х книгах замечательного русского историка Е. Ф. Шмурло; первая публикация на русском языке итоговой книги Ж.-П. Сартра «Идиот в семье» (перевод с французского, в 4-х томах) и многие, многие другие книги.

Издательство приглашает к сотрудничеству авторов, переводчиков, редакторов.

Телефон редакции: (812) 567–2239,

fax: (812) 567–2253

E-mail: aletheia@spb.cityline.ru

Пишите нам по адресу: Санкт-Петербург,
пр. Обуховской обороны, 13, издательство «Алетея»

Для получения книг почтой заказы направляйте по адресу:

199034: Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9.

Издательство Санкт-Петербургского университета,
отдел «Книга — почтой»

факс (812) 218–4422, тел. (812) 218–7763,
а также заказав их через отдел «Книга — почтой»

Санкт-Петербургского Дома Книги,
прислав заказы по адресу:

191186, Санкт-Петербург, Невский пр., 28

inlav